

SLAVE 17727 = 8°

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Сибирское отделение
Институт истории, филологии и философии

В. А. АВРОРИН

МАТЕРИАЛЫ ПО НАНАЙСКОМУ ЯЗЫКУ И ФОЛЬКЛОРУ

Ответственный редактор
С. Н. Оненко

688 400

g 75395

Ленинград
Издательство „Наука“
Ленинградское отделение
1986

Рецензенты:

Н.Н. ГУРИНА, А.В. ДЕСНИЦКАЯ, М.Д. СИМОНОВ

UNIVERSITÉS DE PARIS
BIBLIOTHÈQUE DE LA SORBONNE
15, RUE DE LA SORBONNE - 75277 PARIS CEDEX 05
TEL. (01 46 36 39 27) - FAX. (01 46 36 39 44)

408921

Inv.

SIGB

Sib11

SU

Cote

1154268116

A 4602010000-632 340-86-I © Издательство „Наука“, 1986 г.
042(02)-86

Е.П. Лебедева

О ФОЛЬКЛОРЕ НАНАЙЦЕВ

Образцы устного народного творчества нанайцев (или нанай; прежнее название: гольды) были впервые опубликованы в 1896 г. В течение этого года вышли в свет записи миссионера Прокопия Протодяконова,¹ сказка героического содержания, записанная Д. Кропоткиным,² и материалы по нанайскому шаманству, собранные П.П. Шимкевичем.³ В 1897 г. П.П. Шимкевич напечатал свою вторую работу, в которую тоже были включены образцы нанайского фольклора.⁴ В 1916 и 1919 гг. И.А. Лопатин опубликовал несколько сказок.⁵

Собиранием и исследованием фольклора нанайцев занималась М.А. Каплан. На основании значительного фольклорного материала, собранного ею во время экспедиции 1940–1941 гг. в Нанайский район Хабаровского края, М.А. Каплан написала кандидатскую диссертацию.⁶ К сожалению, кроме автореферата диссертации, других публикаций не последовало из-за преждевременной смерти исследовательницы.

Обзор собирательской работы и печатных публикаций по нанайскому фольклору, вышедших в свет до 1960 г., сделан А.П. Путинцевой.⁷ Она же опубликовала образцы нанайских загадок.⁸

Пять фольклорных текстов на нанайском языке с русским переводом включены О.П. Суником как языковой иллюстративный материал в его исследование кур-урмийского диалекта нанайского языка.⁹

Устному творчеству уссурийских нанайцев посвятила специальную статью Л.И. Сем.¹⁰

Уссурийские нанайцы в XVIII–XIX вв. заселяли всю долину реки Уссури и нижние течения многих ее притоков. В настоящее время нанайские поселения сосредоточены по притоку Уссури реке Бикин. В течение ряда лет, начиная с 1954 г., эту группу нанайцев исследовали в языковом и этнографическом отношении научные сотрудники филиала им. В.Л. Комарова Сибирского отделения АН СССР Л.И. Сем и Ю.А. Сем. В результате этой работы было собрано более шестидесяти образцов устного творчества уссурийских нанайцев. Статья Л.И. Сем представляет собой первоначальное описание собранного ею фольклорного материала; в статье излагается содержание наиболее интересных произведений, характеризуются действующие в них персонажи, художественные приемы, присущие разным жанрам.

Позднее Л.И. Сем, в приложении к исследованию диалекта нанайцев, живущих ныне в селениях по р. Бикин, опубликовала из своего собрания четыре сказки, две песни и восемнадцать загадок на бикинском диалекте с русским переводом.¹¹

Историко-этнографическое исследование некоторых нанайских, ульчских и ороочских фольклорных произведений находим в статье Ю.А. Сема.¹² Статья фиксирует внимание читателей на отражении в фольклоре народов Приамурья и Приморья различных сторон их социальной жизни: на родовом делении, взаимоотношениях родов, их прежнем расселении и на многих других ценных историко-этнографических сведениях, которые сейчас можно почерпнуть только из фольклора.

Сам В.А. Аврорин из своего собрания опубликовал только один образец нанайского фольклора эпического жанра – нингман „О со- роковом брате и жене его еноте“.¹³

В последнее время исследованием нанайского фольклора стал заниматься Н.Б. Киле. Им опубликованы три статьи. В одной из них он рассматривает жанры нанайского фольклора. Кроме перечисленных выше жанров, выделяемых предшествующими авторами, он, как и Л.И. Сем, в особый жанр выделяет шаманские песнопения. Л.И. Сем называет этот жанр на диалекте уссурийских нанайцев саман имгани, Н.Б. Киле называет их тремя нанайскими терминами: яян, нингма, кукуэн.¹⁴

Другие статьи Н.Б. Киле посвящены этническим связям нанайцев, получившим отражение в фольклоре,¹⁵ и специфике фольклорного языка.¹⁶

Собираением нанайского фольклора занимались многие исследователи нанайской культуры и языка. К сожалению, эти материалы большей частью остались в личных архивах собирателей и лишь немногие попали в государственные архивы. Об этих распыленных и почти никому не известных материалах ныне покойная З.Н. Куприянова частично собрала сведения, но не успела их опубликовать.

Кроме научных публикаций, нанайский фольклор в переработанном и адаптированном виде вошел в учебную и детскую художественную литературу на нанайском и русском языках. Нанайские писатели и поэты в своих произведениях широко используют фольклорное богатство своего народа.

Для того чтобы читатель мог себе представить роль фольклора в жизни нанайского народа, постараемся собрать воедино свидетельства о его бытовании, которые можно найти в этнографической литературе, а также в полевых записях В.А. Аврорина.

И.А. Лопатин в своей монографии о гольдах в разделе, посвященном устному творчеству, пишет: „Гольды весьма любят свои сказки и былины и всегда с восхищением, любопытством слушают их. Талантливые рассказчики пользуются широкой популярностью на большом пространстве. Гольды знают таких рассказчиков по всей своей земле, и каждый горит нетерпеливым желанием послушать хорошего сказочника. Иногда гольды едут на большое расстояние, чтобы погостить у своего знакомого или родственника и по-

слушать его сказок. Если же гольд будет где-нибудь в пути и ему придется проезжать недалеко от такого стойбища, где живет известный сказочник, то он ни за что не проедет мимо, а непременно остановится и проживет несколько дней, пока вдоволь не наслушается его сказок. Если же в компании охотников, остановившихся на привал, или в общей юрте, или вообще среди путешествующих гольдов найдется хороший сказочник, то такой гольд освобождается от всякой хозяйственной работы; его товарищи и спутники сделают за него все: и распрягут и накормят собак, и натаскают дров, и вскипятят котел и т.д. На зато вечером они обступят его и потребуют сказок. Нередко случается, что среди такой компании найдутся два рассказчика. В таком случае оба они пользуются уважением своих земляков. У них происходит нечто вроде состязания. При этом интересно то, что каждый из рассказчиков старается превзойти соперника в сложности приключений героя и длине самой сказки“.¹⁷

Известный исследователь этнографии народов Приамурья Л.Я. Штернберг, описывая похоронный обряд нанайцев, сообщает, что, предав земле тело покойного, в его доме собираются родственники и соседи, „сидят всю ночь, поют, плачут, сказки рассказывают, поют песни“.¹⁸

Согласно религиозным представлениям нанайцев, после погребения в течение нескольких лет (иногда до пяти) душа покойного живет на земле, после чего ее отправляют в буни (мир мертвых). Проводы души в мир мертвых – сложный и дорогостоящий обряд, называемый каса. Церемония проводов представляет собой театрализованное действо, изображающее все этапы странствия души покойного в мир мертвых вместе с провожающим ее туда шаманом. Обряд включает шаманские песнопения, формулы-просьбы, обращенные к божествам и душе усопшего, рассказывание мифов о загробном мире и о первых шаманах, нашедших путь туда для душ умерших.

Следует оговориться, что некоторые термины, специфические для нанайского фольклора или быта нанай в прежнее время, часто употребляемые в текстах и оставленные в них без перевода, при этом не получившие толкования во вступительной статье, объяснены в Словаре (после перевода текстов); такие термины, употребляемые единично, толкуются в комментариях к переводу каждого текста.

В тетради № 2, относящейся к экспедиции В.А. Аврорина в 1948 г. в Нанайский р-н Хабаровского края, имеется запись, сделанная со слов диктора А.А. Пассара. Приводим ее полностью.

„Сказителями могут быть как мужчины так и женщины (обычно пожилые). Специального обучения сказителей нет. Все слушают, а наиболее способные люди все запоминают. Тэлунгу обычно рассказывают в помещении. Рассказывающий сидит или лежит на своем месте в доме. Рассказывать тэлунгу берутся очень немногие, только те, кто хорошо все помнит. Поэтому тэлунгу рассказывают значительно реже, чем нингманы. Нингманы же знают все. Тэлунгу чаще всего рассказывают детям. Взрослые хорошо знают их содержание, и им неинтересно. Нингманы рассказывают только

поздно вечером или ночью, при скоплении людей на рыбалке, когда ложатся спать, в зимовье на охоте, на сборе ягод во время но-
чевок.

В каждом селении есть люди, которые лучше всех рассказыва-
ют нингманы и тэлунгу. Одни лучше знают тэлунгу, другие – нинг-
маны. Эти люди умеют увлеченно и понятно рассказывать те про-
изведения, которые они помнят. Так, на Анюе в селении Сира луч-
ший рассказчик Онингка Боракта, в Даде – Онингка Куню, в Джа-
ри – Гейкер Корпа, в Муху – Бельды Ванчо (Илья), в Найхине –
Бельды Петр. Лучшие рассказчики – мужчины. Среди женщин хоро-
шие сказительницы редки.

Хорового пения раньше не было совсем, оно развилось под влия-
нием школы и национальной литературы. Особенно высока в этом
роль нанайского поэта Акима Самара".

В тетради № 4, также относящейся к экспедиции В.А. Аврори-
на 1948 г., есть еще одна запись, характеризующая некоторые
стороны бытования нанайского фольклора. Она сделана от Сергея
Гавриловича Киле (нанайское имя – Полокто), который был одним
из главных дикторов В.А. Аврорина. Вот что рассказал С.Г. Киле.

"Я узнавал нингманы от старшего брата своей матери во время
охоты. Хорошим сказителем является тот, кто рассказывает все
по порядку, не путает и ничего не пропускает. Плохой сказитель
имен не называет, не именует ни мергенов, ни слуг, никаких под-
робностей не рассказывает, знает только скелет нингмана или тэ-
лунгу. При рассказывании запинаясь. В Хого хорошим сказителем
был Онингка Акиану, хотя и немного заикался. В Даде – Онингка
Куню. И нингманы, и тэлунгу рассказывают больше зимой, когда
ночи длинные и меньше работы. Когда рассказывают тэлунгу, все
сидят тихо, но можно переспрашивать. Допускаются одобрительные
и другие восклицания, хотя это бывает редко. Когда рассказывает-
ся нингман, сидят так же тихо, но можно смеяться. Во время рас-
сказывания нингмана через некоторые промежутки времени (через
3–5 минут) один из слушателей говорит: "Кэ-э!" Это может быть
один и тот же человек или несколько лиц по очереди. Этим вос-
кликанием слушатели как бы дают знать рассказчику, что они слу-
шают и не заснули. (Последнее существенно, так как рассказыва-
ние происходит ночью). Когда нужно прогнать чертей, рассказыва-
ют нингманы про чертей. Чтобы усмирить северный ветер, расска-
зывают нингман про северный ветер. Этот нингман должны расска-
зывать тихие и спокойные люди. Сердитый и нервный человек этот
нингман рассказать не сможет, а только еще больше будет сер-
диться.

Больше всего нингманы рассказывают по вечерам на охоте или
рыбной ловле. Во время охоты загадок не загадывают, шуточных
рассказов не рассказывают. Начинающие охотники из сказок учат-
ся промыслу, поскольку в них описываются способы охоты и дру-
гие подробности охотничьего быта. Вечером распределяются обязан-
ности: кто стрелы для самострела (тип ловушки на зверя) строга-
ет, кто тетиву для них вьет, кто еще что-нибудь делает, а один из

охотников рассказывает нингман. Добавляют от себя в нингманах
редко, но это не возбраняется. Иногда рассказчик в основу нинг-
мана кладет свой сон. Это обычно делали шаманы. Раньше стари-
ки говорили, что если кто-либо из охотников знает нингманы, но
отказывается их рассказывать, то такой охотник ничего не убьет,
а тот, кто рассказывает, добудет много. Поэтому обычно никто не
отказывался, даже если плохо умел рассказывать. Сейчас этого
уже нет. Нингман рассказывать можно всегда, даже когда кто-ли-
бо умер.

Женщинам запрещалось играть на дучиэкэ, муэне и конкай (на-
найские музыкальные инструменты). Бывали такие женщины, кото-
рые с детства выучивались играть на музыкальных инструментах,
но это считалось грехом. Говорили, что такие женщины будут не-
счастливы жить, так как звуки этих инструментов как бы подража-
ют плачу. Женщинам запрещалось петь в присутствии мужчин".

М.А. Каплан, делаясь впечатлениями о своей фольклорной экспе-
диции, сообщила мне, что рассказыванием нингманов во время
охотничьего промысла занимались не только мужчины, но и женщи-
ны. Сидя дома, они целыми ночами не спали и рассказывали нинг-
маны для того, чтобы у мужчин был удачный промысел. Вера в
магическое влияние рассказывания фольклорных произведений на
успех охотничьего промысла в прошлом существовала у многих на-
родов Сибири. Этой особенности бытования фольклора посвящена
специальная статья Д.К. Зеленина.¹⁹

Относительно состава нанайского фольклора высказывались все,
что-либо публиковавшие по этому поводу. При этом жанры нанай-
ского фольклора обычно соотносились с жанрами фольклора русско-
го. Классификация, созданная носителями фольклора, как правило,
не совпадает с той, которую обычно приносят фольклористы, при-
выкшие к традиционной русской номенклатуре. Видимость совпаде-
ния обычно создается благодаря переводу национальных терминов
на русский язык. Особенно часто различные национальные термины
переводятся словом "сказка". Термин "сказка" часто употребле-
тся для разнообразных по содержанию, форме и социальной значи-
мости произведений. Нанайский термин нигмэ, обычно переводимый
словом "сказка", в этом смысле не представляет исключения.

Крупнейшие исследователи языков, этнографии и фольклора на-
родов Севера В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг при описании фольк-
лорных жанров впервые обратились к тем классификациям видов
устного творчества, которые создали сами его носители. В.Г. Бо-
горазом была описана классификация фольклорных жанров, создан-
ная чукчами,²⁰ а Л.Я. Штернберг проанализировал нивхскую (ги-
лякскую) классификацию.²¹

Понять логику мышления самих носителей фольклора, создавших
те или иные классификации, – дело очень трудное, но актуальное
для фольклористической науки.

В.А. Аврорин записал от А.А. Пассара нижеследующее высказы-
вание по поводу состава и значения жанров нанайского фольклора.

Нанайцы различают следующие виды своего устного творчества: тэлунгу, нингмā, сиохор, гисурэ, дяри, чангалā, намбока и модака. Тэлунгу нанайцы считают былью, они передаются от отца к сыну, из поколения в поколение. В основе нингмана тоже лежит быль, но к ней добавляются фантастические события, много фокусов и превращений. Сيوخоры – это сказки, заимствованные от маньчжуров, русских или каких-нибудь других народов. Гисурэн – рассказ о себе или каком-либо другом живом человеке. Если рассказчик или тот, о ком рассказывается, умрет, то рассказ может превратиться в тэлунгу.

Дярин – нанайская песня; чангалан – песни других народов на чужом, не нанайском, языке. Намбокан – загадки, модакан – скороговорки, но большей частью смешные. Есть особые песни дяри нингмани. Они раньше составляли часть нингманов, в которых наряду с повествованием были песни – обращения. Обычно их пели герои нингмана, обращаясь к героине – пуди; поют в нингманах и слуги, и собака, когда ей трудно и она обращается к своему хозяину. В тэлунгу никаких песенных вставок не бывает. Специальных названий тэлунгу тоже не имеет. У нингманов же в большинстве случаев есть названия. Во всех нингманах животные – это люди в обличье животных. В конце повествования каждое животное, героем нингмана, становится человеком. Исключения составляют детские нингманы, в них звери – медведь, лисица, цапля, карась, собака, заяц, ворона – не становятся людьми. Но это только в детских сказках".

Запись, сделанная от А.А. Пассара, формулирует взгляд современного образованного нанайца на жанры родного фольклора. Она является, пожалуй, наиболее полным высказыванием по этому вопросу. Некоторые дополнительные штрихи к информации А.А. Пассара можно извлечь из работ И.А. Лопатина, А.Н. Липского, М.А. Каплан, А.М. Золотарева, Л.Я. Штернберга. И.А. Лопатин в конце монографии "Гольды" сообщает некоторые свои наблюдения, касающиеся жанров нанайского фольклора. "На первом месте, – пишет он, – из всех видов устной поэзии нужно поставить мифы о божествах, а вслед за этим произведения богатырского эпоса". Далее автор пишет о мужских и женских сказках, мужских и женских песнях-импровизациях, а также о загадках.²²

А.Н. Липский в работе, посвященной религиозным взглядам нанайцев, повествует о существовании у них этиологических рассказов о происхождении необычных камней, скал, горных хребтов, рек, пересказывает содержание некоторых произведений этого вида. Помещено одно обращение к сэвэну (духу – покровителю охоты). Упоминается о большом числе рассказов о злых духах, о шаманах, крадущих людские души, о борьбе между шаманами различных родов. Очень ценны сведения, сообщаемые А.Н. Липским, об отношении к животным у нанайцев еще в начале нашего века. Эти сведения позволяют думать, что в то время все так называемые сказки о животных имели значение мифов, регулирующих отношения между миром животных и человеком. "Лисице-сулаки в

гольдских сказаниях, – пишет А.Н. Липский, – приписываются человеческие особенности в большей степени, чем какому бы то ни было другому животному. За набег на ее дом лиса может зло отомстить человеку, и, наоборот, за постоянное доброе с ее семьей обращение лиса может оказать человеку множество самых неожиданных услуг. Но и без этого очень часто лиса принимает живое участие в судьбе человека, особенно в случаях его борьбы с буссэу – злой силой. Желая, например, укрыть человека от преследований буссэу, лиса прячет его в корень своего зуба или превращает его в шерстинку и скрывает в массе шерсти, покрывающей ее тело на груди или на брюхе, на хвосте или среди шерстинок ее усов, иногда она прячет человека себе в когти". И далее: "Хорек в гольдских сказках обладает такими же свойствами, что и лиса". Автор так завершает свои наблюдения: "Всеми названными способностями гольдские сказки наделяют белку, и горностаю, и лягушку. О лисице, хорьке, белке, зайце, крысе, мыши, орле и ястребе гольты говорят, что они обладают свойствами всевозможных превращений, их не может убить даже гром".²³

Магические свойства приписывались не только самим животным, но и их костям. Кости животных могли оказывать влияние на рельеф местности, на глубину реки и т.п. "Заяц, например, – продолжает А.Н. Липский, – живет по песчаным пологим берегам реки (по "пескам"), поросшим тальником. Поэтому если бросать в реку кости зайца, в этом месте обязательно образуется песчаная отмель. Барсук, кабан, медведь роют норы или ямы в земле, поэтому если бросать их черепа в воду, река будет в этом месте углубляться".²⁴ Подобные представления служили основанием для магических обрядов, совершавшихся нанайцами, которые жили по рекам Кур и Урми.

М.А. Каплан в своей диссертации по поводу состава нанайского фольклора пишет: "Сами нанай различают несколько видов устного народного творчества: нингман – сказки, тэлунгу – предания, сонгон – плачи, дярин – песни, намбокан – загадки, сيوخор, осмысленные нанай как сказки с заимствованными сюжетами".²⁵ Перечень жанров у М.А. Каплан включает сонгон – плачи, не упоминаемые ни одним из прочих исследователей. Диссертация М.А. Каплан посвящена двум жанрам: тэлунгу и нингманам, которые она считает основными для нанайского фольклора.

Л.Я. Штернберг записал содержание некоторых нанайских мифов (он называл их легендами). Особенно интересовал его миф о происхождении нанайского рода Чжаксор. Этот миф он связывал с легендарным народом Ха, постоянно фигурирующим в фольклоре нанайцев, а народ Ха, в свою очередь, с Сакачи-Алянскими писанинами и распространенным по всему Амуру мифом о трех солнцах.²⁶

Миф о трех солнцах Л.Я. Штернберг записал в двух вариантах. В первом два солнца из трех убивает мифический герой Хадо (у орочей – Хадау), во втором – первый человек из рода Чжаксор.

Старики, представители этого рода, сообщили Л.Я. Штернбергу, что их предки пришли с низовьев Амура. Жили они на берегу моря на о. Сахалине, потом некоторое время на Амуре под г. Мариинском. Когда они пришли на средний Амур, там нанайцев еще не было. Чжаксоры были первыми шаманами и первыми чжангинами (старейшинами общин). „Гольды ставят в связь, — пишет Л.Я. Штернберг, — свою легенду о Ха с тем народом, от которого они получили свое шаманство, т.е., как мы увидим дальше, по моему предположению, с дахурами“.²⁷

Я.П. Кошкин, написавший предисловие к книге Л.Я. Штернберга, полагал, что народ Ха — дючеры.²⁸ Дауры и дючеры жили на Амуре, занимая там значительные территории до середины ХУП века.

Согласно мифу, записанному Л.Я. Штернбергом, предок нанайского рода Чжаксор родился из березового дерева, его вскормили птицы. Звали этого мальчика Хадо. Вокруг дерева, где родился Хадо, собралось много народа, который назывался Ха. Срубили дерево и достали мальчика. „Хозяин“ народа Ха стал его воспитывать, но сколько мальчика ни кормили, он совсем не рос. Тогда „хозяин“ рассердился и бросил его в ограду к свиньям. Когда он пришел посмотреть, думая, что ребенок умер, то увидел, что он, напротив, растет, причем сосет молоко свиньи. После этого „хозяин“ народа Ха велел его бросить к лошадям, но и лошади покровительствовали ему. Хадо вырос в конюшне. Когда он вырос, стал тайно сожительствовать с дочерью „хозяина“ Мямелди. У Хадо и Мямелди родился сын Зулчу. В дальнейшем Хадо становится великим шаманом, убивает два солнца (следует рассказ о великой жаре и трех солнцах, которые нещадно жгли землю). Шаманами же делаются Мямелди и их сын Зулчу~Дулчу~Зушкку. Все они становятся главными фигурами в шаманизме рода Чжаксор. Согласно преданию, шаманы других нанайских родов научились шаманскому искусству у рода Чжаксор.²⁹

Миф о древних Чжаксорах, записанный Л.Я. Штернбергом, очень близок мифам жителей древнего государства Фууй (существовавшего в бассейне р. Нонни с начала первого века н.э. до 280 г.),³⁰ а также древних корейцев.

Миф о Хадо (Хадау) и народа Ха очень важен для понимания субстратных фольклорных пластов, оказавших влияние на фольклор нанайцев и других тунгусо-маньчжурских народов, живущих в Приморье и Амуре. Старик Ха — частый персонаж в нанайском и ороческом фольклоре. В.А. Аврорин пытался получить от нанайцев какие-либо сведения о нем. Нанайцы единодушно утверждали, что старик Ха не нанец и не китаец, но определить его национальность затруднялись.

Относительно Сакачи-Алянских петроглифов Л.Я. Штернберг писал следующее: „Трудно, конечно, с какой-нибудь решительностью определить, к какому именно из народов Дальнего Востока относится легенда о народе Ха, которому приписываются амурские петроглифы. Сами петроглифы не дают в этом отношении специфических указаний. По характерной манере письма они, правда, ничего обще-

го не имеют с сибирскими и, бесспорно, дальневосточного происхождения...“³¹

Имя мифического героя Хадо~Хадау~Хадаву, очевидно, происходит от названия народа Ха, а его ороческое произношение, с суффиксом -у, -ву, на конце, явно свидетельствует о его адаптации на одном из тунгусо-маньчжурских языков.³²

Л.Я. Штернберг кратко изложил два варианта мифа о брачном сожительстве нанайской женщины с тигром, от чего произошел нанайский род Бельды, миф о браке нанайской женщины с медведем, миф о птице кори, которую убили и части ее тела разделили между нанайскими родами, о кукушке, лебеде, собаке. Варианты этих мифов в местной локализации известны в фольклоре орочей и ульчей.

Если суммировать высказывания перечисленных выше авторов, предварительно можно определить состав нанайского фольклора, используя формулировки научной фольклористики, следующим образом:

- 1) мифы космогонического содержания о происхождении вселенной, земли, людей (мифы о Хадау и др.);
- 2) этиологические мифы о происхождении отдельных гор, камней, озер, заводов и прочих объектов локального значения;
- 3) мифы о „хозяевах“ стихий: огня, воды, лесов, о „хозяевах“ отдельных мест и видов животных (о „хозяине“ посей, зайцев и т.п.);
- 4) тотемические мифы о брачном сожительстве людей с животными, о выкармливании животными брошенных детей, а людьми — зверей, о могуществе животных, в первую очередь лисы, о происхождении нанайских родов от представителей животного и растительного мира (тигра, медведя, ястреба, березы);
- 5) мифы магического содержания о влиянии некоторых действий на изменения природы, погодных явлений, на поведение людей и животных;
- 6) шаманские мифы о духах — помощниках шаманов, о борьбе шаманов со злыми духами, причиняющими болезнь и смерть, о борьбе между шаманами разных родов, о похищении шаманами людских душ и др.;
- 7) мифы о загробном мире;
- 8) различные благопожелания и моления — обращения к божествам и духам;
- 9) плачи;
- 10) эпос, включающий повествования о подвигах маргенов (богатырей) и пуди (женщин-богатырей, красавиц);
- 11) сказки: бытовые, о животных (детские), кумулятивные;
- 12) сказки, заимствованные у других народов, определяемые нанайцами термином сиохор;
- 13) различные виды песен;
- 14) загадки;
- 15) скороговорки.

Кроме вышеперечисленных жанров, у нанайцев, по всей видимости, существует еще один, известный в фольклоре близких к нанайцам по языку и культуре ульчей и орочей, но не попавший в поле

зрения нанаведов. У орочей это покто – вид устного произведения, представляющий собой как бы статью обычного права. Каждая покто формулировала правило, определяющее ту или иную меру наказания за преступления и проступки против обычаев, регулирующее хозяйственную, общественную и семейную жизнь орочей. Покто применялись во время родовых судов, воспоминания о которых еще сохранились у представителей старшего поколения.

А.М. Золотарев на основании ульчских фольклорных материалов трактует жанр покто (он же называется судали, от русского „суд“) шире. К этому виду устного творчества он относит некоторые произведения мифологического содержания, в которых рассказывается, почему, когда и в каких формах были установлены обряды, жертвоприношения и религиозные культы. Автором опубликованы два произведения этого жанра. Первое рассказывает об установлении обрядов, связанных с медвежьим праздником, второе – о почитании „хозяев“ моря, морских рыб и зверей.³³

Большая часть перечисленных выше типов нанайского фольклора объединяется термином „нингман“. В число нингманов включаются многие мифы, однако не все; например, мифы о происхождении родов считаются тэлунгу. Все произведения этического характера – нингман, все сказки (бытовые, о животных, кумулятивные) – тоже нингман. Что же, с точки зрения нанайской классификации, объединяет эти произведения и противопоставляет их другому крупному разделу нанайского повествовательного жанра – тэлунгу? Нанайцы на этот вопрос обычно отвечают так: тэлунгу рассказывает о событиях, которые были в действительности: жили люди, они все это видели и передали рассказ о виденном своим потомкам. Иногда слово тэлунгу нанайцы переводят русским словом „быль“. Однако это не значит, что тэлунгу содержит только реальные картины жизни; так, например, рассказ о происхождении рода от брачного сожительства женщины с тигром считается тэлунгу, поскольку это фантастическое происшествие считается реальным. И все же основной признак тэлунгу, определяющий для нанайца этот жанр, состоит в убежденности в том, что все события, описываемые в произведении, случались при жизни более или менее отдаленных предков и рассказы об этих событиях передавались в неизменном виде из поколения в поколение. Тэлунгу содержат рассказы о происхождении и дроблении родов, о межродовых войнах, о переселениях родов, о случаях родовой мести и т.п. Тэлунгу, повествующие о недавнем прошлом, близки к устным рассказам, элемент фольклорной традиционности в них незначителен. Характер исполнения тэлунгу чисто повествовательный, без песенных вкраплений, нарочито прозаический. Стиль тэлунгу лишен или почти лишен всякого рода украшательства в виде гиперболы, особых эпитетов, параллелизмов, повторов, отчего даже фантастические события должны казаться реальными и достоверными.

По своим стиливым приемам и характеру исполнения тэлунгу значительно отличаются от нингманов.

Нингманы противоплагаются тэлунгу прежде всего по принципу антонимии; т.е., если тэлунгу создавались как произведения, описывающие реальные события, то нингманы – произведения фантастические, ничего общего не имеющие с реальностью. Исходя из такой посылки, нингманы обычно русскими исследователями трактуются как сказки. Однако это неправомерно. Сколь бы ни были фантастичны и необыкновенны события, описываемые в нингмане, нанайцы верят, или во всяком случае верили прежде, в то, что эти события когда-то и где-то произошли. Информатор В.А. Аврорина А.А. Пассар, хотя и замечает в составе нингманов всякие „фокусы и превращения“, но все же считает, что их основой является быль.

Сказка в качестве жанра наряду с другими, характерными для разных ее видов признаками, всегда отчетливо воспринимается как вымысел, чего нельзя сказать о большей части нанайских нингманов. В связи с теми социальными изменениями, которые произошли в жизни нанайского народа (всеобщее образование, распространение телевидения, кино и т.п.), часть нанайцев стала воспринимать нингманы как вымысел; но процесс этот начался сравнительно недавно и далеко еще не закончился, поскольку не захватил все слои нанайского общества. Падение социального значения нингманов в культурной жизни нанай привело к снижению их исполнительского уровня, значительно меньше стало знатоков нингманов. Однако среди некоторой части нанайского общества еще сохраняется вера в реальное существование героев и героинь, созданных творцами нингманов. В этой вере как бы сохраняется рудимент такого типа мышления, при котором все образы, созданные фантазией человека, считались реально существующими и активно вмешивающимися в его жизнь и деятельность. Впервые на фольклорном материале на эту сторону дела обратил внимание А.А. Попов – один из наиболее глубоких исследователей этнографии и фольклора долган, иганасан и якутов.

„Долгане не только верят, – пишет он, – в реальность всего того, что рассказывается в их устных произведениях, но и как бы видят образы, созданные их фольклором: по верованиям долган, все образы, которые рисуются сказителями былин, способны превращаться в видимый мираж, в тени. При этом персонажи фольклора не только были способны как бы материализоваться, став видимыми, но могут вмешиваться в жизнь людей, помогая им в лечении болезней, в охотничьем промысле. Так называемая „магическая функция“ фольклора в данном случае мыслится не как влияние слова на ход событий, а как прямое или косвенное вмешательство персонажей, созданных творческим воображением. К этому вторжению в жизнь людей привлекает их сказитель. Рисуя образы героев, их борьбу, счастливый исход событий, сказитель направляет действие героев былин в нужную ему сторону“.³⁴

Позднее А.А. Попов свои наблюдения над фольклором долган изложил более подробно. Видимые „образы-понятия“, как он их называл, созданные воображением человека, по представлениям долган, реально существовали, вселялись в человека из окружающего мира и могли уйти от него. Они могли становиться видимыми, но про-

должны оставаться бессвязными, несостоявшимися теньями. А.А. Попов приводит ряд примеров из фольклора долган, где созданные сказителями „образы-понятия“ активно вмешиваются в жизнь людей, оказывая им помощь. Тесная связь между „образом-понятием“ и словом в дальнейшем привела к тому, что сложилась вера в действенность слова, т.е. магическая функция перешла от образа, созданного творческим воображением, к слову.³⁵

Переживания такого типа мышления, при котором созданные творческим воображением образы считаются реальными и оказывают существенное влияние на жизнь людей, особенно полно сохранились в шаманизме (как, впрочем, и в других религиях).

Шаман, доведя себя до экстаза, начинает как бы видеть то, что подсказывает ему воображение: различные местности, по которым он летит, превратясь в птицу, духов, помогающих ему и противоборствующих, чертей, причиняющих болезнь; он разговаривает с умершим человеком, провожая его в мир мертвых, и т.п. Шаман, если он не шарлатан, убежден: все то, что подсказывает ему фантазия, он действительно видит. Этим же качеством должен был обладать и хороший сказитель. Как пишет А.А. Попов, долганский сказитель иногда обладал даже большим даром видения, нежели шаман. Без постижения этой особенности мышления нельзя понять многие эпизоды в нанайских нингманах. Пуди и мергены нанайского фольклора обычно обладают даром шаманского видения. Они совершают необычайные путешествия и полеты потому, что видят беды, происходящие с их родными, опасности, подстерегающие тех на пути, духов и чудовищ, стоящих на пути к победе.

Убежденность в том, что созданные фантазией образы реальны, может быть объяснена тем, что человек на ранних ступенях своего познания мира не мог дать иного объяснения тому, что представляет собой творческое воображение. Если учесть при этом, что ранние ступени развития духовной культуры характеризовались не понятийным, а образным мышлением, можно думать, что создаваемые творческим воображением образы были очень красочно и четко очерчены, что также могло содействовать их материализации в восприятии людей.

В.Я. Пропп, когда я рассказывала ему о своих наблюдениях над фольклором орочей, предложил назвать эту особенность образного мышления „вторым видением“, чтобы отмежеваться от понятия „фантазия“, поскольку созданное фантазией для создателя реально не существует, тогда как „второе видение“ предполагает, что человек думает, будто он не создал тот или иной образ, а только увидел его, но при особых, необычайных обстоятельствах.

Само слово нингман того же корня, что и нингма — „камлать, шаманить“. Совпадение в корнях слов объясняется не тем, что фольклорное творчество обязательно связано с религиозными воззрениями, а тем, что приемы мыслительной деятельности в обоих случаях одни и те же. Не лишено вероятности предположение, что первоначальное значение корня было — „видеть с закрытыми глазами“. В тунгусо-маньчжурских языках корень слова нингма свя-

зан с глаголами, обозначающими „закрывать, зажимать глаза“. Косвенным подтверждением этого предположения может служить сообщение А.А. Попова: „У долганских и нганасанских шаманов существовали специальные повязки, закрывающие глаза. Когда шаманы в определенные моменты камлания завязывали глаза, они якобы получали способность видеть невидимое с помощью вторых глаз, свойственных только им. В данном случае глазная повязка, не отвлекая внимания шамана во время экстаза, способствовала возникновению необходимых образов-понятий, которые воспринимались как зрительные образы.“³⁶ Согласно устному сообщению М.Д. Симонова, завязывание глаз шаманами во время камлания он наблюдал у эвенков Сымского р-на Красноярского края. Эта особенность шаманского камлания свойственна и некоторым другим народам Севера.

Очевидно, в этом же ряду стоят такие особенности бытования фольклора, как рассказывание по вечерам и ночам, преимущественно в темноте, древние изображения в темных пещерах; и то, и другое, подобно повязке на глазах шамана, помогало сосредоточиться, отвлечься от повседневного быта и в мыслях лучше представить себе видимый образ.

Исходя из вышесказанного, мы можем определить значение нанайского термина нингмă следующим образом: в состав нингмă включались те устные народные произведения, которые были созданы при помощи „второго видения“. В настоящее время, как уже говорилось выше, нанайские нингманы далеко не однородны, их можно разделить на ряд групп: нингманы героического содержания о мергенах; нингманы о похождениях пуди; нингманы о похождениях различных животных (в их числе можно встретить настоящие сказки, функционирующие как детские); нингманы, сохранившие мифологическое содержание.

Различия, возникающие между группами нингманов по содержанию и социальной функции, не привели к терминологическому разграничению. Обширный раздел повествовательного фольклора продолжает обозначаться одним общим термином нингмă.

Первоначально нингмă, видимо, был единственным видом повествовательного жанра, поскольку человек на ранних ступенях не мог отличить произведений, создаваемых на основе реальных фактов, от произведений, возникающих в его голове в результате появления фантастических ситуаций, т.е. „второе видение“ не отделялось от видения реального. Разделение повествовательного жанра на два типа, на нингмă и тэлунгу, отражает процесс постепенного постижения различий между реальным видением фактов жизни и творческой фантазией. Созданные воображением „образы-понятия“, как их называл А.А. Попов, хотя и отделились от реально существующих людей и вещей, но убеждение в их присутствии в каких-то иных сферах, не всегда видимых человеком, все еще сохраняется. „Второе видение“ — как бы промежуточный этап в развитии от нерасчлененности между реальностью и фантазией к полному из расчленению.

Нингмā и тэлунгу разграничиваются нанайцами не только по отчетливо осознанному различию в способах их создания, но и по манере исполнения и стилю повествования. В противоположность прозаической манере исполнения, свойственной тэлунгу, некоторые нингманы могут исполняться в особой манере, которую можно охарактеризовать как распевную декламацию, начинающуюся специальными запевками. Например: „Да-а-а хайдяра... жил старик со старухой. Да-а-а хайдяра... был у них один сын — мальчик...” и т.д.

В составе нингманов героического содержания присутствует пение монологов, так называемые дярй нингманы. Эти арии-монологи поются персонажами нингмана в наиболее трагические или напряженные моменты повествования. Такая же особенность присуща эпосу эвенков, долган, эвенков. Нингманы мифологического содержания, исполняемые, например, во время поминок (каса), целиком распевались шаманами. Исполнение пением, вероятно, возникло под влиянием экстатического состояния, сопутствовавшего созданию нингманов. Падение социальной значимости многих видов нингманов прежде всего сказалось на манере исполнения пением. Оно стало быстро исчезать, отчего различия в манере исполнения между нингманами и тэлунгу стали менее заметными.

Однако так называемые запевные слова, лексическое значение которых утрачено, встречаются в текстах нингманов даже в тех случаях, когда арии-монологи уже исчезли. Такие слова отмечают перед прямой речью некоторых персонажей нингманов как реликт того, что в этом месте могла быть целая ария. В лучших образцах нингманов ария-монолог начиналась и заканчивалась запевными словами.

Во многих нанайских нингманах используются образные слова, столь характерные для языка нанайцев. Этому разделу посвящена очень ценная по своему материалу книга Н.Б. Киле.³⁷ В числе образных слов много звукоподражательных, в нингманах они широко используются для звуковой характеристики речи и облика героя.

В нингманах также встречаются слова, выходящие в современном языке из употребления. Это в первую очередь термины, связанные с шаманизмом. Они, как сказано, объяснены в комментариях к тексту либо в Словаре.

Героическим нингманам присуща гипербола, характеризующая действия героев и героинь, повторы во время рассказа о преодолении тех или иных препятствий, тематические параллелизмы. Нингманы бытового содержания и некоторые сказки о животных содержат юмористические эпизоды. При описании животных употребительны образные, звукоподражательные слова. Все это исключено в стиле тэлунгу. Как уже говорилось выше, в поведении слушателей во время исполнения нингманов и тэлунгу тоже есть различия.

Кроме нингманов и тэлунгу, составляющих в количественном отношении основную часть нашей публикации, двумя текстами представлены устный рассказ, по-нанайски гисурэ. Это повествования о реальных событиях, происшедших в жизни нанайцев, о чем-либо выдающихся людях, о случаях на охоте, воспоминания об Отечест-

венной войне 1941–1945 гг. и т.п. Для понимания развития жанра тэлунгу важно заметить, что нанайцы считают устный рассказ гисурэ и тэлунгу связанными между собой. Устный рассказ может при известных обстоятельствах, очевидно, в виду его особой социальной значимости, перейти в разряд тэлунгу. Как можно думать, в разряд тэлунгу из числа гисурэнов перешли повествования об истории родов, их переселениях, родовых войнах. С другой стороны, жанр тэлунгу пополнялся произведениями, ранее относимыми к жанру нингмā. Это произведения явно фантастического содержания, например, тэлунгу о происхождении родов от брачного сожительства женщин с животными. Данная группа тэлунгу имела весьма важный социальный смысл, так как была связана с представлениями о родовом единстве, с родовым культом животного предка и поэтому вошла в состав тэлунгу, которые мыслились как собрание сведений, повествующих об истории нанайского народа.

Жанр тэлунгу сформировался позднее, нежели нингмā. Термин тэлунгу в несколько варьирующем виде известен, кроме нанайцев, ульчам, удэгейцам, орочам, эвенкам, нивхам, но не имеет аналогии в фольклоре эвенков — народа, близко родственного тунгусо-маньчжурам Приамурья. Термин тэлунгу, как видно из нашего перечня, распространен у тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока, включая эвенков, и у нивхов — народа палеоазиатского, но имеющего близкие территориальные и культурные связи с другими народностями Приамурья и Приморья.

Термин же нингмā, с общим для всех значением, известен во всех тунгусо-маньчжурских языках Сибири, Приамурья и Приморья.

В числе повествовательных жанров нанайского фольклора, как уже говорилось выше, есть произведения, определяемые нанайцами термином сиохор. Им обозначаются произведения, которые нанайцы считают заимствованными от маньчжуров, русских или других народов. Адаптация таких произведений не происходила бесследно как для них самих, так и для нанайского повествовательного фольклора в целом. Сюжеты и эпизоды из произведений жанра сиохор попадали в исконно нанайские нингманы. Некоторые сиохоры постепенно под влиянием нанайской фольклорной традиции настолько перерабатывались, что переходили в разряд нингманов.

В нашей публикации представлены образцы повествовательного фольклора нанайцев, записанные в дикторском исполнении. С нашей точки зрения, следует отличать дикторские записи от записей, сделанных в обстановке живого бытования, т.е. во время исполнения их сказителем для своей, в нашем случае для нанайской, аудитории. Наш опыт записи фольклорных произведений в полевых условиях позволяет утверждать, что дикторский текст почти всегда беднее в художественном отношении, чем тот же текст, исполняемый перед аудиторией. Как образно заметил один из информаторов В.А. Аврорина, при дикторском исполнении сказитель передает только „скелет” произведения, опуская всякого рода детали, при-
сущие истинно художественному исполнению. Конечно, не все дикторы максимально упрощают и укорачивают текст; встречаются

сказители, которые и при дикторском исполнении стремятся воспроизвести все детали повествования; однако при исследовании фольклорного текста всегда необходимо знать, записан ли он под диктовку собирателя или же запись сделана в обстановке живого бытования. Это особенно важно учитывать, если данный текст известен всего в одном варианте. Ошибки в определении жанра, а особенно в оценке его художественной формы очень часто объясняются тем, что исследователь имел дело только с дикторским текстом и не получил представления о его исполнении перед слушателями.

Насколько может быть укорочен текст, можно судить по исполнению нингманов эпического содержания. Текст, умещающийся в записи на 5–10 страницах, хороший сказитель может исполнять целую ночь или даже несколько ночей подряд. Гораздо меньше при дикторском исполнении страдают короткие сказки разного содержания; но и в этом случае, например, один из эпизодов в целой цепи походов лисы или соболя может быть сообщен как отдельное произведение, без связи его с последующими сюжетами.

Нельзя не учитывать и способностей диктора. Образцы одного и того же произведения, записанные от талантливого сказителя и от человека, не имеющего способностей к художественному исполнению, будут весьма сильно различаться. Поэтому при отнесении того или иного произведения к определенному жанру приходится в ряде случаев учитывать не только тот дикторский текст, который имеется в нашем распоряжении, но и его соотношение с другими записями сходной типологии, допуская при этом возможность неполноценного исполнения.

В настоящий сборник вошли записи образцов нанайского фольклора, сделанные чл.-корр. АН СССР В.А. Аврориным во время его экспедиций на Амур, в места расселения нанайцев, в 1941 и в 1948 гг.

Обозначения звуков – те же, что в „Грамматике нанайского языка“ В.А. Аврорина (ч. 1, М.; Л., 1959). Исключение составляет среднеязычная звонкая фонема, здесь обозначаемая как: ʒ .

В мае–июне 1941 г. В.А. Аврорин работал в селении Бичу Комсомольского р-на Хабаровского края. Экспедиция была прервана из-за начавшейся войны.

Нанайцы села Бичу говорят на диалекте, называемом гаринским. Гаринских нанайцев в специальной литературе иногда называют самагирами, имея в виду их происхождение от эвенков самагирского племени. Диалект гаринских нанай имеет значительно больше сходства с языком эвенков, нежели другие нанайские диалекты. Цель работы В.А. Аврорина заключалась в изучении этого диалекта. Собранные автором материалы частично были дополнены его же записями в 1943 г. от студентов Николаевского–на–Амуре педагогического училища народов Севера. В 1948 г. материалы по языку и фольклору гаринских нанай В.А. Аврорин подготовил к печати – перевел тексты и составил к ним комментарий.

Фольклор гаринских нанай был записан и подготовлен В.А. Аврориным к печати как материал для лингвистического анализа гаринского диалекта. Все тексты записаны с соблюдением характерных для него норм произношения и снабжены примечаниями, главным образом языкового, а также смыслового характера. Тексты не имели заглавий, а лишь нумерацию; не было и указаний на жанр – дикторы не определяли тот или иной текст как нингма или тэлунгу.

При подготовке настоящей публикации нами в рукописи В.А. Аврорина внесены некоторые небольшие изменения. Нам представлялось возможным озаглавить все тексты, тогда как у В.А. Аврорина некоторые из них заглавий не имеют. В качестве заглавий для таких текстов нередко используются начальные предложения. Многочисленные авторские примечания языкового характера опущены, поскольку они требуют специального рассмотрения как факты фонетики, грамматики и лексики гаринского диалекта нанайского языка. Нанайский текст оставлен без изменений, перевод в ряде случаев подвергнут смысловой и стилистической редактуре.

Фольклор гаринских нанай представлен двенадцатью текстами, записанными в селах нынешнего Комсомольского р-на Хабаровского края. Тексты №№ 1, 2, 3 записаны от Соргола Лариона Семеновича (его нанайское имя – Лагдари), в то время ему было 22 года; родился в селе Экан Комсомольского р-на, в возрасте 2–3 лет переехал в Бичи, где и жил постоянно.

Тексты №№ 4, 5, 6 записаны от Самар Анны Адукановны (нанайское имя – Чипиака),³⁸ из рода Онинкан 57 лет; родилась и до замужества жила в селе Хунгари, после замужества, до 1926 г. жила в селе Кондон, до 1938 г. – в селе Намека, а затем переехала в Бичи; она мать нанайского поэта Акима Дмитриевича Самара.

Тексты №№ 7, 8 записаны от Самар Анны; до замужества она принадлежала к роду Дяксор; родилась и большую часть жизни прожила в селе Наан, в 1927–1928 гг. переехала в село Ченка, а с 1940 г. живет в селе Бичи.

Тексты №№ 9 и 10 записаны от Дигора Никиты Гавриловича, 31-го года; родился и безвыездно жил в селе Бичи.

Текст № 11 записан в 1943 г. от учащегося Николаевского–на–Амуре педучилища народов Севера Самара Ермиша, 17 лет; до поступления в училище он жил в селе Бичи.

Текст № 12 записан в 1943 г. от учащегося того же педучилища Самара Фомы, 16 лет; до поступления в училище он жил в селе Кондон.

Во время экспедиции 1948 г. В.А. Аврорин работал главным образом в селе Найхин Нанайского р-на Хабаровского края, занимающем центральное место среди нанайских селений на Амуре. Эта экспедиция ставила своей задачей изучение найхинского диалекта – наиболее распространенного из нанайских диалектов. Он положен в основу нанайского литературного языка. В качестве образцов найхинского диалекта были записаны публикуемые в сборнике фольклорные тексты. К обработке этих записей В.А. Аврорин не присту-

пал. Они остались в том виде, в котором были записаны на месте работы. Не все тексты имели полный русский перевод.

Ученик В.А. Аврорина, кандидат филологических наук Н.Б. Киле, любезно согласился выполнить недостающий перевод текстов №№ 19, 38, 39, с его же помощью значительно улучшен перевод текста № 29. Без его содействия издание нанайских фольклорных записей В.А. Аврорина не было бы полным. Другой ученик В.А. Аврорина, покойный кандидат филологических наук С.Н. Оненко, улучшил перевод текста № 30.

Во время экспедиции 1948 г. В.А. Аврорин уделял внимание не только языковой стороне фольклорных текстов, но и вопросам их бытования и содержания. Записи текстов в его полевых материалах сопровождаются сведениями о дикторах и примечаниями этнографического характера, а также высказываниями о существующей у нанайцев классификации фольклорных жанров и особенностях бытования каждого из них. Все эти авторские материалы, относящиеся к 1948 г., использованы нами во вводной статье.

Фольклор найхинских нанайцев в настоящем издании представлен тридцатью двумя текстами. Все помещенные в сборник тексты публикуются впервые. Лишь нингман „О сороковом брате и его жене еноте“ был опубликован в Венгрии на нанайском языке с немецким переводом. Все 32 текста записаны от нанайцев, живших в то время в селе Найхин.

Приводим дальнейшие сведения о дикторах.

Бельды Петр, 56 лет, его отец Бельды Дэнгинга; сам жил в селе Иннокентьевке, где и родился, мать из рода Хэчжэр, из села Болонь; Петр Бельды более двадцати лет живет в селе Найхин, неграмотный, работает пастухом в колхозе; от него записаны тексты №№ 31 и 32.

Килэ Гэюпкэ (по-русски – Феня Никитична), 45 лет, из рода Бельды; родилась в селе Соян, 28 лет живет в Найхине, училась в ликбезе, но писать не умеет, читает по-нанайски; она является женой Киле Лэтэ; от нее записаны тексты №№ 14, 15, 17, 19, 21, 23, 35 и 39.

Киле Полокто (по-русски – Сергей Гаврилович), 49 лет; родился в селе Найхин, в 1935 г. переехал в село Бирю на реке Анхой, работал там четыре года, затем вернулся в Найхин, впоследствии поселился в селе Курун, с 1942 г. стал жить в селе Дада; в 1943–1945 гг. служил в армии, участник Отечественной войны; его отец Киле Лигэ происходит из села Торгон, мать, Онинка Боды, родилась в селе Ойрон недалеко от села Дада; Киле Полокто имел образование два класса начальной школы, учился в 1909–1911 гг.; с двенадцати лет начал самостоятельную жизнь охотника; от него записаны тексты №№ 29, 30 и 38.

Онинка Баракта Григорьевич, 67 лет; родился в селе Сусу, сорок лет тому назад переехал в село Сира, где живет и сейчас; в село Найхин приехал временно, неграмотен, от него записаны тексты №№ 36, 37 и 40.

Онинка Пинтуха, 80 лет; родился и постоянно живет в селе Даирга; его отец Онинка Доя; от П. Онинка записан нингман № 28.

Онинка Хэлэ, 78 лет; родился и постоянно живет в селе Найхин; его отец Онинка Тукуру; от Х. Онинка записаны тексты №№ 42, 43, 44.

Онинка Федор Кириллович, 38 лет; с пяти лет ослеп; родился в селе Гордаму; родители умерли, когда он был ребенком; постоянно живет в селе Даирга; от него записаны тексты №№ 13, 20, 24, 26, 34 и 41.

Пассар Андрей Александрович, 23 лет; родился и жил в селе Муху; учился шесть лет, с 1943 по 1948 г. служил в армии, был в Маньчжурии; после демобилизации живет в селе Найхин, работает заведующим клубом; от него записаны тексты №№ 16, 18, 22, 25 и 33.

¹ Прото дьяконов Прокопий. Песни, были и сказки уссурийских гольдов. – Зап. Об-ва изучения Амур. края, Владивосток, 1896, т. 5, вып. 1, с. 1–10.

² Кропоткин Д. От устья Тунгуски до сопки Каутыр. – Там же, с. 16–21.

³ Шимкевич П.П. Материалы по изучению шаманства у гольдов. – Зап. Приамур. отдела РГО, Хабаровск, 1896, т. 1, вып. 2, с. 61–131.

⁴ Шимкевич П.П. Обычай, поверья и предания гольдов. – Этногр. обозрение, М., 1897, № 3, с. 135–147.

⁵ Лопатин И.А. Гольдские сказки. – Живая старина, 1916, вып. 4, с. 089–0102.

⁶ Каплан М.А. Основные жанры нанайского фольклора – „нингманы“ – сказки, „тэлунгу“ – предания. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Л., 1948.

⁷ Путинцева А.П. К вопросу о некоторых жанрах устного народного творчества нанай. – Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, кафедра народов Крайнего Севера, 1960, с. 321–334.

⁸ Путинцева А.П. Нанайские загадки. – Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, кафедра народов Крайнего Севера, 1957, т. 132, с. 227–248.

⁹ Сунник О.П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958, с. 105–139.

¹⁰ Сем Л.И. Устное народное творчество уссурийских нанайцев. – В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974, с. 189–200.

¹¹ Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976, с. 116–134.

- 12 Сем Ю.А. Фольклор народностей Приамурья и Приморья СССР как историко-этнографический источник. — В кн.: Фольклор народов Севера СССР. Л., 1980, с. 3-19.
- 13 A w r o r i n W.A. Ein nanajisches (goldisches) Märchen vom vierzigsten Bruder und seiner Frau der Waschbärin. Budapest, 1962.
- 14 К и л е Н.Б. Фольклорное наследие нанайцев. — В кн.: Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983, с. 110-116.
- 15 К и л е Н.Б. Отражение этнических связей в фольклоре нанайцев. — В кн.: Этнография и творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978, с. 76-78.
- 16 К и л е Н.Б. Фольклорная лексика нанайского языка. — В кн.: Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР, Владивосток, 1981, с. 132-136.
- 17 Л о п а т и н И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, с. 346.
- 18 Ш т е р н б е р г Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 479.
- 19 З е л е н и н Д.К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. — В кн.: С.Ф. О л ь д е н б у р г. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 216.
- 20 Б о г о р а з В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Образцы народной словесности чукчей. Введение. СПб., 1900.
- 21 Ш т е р н б е р г Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Введение. СПб., 1908.
- 22 Л о п а т и н И.А. Указ. соч., с. 345-347.
- 23 Л и п с к и й А.Н. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. — Изв. Гос. ин-та народного образования в Чите. Чита, 1923, кн. 1, с. 42-45, 58.
- 24 Л и п с к и й А.Н. Там же, с. 65-68.
- 25 К а п л а н М.А. Указ. соч., с. 3.
- 26 Ш т е р н б е р г Л.Я. Указ. соч., с. 456.
- 27 Ш т е р н б е р г Л.Я. Там же, с. 492-494.
- 28 Ш т е р н б е р г Л.Я. Там же, с. XXXII.
- 29 Ш т е р н б е р г Л.Я. Там же.
- 30 Б и ч у р и н Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950, т. 2, с. 21, 62. — На основании свидетельств древней китайской

истории можно считать, что государство Фуюй (Пуё) образовалось в результате завоевания выходцами из Кореи древних тунгусо-маньчжурских племен.

31 Ш т е р н б е р г Л.Я. Указ соч., с. 456. — Сакачи-Алянские писаницы не раз привлекали внимание этнографов и археологов. Последнее по времени и наиболее полное их описание дал акад. А.П. Окладников, см. его: „Лики древнего Амура (Новосибирск, 1965).

32 Суффикс -ву у имен собственных в виде -вуд (для мужских имен) и -вук (для женских), распространен в эвенкийских диалектах; его вариант -бу оформляет большое число мужских имен собственных в маньчжурском языке, особенно в его сибирском диалекте.

33 З о л о т а р е в А.М. Родовой строй и религия ульчей. Владивосток, 1939, с. 177-188.

34 П о п о в А.А. Долганский фольклор. М., 1937, с. 16.

35 П о п о в А.А. Пережитки древних дорелигиозных воззрений долган на природу. — Советская этнография, 1958, № 2, с. 89-90.

36 П о п о в А.А. Там же, с. 87.

37 К и л е Н.Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.

38 Сведения о дикторах, зафиксированные В.А. Аврориным, в ряде случаев не являются полными; у нас нет возможности исправить этот недочет.

ФОЛЬКЛОР ГАРИНСКИХ НАНАЙЦЕВ

№ 1. Эм мапа, эм мама бэлэйхачи

а-а-а хайзара-а-а... эм мапа, эм мама бэлэйхачи. Туи бйчи, туи бйчи, ээбдур-дэ бараси. Да-а-а хайзара-а-а... пиктэ-дэ анā. Мапа уукини: „Мама, мй тō-тыкэ дүйс бирā барони ичәндэгитэ“. Дэ-э-э хайзара-а-а... мапа тō-хани. Мапа тōхā, хороҥкола мōва ичәхэ. Таду-тани пйчхэ бэлэйхачи, зүэ пйчхэ. Дэ-э-э хайзара-а-а... мапагдэ муручихэни: „Пйчхэм-бэ запаси-дā ачāси“. Туи тарā, мапа эб барони зугухэни. Нэ-э-э хайзара-а-а... „Мамāчā, мй ичәзэхэмби пйчхэмбэ, бэлэйханэй, тәјэчи бй пйчхэмбэ эчйч ичәји“. Дэ-э-э хайзара-а-а... мамāчāнэй, мапāчāнэй тōкохачи. Мбүгөји ісірхā. „Гэ, мамāчā, мй ичәхэмби мбүгөји“. – „Тәзэ-дэ, мапāчā, эрдәнгүли пйчхэ. Чāва бүэ запāхā осіни, бāјамбури“. Да-а-а хайзара-а-а... мапāчā мōкчалохā, мамāчā пйргүи мōкчалохā. Мб допімбанē ісіхандоани, мбүгони мокторам энэхэ. Моктōхā мапāчā, мамāчāнэй чоп хуэдәкпй. Туи тапарē мамāчā, мапāчā сāгухачи, энәнэ, эрдәнгү, мбнгөр тәкәндүэни биwэри. Мамāчā мапāчāнчи ичәјини – мапāчāм биеси, мапāчā мамāчāнчи ичәјини – мамāчāм биеси. Мәнэ дōла эрдәнгүсйчи. „Гэ, мапāчā, хōни бүэ очōхāпу? Си наонзōа мй-дэ наонзōа. Гэ, мапāчā, сй-тәни брәзйа-ла бй Боролдāну мйргэ очōхаси“. – „Гэ, мамāчā, сй-тәни брәзйа-ла бй Боролдāну пуй ичәхаси. Гэ, мамāчā, эб барони зугугису“. Ісо-гохā эбwари, сикүн эбга аҥгочхā. Гэ, мйргэ пурэмбэ пуллухэ. Пулсй, пулсй... туи wари усәлтэ. Туи тамē эм модан ичәхәндүэни пуй ичәхэ, ичәхэни мйргәмбэ. Зйзүхән, зйзүмдү тунәпун-дэ нāладу-ни гэдәмди, зүлэс гйрāнкйчам-дā, мутәси. „Эдәдэ-э-э, андā мйргэ, хāми очіси?“ – „Запагура, зōји барони йwүхэ“. „Гэ, андā пуй, мй ичәси будәмби. Мй бурпучйwэ, хайwа-дā, тәгуэwэ-дэ мйнду эй эсәлир. Брāла эблāс-тани“. Мйргэ буткй. Пуй сōҥгоми нā-wа гәләктәми, бāхани сāгзйу-у- мапāчāмбā. „Гэ, мапāчā, сймбиwэ нāји тәлуҥгуду-дэ ундәсикэ: мōзā мапāчā. Хәwургуэни аҥгосиру, нā-wа кутучими мāнйараси хәwурбэ“. Эси мапāчā аҥголохā. Хбзйхā. Пуй мйргәнгүи хәwур долани нэхэ. Сәурәwэ, бāлдамбā хәурини дō-лани нэхәни. „Гэ, нэхэ, нāјwа гәләктәхәни“. Мапāчā уукини: „Мй-дэ гәсэ хумуҥдәури“. – „Гэ, хумуҥдәгису“. Хумуҥдәмәри энәпүхәчи. Дүэнтэ дүргизини, ардā јаогйзини энәпсиҥкичи. „Гэ, энәмәри, эм брәду аҥгалохачи“. Аҥгәйдочи, эпуриwэ элпидучи кучикэ мо-

раҥдахани: „Ку-ут, ку-ут, ку-ут“. Пузй: „Тәји, – мйргәмбэ wуахā амбā бйзәрэ“. Мапāчā эбдомби тōаҥкини. „Гэ, кучи, сймбиwэ wаwо-ри!“ Кучикэ уукини: „Эй мймбиwэ wара! Мй ичә сōҥгидосу сōҥ-гоҥдахамби“. – „Гэ, сōҥгоро! Мапāчā, пуй акпāнчики. Зйлчймани чйми эрдә-э-э энәпсиҥкичи. Энэхэ, энэхэ... аҥгалохачи гучи эму брәду. Аҥгәйдочи эпуриwэ эакпй, акпāнчики. Калтā долбоду сйҥгәрэ хәручйндәхәни хәурбәни. „Гэ, мапāчā, мйргәмбэ гучи э-мйндәухэ сйҥгәрэ“. Мапāчā эбдомби тōаҥкини. „Гэ, сйҥгәрэ, эси сймбиwэ wаwори!“ Сйҥгәрэ уукини: „Мй ичә мйндәми, зйдәчији, сүэ сōҥгидосу сōҥгоҥдахамби“. – „Гэ, сōҥгō. Зйлчйманиwа чйми эрдә энәпсиҥкичи“. Энәмәрэ, энәмәрэ... нāмо кйрāчйни зухәчи. Тā-ду тәҥ улэ нā бичини. Тāду бāхачи зүэ пуймбэ. Бәзйини моктō-хā, хасарчи кйҥгданачй. „Азйwа пуй, хорāгйлапй эарони ичәкэ-пу-тәни сймбиwэ, хорйрō! Хорйхаси осіни, хайwа гәләсйси, хайwа-дā хэм бүзәмби“. Пуй уукини: „Хорйхан-дā, мй ичә хайwа-дā гәлэ-симби“. Пуй нāлаји зурйхәни, бндар тахани – зүэтуҥәс дәндәухэ. Дәгдәухэ, бйпәриэ, зйзүхәчи, „Гэ, пуй, хайwа бāмари сйнду бү-зәпу? Эси сйји кутучйси хәур – бāи гәу хәwур“. – „Эдәдэ, азй-wа пуй, мй сарасймбй-ну, мәнэ нэхэмби эзйји?“ – „Азйwа пу-зй, бāи тәзэ анā кутучйочи. Эwәҥкй энәмә, бāзāчи эзй пиктәни бй-ни эбwа. Тйј эбгду эзйси бй“. – „Зеләнзйси! Мй мәнэ нйрәчим-би осіни, аҥдәри гоани“. – „Гэ, бүэ чāwа гусәрәхәпуwэ аҥдәи, аҥдәси – си мәнэ муру; мәнэ сāзачйма, эзй пиктәни ісопй“. – „Гэ, мапа, энәпсиҥгису!“ Туи энәпүхәхи. Бйруэмбэ ісіхачи. „Эдәдэ, кутучйчи буркй нāиwа! Ичәктәусу аја тәс, мәнэ чйхаламәри!“ Ісōхачи. „Гэ, мапāчā, крока бй, мй ичәндәгитэ эзй пиктәчини“. Ичәндәми тōхани. Эбгдолани йхәни, муручихәни: „Тәзэ-дэ бйзәрэ“. Эзймәтуэчи бйји мйргэ би. Зүэ пуй би тāду. „Гэ, сикүн, гой нзйкану тāйсйну? Гэ, сйји мймбиwэ элпйкйси мāҥга бйчй! Мйм-биwэ элпй-дā, эб барони эзй энурэ“. Гэ, нзйгүхәни. „Гэ, мапā-чā, бāи тәзэ анāwа кутучйчйхәпу. „Гэ, бйјалйгу хәwурбәни, бо-јалйгура, бāлдамбā, сәурәwэ запāгоји. Гэ, мапāчā, пйналагуру чопал хәзүмбā. Гэ, тawаҥкй зйзүлүхәчи эокчйри“. Сйҥгәрәкәмбэ ісігохачи. „Гэ, сйҥгәрэ, бунчи энугису“. – „Гэ, азйwа пуй, энү-зәпумэ“. – „Гэ, сйҥгәрэ, энупсиҥгису“. – „Гэ, энүй-дэ энүй“. – „Сйҥгәрэ, огдāйсй энугису“. Гэ, энүмәрэ... кучйwэ брәхачи. „Гэ, кучи, энугису, бунду гәсэ бйпугүри“. – „Гэ, азйwа пуй, энүзә-пумэ эси гәсэ“. Энупсилүхэ гәсэ. Эбгбәри ісігохачи. Пуй муру-чихәни: „Эс-тәни хōни бйпури? Хусәмзй-дэ анā, дāламәй-дā анā, хōни бйзәпу эwәҥкй тәоси?“ Пуй муручихәни: „Чйхā, мйји мәнэ дāламзй очōзāмби, дуй эктэ нзйwа дāпачйзāмби“. Туи би, туи тамē эм модā нāйсал моралохачи“. – „Эзәмпу, зйзүйни, бйзәрэ“. „Азйwа эдчйусәи, бумбиwэ эблāхā нāи зйзүй-ну, бунчи-дэ?“ Тә-зә-дэ пуй ичәхәни адā зйзйwәни. Ичәзйни: мйргэ адāду кәтәчи-гүини. „Гэ, экәсәл, сйрōсу чопал! Тōкохан-дā, нуй-дэ, нуй-дэ эзй эйлгандасу“. Сйҥгәрэ уукини: „Мй эйлгāмбори“. „Сйҥгәрэ, эйлгāҥкй осіни, бүзәчи!“ – „Чйхā, мйји эйлгандәсймби“. Адā тōй-лā хāкохани. Мйргэ эбкчи тōкохани. – „Гэ, пуй, бāчйгопу!“ Нуй-дэ эйлгандәси, нуй-дэ тйрәси. Мйргэ нāмйчалохани: „Гүзйнесу,

пуэй, эйлгандо-дэ, эйлгану!" Сийгэрэ инэктэлүхэни: "Чопал тэ-
гүсу! Мэргэн эйзүхэ!" Пуэй тэгүхэни. "Хонтай, эмдэ эйзүхэмбэси".
Гэ, мэргэ туй бичи, бичи... Туи балзиха.

Перевод

№ 1. Жили старик и старуха

Да-а-а хайдыра-а-а... старик и старуха жили. Живут, живут они так и даже пищи не имеют. Да-а-а хайдыра-а-а... даже детей нет. Старик сказал: "Старуха, пойду-ка я посмотреть вон туда, вверх к речке". Дэ-э-э хайдыра-а-а... старик пошел. Поднялся старик и увидел дерево - дуб. А там росли труты, два трута. Дэ-э-э хайдыра-а-а... и подумал старик: "Трут обязательно нужно взять". После этого старик спустился к дому. Нэ-э-э хайдыра-а-а... "Старуха, я видел трут, отродясь я еще такого трута не видел". Дэ-э-э хайдыра-а... Старик со старухой пошли. Дошел (старик) до своего дерева. "Ну, старуха, вот и дерево, которое я видел". - "И правда, старик, удивительный трут. Если мы его возьмем, то можно разбогатеть". Да-а-а хайдыра-а-а... старик полез на дерево, а старуха полезла после него. Когда добрался до середины дерева, дерево его переломилось. Переломилось оно, и старик со старухой совсем потеряли сознание. Потом старуха и старик увидели, что они, - ну и чудеса! - под своим деревом. Старуха смотрит на старика: это не старик, старик смотрит на старуху: это не старуха. Друг другу удивляются. "Ну, старик, что с нами случилось? Ты молодой, и я молодая. Ты же ведь стал небесным мергеном Боролдану". - "Ну, и ты, старуха, стала небесной пуди Боролдану. Ну, пойдем, старуха, домой". Пришли домой - дом новый построен. Вот стал ходить мерген на охоту. Ходит, ходит... и так промышляет зверя. Затем, когда однажды он возвратился, пуди вышла и увидела мергена. Пришел, и, как шел, так и застыл, и посох в его руке неподвижен, хочет вперед шагнуть и не может. "Ай-ай-ай, друг мерген, что с тобой?" Взяла и внесла его в дом. "Ну, друг пуди, я сейчас умру. Когда умру, ничего, даже одежды, не клади мне в гроб. Выброси на улицу". Мерген умер. Пуди, с плачем разыскивая кого-нибудь, встретила старого-престарого старика. "Старик, о тебе даже в преданиях люди говорят - старик-столяр. Сделай для него гроб, такой гроб, чтобы не разваливался, когда его волочат по земле". Вот старик стал делать. Закончил. Пуди положила своего мергена в гроб. Шелк, китайский меховой халат положила в гроб. Положила и ищет людей. Старик сказал: "И я пойду вместе с вами хоронить". - "Ладно, пойдем". Пошли хоронить. Так много пошто народа, что тайга гулом наполнилась, луга шумом наполнились. Вот в пути заночевали в одном месте. Во время ночевки, когда ужинали, прилетел лесной голубь и закричал: "Ку-ут, ку-ут, ку-ут". Пуди говорит: "Это, наверное, злой дух, убивший мергена". Старик

выташил свою стрелу. "Ну, голубь, тебя нужно убить". Голубь сказал: "Не убивай меня. Я прилетел плакать с вами". - "Ну, плачь". Старик и пуди легли спать. На следующий день отправились рано-рано утром. Шли, шли... И остановились на ночевку еще в одном месте. Во время ночевки поужинали и легли спать. В полночь прибежала мышь и стала грызть гроб мергена. "Эй, старик, теперь мышь прибежала мергена есть". Старик выташил свою стрелу: "Ну, мышь, тебя надо убить". Мышь сказала: "Не есть я пришла, а плакать вместе с вами". - "Ну, плачь". На следующий день отправились рано утром. Идут, идут... Спустились к берегу моря. Там была очень красивая местность. Тут встретили двух пуди. У них сломаны ноги и переломаны все крылья. "Дорогая пуди, ради спасения своего мы тебя увидели, спаси! Если спасешь, то дадим все, что ты попросишь". Пуди сказала: "Если я спасу, то мне ничего не нужно". Пуди подняла руку, взмахнула, и они обе взлетели. Взлетели, прошло некоторое время, и они возвратились. "Ну, пуди, чем же нам тебе отплатить? Гроб, который ты сейчас волочишь по земле, - просто пустой гроб". - "Ну и ну, дорогая пуди, разве я не знаю, что сама положила в него своего мужа?" - "Совершенно впустую волочишь ты, дорогая пуди. Пойдешь дальше и встретишь дом, в котором живет царский сын. В этом доме живет твой муж." - "Обманиваешь ты! Если бы я сама не положила мужа в гроб, можно было бы поверить". - "Ну, верить или не верить тому, что мы рассказали по этому поводу, - твоя воля; сама увидишь, когда дойдешь до царского сына". - "Ну, старик, тронемся в путь!" Так и пошли. Достигли селения. "Ай-ай-ай, покойника волокут!" - "Ладно, смейтесь вволю, если хотите". Подошли. "Ну, старик, побудь здесь, а я пойду посмотрю на царского сына". Пошла посмотреть. Вошла в его дом и подумала: "Пожалуй и правда". Сидит мерген, похожий на моего мужа. Две пуди сидят там. "Ты ли это, или другой человек? Ну, и здорово же ты меня обманул! Раз ты меня обманул, домой не ходи". Она вышла. "Ну, старик, напрасно мы волочили. Ну-ка, сломай его гроб, сломай, чтобы взять себе китайский меховой халат и шелк. Ну, старик, взваливай на спину все вещи". Оттуда они отправились домой. Дошли до мыши. "Ну, мышь, пойдем к нам". - "Ладно, старшая пуди, пойдем". "Ну, пошли, мышь!" "Что ж, идти, так идти". - "Мышь, поедем на твоей лодке". Вот едут и встретили опять лесного голубя. "Ну, голубь, поедем, давай жить вместе с нами". - "Ладно, дорогая пуди, поедем теперь вместе". Поехали вместе. Приехали домой. Пуди подумала: "Как теперь жить? Как будем жить дальше без мужчины, без хозяина?" Пуди подумала: "Пусть! Я сама стану хозяином, буду хозяйничать над четырьмя жевшинами". Так и живут. Потом однажды люди закричали: "Царь наш возвращается, наверное!" - "Дорогие простолюдины, не возвращается ли это человек, который нас бросил?" И верно, пуди увидела, что идет большая лодка. Смотрит: мерген правит на лодке. "Ну, женщины, прячьтесь все! Пусть хоть и придет, но никто, никто не подавайте голоса". Мышь сказала: "Я подам голос". - "Мышь, если подашь голос, убью!" -

„Ладно, уж, не подам голоса“. Лодка причалила к ее (мыши) берегу. Мерген поднялся к дому. „Ну, здравствуй, пуди!“ Никто голоса не подает, никто не встает. Мерген стал уговаривать: „Сжался, пуди, хоть и не хочешь, а откликнись!“ Мышь засмеялась: „Вставайте все! Мерген вернулся!“ Пуди встала. „Ну, что же поделаешь, раз уж ты пришел“. Вот мерген так жил, жил... Так жил.

№ 2. Эм наонзёккэ эйкэмулэ бэлэиха

Эм наонзёккэ эйтэмулэ бэлэиха. Ты наонзёккан-тани пурэмбэ-дэ пулсиэси, туй зогдои каока аохани, хаоси-дэ пулсиэси. Эм модэ тэгүхэни. Зогдои эйкэни кэукэ. Тэрэ, той барони зүхэни. Зай бичини, зүлэни боја зай. Зайду ора, мангоа хэи энэпсиукини. Энэмэ, энэмэ... ичэхэни: зүэр ороккэ хупилэн-дуини. Туй тара, муручихэни: „Орокамба запаори“. Хэхани ороккэ кэукэ очоха. Туй бидунэ зизүхэни ороккэ. Орокамба запикачимэ, запахани эм орокамба. „Наонзёккэ, мимбиwэ ээи wара! Эйкэси пиктэни тэмби“. „Гэ, туй ты осіни, сэгүиwа энимби барони сидериwэ гэлэндэгүру“. Ороккэ гэлэндэгүхэни, гэгэхэ сидериwэ. Наонзёккэ муручихэни: „Тэгэдэ, бизэрэ“. Эйкэчи и тохани. „Наонзёккэ, бачигопу! Мимбиwэ мапа, запаара, гэгэхэни. Эси си аусіси баргоанэи сори. Калта долбодо зизүи аусіси. Наонзёккэ симбиwэ хайду сиромбори?“ Наонзёккэ муручихэни: „Ми нэлэси“. Калта долбодо зизүхэни аосіни. Нуи зичини?“ Эйкэни сумэчихэни: „Нуи-дэ эчизэйдэ“. Аосіни ункини: „Ми сарамби. Сари-дэ, мији warасимби“. Зіалэ чіманіwа наонзёккэ хупиндэми нэхэни. Хупиндэми нэхэндүэни эйкэни ункини: „Гэ, нэку, хупимэри горочи ээи энэсу“. Наонзёккэ муручихэни: „Эдэдэ, хайми энэwэсини? Орокамба мији зальмбурі“. „Ороканзүан, гэ, зокчари ээбдүэри гэлэндэгүсу!“ - „Гэ, гэлэндэгүидэ гэлэндэгүи“.

Гэлэндэгүхэни хаміалани наонзёккэ тутуми энэпсиукини. Энэмэ, энэмэ... ичэхэни чэгэа мапа, сахарі мапа сориwачи. Забдоби тоау-кй, забдолохани, чэгэа мапаwа wуахани. Нэлэрэ, голэи зизүхэни зокчи. Зизүхэндүи туй бичини эмүчэкэ. Аорідои аосіни, эйкэни пиктэни зичини. „Гэ, наонзёккэ, тэру!“ Наонзёккэ зілгандаласи, сэнэдэси бичини. Аосіни нэгүидүи ункини: „Наонзёккэ, орокамба золлагоапу, мэнэ бінэсутэни“. Наонзёккэ зіалан чіманіwа тэгүхэндүи муручихэни: „Хайгои мінду золлаохани орокамба? Мији чэйи хайлаори? Ороккэ ээпуриэ пуүмидэ отоліаси, тэгүэwэ, отаwа аугоми отоліаси“. - „Ороккэ, энү зокчи!“

„Ми симбиwэ гэлэсимби, мимбиwэ ама сінду золлаохамбани хони зокчи и энүээмби?“ Таwауки наонзёккэ пурэмбэ пуллухэни. Пуллухэндүи эм модан зизүидүи муручихэни: „Эси чімай тэни гі-ванэидүи ілігори“. Зизүхэ, ээпурэ ээкпй, акпаонки. Акпаонкіндүи долбо-о-о сэнэхэни. „Эдэдэ, халі-дэ туй тургэнэи инэхэни?“ Наонзёккэ нэхэни боачи - пакчи-пакчи бичй, долбо очоха. Зогби барони

пухэни - зонни нэгээ. Асіни зоптомби ачохани. Наонзёккэ бэичилүхэни. Бэичирэ, зоптомбани золлахани. Золлахандүи муручихэни: „Энэнэ, гүзүкуликэ эктэкэ очоха!“ Тадома сэгүхэни наонзёккэ: „Тэгэдэ мінду золлаохани аусіка“. Гэ, эси наонзёккэ пурэмбэ пуллухэ. Эм модэ асй барони ункини: „Гэ, ми-дэ мэнэ баргоамби барони энэури“. Асіни хургисэгүэни баргихани. Зіа чіманіwа энэлүхэни. Туй энэхэни, энэхэни... манго дадоани тэхэни. „Хауси энэурикэ-ну - солі-ка, хэй-кэ энэури-ну?“ Туй тамэ наи хэйзэйи зилүхэни: эм сэээ морй. Морй бэгэини чопал моктоаха. Эктэнэи зілганкіни: „Хонтахани эји?“ Наонзёккэ зілганкіни: „Каозараосу!“ Гэ, каозараха. Наонзёккэ мэдэчихэни: „Хауси энэису?“ - „Буэ мэлзэкучи энэипу“. „Мимбиwэ-дэ тэучиусу!“ - „Гэ, бро“. Энэмэ, энэмэ... пуэин н'ранчини ункини: „Гэ, наонзёккэ, сији наонзёкканэи энэми мутэсиси, сймбиwэ токсаккэ опоамбори“. Пуэй налаэи пачілахани - наонзёккэ токсаккэ очіни. Туй пукчими, туй энэхэни. Бирүэмбэ ісб-ха. Пуэй эм зола іхэни. Таду малхэ мэлзэкучи зичин нэй, эгди пуэй бичини. Пуэйсэл муручихэчи: „Туй-дэ хай токсакани зичини?“ Пуэй ункини: „Тэй токсэйи ээи инэктэсу! Токса бисси, туй-дэ наи“. Пуэйсэл эрдэнтэсэхэчи. Зіалэ чіманіwа токсаккэ ункини: „Гэ, пэдэмэри дэрэзису!“ Тадома пуэйсэл сахачи - туй мэргэ, бизэрэ. „Гэ, наонзёккэ, пэдэм энэхэри“, - сусүэчихэчи. Наонзёккэ туй пукчй, туй энэхэни. Энэмэ, энэмэ... токкэ бэгдини чопал піакта-дэ ана очй. Зіліјі тас пачілахани. Наидүи очбхани. Туй дүэрэ, туй энэхэни. Бэгэин чопал маніаха. Зулэс түрэ, микуми энэхэни. Пэңнэни чопа манёккэ. Пуңгэлими энэхэни. Чондо дочіни пуңгэлихэни. „Энэнэ, эс-тэни бурпукхэ! Нуиwэ-дэ баwаси, нуи-дэ мимбиwэ хоріндаси. Бразіала бији Бороллану пуэй, мимбиwэ хоріадару!“ Түрэ: „Наонзёккансі-ну? Гэ, наонзёккэ, кумбиwэ кучиру“. Күчихэ наонзёккэ, корогоха. „Гэ, наонзёккэ, си, мэргэнчи таоми, калтајінду зова ісозачи. Гэ, туй зогдоки симбиwэ алёзайма“. Наонзёккэ энэпсиукини, Калтајінду ісохани. Туй зогду бичини эм эктэ. „Анда мэргэ, бачігоапу!“ - „Гэ, бачігоапу!“ Горозіази зизіси-ну?“ - „Мији мэнэ пулсиэмби“. - „Наонзёккэ, мији чопал сарамби хаусі-дэ энэги-лэиси поктоаси“. Сйксэ гусэрэлүхэни. „Гэ, наонзёккэ, чімана сији энэзэчи. Зб би. Золома зб. Надэ модэ кэндэлигум тутупи, уткэни чолор ачохани осіни, иңэс-тэни.“ Зіа чіман'а наонзёккэ ісоха зова. Надэ модэ тутүхэни кэндэлигум. Уткэни чолор ачохани. Іхэни. „Наонзёккэ, бачігоапу! Хајази зэйиси?“ - „Хајази зійэм-би, мэнэ пулсији“. - „Наонзёккэ, мији сарамби заусі-дэ энэгилэй-си поктоаси“. Сйксэ тэгүхэндүи гусэрэндүлүхэчи. „Наонзёккэ, чімана энэгилэйиси туй би. Энэмэ, энэмэ... базачи хурэ, кіро-кіро би хурэ. Зериндүлэни таукин-дэ түwури холдопчи. Таwауки гучи базачи зур асізёккамба, wэксумбэ читүмэнчиwэчи. Гучи таwауки зү наонзёккамба базачи, лэкэwэ читүмэчиwэчи. Гэ, таwауки-тани зүэ хоксіамба базачи, чэwа wуазачи зүэтуңэсэ. Гэ, туй би энэги-лэйиси покто“. Зіалэ чіманіwа наонзёккэ энэпсилүхэни. Энэмэ, энэмэ... тэээдэ хурэ, гогда хурэ бичини: зэриндүлэни таукин-дэ холдопчи түwури. Энэмэ, энэмэ... бахэни зү асізёккамба. Энэне, эй хорачілаіну зэрони бэлэиму мэргэмбэ ичэури“. Наонзёккэ голи

энэхэни. Түй эм асоёока уңкини: „Анда, минду дэлимбэ бүру! Анда, минду шэксумбэ бүру! Наонзёка гөлэй энэхэни. Энэм'ё, муручи-хэни: „Эктэкэмбэ хорлоха осіни, улэ бичи“. Хамаси кэчэриухэни — хаончок энэхэни. Бипиу сагохани. Золодо олосохъ. „Эидэ байбэй тэээ анава мймбиwэ лэргіалауңкини“. Зукэ-зукэ эриси бичини. Пуэй зичини. „Гэ, наонзёка, ми и сймбиwэ хайё уңкимби? Эwэңки энэгилис поктоси малхъ“. Наонзёка чёу-чёу бичини. „Гэ, мочого-ро хамаси“. Мочогохъ, Сйксэ алочіни: „Гэ, гучи наонзёкаңгоси очохъ. Чъ сйхэ осіни, сйи поктоси улэ осі“. Зіалъ чіманіwа неонзёка энэпсидухэни. Хурэңгулэй энэлухэни. Түй энэхэни, түй энэхэни... Наонзёкамба бачіхани. „Гэ, эи балэйму мэргэ бумбиwэ хоріндами зичи. Ага, буригуиwэ бүру!“ Түй эмунзімэ: „Ага, буригуиwэ бүру!“ Наонзёка гөлэй энэхэни. Энэмё, муручихэни: „Гу-зиэлэ наонзёканзё! Хоріори!“ Хамаси кэчэриухэни — хаончок энэхэ. Бипиу, сагохъ. Хурэнду золо нрамбани чопал золосогохъ. Зукэ-э-э эриси бичи. Эрисидунё, бортйи эрипсидугидуни пуэй зичини. Хорігухани. „Гэ, наонзёка, ми сймбиwэ хайё уңкимби? Эwэңки долэласи осіни, оркй нэй озачи. Гэ, мочогоро хамаси!“ Мочогохъ, аоңгй ісігохъ. Сйксэ гучи алочіхани: „Гэ, баргоамби сйхэси. Эси баргоанси очохани хоксіарагда. Зулэ нэй бими, wуами чілахани. Чъwа wуахъ осіни, амймби баргоамбани wазаачи“. Гэ, наонзёка зіалъ чіманё энэлухэни. Энэмё, энэмё... ичэхэни: тэээдэ хоксіа. Бэйчилухэни. Бэйчирё, забдонэй гарпахани. Гарпаідони хоксіа уңкини: „Ми, зэлэ бими, нэй тэни уткэwэ нэриwэ-дэ сари бичэй. Эсимэ балэйму мэргэмбэ мэйи wавандамби“. Наонзёка зүэтүңсэ wахъ, таwаңки энэлухэни, піналара. Эму зогдо сэwэ малхъ бичини. Міawамбани тоанда, сэwэнду золочіхани. „Ама баргоани сэwэмбэни гэлэгүэмби“. Эму сэwэ уңкини: „Міи амймбаси wуахъ нэй амбаңгони тэмби“. Ты сэwэмбэ запагуръ, тутулухэни поктои хамаси. Тутугумё, тутугумё... сэwэңгундэ кэукэ, хоксіаңгундэ кэукэ. Мочогоічаіни — кэтуэ горо. Асіи барони энухэни. Ісігухани. „Гэ, мэргэ, хай мэдэ?“ — „Хай мэдэ!“ „Гэ, гусеру, мэдэй гусеру“. „Міи оркінэй пулчимби. Сэwэмбэ бахамби бичи, хоксіамба піналархамби бичи...“ — „Гэ, наонзёка, ми сймбиwэ хонё алосіхамби бичин? Си хайwа-дә отоліаси. Амймби баргоамбани, wуагилэй каламба тэйэчи газбрі-ну?“ Наонзёка муручихэни: „Нэй, саріни, хоні газбріни?“ Пуэй, запагора, ичэуңкини: „Эи, бйэси каланси?“ — „Азіwа пуэй, тыгоани! „Міи, наладуи конда-конда гайуиwаси ичэрэ, запаңдасухамби“. Хоксіаңгони пууэхъ, зэкпй. Зіа чіманіwа наонзёка энэлухэ, Улэң газохари. Міи хаміла энэээмби. Эи кіалара мймбиwэ“. Түй зйзүмё, ісігохани. „Гэ, мэргэ, хай мэдэ?“ „Хай мэдэ!“ — „Калам бахаси?“ Түй пүзінчи гайохъ бичи, та-wаңки чоп хуэдэхъ“. — „Эси хоні ачай? Каламби гэлэңдэсурэ, зйзү бара, зйзүхэси“. Сйксэ ээпуриэ зэулухэндуи: „Гэ, наонзёка, эи биэснү каланси?“ — „Тыгоани“. — „Гэ, наонзёка, чімана индэ-зэйчи минду“. — „Индэй-дэ индэй“. Чімана индэйдуй асінізй упул-тэку гасаwа wуандару“. Зіа чіманіwа тэхэни. „Хайдоа бйи?“ — „Гэ, нойал биіи, амюанду. Гэрэнэй бэйчимі чілаіни. Чъwа wахаси осіни, тэээ-дэ мэргэ умбури! Чъ wуахаси осіни, саолімба аңо-

йапу“. Зіа чімані тэхэ, наонзёка бэйчиңдэхэни. Бэйчилухэ, бэйчи-лукэ, забдумби чэк тоан-дә, іліхани. Гасака уңкини: „мй-гдэ бал-йіму мэргэмбэ мэйи wавандамби“. Wуахъ. Тібохъ. Боакіал зол-лара, игухэни. „Хонтахаси, наонзёка?“ — „Wуахамби“. „Хайду зол-лахаси?“ — „Тэ, боакіала золлахамби“. Пузін нйзхэни, запахъ. „Гэ, тэээ-дэ мэргэнси“. Зіалъ чіманіwа тэгухэндуи алочіни: „Амйс баргоани тэ баргіала би. Гэ, чімана даору“. Даопи, түй таңас-та-ни: „Гэ, ми зогорwа бүру! Гэ, мапача, эргэмби гэлэосис-ну?“ Та-ду нуани унээмэ: „Эргэмбиwэ бахаси осіни, зүэ паталъ пиктэйи бүрэмби“. Таду сйи уңэси-тэни: „Ми барамби. Аумаи эчйз кап очоадуйи налачіwазізі“. Гэ, түй таръ, зогой гэлэңэс-тэни. Ми түй таду дауэамби. „Наонзёка даолохани. Даохандуй бачіхани“. — „Эзэ, эргэмби гэлэосис-ну?“ — „Гэ, наонзёка, гэлэй гоани! Зүэ па-талъ пиктэйи бүрэмби“. — „Мй барамби эргэмбэси, аңнаи эчйз тү-гуэдуйи эргэмбэси барамби“. — „Гэ, бару!“ „Эзіэнэ, калта иниду барамби, зогорwа бүру!“ Зогояни бүхэ, Таду дэримсйхэни. Дэрим-сидуйи зичини асіни. „Гэ, эзэ, эргэмбэси бахамби“. — „Хавуи, ичэгуйwэ“. — „Гэ, эйи“. — „Тамачаwа бапи, сагэй найдү бонгоду бйуури“. — „Ми бүрэсимби. Бугуйwэ аумаи торгару!“ Аумаи торгахани. Омоктаwа золлахани аумачіни. Эзэмбэ wуахъ. Паталъ пиктэчині тохани. Зилуэктэ осіра, чоңкочіни доңдахани. Пуэй ул-пихэни. Улпихэн-дэ, улпйэси очохъ. „Гэ, мэргэ, найдуйи осіра, йу-ми-дэ ајагоани“. Мэргэ муручихэни: „Элэ-дэ сахъ“. Начи түгурэ, мэргэ очора, ихэни. „Гэ, пуэй, эи бируэйи даліми, чопал миіи барорwа энэээсу. Тургэнэй бируэмби энэуну“. Наонзёка таwаңки зокчи энухэни. Зоңни тоалама зб бичи. Муручихэни: „Ми маси нэй, тамача зогэй хоні бйури? Іламоктала!“ Зіліи пачілахани — зүэ тэwэр зб очй. Бируэни бази-бази дай очй. Дүзэйи мбэйи хоdэйи эури, нойазй музэйи хоdэйи тои. Түй бичи.

Перевод

№ 2. Юноша жил со старшей сестрой

Юноша жил вдвоем со своей старшей сестрой. Юноша этот на охоту не ходит, просто так без дела лежит дома и никуда не ходит. Встал он однажды. Сестры его нет дома. Встал и пошел на берег. Там была берестяная оморочка, оморочка со сломанной передней частью. Сел в оморочку и отправился вниз по реке. Ехал, ехал и увидел: два медвежонка играют. Тогда он подумал: „Надо поймать медвежат“. Пристал, а медвежата исчезли. Тут же медвежата вернулись. Стал он ловить медвежат и поймал одного медвежонка. „Не убивай меня, юноша! Я дочь твоей старшей сестры“. — „Ну, если ты так говоришь, пойдй к матери и попроси браслет, чтобы я убедился“. Медвежонок пошел попросить и принес браслет. Юноша подумал: „Пожалуй, и правда“, — и пошел к своей сестре. „Здравствуй, юноша! Медведь поймал меня и уташил. Зять твой сейчас борется с врагом. В полночь твой зять вернется. Где же

тебя, юноша, спрятать?" — "Я не боюсь", — подумал юноша. В полночь зять его возвратился "Кто пришел?". Сестра скрыла: "Никто не приходил". — "Я знаю, — сказал его зять, — но хотя и знаю, а не убью его". На следующий день юноша вышел поиграть. А когда он вышел играть, сестра сказала: "Ну, брат, не уходи далеко во время игры". — "Ну, вот еще, — подумал юноша, — почему же не уходить? Медвежат надо будет мне обмануть". — "Медвежата, ну-ка, ступайте домой попросите покушать". — "Ну, иди, так иди".

Когда они ушли, юноша пустился бежать. Бежал, бежал... и увидел бой белого и черного медведей. Вытащил свою стрелу и выстрелил. Убил белого медведя. Напугался и своим путем вернулся домой. После возвращения так и жил в одиночестве. Когда он спал, пришли его зять и дочь его старшей сестры. "Ну, вставай, юноша!" Юноша голоса не подает и не просыпается. Выходя, зять его сказал: "Юноша, оставляю тебе медвежонка, живите самостоятельно". Когда юноша встал на другой день, он подумал: "Зачем он мне оставил медвежонка? Что я с ним буду делать? Медвежонок ни пищи варить не умеет, ни одежды и обуви шить не умеет." — "Медвежонок, ступай домой! Мне тебя не нужно".

"Меня отец у тебя оставил, как же я домой пойду?" После этого юноша стал ходить на охоту. Как начал ходить на охоту, возвращаясь однажды, он подумал: "Теперь нужно идти на охоту утром, как только появится заря". Пришел, поел и лег спать. После того, как лег спать, проснулся глубокой ночью. "Ой-ой, когда же это так быстро рассветло?!" Вышел юноша на улицу — там было совершенно темно, оказалось — ночь. Вошел обратно в дом — в доме светло. Жена его свою шкуру (личину) сняла. Стал юноша подкрадываться. Подкравшись, выбросил ее шкуру. Выбросил и подумал тут: "Вот так так, ну и красивой же женщиной стала она!" Тут только юноша сообразил: "Не зря ведь оставил мне ее зять-то". Вот и стал юноша ходить на охоту. Однажды он сказал жене: "Ну, надо и мне пойти к своему врагу". Жена приготовила ему продуктов на дорогу. На следующий день он отправился. Шел он так, шел и расположился на отдых в устье реки. "Куда же идти-то — вверх или вниз по реке?". В это время снизу (по течению) кто-то стал подъезжать: конная повозка. Ноги у лошади переломились. Женщина вскрикнула: "Что это случилось?" — "Остановитесь!" — крикнул юноша. Вот они остановились. "Куда вы едете?" — спросил юноша. "Мы едем на состязания". — "Посадите и меня!" — "Ну, садись". Едут, едут... Пуди говорит ему: "Ну, юноша, юношей ехать тебе нельзя, надо тебя в зайчонка превратить". Ударил пуди рукой, и юноша стал зайчонком. Так и побежал вприпрыжку. Доехали до селенья. Пуди вошла в один дом. Там было порядочно людей, приехавших на состязания, много пуди. Пуди подумали: "А это что за зайчонок прибежал?" — "Не смейтесь над этим зайцем! Это не заяц, а тоже человек!" Пуди были удивлены. На следующий день зайчонок сказал: "Ну, счастливо оставаться!" Только тогда пуди увидели, что это, видимо, мерген. "Ну, юноша, счастливого пути!" — проводили его. Юноша так вприпрыжку и побежал. Бежал, бежал...

На его заячьих ногах совсем не стало подушечек, стер. Звонко шлепнул себя по голове. Превратился в человека. Так и пошел, шагая. Ноги его совершенно стерлись. Упал вперед и пополз. Колени его совершенно стерлись. Покатился кубарем. Скатился в яму. "Ой-ой-ой, теперь уж помер! Никого не встретить, никто не придет меня выручить. Небесная пуди Боролдану, иди выручать меня!" Спустившись, пуди говорит: "Это ты, юноша? Ну-ка, соси мою грудь!" Пососал юноша и поправился. "Ну, юноша, поскольку ты мерген, то ты в полдень достигнешь дома. А в том доме тебя научат". Юноша отправился. В полдень дошел. В том доме была одна женщина. "Друг мерген, здравствуй!" — "Ну, здравствуй!" — "Издатека ли идешь?" — "Я просто так хожу". "Юноша, я все знаю о пути, по которому ты должен идти". Вечером стала рассказывать: "Ну, юноша, завтра ты пойдешь так: там есть дом, каменный дом. Обеги его кругом семь раз, и если дверь его откроется настежь, ты войди". На следующий день юноша дошел до дома. Семь раз обежал кругом. Дверь его открылась настежь. Он вошел. "Здравствуй, юноша! Откуда ты идешь?" — "Откуда мне идти! Просто так хожу". — "Юноша, я знаю путь, куда ты должен идти". Когда вечером сели отдыхать, начали разговор. "Путь, который тебе, юноша, предстоит завтра, таков. Пойдешь, пойдешь... и встретишь гору, крутую гору. Такая крутая гора, что наступишь на край и упадешь на бок. Потом найдешь еще двух девочек, которые будут друг у дружки отнимать колотушку для выделки рыбьей кожи. Еще дальше встретишь двух юношей, отнимающих друг у друга стрелу. Ну, а еще дальше встретишь двух лебедей, их обоих убьешь. Таков вот предстоящий тебе путь". На следующий день юноша отправился в путь. Идет, идет — и в самом деле гора, высокая гора: наступишь на край и упадешь на бок. Шел, шел и встретил двух девочек. "А-а-а, мерген наш оказался ради нашего спасения!" Юноша шел своей дорогой. Одна из девочек сказала: "Подруга, дай мне колотушку для рыбьей кожи!" Юноша шел своей дорогой. Шел и подумал: "Хорошо бы выручить девочек". Повернулся назад и потерял сознание. Спустя много времени пришел в себя. Окаменел среди камней. "Это-то меня ни за что, ни про что в беду ввергло". Еле-еле дышал он. Пришла пуди. "Ну, что я тебе говорила, юноша? Дорога, по которой ты пойдешь, дальняя". Юноша безмолвствовал. "Ну, возвращайся обратно". Вернулся. Вечером она его поучала: "Ну, остались еще твои юноши. Если минешь их, то твой путь будет хорошим." На следующий день юноша отправился в путь. По своей горе пошел. Шел он так, шел... Встретил юношей. (Один): "Эй, это наш мерген пришел нас выручить! Брат, дай мне лук!" Другой из них: "Брат, дай мне лук!" Юноша шел своей дорогой. Пройдя немного, подумал: "Бедные ребята, надо бы спасти!" Повернулся назад и потерял сознание. Через большой промежуток времени пришел в себя. Камни на горе его совсем превратили в камень. Чуть-чуть дышал. Когда он так дышал, при последнем его вздохе пришла пуди. Выручила его. "Ну, юноша, что я тебе говорила? Если и дальше не будешь слушаться, то бу-

дешь скверным человеком. Ну-ка, возвращайся обратно!" Возвратился и заночевал. Вечером опять поучала: "Ну, врагов своих ты миновал. Теперь из врагов твоих остались только лебеди. До сих пор из людей никто не мог убить их. Если ты убьешь их, то убьешь врага своего отца". Вот юноша на другой день отправился. Шел, шел и увидел: и в самом деле лебеди. Стал подкрадываться. Подкравшись, пустил стрелу. Когда он стрелял, лебедь сказал: "Живя до сих пор, я узнавал, когда человек только из двери выходит. А вот теперь даю нашему мергену убить себя". Юноша убил обоих лебедей, потом пошел, взвалив их на спину. В одном доме много духов было. Сердца лебедей вырвал и бросил духам. "Я ищу духа - помощника врага моего отца". Один дух сказал: "Я злой дух убийцы твоего отца". Поймав этого духа, юноша побегал по своей дорожке обратно. Бежит, бежит, нет ни духа его, ни лебедей. Хочет вернуться - очень далеко. Пошел к своей жене. Пришел. "Ну, мерген, что, нового, ну, расскажи, расскажи свои новости. Какие новости?" - "Неудачно я сходил. Нашел духа, лебедей взвалил на спину..." - "Ну, юноша, как я тебя учила? Ничего ты не понимаешь. Разве так нужно нести жертву, которая должна убить врага твоего отца?" Юноша подумал: "Кто его знает, как ее нести?!" Взяла пуди и показала: "Не эта ли твоя жертва?" - "Милая пуди, конечно, эта!" - "Я увидела, что ты несешь в руках лебедей так, что они болтаются, и сходила, чтобы взять их у тебя". Сварили его лебедей и съели. На следующий день юноша отправился. "Хорошенько неси. Я пойду сзади. Ты меня не торопи". Идя так, пришел. "Ну, мерген, какие новости?" - "Какие там новости?! Нашел жертву. Отнес к той пуди, а потом совсем потерял. Куда же это теперь годится? Пошел искать жертву и, не найдя, вернулся". Вечером, когда стали ужинать, пуди говорит: "Ну, юноша, не эта ли твоя жертва?" - "Конечно, эта". - "Ну, юноша, завтра ты будешь отдыхать у меня". - "Отдыхать, так отдыхать". - "Когда будешь отдыхать завтра, пойди и убей птицу с золотыми перьями". На другой день встали. "Где же она находится?" - "Во-он, на берегу, у озера. Никто из людей не может подкрасться к ней. Если ты ее убьешь, то, и правда, можно будет сказать: мерген! Если убьешь ее, устроим пир". На следующий день встали, и юноша пошел на охоту. Стал подкрадываться, подкрадываться... Остановился, вынув и держа наготове стрелу. А птица сказала: "Я дам возможность нашему мергену убить меня". Убил, принес и, бросив на улице, вошел в дом. "Как дела, юноша?" - "Убил." - "Где бросил?" - "Там, на улице бросил". Пуди вышла и взяла птицу. "Ну, ты и в самом деле мерген". Когда встала на другой день; поучает: "Враг твоего отца вон на том берегу. Завтра переправляйся туда. Переправившись, так скажешь: "Ну, старик, давай мне дом, если хочешь сохранить свою жизнь". Тогда он скажет: "Если уж ты нашел мою жизнь, отдам тебе двух своих дочерей-девушек". А ты скажи тогда: "Я найду. Еще рта своего закрыть не успею, когда она придет к тебе в руки". Ну, а потом потребуй себе дом. В то самое время и я переправлюсь туда". Юноша стал переправляться. Когда переправился,

встретил: "Царь, нужна тебе твоя жизнь?" - "Ну что ты, юноша, конечно, нужна! Двух своих дочерей-девушек отдам за нее". - "Я найду твою жизнь. Еще рта закрыть не успею, как уже найду". - "Ну, найди!" - "Подожди, в полдень найду. Дай мне дом!" Дал (царь) ему дом. Там он отдохнул, а когда отдыхал, пришла его жена. "Ну, царь, я твою жизнь нашел". - "Покажи-ка мне, какая?" - "Вот эта". - "Когда найдешь такое, нужно сначала старику дать". - "Не дам я. Чтобы я дал, открой рот!" Открыл рот. В рот ему яйцо бросил и тем убил царя. Пошел к девушке - его дочери. Обернувшись мухой, полетел и сел в отверстии над ее дверью. Пудила, но хоть и шила, а тут же перестала шить. "Ну, мерген, стань человеком и входи". Мерген подумал: "Уже узнала". Упал на землю, стал человеком и вошел. "Ну, пуди, переселяй свое селение, вы все поедете ко мне. Быстро отправляя свое селение". Юноша после этого ушел домой. Дом у него был глиняный. Он подумал: "Я человек сильный, как жить с таким домом? Стыдно!" Ударил себя по голове - появился двухэтажный дом. Селение его становилось все больше и больше. Такое стало, что из тайги за плату дрова носят, воду с берега за плату носят. Так и жил.

Текст представляет собой контаминацию из двух типичных для Приамурья сюжетов. Первый - вариант мифа о сожительстве младшего брата со старшей сестрой. Сестру похищает медведь и становится ее мужем, благодаря чему нарушается кровнородственная семья. Как акт искупления за нарушение брачных прав брата медведь отдает ему в жены свою дочь. Дочь медведя и старшей сестры мергена превращается в женщину и становится его женой. Второй сюжет - о походах мергена с целью мести за смерть отца и приобретения себе жен и зависимых от него селян. Оба сюжета развиты не всюду ясно и с пропусками характерных для них деталей.

№ 3. Эм пуэй бэлэйхэ

Эм пуэй бэлэйхэ, нэмулэн-дэ. Эйкэни пурэмбэ ман'а нулсэ, амимби буэйдуи элууэкэни элууэкэмбэни ичэудэси. Эгэй булэмбэ бэрхэни. Эм мод'а эйхэндуй ункини: "Ми'и хайго'и усэлтэвэ вэри? Эй-дэ ана, найва-да ичэвэси". Нэуни ункини: "Эгэ, хайлохаси?" - "Синду хай-да дэлэй ана". Туи ункини: "Мй-гдэ, ээлэ бими, найэ умбурэ-дэ ичэвэси. Хамача нйэчэ, гаса чопал бу-дэркудуни буэ-рэгдэ булэр ана". Дөлбо луксй пуксидухэ - эуэ мэр-гэ зичини. "Бачигоану, пуэй! Нэвуи сиксэ нйэхэндуй дөлэйхэни эмү пуэй унэйвэни: "Ээлэ бими, найэ умбурэ-дэ ичэвэси". Гэ, буэ най тапу". - "Кэукэ, мэрэгэ, буэ сарасипу". - "Кэукэ, дэду би.

Гэ, чіха, мэлэй-дэ мэлэй". Пуэй уқкини: „Гэ, туй мэлээгуэри: кеңка намо кіралани, пэрхи наму пэрэгдүлэни холігоми, сиун тэни гарпаидони ісігоріэй. Чіми нэрүмбүчини мэлээлури". Чіми мэлээлухэчи. Пуэй сохолта тэтүхэни, сэлэмэ сохолта. Мэлээлухэчи. „Гэ, тээмэнусу!" Пуэй энэм'е, энэм'е... дэрээилүхэни. „Эдэдэ-э-э, эйи зүэ наонзонзйда дэрээиури". Пуэй уқкини: „Пуксй, пуксину! Хэдү, хэдуну!" Тагдадохә. Кеңка намо кіралани, пэрхи наму пэрэгдүлэни холігохани. Сиундэ тэни гарпаіwa ісігохани. Ісігоханэй халачіхани эм иниwэ тэс -хас кэукэ. Калта долбодо нэуни ісігохани. Аңни зүэлтэ бипэ ісігохани. „Гэ, пуэй, ларзінгөри запаосу бумбэ". Пуэй уқкини: „Бүэ гэлэсипу, нуу э-дэ гэлэсипу. Зокөри осіни, зоккчари энусу!" Пуэй пурэмбэ пулси, усэлтэwэ эгэйwэ wари. Эм модә гучи-дэ зійүхэндүи уқкини: „Энэнэ-э-э, чиурикпэ! Нан масіани хайлоасу бамча!" - „Эгэ, хайлохаси?" - „Синду хай дэлэйко? Бектэ биме хэдү хэдүлүхэ - зүе мөргэ ісөхә. Мөргэ ісөхандүи уқкини: „Дэдүкэ бину, тајаласоока бину? Дэдүлэ дэдү би". - „Бүе хайwa-дә сарасіпу, бүе хайwa-дә эчій ундөпу". Нэуни уқкини: „Эгэ, мији хайе уқкәји: тамачаwа ээй зоамбора. Эси си хонтагуй тајси нан зичимбэни?" Пуэй уқкини: „Ми уқкимби". - „Гэ, мэлэй-лэ мэлэй". Пуэй уқкини: „Хайэй мэлэйпу?" - „Мөргэ уқкини: „Хасгабзәјари мэлээгису. Бујумбэ wуаори, калта иниче эм таңгу бују". „Гэ, мөргэсэл, акпанусу". - „Бүэ акпандәси, бүэ чэк-чэк халачіпу". - „Эдэдэ-э-э, көрпизасо-ма!" Чіми пујимбэ сэрүчихэ, сэрүчихэ, түидэ чілахә. Мөргэсэл тōхә. Пуэй сиун гарпаочіне тосэрүчихә, мөчодо таwа іwачімари тэсйчи. „Эдэдэ, пуэй, хайми гојдајси? „Эдэдэ, мэлээзәсумэ!" - „Гэ, мэлээгису!" - „Мөргэсэл, калта иниче таңгу бујумбэ wуаори!" Мэнэ-мэнэ энәпсилүхэ. Пуэй бујумбэ wуакталүхә. Wуахә, wуахә... хоні-дә wуахамби сараси. Эси таңгохани - эм таңгу сосай бујумбэ wуахани. Зізүхэни зоккчи, халачіхә. Калта иниду нэузімэ ісөхә. Хујунгу бујумбэ wуахә. Агэймани калтајни сйриwэ ісігохә. „Гэ, пуэйсэл, ларзінгөри запаосу". - „Бүэ ларзінгөри гэлэсипу. Зокөри осіни, зоккчари энусу! Эси пуэй пурэмбэ пулилүхэ. Гучи-дэ эм модә зійүхэндүи уқкини: „Нан масіани, нан маңгани гә бамча!" Нэуни уқкини: „Эгэ, туй кәсәмбэ бамі хас зәзәи". - „Синду хай-дә дэлэй анә". Туй уңзидүи зүэ мөргэ зичини. „Гэ, бүэ мэлээндэхәпу". - „Хайэй мэлээпу?" - „Хурэмбэ сусуэмбуриэй мэлээгису: хурэмбэ пэйси зәә модә сусуэнэй, зәә модә хурэмбэ холігоу, токондони дамахи оминачора, зоккчи зугуми, калта ини сйричинэ зугүриэй". Зіалә чіманэ мэлээндәмәри энәпсиуқкичи. Нэуни хәмә-хәмә аохани, хайwa-дә сараси најачи очіни. Нэуни муручихэни: „Эткәји дэрээилүхэ". Чанмодп тәриэй гәсә, нізхэни боачи. Сохолнохә, сохолнохә... сохолта хон-дә энәси. „Амаје нәучәхэчи сохолта бијәтәни". Такто бәрони энәхэни, сэлэмэ сохолтаwа бәхани, чаwа тәтүгүхэни. Туй эпумби чэк запахә, хэдү хэдунзйини-ну, пуксим пуксинзйини-ну энәпсилүхэни. Энәхэни хамтадан эмуту нәхә нәхәхэнимэ осігохани. Ичәхэни: эткәни дэрээихэ. Хурэмбэ ісөхандүи порондокіни зәә модә сусуэнәк, зәә модә холігохә, порондони дамахиwа оминачохә, зоккчи зугүхә, акпаоқкй. Калта ини сиунини зійүхэчи. „Гэ,

нәу, далдахамби". Мөргэ уқкини: „Бүэ далдахәпу, сүэ дабдәчісу". Эткәни уқкини: „Гэ, эси бүэ сунзйи зэйләнәпу". Гэ, пуэйсэл чіхалахә, мөргэ чіхалахә. Асіламачіхә, гәсә билүхә. Пурэмбә манам пулси, согдата эгзә wари.

Перевод

Жила пуди

Жила пуди вдвоем с младшей сестрой. Старшая сестра ходит на охоту, ходит осматривать самострелы на лося, поставленные перед смертью ее отцом. Много (убитых) лосей нашла она. Однажды сказала, когда возвратилась: „Зачем я зверей промышляю? И мужа у меня нет, и даже людей не видно". Младшая сестра сказала: „Сестра, что ты затеваешь?" - „Тебе нет до этого никакого дела". Так сказала старшая сестра: „Живу, и до сих пор, не видела даже того, что называется человеком. В то время как всякие лесные и водоплавающие птицы живут парами, мы пар себе не имеем". Ночью поднялась буря - пришли два мергена. „Здравствуй, пуди! Мой младший брат вышел и услышал, что какая-то пуди говорит: „Живу до сих пор, а не видела даже того, что называется человеком". Ну, вот, мы и есть люди". - „Нет мерген, ничего мы не знаем". - „Нет, это здесь было слышно". - „Ну, ладно, состязаться, так состязаться". Пуди сказала: „Ну, давайте состязаться: побежим по берегу моря Кенка, через дальний угол Северного моря, и чтобы прийти обратно с восходом солнца. Утром, как только рассветет, нужно начинать состязание". Утром начали состязаться. Пуди лыжи надела, железные лыжи. Начали состязаться. „Ну, шевелитесь!" Пуди шла, шла и стала отставать. „Ай-ай-ай, от этих-то двух юношей отстать!" Пуди сказала: „Поднимись, буря! Подуй, ветер!" Стала напрягать последние силы. По берегу моря Кенка, через дальний угол Северного моря шла. Пришла, когда только что восходило солнце. Пришла и дожидалась целый день - их все нет. В полночь пришел младший брат. Старший брат пришел спустя два дня. „Ну, пуди, бери нас себе в слуги". Пуди сказала: „Нам не нужно слуг, никого нам не нужно. Если есть у вас свой дом, ступайте домой". Пуди на охоту ходит, зверя много промышляет. Когда однажды опять возвратилась, сказала: „Ох, как печально! Найдти бы где-нибудь сильного человека!" - „Сестра, что ты затеваешь?" - „А тебе какое дело?" Немного погодя подул ветер - пришли два мергена. Мерген пришел и сказал: „Здесь, что ли, она живет или там за вами дальше?" Здесь-то здесь. „Ничего мы не знаем и ничего мы не говорили". Младшая сестра сказала: „Что я, сестра, говорила тебе: не затевай такого дела. Что же ты теперь намерена делать с пришедшими людьми?" - „Я сказала, - промолвила пуди. „Ну, что же, состязаться, так состязаться". Пуди сказала: „В чем мы будем состязаться?" - „В скорости бега посостязаемся, - сказал мерген. - Лосей убивать, к полудню сотню ло-

сей". „Ну, мергены, ложитесь спать". – „Мы не ляжем, мы будем наготове дожидаться утра". – „Да что вы, успеете!" Утром будили, будили пуди, так и не могли разбудить. Мергены поднялись в гору. Пуди тоже поднялась в гору, когда взошло солнце. На лесной вырубке сидят мергены и жгут костер. „Ай-ай-ай, пуди, почему же ты мешкаешь?" – „Ну, посостязайтесь со мной!" – „Ну, будем состязаться!" – „Мергены, к полудню сотню лосей убить!" Отправились каждый сам по себе. Пуди начала убивать лосей. Убивала, убивала... и сама не знает, сколько убила. Теперь посчитала: сто пятьдесят лосей убила. Возвратилась домой и поджидает. К полудню пришел младший. Убил девяносто лосей. Старший пришел после полудня. „Ну, пуди, берите нас себе в слуги". – „Слуги нам не нужны. Если дом у вас есть, отправляйтесь домой!" Пуди стала опять на охоту ходить. Возвратившись однажды, опять сказала: „Крепкого, сильного человека найти бы!" – „Сестра, – сказала младшая, – ты испытала такие мучения, а все же вспоминаешь". – „Тебе нет никакого дела". Когда она говорила так, пришли два мергена. „Ну вот, мы пришли состязаться". „В чем состязаться будем?" – „Давайте состязаться в катании с горы: чтобы десять раз с горы вниз скатиться, десять раз обойти гору, в центре ее покурить табак, спуститься и домой прийти обратно после полудня". На следующий день отправились состязаться. Младшая сестра спокойно лежала, притворилась ничего не знающим человеком. „Сестра моя стала отставать", – подумала младшая сестра. Моментально встала и сразу же вышла на улицу. Шла, шла на лыжах... никак не идут лыжи. „Ведь есть же лыжи, сохранные предками". Пошла в амбар, нашла железные лыжи и надела их. Взяла наизготовку посох и пошла так, что не то ветер дует, не то буря бушует. Пошла, а сзади нее как будто вихрь встал. Увидела она, что сестра ее осталась. Когда подошла к горе, десять раз скатилась, десять раз обошла, на вершине ее покурила, спустилась домой и легла спать. После полудня возвратилась. „Ну, сестренка, я проиграла". – „Мы проиграли", – сказал мерген, – вы не проиграли". Старшая сестра сказала: „Ну, теперь мы с вами поженимся". Тут обе пуди и мергены согласились. Поженились и стали жить вместе. Ходят на охоту и ловят много рыбы.

№ 4. Эм пүзй эткэмулэ бэлзйхэ

Эм пүзй эткэмулэ бэлзйхэ. Туй бичй. Туй бими, чйктэ соггозйани унчупумбэ аңгочй, сора соггозйани јанпй аңгочй. Туй тарэ, эм эбкчи энэхэ, тотарэ, чаду мэури. Чаду эм мэргэ би. Туй мэргэнчи унзи: „Мэргэ, нэмбэ: ми унчупумби, ми јанпамби хай-зи аңгопоха, нэмбэ!" Н'орани унзи: „Узэксэзи аңгопоха", – унзи.

„Кэукэ", – унзи тэй эктэ, – чирги чйктэ, сорги сора, – унзи тэй эктэ. – Ми эзйи эбгду бијэм, – унзи. – Н'орандони чирим голбо бијэм, – унзи. – Чётан – чйчи, – унзи. Аггарани – ајсэ, – унзи. – Мэлбикэни – мэнгү, – унзи. – Туэри сөксилтани – эукиксэ, – унзи. – Муэсэмэни – эулэиз. Сй-тэни хай чукй мэргэнси, биээрэ". Туй ундэ, пүзй гой эбкчи энэхэ. Чаду гучи эм нэй эмучэ би. Чачи унзи гучи: „Нэмбору, – унзи, – ми унчупумби, јанпамби хайзи аңгопоха?" – „Хай маңга, – унзи туй мэргэ, – чирги чйктэ, сорги сора", – унзи тэй мэргэ. Нэмбоха. Унчупум бојаха. Чазй эзйитэхэ.

Перевод

№ 4. Жила пуди с сестрой

Жила пуди вдвоем со старшей сестрой. Так и жила. Живя так, из шкуры вши сделала бубен, из шкуры блохи сделала шаманский пояс. Потом пошла в один дом и камлает там. Там есть один мерген. Говорит этому мергену: „Мерген, угадай: из чего сделаны мой бубен и мой шаманский пояс, угадай!" Он говорит: „Из шкуры кабарги сделаны". – „Нет, говорит та женщина, – чирги – вошь, сорги – блоха, – говорит та женщина. – Мой муж дома, – говорит. – У него есть бронзовая оморочка, – говорит. – Сиденье ее – бисер, – говорит. – Нос ее золото, – говорит. – Весла ее – серебро, – говорит. – Зимние лыжи его с мехом выдры, – говорит. – Завязки их – цепи. А ты, видно, совсем плохой мерген". Сказав так, пуди пошла в другой дом. Там еще один человек был в одиночестве. Ему тоже говорит: „Угадай, – говорит, – из чего сделаны мой бубен и мой пояс". – „Что трудного, – говорит тот мерген, чирги – вошь, сорги – блоха", – говорит тот мерген. Угадал. Бубен порвался. За того мергена вышла замуж.

№ 5. Эмү асоэока бэлзйхэ

Эмү асоэока энимулэ бэлзйхэ. Гэ, туй бимэ, энини эпэм-бэ эпэнзи. Пиктэји: „Мова гэлэндэру", – унзи. Туй тарэ, энини јакчйхэ уткэ. Пиктэни уткэлэ йгуичэхэни – уткэ дэң-дэң би. Хон-ди йгуичэми чйлахани. „Энэ, энэ, эорозоңэ, аксү павалани йгуэм-би". – „Аксунду амбаңко, ээи йгурэ!" – унзи. „Энэ, энэ, эорозоң-э малу павалани йгуэмби". – „Малодо-дэ амбаңко, ээи йгурэ!" – унзи. „Энэ, энэ, эорозоңэ, ми маңгоа хэи энэмбэ", – унзи. „Хэ-эилэ-дэ амбаңко, ээи энэрэ!" – унзи. „Энэ, энэ, эорозоңэ, ми маңгоа соли энэмбэ", – унзи. „Солала-дэ амбаңко, ээи энэрэ!" – унзи. „Энэ, энэ, эорозоңэ, ми маңгоа байси энэмбэ", – унзи.

„Бадгала-дә амбаңко, ээй энэрэ!“ – унзи. „Энэ, энэ, зорозоңоо, ми дуиси энэмбэ“, – унзи. „Дујэлэ-дэ амбаңко, ээй энэрэ!“ – унзи. Энин-тэни чірохамби эпэмбэ эмучэкэ ээкини. Пиктэни тагдах. Зуэ мокамба запара, хэсэ-хэсэ тами, хэсэриу уиси дэгдэх. Ушлэ энэмэ, энэмэ... туи пэиси морй покточини түгүхэ. Морй поктодони хэмэ-э-э тэси. Іла морй зизн. Зулун моринду дај дэллү. Дај дэлпомба ичэчин-дэ, „Дај дэлпо бизэрэ“, – муручихэ туи асо-зока. – Туи хамалани би моринэи Сахал’а мэргэ энэини бизэрэ. – муручихэни. Хамуруи моринэи Гэңгигэ мэргэ энэини бизэрэ“, – муручихэни. Туи мэргэусэл, асозокамба ичэрэ, чигүмэчимэри сорлохачи. Туи сориха, сориха. Гэңгигэ мэргэ дэбзиха. Туи асозокамба мориндуи тэучигурэ, эокчи и газоха. Туи асозоканэи асилаха, тотара, туи билухэ.

Перевод

№ 5. Жила девочка

Жила девочка вдвоем с матерью. Ну вот, живет так, мать ее лепешки делает. „Пойди по дрова“, – говорит своей дочери. После этого мать заперла дверь. Дочь хотела войти – дверь не подается. Никак не могла войти. „Мама, мама, дероденгден, я в окно фасада влезу“. – „На фасаде черти, не влезай!“ – говорит (мать). „Мама, мама, дероденгден, я влезу в окно на задней стене“. – „И на задней стене черти, не влезай!“ – говорит (мать). „Мама, мама, дероденгден, я поеду вниз по реке“, – говорит (дочь). „И внизу черти, не езди!“ – говорит (мать). „Мама, мама, дероденгден, я поеду вверх по реке“, – говорит (дочь). „И вверх черти, не езди!“ – говорит (мать). „Мама, мама, дероденгден, я поеду на ту сторону реки“, – говорит (дочь). „И на той стороне черти, не езди!“ – говорит (мать). „Мама, мама, дероденгден, я пойду в тайгу“, – говорит (дочь). „И в тайге черти, не ходи!“ – говорит (мать). Мать одна съела лепешки, которые она испекла. Рассердилась дочь. Взяла две палки, замахала ими как крыльями и взлетела вверх, распластав руки. Летела, летела над землей... И опустилась вниз на конную дорожку. Тихо-тихо сидит на конной дорожке. Приближаются три коня. На переднем коне слуга. Хоть и не видала слуг, а все же подумала та девочка: наверное, слуга. „На коне, что идет позади него, едет, видно, мерген Черный“, – подумала она. – На последнем коне, наверное, едет мерген Прозрачный“, – подумала она. Мергены те увидели девочку и стали бороться, отнимая ее друг у друга. Боролись, боролись они, и победил мерген Прозрачный. Посадил он девочку к себе на коня и привез домой. Женится на этой девочке, а потом так и зажил.

№ 6. Эм хото бэлзиха

Эм хото бэлзиха. Туи хото эмзэ модандони эм зокка би-чй. Туи зогду эм мапа, эм мама, пиктэчи эм нүчи наонзюка бичи-чи. Туи наонзюка инт таондони боалпа хупи, ниечэмбэ гарпанаси тами урэхэни. Эм мода эму нан эичини туи пиктэчи. „Сймбе ээ хэрсие“, – унзи. Энэхэ, ээ зүлиэлэни іліх. „Си, наонзюка, Арама хотончини асїе гэлэндэру“, – унзи. Туи нигүхэ, эокчи и зий-хэ. Амїни унзїни: „Хайгуи хэрчинэ?“ – унзи. „Ама, ээ Арама хотонду би асїе гэлэндэру унзїни“. Амїни унзїни, „Минду јасїки бије“, – унзи, – туи јасїкиду би даҥса таоми, туи би хото бйвэни-дэ, кэукэмбэни-дэ сазамби“. Энїмбэни: „Эпэмбэ эпэну, – унди, – пиктэи худгисэгуэн“. Амїни туи эм долбоа инэдэлэ таоңки, „Арама хотон кэукэ, – унзи. – Сїмбе, саїна, бурпури боачи энэунзїни, биээрэ“. Пиктэни унзїни: „Бузи-дэ, энэзэмбэ“, – унзи. Аоңгах, туи энэхэ. Энини худгисэгуни эм кулиду тэс эпэмбэ худгїхэ. Ичэу тајачїни энэми, зїлії и туи кули аңуалани гїдалара, зэми энэлүхэ. Туи энэмэ, энэмэ... кули и эпэмбэн манаха, эм зогба ісіх. Туи эокчи іхэ. Чаду хусэ нэи асїмуп’а бэлзи. „Наонзюка, хауси энэисэ?“ – унзи. „Мїмбэ ээ гїктазїнэ“, – унзи. – Арама хотондон би асїи гэлэндэрунзїни“. Туи хусэ нэи, эм јасїки асїчи гэлэрэ, даҥса таолоха. Асїчи и унзїни: „Наонзюка худгисэгуэни эпэмбэ эпэну“, – унзи. Эпэңкї, Эзїни таоңкї, долбоа инэдэлэ гэлэктэхэ, гэлэктэхэ – кэукэ. „Наонзюка, мочогоро! Сїмбе саїна бурпури боачи энэунзїни биээрэ“, – унзи. Наонзюка унзїни: „Мочогосїмбе, бузи-дэ, энэзэмбэ“, – унзи. Хас энэи. Нигүрэ, ичэу тајачїни энэми, зїлії и туи кули аңуалани гїдалара, зэми энэлүхэ. Гэ, туи энэи, энэи... эпэ ман’арїдуни гучи эм эокчи ісіхани. Чаду-да эм хусэ нэи асїмуп’а бэлзи. „Наонзюка, хауси энэисэ?“ – унзи. „Мїмбэ ээ гїктазїнэ“, – унзи. – Арама хотондон би асїи гэлэндэрунзїни“. Туи хусэ нэи, эм јасїки асїчи гэлэрэ, даҥса таолоха. Асїчи и унзїни: „Наонзюка худгисэгуэни эпэмбэ эпэну“, – унзи. Эпэңкї, Эзїни таоңкї, долбоа инэдэлэ гэлэктэхэ, гэлэктэхэ – хас кэукэ. „Наонзюка, мочогоро! Сїмбе саїна бурпури боачи энэунзїни биээрэ“, – унзи. Наонзюка унзїни: „Мочогосїмби, бузи-дэ, энэзэмбэ“, – унзїни. Хас энэи. Нигүрэ, ичэу тајачїни энэми, зїлії и туи кули аңуалани гїдалара, зэми энэлүхэ. Туи зэми, энэи. Кули долїнодо очо-ха. Наонзюка муручини: „Эси нанга-нанга зэпури – нан кэукэ“. Эси нанга-нанга зэми энэлүхэ. Энэхэ, энэхэ... худгисэни чо-ши ман’аха. Хомїчим энэи. Тэси – энэи, аори – энэи. Туи энэм’э, эм боаду акаңкїни. Толкїчилүхэ: тэ чаду би эм мо, моктоа мо би. Туи тоду эму сэгзї нанбозактани чуңурулэ би мапа тэси. Толкїчїдуи гисурэни наонзюка: „Ээ мїмбэ Арама хотончини гїктазї-хани“. Туи мапа унзи: „Туи би хото бије“, – унзи. – „Ми балана тоси пулчимбэ“, – унзи. – „Туи получимби качїр эи нїјала би; нїзи энэуэс-тэнэ“, – унзи. – „Тауси хонї-да зүру“, – унзи. – „Іава ісіхас осїни, чаду зэпури чэк би. Туи качїрду боочаси, мэнэ сїмбиwэ олбїнэи. Туи хотомба ісіпи, товорїни манга“, – унзи. – „Хото нїјалан холгокта малэ, чїпїчїпи бије“, – унзи.

Наонзобка сэнэгүхэни, насалби нйхэлгүхэни — мапа-дэ кэүкэ, хаи-
дэ кэүкэ. Тотарэ, ндэси микуми зулүхэни. Сэголи эури, сэрас
очопи, аори — түй эүхэни. Түй эүмэ, сэпс кирайи сила ісіхэни.
Тээ-дэ чаду качір би, Сэгои, дөлүгүи тами, сила качірчи охани.
Тээ-дэ качір долан' ээпүри чэк би. Наонзобка ээлүхэни, зүкэ-зүкэ
ээлчи. Түй тамэ аја очоха. Орізіни гэсэ, качір мэнэ энэлүхэ.
Түй энэи. Түй энэмэ, хотондола ісіхэ. Түй качірчи унзи: „Качір,
заккала хару“, — унзи. Гэ, түй хэхэ. Хэс кал хэраси. Наонзобка,
мөва запара, мөзи путкүхэ, музчи чіккахэ. Түй тарэ, түй хол-
гокта долани іванкй, тэтуэји, отаји холгичігүхэ. Түй бидунэ наи
іхамба, олгіамба, чікова сйксэ тасанголохэ. Наонзобка, зіліји
тас пачіларэ наи ичэси' наи очі, тотарэ, наи іхамба, дэнсигуизэ-
ни гэсэ толохэ. Ээ эогбани ісіхэ. Түй эо чу боавуи уткэдуні
зүэ наи сүрэзи этүри. Наонзобка налаји ондар тахани — түй зүэ
наи, мэнэ дола чапчімачіра, буткй. Түй тажалани бй уткэду гучи
зүэ нэи күчэнзи этүри. Наонзобка гучи налаји ондар тахани — гучи
түй зүэ нэи мэнэ дола күчэлэмэчирэ, буткй. Чү довои уткэду
гучи зүэ нэи похонзи этүри. Гучи чаду-дэ ондар тахэ — түй-дэ бут-
кй. Эээнчи ісохэ, талгіалани іліхэ. Ээ нэлэхэ, мэдэлснни: „Хони
си йми мутэхэси?“ — „Этүри наіва чопал вара, йхэмби“. Эээ бэйи
нэлэхэ, хаіва-дэ, зілгангоаси, чімо-чімо бй. Бэктэ бипэ, эээ
унзини: „Дабдахандолэи асігоаси нэвуји бүрэмби“. Наонзобка эээн-
чи зичимби баітаји гисурэлүхэ. Эээ унзини: „Сімбиwэ гіктазіхэ
эээ баланса эуси пулчијэ, — унзи. — Мйнэи чаоха сорими, далдахэ.
Нэлэрэ, энүхэни, асіји зоплагуми. Мэнэ зими нэлэми, сімбэ гік-
тазіхэни. Түй эээ асіни эи арліала бй іхэ солиа модандуни бйјэ, —
унзи. — Чімана энэру н'оамбани гэлэндэгуми. Тэй эктэwэ эээнчи-
ји гээууас-тани. Ми морімба бүрэмбэ, — унзи, асіма морімба;
доліндукини зүлэс асіи, хамас мэнгү, — унзи, — түй морй“. Түй
тарэ, зіа чіманwа энүхэ, түй эктэ запагүхэ. Запагорэ, морй
хүдгүлэни ууүхэ тэй эктэ, мэнэ-тэни асіјји гэсэ морй ојалани
охохэ. Түй тарэ, унлэ дэгдэм энүхэ. Гороа энүхэ, зіа энүхэ. Түй
энэмэ, ісіохэ. Амін-дэ аја, энин-дэ аја. Түй морімба ачогохэ —
чоп энүхэ Арама хотончіни. Аонгахэ. Зіалан чіманіwа түй эктэ-
wэ эээ барон' ірахэ. Түй хамгалани хэмэ түй очоха. Түй бимэ,
гучи эээ гэлэи түй наонзобкамба. Наонзобка гучи эээ талгіалан'
ілігохэ. „Ам наонзобка, ми сімбэ гіктазігой тэмбэ“, — унзи. „Хау-
си гіктазіси?“ — „Чіроборо хотончіја“, — унзи. Зізүхэ аминчи
гисурэхэ. Аміни јаскадуи бй даңса јарчи. „Бйјэ, — унзи, — энэи-
дэ аја! Хүдгисэгүи зүэ олгіамба, зүэ іхамба гэлэру“. Наонзобка
гэлэхэ. Түй зүэ іхамба, зүэ олгіамба олбим түй энэи. Наонзобка
эм боаду зогой анросіни пурэнду, хэмэ бини чаду. Олгіамба вари
ээлчи, түй бичй. Заккадуни даи амоа бичй. Түй аморанду эм гаса
тэс морай, түй пиктэни зүер. Наонзобка түй гасачи бэичилүхэ. Пик-
тэни запаха, зүэтуцэс пиктэни запаха. Түй тамэ түй гаса зара-
ли: „Пиктэјэ бүгуру“, — унзи. Түй наонзобка унзини: „Бүгүэсимбэ, —
унзи. — Чіроборо хотончи асігојэ, эээ асігоані-дэ гэлэндэру, —
унзи, — гээочісіма бүгүээмби“. Түй гаса пуригүхэ. Бэктэ бипэ,
аггіонкй, зүэ ујэкэмбэ гаэуми аггіонкй. Эм ујэкэ ілгако, түй

эмунаймэ илга ана. Тыи зүэ ујэкэмбэ бүхэ. „Илгакоа мэндуи
запару, — унзи, — илга анава эзэндүи бүр“, — унзи. Туи тара,
хамаси мочоголоха. Туи эиэумэ, зогби ісбха. Тотара, аккаңкй.
Аоп’а сэнэхэ. Зогду инэхэни, нэл-нэл инэхэ. Боачи нияхэ — боала
пакчиси, эчиэ инэрэ. „Хайм боала лобо, зогду инэхэ?“ Ноани ча
пэкэси. Туи тара, итүхэ. Тыи илгаку ујэкэмбэ наэнчи и ичэгүхэ-
ни. Ујэкэ эм пуэй очоха, гуэзукули, улэ пуэй — чази пнэхэ. Чази
ноани асілахэ. Илга ана ујэкэмбэтэни ірахэ эээнчи. Эзэ запаха
ујэкэмбэ. Наонзбкә зокчи энүхэ. Чаду туи муручини: „Эзэмбэ
у аорэ, — муручи, — тотара, эзэ очорэ“, — муручи. Наонзбкә эзэм-
бэ Ұаха, чадоки эзэ очоха.

№ 6. Был город

своей женой: „Навеки денежок и качество продуктов для юноши“. Навекда денежок. Муж ее читал, искал всю ночь до рассвета – и все-таки ничего не нашел. „Вернись, юноша! Наверное, тебя он посылает в гиблое место“. Юноша говорит: „Не вернусь я, хоть и погибать, а пойду“. Опять отправляется. Выйдя, пошел, скрываясь из вида, и ел, засунув голову в отверстие мешка. Ест так и идет. Куль стал наполовину пустым. Юноша думает: „Теперь нужно понемногу есть, людей-то нет“. Теперь пошел понемногу. Шел, шел... Кончились все его продукты. Идет впроголодь, посидит – идет, полежит – идет. Шел он так и лег спать в одном месте. Стало ему снится: вон там стоит одно дерево, сломанное дерево. На дереве сидит какой-то старый человек, старик с бородой до пупа. Юноша рассказывает во сне: „Царь послал меня в город Арама“. Старик тот говорит: „Такой город есть, – говорит. – Я раньше ездил туда, – говорит. – Тот катер, на котором я ездил, стоит здесь на берегу; на нем и отправляйся, – говорит. – Как-нибудь уж спустись туда, – говорит. – Если дойдешь до него, то там лежит готовая пища. Когда сядешь на этот катер, он сам тебя пове-зет. Приедешь в тот город, подниматься на берег будет трудно. Берег у города весь в тростнике, густой тростник стоит“. Проснувшись юноша, открыл глаза: ни старика, ничего нет. Потом стал ползком спускаться к берегу. Пока в сознании, спускается, потеряв сознание, лежит, так и спускался. Спускаясь так, еле-еле добрался до берега. Там, и в самом деле, был катер. То приходя в сознание, то теряя его, он с трудом влез на катер. На катере, и в самом деле, была готовая пища. Юноша стал есть, еле-еле ест. В результате этого он поправился. Как только сел, катер сам пошел. Так и идет. Идя так, подъехал к городу. Юноша говорит катеру: „Катер, причаливай к берегу! Вот так и причалил. А все же вплотную-то не причаливает. Юноша взял палку, прыгнул с помощью палки и вымок в воде. Потом в тростнике разжег костер и высушил свою одежду и обувь. В это время люди начали загонять коров, свиней, кур. Юноша шлепнул себя по голове, стал невидимкой и после этого поднялся на берег вместе с людьми, гнавшими коров. Дошел до царского дома. У самой внешней двери этого дома два человека охраняют его с топорами. Юноша взмахнул руками, те двое порубили друг друга и умерли. У двери, которая была за этой, еще два человека охраняют с ножами. Юноша опять взмахнул руками, и опять эти двое покололи друг друга ножами и умерли. У самой внутренней двери еще два человека охраняют с мечами. И там опять взмахнул руками – и те умерли. Пришел к царю и стал перед ним. Царь испугался, спрашивает: „Как ты смог войти?“ – „Убил всех охранявших и вошел“. Царь еще больше испугался, ничего не говорит в ответ, молчит. Немного погодя царь говорит: „Раз уж я побежден, даю тебе в жены свою младшую сестру“. Юноша рассказал царю о деле, по которому он пришел. Царь говорит: „Пославший тебя сюда царь дано приезжал сюда. Воюя со мною, он потерпел поражение. Испугался и уехал, бросив свою жену. Сам он приехать боится, вот и прислал тебя. Жена того царя живет в

верхнем конце селения, которое находится выше по течению отсюда. Завтра отправляйся ее искать. Отвези своему царю эту женщину. Я дам коня, – говорит, – золотого коня: у того коня передняя половина его золотая, а задняя – серебряная“. На следующий день уехал, взял ту женщину. Взял и привязал ту женщину к конскому хвосту, а сам вместе со своей женой на коня сел. Потом полетели над землей. Далеко ли, близко ли летели. Летели так и прилетели. И отец здоров, и мать здорова. Освободил коня, и тот улетел совсем в город Арама. Переночевал. На следующий день доставил ту женщину к царю. После этого стал спокойно жить. Живет он так, и опять царь требует этого юношу. Юноша опять стал перед царем. „Сынок, юноша, я опять собираюсь послать тебя“, – говорит. „Куда же посылаешь?“ – „В город Чероборо“, – говорит. Возвратился он и рассказал отцу. Его отец посмотрел книгу, лежавшую в его ящике. „Есть, – говорит, – можно идти. В качестве продуктов потребуй себе двух свиней и двух коров“. Потребовал юноша. Так и едет, везя с собой двух свиней и двух коров. В одном месте юноша строит себе дом в таежной глуши и живет там спокойно. Свинью убьет – ест, так и жил. Около него было большое озеро. На том озере одна утка все время кричит, детенышей у нее двое. Юноша стал подкрадываться к этой утке. Детенышей ее поймал, обоих детенышей поймал. Тогда та утка заговорила: „Отдай детенышей моих“, – говорит. Юноша тот говорит: „Не отдам, – говорит. В город Чероборо лети и найди мне жену и царю жену, – говорит, – когда привезешь, тогда только отдам“. Утка нырнула. Немного погодя появилась, неся две шкатулки. Одна шкатулка с орнаментом, а другая без орнамента. Отдала эти две шкатулки. „С орнаментом себе возьми, – говорит, – а без орнамента отдай своему царю“. После этого он стал возвращаться обратно. Возвращаясь, приехал домой. Лег спать. Поспал, проснулся. В доме рассвело, светло-светло стало. Вышел на улицу – на улице темно, еще не рассвело. „Почему на улице ночь, а дома рассвело?“ – удивляется он этому. После этого вошел в дом. Взглянул туда, где положил орнаментированную шкатулку. Шкатулка превратилась в красавицу, красивую, хорошую красавицу – от нее и рассвело. Он женился на ней. А шкатулку без орнамента отнес царю. Царь шкатулку взял. Юноша ушел домой. Там он так думает: „Надо убить царя, – думает, – а потом стать царем“, – думает. Юноша убил царя и с тех пор стал царем.

№ 7. Эм пуэй бэлэйхэ

Э-э-э, эм пуэй бэлэйхэ. Туй бэлэйхэ: хамача-дэ ээпури-дэ бэли, тэтуэ-дэ бэли. Түэ нёучэни, турэксэлэ би симата үнэи, эдари нёучэни, турэксэлэ би н'азаха хаҗмаи. Баочи нёхэндуй банданду тулэдуи тэре, тэси. Бадҗалани хэвэм би. Тэй дадуни

зүэ зай ботакхани, зүэ мэргэ - эм гогда, эм нэктэ. Гисурэндуи, дайрил тап. Эм мэргэ унзи: „Ми апаи асигоуа удини бие, - унзи, - эи бадоду. Туэ нёучэни, турэксэлэ би симата унзи, зодри нёучэни, турэксэлэ би н'азаха ханмай. Э-э-э, анда чимана ичэн-дэурэ, - унзи, - тьи эктэвэ". Пуэй токоха, аккаонки. Чимэй тэхэ, дэрэгби сиккоха, хоппомби тэтүхэ, улэ уилэмби, вака ваннэй за-паоха, дуиси тэгүхэ, уилэлүхэ. Тьи мэргэ йгүхэ, малочи тэндэхэ. Пуэй ичэ-дэ таси, киро-дэ таси, мэнэ-гдэ улипи, улипи. Туй тэм осам'а, тьи мэргэ нёгүхэ, зугүхэ. Тотарэ, зичи гисурэгуи: „Ача-пчи ичэури осини, хон'ка би пуэй!" - унзи. Тьи эм зичи унзи: „Ми-дэ чимана ичэндэурэ". Сиксэ аккаонки. Зилан' чиман'а тэгү-хэ, сиккохоха, тэтүгүхэ, уилэмби запагоха, тэгүрэ, уилэлүхэ. Тьи эм мэргэ зичи. Ирэ, туй тэси, дамахо оми, хича хичан-дэ таи. Пу-эин-тэни ичэ-дэ таси, киро-дэ таси, туй тэси. Туй тэчим дууэдүэ-нэ нёгүхэ, зугүхэ.

„Анда, - унзи, - тэй-дэ тээ-дэ ачапчи ичэури осини, хон'а би пуэй!" - унзи. Туй таханэйи накандуи тэсими, долэйхани - китур таи. Ичэхэни - хай-дэ дайлани атакаја н'оан' барон' зичи. Чэва хулэнэйи пачилахани - наканду сэксеман'а очини. Тотарэ, туй очоха. Туй бимэ, эм мод'а долэйха - морин түхэни сасини. Пэважи кита-ларэ, ичэхэни - эм тэни бэжэгуи бари асозока моринэй зичини. Мо-римби уурэ, йхэ. „Хэрэ эпангу, зичэси-ну?" - унзи. „Зукэ, сым-бэ ага нан'онкини", - унзи. Пуэй дунгу-дунгу очи. Асозока мэнэ тэгүвэн' тэгүвэнзи, омолагонэйи, хукуэмбэни туугэндүлэни гда-лагон тара, хамцайхи аносими нёзугүхэ. Туй тара, мориндуи тэгү-хэ. Сосихази пачилами, уиси хор дэгдэгүхэ. Мангоа хэйи энэлү-хэ. Туй энумэ, бируэвэ исогоха. Эээ хани дулэлни тугүхэ. Чаду эм зок'а би, ото-о-о нуч зок'а. Чал йхэ тьи эктэ, таван' насикта, эн' уэни муэни сугдүэ пуиси. Най-дэ, ана, хай-дэ ана. Туй халачим чилам'а, нёгүлүхэ. Хайла-дэ уткэ-дэ ана, пэва-дэ ана, чилу-чилу, очоха. Тотарэ, тьи зогду билүхэ - бэли мо, бэли зэпүри, бэли муэ. Муэ-дэ ман' араси, зэпүри-дэ ман' араси, таваива-дэ гуптэси. Туй бимэ, эм мод'а боак'ала эм хусэ нэй зилгамбани долэйха: „Азйва пуэ, зэбдүэси уликсэ эм пина лорамби", - унзи. Пуэй муручи: „Хан отоли нан'зэмби?" Туй тара аккаонкини. Чимэй тэгүхэ - тэй уликсэ бэсэрэдуну би. Тотарэ, ча пуучими зэпчини. Тьи уликсэңгүни ман'арилан'а тэй-ту мэргэ зилгани долэйори: „Азйва пуэ, зэб-дүэси гучи эм пина уликсэ лорамбэ", - унзи. Пуэй муручи: „Хан отоми нан'зэмби?" Тотарэ, чимэй тэхэ - тэй уликсэ бэсэрэдун' би. Ча эмдэ зогду очимба зэпчи гоан'. Туй таидунэ эм инэ эм мэргэ, гогда мэргэ, мозаңга, ичэуми-дэ улэ мэргэ йхэ. Тьи мэргэ унзи-ни: „Сымбэ хайми-дэ зэжачасимби, агаја, бара вагилэйзичи зэжа-чамб'а, - унзи. - Азйва пуэ, - унзи, - качојгоуа аңгууаси эм мапи нанта ираонзэмбэ", - унзи. Тэй пуэй хэмэ досозай, хай-ва-дэ ундэси. Туй тара, тьи мэргэ энүхэ. Тотан'а эм хукуэмбэ ираонки. Тьи пуэй, нантава гиринасира, чип тулурэ аккаонки. Ао-п'а, тэгүхэни, жарочохани. Тэй качој чопал хоёлоха. Тэй качуиду илгалоха: буу осин-дэ, элэ пукчимулэ, согдата осин-дэ, элэ ча-ломола, гаса осин-дэ, элэ дэгдэмудэ, кола осин-дэ, элэ туңкумүлэ

осизани илгалоха. Тотарэ, тэй качојгоуа ирасоха, бугүхэ. Хадова ираонгэ, тьи мэргэ гуч зйзүхэ. Зйзүпэ, унзини: „Ми нэудуэ-дэ ираонгэ", - унзи. Пуэй хай-ва-дэ ундэси, хэмэ-хэмэ би. Тотарэ, мэргэ зугүхэ. Бэктэ бипэ, эм хукуэмбэ ираонки. Тьи пуэй нанта-ва гиринасира, чиптулурэ, аккаонкини. Аоп'а, тэгүхэни, жарочохани. Тьи качој чопал хоёлоха. Тэй качојду илагалоха: буу осин-дэ, элэ пукчимулэ, согдата осин-дэ, элэ чаломола, гаса осин-дэ, элэ дэгдэмүлэ, кола осин-дэ, элэ туңкумүлэ осизани илгалоха. Тэй качојгоуа бугүхэ. Тотан'а хадулта бипэ, эзини мэргэ тоха. „Азйва пуэ, сй-дэ эмдэ-дэ муэлэру", - унзи. Тэй пуэй: „Муэлэсимбэ, хай отоми муэлэзэмбэ!" - муручи. Эзини энүхэ. Пуэй аккаонкини. Чимэй тэхэ. Маңга хаггамолохани. Саолачи энэхэни. Саолодан-дэ отоко-дэ муэ ана. Энүэчи энэхэни. Энүэдун-дэ отоко-дэ муэ ана. Тотарэ, баразйгохани, хон'акан' хосиктагда, сидэрин' хуичэгдэ, хоппони, зоничигда тэтүхэни. Туй тара, муэлэлүхэ. Ачиндолан' ао-гими, куупэлэн' кургими муэлэлүхэ, тотам бэйэн' ичэвэси. Насип-дэ эйэ тајаэи пэксэмэри зичичи. Покто эйэ таја холдондои эму-ту гасакма илхачи. Эзини унзи: „Хайван пэксэндэхэсу?" - ун-зи. Муэлсирэ, токоха, туй билүхэ. Тотан'а эзин' тоха. „Азйва пуэ, - унзи, - ми нэвуи сини, иэчи би пузимбэ асигон гэлэингэ, - унзи, - Хайла барэ?" - унзи. Пуэй унзини: „Сиксэ ачаңдауас' - тани, нэ-вуи тобогоми". Эзин' энүхэ. Бэктэ бипэ, нэумулэ ачаңдауас, зэ-пувэңкэ, тотарэ, эзин-дэ апкаңкэ, нэун-дэ апкаңкэ. Пуэй-рэгдэ эмүчэкэ улипи тэсихэни. Доранэйи зичи гэсэ, пуэй зүлэ бичим зокчи, тутум энүхэ. Чэвэ запара, паламби токондолани хулэлүхэ-ни. Туй хулимэ, эм зэ мулүчэнэ луктулихэни. Тотарэ, эм асозо-камба тоаңгохани. Тотарэ, нэумулэ тутумэр энүхэни. Энүхэ, зогдо-ли ислоха - хас аорил, эчигл сэнэл. Нэвуи наонзоканэйи апкамбоаң-кини. Чими сэнэхэ, тэхэ, зэкпй. Тьи наонзок'а асини мэн пан'анэйи мэн задачй пуэй. Туй тара, мэргэ нэумулэ зугулүхэл. Бэктэ бипэ, пуэин-дэ нэумулэ зугүхэл. Саолимба аңгочэ. Амни, эзини, гучи гои гурусэл, элчиусэл, кэкэусэл аракива оми. Омйхал, хоёлохал, туй бил, туй бил. Тэй мэргэ пондазони зүлэ бунзэ пуэинчи пулсикэ мэргэ асигон гачй. Гучи-дэ омйхал, хоёлохал. Хадолта бипэ, мэргэ пондазони ирасоха. Бүхэ хазонгоан' тэучихэ, хелкинази ирасоха. Эзини ислоха. Най тукуруэи, ажанэйи ачаңкил. Тэвэн' тобоха, ми-рэууэни, хазомбани тобоха. Хадолта-а-а араке омйра, зокчи энүхэ. Зокчи ислоха. Мэнэ нэуэи, балзхамби бочаи хазомби нансоха. То-тарэ, туй би чаду. Гэ, туй бичи, гороа бичи, зйзэ бичи. Элэ.

Перевод

№ 7. Жила пуди

Э-э-э, жила пуди. Жила она так: и пища всякая у нее готова, и одежда готова. Зимой выйдет - таёт снег глубиной в голенище, летом выйдет - сохнет трава высотой с голенище. Как выйдет на улицу, сядет на скамейку перед домом и сидит. Напро-

тив нее озеро. В устье его рыбачили две оморочки (лодки), два мергена — один высокий, другой низкий. Разговаривают, что-то там делают... Один мерген говорит: „Мой тесть жену для меня воспитывает, — говорит, — вот тут, напротив. Зимой выйдет — тает снег глубиной в годенище, летом выйдет — сохнет трава высотой с голенище. Э-э-э, друг, завтра нужно будет пойти посмотреть, — говорит, — на ту женщину“. Пуди поднялась в дом и легла спать. Утром встала, умылась, ушные серьги надела, взяла хорошую свою работу, свое лучшее шитье, села спиной к двери и стала рукодельничать. Вошел тот самый мерген, пришел и сел на нары у задней стены. Пуди и не смотрит, и не взглянет, шьет себе и шьет. Долго сидел так, потом вышел тот мерген, спустился к реке и ушел. После этого он рассказывает своему товарищу: „Как посмотришь в лицо ей, какая же красавица!“ — говорит. Другой его товарищ говорит: „Надо и мне сходить завтра посмотреть“. Вечером пуди легла спать. На следующий день встала, умылась, оделась, взяла свою работу, села и стала рукодельничать. Пришел другой мерген. Вошел и сидит, табак курит, покашливает. А пуди и не смотрит, и не взглянет, так и сидит. Сидел так, наконец вышел, спустился к реке.

„Друг, — говорит, — она, и правда, как посмотришь в лицо, какая красавица!“ Сидя после этого на нарах, пуди услышала: скребет что-то. Видит: ползет к ней огромный паук. Она его ударила доской для кройки — все нары стали в крови. Так спокойно потом и стала жить. Живет так, и однажды услышала звук падения коня. Проткнула иглой окошко и видит — приехала какая-то девочка, только начинающая входить в возраст. Привязав своего коня, вошла. „Приехала, дорогая детка?“ — „Тетя, старший брат велел привезти тебя“, — говорит. Опечалилась пуди. Девочка сама одела ее, подпоясала и, засунув ей за пазуху узелок, вывела ее, подталкивая сзади. Потом посадила на свою лошадь. Ударяя плеткой, со звоном взлетела вверх. Полетели вниз по реке. Летя так, достигли селения. Опустились выше царского дома. Там был домик, очень маленький домик. Вошла туда эта женщина — огонь искрится, потрескивая, в котле кипит вода, испуская пар. Ни людей, ничего нет. Так и не смогла дожидаться и собралась уходить. Ни дверей, ни окон нигде нет, все оказалось закупоренным. Тогда она стала жить в этом доме — дрова готовы, пища готова, вода готова. Вода не иссыкает, пища не истощается и огонь не угасает. Живя так, однажды услышала снаружи голос какого-то мергена: „Дорогая пуди, для пропитания тебе вешаю целую котомку мяса“, — говорит. Пуди думает: „Как это я стану носить мясо?“ После этого она легла спать. Встала утром, а мясо-то лежит у нее на столе. Тогда стала варить его и есть. Когда это мясо у нее подходило к концу, послышался голос того же мергена: „Дорогая пуди, я вешаю тебе для пропитания еще одну котомку мяса“, — говорит. Пуди думает: „Как это я стану носить?“ Потом встала утром, а мясо это лежит у нее на столе. Ну, уж раз оно оказалось в доме, надо есть его, конечно. Однажды в это время вошел какой-то мерген, добрый,

красивый с виду. И говорит этот мерген: „Как же мне тебя не прятать, прячу, чтобы старшие братья не нашли тебя и не убили. Дорогая пуди, — говорит он, — я велю принести целую звериную шкуру, чтобы ты сделала мне охотничью куртку“. Молча слушает эта пуди и ничего не говорит. Потом мерген ушел. Спустя некоторое время прислал сверток. Пуди раскроила шкуру, положила ее вместо подушки и легла спать. Выспалась, встала, посмотрела: куртка совершенно готова. На куртке было изображено: если уж лось, так вот-вот побежит, если уж рыба, так вот-вот поплывет, птица вот-вот полетит, букашка вот-вот зашевелится — так все было изображено. Затем она отнесла и отдала куртку. Через несколько дней опять пришел этот мерген. Пришел и говорит: „Сделай и моему младшему брату“. Пуди ничего не говорит, молчит. Потом мерген ушел. Спустя некоторое время он прислал сверток. Пуди раскроила шкуру, положила ее вместо подушки и легла спать. Выспалась, встала, посмотрела: куртка совершенно готова. На куртке было изображено: если уж лось, так вот-вот побежит, если уж рыба, так вот-вот поплывет, птица — вот-вот полетит, букашка — вот-вот зашевелится — так все было изображено. Отдала эту куртку. Потом, через несколько дней пришел мерген — ее муж. „Дорогая пуди, сходи и ты хоть раз за водой“, — говорит. „Не пойду за водой. Как это я за водой пойду?“ — думает пуди. Муж ее ушел. Пуди легла спать. Утром встала. Очень ей пить захотелось. Пошла к кадке. В кадке нет ни капли воды. Пошла к котлу. И в котле нет ни капли воды. Тогда она собралась, надела кольца до самых ногтей, браслеты до локтей, серьги до верха ушей. Потом пошла за водой. Пошла, побрякивая побрякушками на подоле и звеня нагрудными украшениями, но самой ее не видно. Со всех сторон пришли, удивляясь, люди. Как изгородь стали по обеим сторонам дороги. Муж ее говорит: „Чему вы пришли удивляться?“ — говорит. Сходила за водой, поднялась к дому, так и жила. Потом пришел ее муж. „Дорогая пуди, — говорит, — мой младший брат просит себе в жены красавицу вроде тебя, — говорит. — Где ее можно найти?“ — „Вечером приходи ночевать и приведи своего брата“, — говорит пуди. Ушел ее муж. Через некоторое время пришел ночевать вдвоем с младшим братом. Накормила, потом и муж ее лег спать, и его брат лег спать. Только пуди одна сидела и шила. Как только они крепко уснули, пуди побежала в дом, где она раньше жила. Взяла лопатку и стала копать в центре пола. Копая так, она проткнула гребень крыши какого-то дома. Потом вытащила оттуда девочку. Затем вдвоем с младшей сестрой они побежали. Побежали, достигли дома — все еще спят, еще не проснулись. Положила свою младшую сестру спать с юношей. Утром проснулись, встали, поели. Жена у того юноши — красавица, которая сама убегает от своей тени (такая проворная). Потом мерген отправился в путь со своим младшим братом. Спустя некоторое время отправилась в путь и пуди со своей младшей сестрой. Устроили пир. Отец мергена, мать и другие люди: поселяне, поселянки пьют вино. Пили, кончили, так и живут, живут... Сестру этого мергена взял себе в жены мерген,

который раньше приходил к нашей пуди. И опять пили, кончили. Через несколько дней мерген повез свою сестру. Погрузил имущество, которое ей дали, повез на лодке. Приехали к ее мужу. Люди встретили их с бутылками и чарками. Груз отнесли в дом, отнесли ее приданое и имущество. Несколько дней пили вино, и мерген уехал домой. Пуди со своей младшей сестрой съездила на родину за вещами. Потом так там и живут. Вот так и живут, долго ли живут, коротко ли живут. Конец.

№ 8. Эм наонзёкă балзихани

Эм наонзёкă балзихани. Ниэчэнэи эрунэи би. Эмбэ вăпи, токондолани калтали, сиксэ калта, чімаи калта ээпчи. Зуэрбэ вăпи, сиксэ эму, чімаи эму ээпчи. Туи гарпанасіми лэкэзи вăри. Туи таме, мэниэчэ би наонзёкамба бăхă. Туи тарă, андаха наонзёкă унэи: „Анда, зімару“. Бэктэ биби, энэхэ. Тэи наонзёкă зогбани ісіхă. Ламбэриэчэни, туггулиэчэни кангоар хэдумбүри. Бүнзэ наонзёкă, улэсими, кэндэлими тык-тык-тык-тык тутми јарочіни. Тотарă, уткэни нихэлірэ, іхэни. Хузиэңкудуні турүгүхэни болдорікпами. Туи андаха наонзёкă бэјэвэни ичэвэси, гіасо-рагда гіари, ко-каори, лэкэвэ аңгоіни. Туи наонзёкă іхэндуні эм даргоа дай зичі, эм хабдата дамахи зичі, тотам бэјэвэн ічэвэси. Оминасіхă, оминэпчане, эм дэрэ ээпүрику зичі. Наонзёкă зэулухэ. Зэм хојін, гэсэ, деј-дă зизухэ. Наонзёкă оминасіхă, тотарă, нигүхэ. Эугуи-дуні тоји долімбани ісогоідонэ дүзэи морай: „Анда, зёксі городăтани, худгисэгуи запару“. Худгисэ н' оани јалачіни мэнэ зичі: эм амолла симуксэ, эм гин дамахи. Таванки зёкчи зизухэ. Зизүрэ, зогби сиwur сонгом толохă. Туи томе, зогба бăхă. Ими, наканчі-ни томи, туи пуэсэми, кэргичэчэни сёк, малочіни сёк туи пуэсэми сонгоі. Туи сонгоідоні эткэни унэи: „Ми хăіми саразамби хăім-дă си сонгоі вăси? Наи зёңни улэ, си зёкс оркй, туи там сонгоіси“. Туи ундэ, эткэни, омолоктагорă, нигэхэ. Гојдапну, игүхэ. Игүхэндуні тахидуні би эм ујэлбэ туггүхэ. Туи ујэлду эм тэтүэ би. Чази эткэні тэтүхэ. Наи ичэсині наи очі. Эткэні, тэи тэтүэвэ ачогорă, нэвүи тэтүгүзүкй. Навуні тэтүхэ, наи ичэмині наи очі. Тотарă, ачогохă, запагорă, эугүхэ. Зокчи эугүхэ. Зёңни улэ очоха: эткэни тагохă. Эмуту туггулиэчэку, ламбэриэктүку очоха. Зёңи доні пудэнэи, тавані пласіакта, эн' уэн мўэн сугдүз тăи. Туи бичи, туи бичи... Туи бидунэ тэи андаха наонзёкă зімахă. Тэи-дэ эмуту зогбані кэндэлим тык-тык-тык-тык тутуни. Тотарă, іхэ, гілон-зідачи јэк болдорікпаңкй. Наканду тэхэ. Хăіс эмут даји мэнэ зизі, ээпүри мэнэ зизі, наі вăни ичэвэси. Дамахи оміхă, дэрэду би ээпүрэ ээпкй, туи тап'ă, энупүхэ. Хăіс эмуту худгизүгүхэ. Туи энумэ, зогби ісехă. Зогби ісбогатап'ă унзидуні бүнзэ наонзёкă апіји тас пачілахă, эм чічо очі, тотарă, энэлүхэ. Ісіра, чёңкодони дёхă.

Андаха наонзёкă эткэзи и гисурэндуні. Чіркідна пулсиду, зёңни соакта, пајкта бичэ, — унэи, — эси-тэни зёңни улэ очі. Сајна, эткэку, бизэрэ. Мэдэлэниуми аја, — унэи. Туи тап'ă андаха наонзёкă мэдэлэни: бүнзэ наонзёкă эткэни асигуи мэдэлси. Бүнзэ наонзёкан-дă андаха наонзёкă эткэни асигуи мэдэлси. Эус-таос зүвэн-зи осіхал. Эјэзи-дэ эткэји бұхэ, тајазі-дă эткэји бұхэ. Бүи билүхэ. Туи бичі, туи бичі.

Перевод

№ 8. Жил юноша

Жил юноша. С трудом жил, питаюсь птичками. Убьет одну и режет пополам, половину вечером ест, половину — утром. Двух убьет — вечером одну съест, утром другую. Так и промышляет, стреляя стрелами из лука. В это время он встретил такого же, как он, юношу. Потом незнакомый юноша говорит: „Друг, приходи в гости“. Через некоторое время он пошел. Пришел к дому того юноши. Его тростниковый навес и китайского типа флажки шевелятся от ветра, издавая звук падающих сухих палочек. Наш юноша, любуясь, бегал вокруг: тык-тык-тык-тык — и рассматривал. Потом, открыв дверь, вошел. В центре пола поскользнулся и остановился. Самого незнакомого юноши того не видно, один ножик только стругает, вырезает волнообразный рисунок, делает стрелу. Когда вошел юноша, прилетела длинная трубка, прилетел лист табака, но самого хозяина не видно. Покурил, а когда выкурил трубку, приблизился стол с кушаньями. Юноша стал есть. Как только кончил есть, прилетела и трубка. Юноша покурил, потом вышел из дома. Когда он спускался и дошел наполовину до берега, сверху кто-то кричит: „Друг, твой дом, может быть, далеко, возьми продуктов на дорогу“. Продукты сами прилетели к нему в руки: бурдюк (из высушенного мочевого пузыря лося) с жиром и фунт китайского табаку. После этого он вернулся домой. Вернувшись, он с плачем стал подниматься от реки к тайге мимо своего дома. Поднимаясь таким образом, он обнаружил один дом. Входит, поднимается на нары и плачет, катаясь от очага до задней стены. Плачет он так, а сестра его старшая говорит: „Как же мне не знать, почему ты плачешь. У других дом хороший, а у тебя плохой, поэтому ты и плачешь“. Сказав так, сестра его подпоясалась и вышла. Через большой промежуток времени вошла обратно. Когда вошла, сняла шкатулку, стоявшую на полке. В этой шкатулке был халат. В него сестра оделась. Стала невидимкой. Сняла сестра тот халат и дала одеть его младшему брату. Младший брат одел и стал невидимкой. Потом снял, взял его и ушел. Спустился к себе домой. Дом его стал хорошим: старшая сестра его переделала. Стал также с флажками и тростниковым навесом. Дом его внутри блестит, огонь искрится, потрескивая, от воды в котле пар поднимается. Так и живет, живет... Ког-

да он жил так, пришел в гости тот незнакомый юноша. И он также бегаёт вокруг его дома: тык-тык-тык-тык. Потом вошел и прокатился, поскольку до самых нар у левой стены дома. Сел на нары. Опять трубка так же сама прилетела, пища сама пришла, а людей не видно. Покурил, поел кушаний, лежавших на столе, потом двинулся в путь. Опять так же снабдили его продуктами. Шел он так и пришел к себе домой. Наш юноша, когда решил, что его гость уже добрался до своего дома, звонко шлепнул себя по затылку, стал трясогоузкой и отправился в путь. Прилетев, сел в отверстие над дверью его дома. Незнакомый юноша разговаривает со своей старшей сестрой. „Когда я ходил в прошлый раз, дом у него был в полыни, в траве, — говорит, — а теперь дом у него стал хороший. Наверное у него есть старшая сестра. Надо бы пойти попросить ее в жены“, — говорит. После этого незнакомый юноша сватается, просит себе в жены старшую сестру нашего юноши. И наш юноша просит себе в жены старшую сестру незнакомца. Обменялись друг с другом. С одной стороны дали старшую сестру и с другой стороны дали старшую сестру. Так и зажили. Так жили и жили.

№ 9. Илā нaи бaлзiхā

Илā нaи бaлзiхā, зүэрдi нэуку. Бимэр'э, түй бимэр'э, аңни энэхэ, согдатава ботандаха. Түй тами аңни зийзүхэ. Зүэжэ нэуни зогдо бй. Аңни эгэи согдатава wāхā. Нэwэ хонтаори? Аңни унэини: „Пујуми аја, пујүрэ, таксаи аја“. Түй тара, таксамба аңоси, симуксэни аңочоха. Зүэжэ нэуни пурэмбэ пулси, хайwa-дā хэм эгэиwэ wāхā. Түй зүэр нэуни пурэмбэ пулси. Эму нэуни энэхэ. Нaйwa далiндаха. Энэхэни хамалани зүэр аңни халачимарэ экспилухэ. Хаду аңуаниwa бичимбэн-дэ хал-хал бичи. Түй таидочи нэуни зийзүхэ, нaи эгэизни гāзүхā. Гāзүхā, түй тара, аңни унэини: „Амава wāхā амбамба wāхасину?“ Нэуни унэини: „Wāхā“. — „Гэ, улэн гоани...“ Гэ, таваңки түй бичичи. Дaи аңни-дā мэнэ бируэку осирā, бй, нэун-дэ мэнэ бируэку осирā, бй. Појаңгу нэун-дэ мэнэ бируэку осирā, түй бичичи.

Перевод

№ 9. Жили трое братьев

Жили трое — один человек с двумя младшими братьями. Жили так, жили, и вот пошел старший брат ловить рыбу. Потом старший брат вернулся. Двое младших братьев дома. Старший брат поймал много рыбы. Что с нею делать? Старший брат говорит: „Давайте сварим, а сварив, сделаем таксу“. После этого делали

таксу, вытапливали жир. Двое младших братьев ходили на охоту и много всего убили. Так двое младших братьев ходили на охоту. Один из младших братьев ушел. Пошел переселять к себе людей. После его ухода двое старших братьев ждали, ждали его и стали беспокоиться. Не знали, сколько лет он пробыл. Тогда младший брат возвратился, привел много людей. Привел, и тогда старший брат его говорит: „А ты убил этого духа, погубившего отца?“ Младший брат говорит: „Убил“. — „Ну, хорошо...“ Ну вот, так и жили с тех пор. Самый старший брат живет, обзаведясь своим селением, и младший брат его живет, обзаведясь своим селением. Самый младший брат тоже обзавелся своим селением, да так и жиди.

№ 10. Нэумулэ бaлзiхā

Нэумулэ бaлзiхā. Нэуни отō нүчикэ. Аңни, пурэмбэ пулми, бэйцэwэ wāри. Зoа очоачини согдатава wāри. Эм модā зoагочини энэхэ. Нэуни, зогдо дэрэзирэ, чиндэwэ гāрпанамэ, эму чиндэwэ, улэ чиндэwэ, гāрпан, гāрпан, зiдa wāраси. Түй тамэ эму мочи дoндаха. Гāрпахā, гāктани муэлэ түхэ. Чāwa хoнда зaпaгoчичами чiлахā. Гāктаji зaпaгoгoи муэдy би эм мo оjачини бāхā. Түй тамэ ичэхэ: мoңгони тaјси чiсахā. Чiсахā мoңгони мaңгoа хэji энэлухэ. Нaонзoкā суwэнчини тутулүхэ нaчи путкугyji. Муручихэ: „Бaйбaи!“ Хoн-дā, хoн-дā, путкугyми мyтэси. Нaонзoкā түй тами соңголоха: „Ага, мимбиwэ мo гāзyji“. Соңгоми, соңгоми, тэй мo, oјawани тутүхэ, түй-дэ чiлахā. Агги мoрaхā, соңгои, соңгои. Түй тамэ аңни, дoлзiрa, дaчи. Ичэхэ агги зийзiwэни. Аңни унэини: „Ээи соңгoрa, ми хaнпанзāмби элэ“. Аңни, дaчими энэми, oлiкiни мoктoвaрa, дэрэзихэ. „Аја, ээи соңгoрa, ми хaнпанзāмби“. Тaвaңки түй энэми, эму бируэwэ iсiхā. Түй бируэ тaлгaлани энэхэ. Эму ада анара, дaчiхā нaонзoкāмбa. Элэ, элэ хaнпанзи. Түй тами jалахал. Тэй аладу бичи мэргэ түй мo oјачини путкухэ. Эси мoду зүэ нэй очй. Тaвaңки түй энэхэ. Энэми, гучи-дэ эму бируэчи энэхэ. Түй бируэwэ iсидуни, эму ада анаха. Хyјун нэй гiоли, эму мэргэ. „Гэ, тэээмэнусу, масiзи гiолиcy!“ Гэ, тaгдахā, гiолихā, гiолихā. „Гэ, тэээмэнусу!“ Түй тара, тэй мэргэ түй мo oјачини путкухэ. Эси илā нaи очй. „Гэ, эси си, нaонзoкā, ээи соңгoрa! Бyэ эси илā нaи ocixā“. — „Гэ, ага, ми aгoji бāхā“. Тaвaңки түй энэхэ. Түй энэмэри, элэ-элэ нaмочи нeридури эму зoвa ичэхэ. Чaлa эму пузй нiэхэ. Нiэрэ, мoрaини: „Хэткү, хэткү!“ Мoрaидуни тэй мo чaлa хaхā. Тэй мoлa эму пузй aггiоңкй, түй тара, дуиси тoхā. Түй би чaду. Түй тaйдучи эмy aсoзoкā зyхэ, нyчй нaонзoкāмбa тoбохā. Түй тара, улэ зeпуwэн-дэ, iрaоxā нoјси. Түй тaйдонэ тэй пузй зyгyхэ. Түй мoлa игyхэ. Тэй мo чiсaоxā. Чiсaгoрa, нaмoв бaјси дaгoхā. Түй дaгoми, эму бируэлэ хaкoхā. Чaлa хaкywан-дa, дyэзи эмy тaнго нaји зyрэ, тэй мэргэмбэ укyр мoлани зyэрбэ нэхэ, дyси тoбохā. Бируэ ээи — хaни зoгдолани

йуугурэ, нэхэ. Туй таидуни наји моран: „Хамача эийэни?“ Нанэо-
ка, нигэрэ, ичэини: дай аңни эийэни. Элэ хари́дуни эм та́нгома би
на́и, эурэ, мэргэмбэ укур долани нэхэ. Нэре, ээ-ханч́ини тобогу-
ра, нэхэ. Эс-тэни ча́ду-тани іла́ наји, укур долани іла́ наји. „Гэ,
бису, ана?“ – „Буэ биэпу“. – „Хайма́ри укур долани очісу? Бо́јали-
гуи а́ја!“ Зуэ нэуни унэини: „Буэ байба́ји, си пэргэру“. Аңни унэи-
ни: „Гэ, ми пэргэ́ги-тэ“. Аңни пэргэхэни, ча́ва бо́јалихани. Бо́ј-
аліра, нигүхэни. „Гэ, хон' би? Суэ чіла́ха, ми бо́јали́ха“. Туй та-
ра, чопал бо́јачігура, нэуилби чопал нэугурэ, туй та́идуни хуу бу-
кү іхэ. Аңни унэини: „Бумбу́вэ ва́ндаха, ху́йу букү ва́ндаха. Гэ,
ва́гдани отомба боаты гэлэ́ндэусу“. Зуэ нэуни боаты отомба гэлэ́н-
дэхэ. Туй тамари йуухэ, дай отомба йуухэ. „Гэ, куче́нгуэри бар-
гіосу. Гэ, бала, букү, бала ва́русу бумбу́вэ!“ Аңни унэини: „Бу-
кумбэ жа́пандару, буэ н'оамбани ва́гуари!“ Зуэ нэуни, хукчурэ,
эмү букумбэ жа́парэ, кутучигурэ, туй тарэ, кучэ́лэхэ. Чопал ху́йу
букумбэ чопал муа́ха. „Гэ, эси тьи пу́эимбэ сэксэ́вэ оміо́ампогоа-
ри жа́паосу“. Зуэ нэуни, тьи пу́эинчи хукчурэ, жа́пахэ. Паланчи ку-
тучирэ, отондо́ла сэксэ́ни оміо́қ́ини. Акчи, жа́парэ, тьи пу́эимбэ
мокса́ха. Мокса́дуни тьи пу́эй хуэ́дэкпй – хаусі-да, энэхэмбэ́ни
са́муаси. Туй тами аңни унэини: „Гэ, ду́јэлэ би эо́канду эмү пу́эй
би. Тауси мэдэлэ́ндэй а́ја“. Туй тарэ, тауси мэдэлэ́ндэхэ. Тэи пу-
эй ма́нгоа хэ́и энэхэ. Эугурэ, чириэ́мэ голбо́амба ана́гора, іла
на́и тэгу́рэ, да́чіха. Энэме́ри, эму бируэ́вэ ісо́ха. Ээ-ха́ндолани
ха́ра, то́ха. Эм ма́па, эм ма́ма, эм пу́эй. Мэргэ́ мэдэлс́ини: Ма́па,
пу́эй нэ́ду кэ́укэ-ну?“ Тэи ма́па та́гдахани. Та́гдаха, со́рілоха.
Туй со́ріми, эмү пу́эй, эурэ, мэргэмбэ жа́пай. Жа́парэ, унэини:
„Ми а́мимби́ва хай́гуи ууа́ріси? Ми а́міндуи́ва хай-да́ дэлэ́и а́на.
Мэ́нэ ба́дгоа́нэи́и со́ри о́сіни, си мэ́нэ со́ріру! Ми а́мимби́ва э́и
ууа́ра“. Мэргэ́ унэини: „Ми ба́дгоа́мби хай́ду би́ни?“ Нэ́ду би“. –
„Гэ, гэлэ́ндэгуру“. Пу́эй туй таме́ гэлэ́ндэсу́хэ.“ „Эи си ба́дгоа́н-
си“. Туй тами мэргэ́ унэини: „Си хай́гуи чо́чахаси? Сімби́вэ э́си
ууа́ури!“ – „Гэ, анда мэ́ргэ, ми э́и эі́лі́эи би о́сіни, хай́ду сі́м-
би́вэ ту́јэ зобо́анэа́мби!“ Гэ, а́јатоа́лі́гуи а́ја!“ Туй тамари мэ́р-
гэ́нэи а́јатоа́лі́ха. Туй тарэ, мэ́ргэ а́сілагу́ха. Туй тарэ, мэ́нэ би-
руэ́ји ба́рөни э́йзүхэ. Та́ваңки мэ́ргэ мэ́нэ бируэ́чи́и га́эоми э́и-
зүи, э́йзүми, э́йзүми, эму бируэ́вэ ісо́ха, нэ́вуи бируэ́вэ́ни ісо́-
ха. Нэуни унэини: „Ми нэ́ду дэ́рэзигу́ри“. Аңни унэини: „Гэ, си
муру́, дэ́рэзигуи о́сіни, дэ́рэзигу“. Та́ваңки а́ңни, туй энүми, гу-
чи-да́ эму бируэ́чи энүхэ. До́лй нэуни: „Ми, э́и бируэ́вэ гэ́сэ
да́лігура, гэ́сэ энү́ри“. Туй тарэ, а́ңни унэини: „Си муру́, гэ́сэ эн-
у́йчэ сі́ни энугі́су“. Та́ваңки туй энүме́рэ, мэ́нэ ба́лэ́ихамба́ри
бо́ава ісо́ха, мэ́нэ ба́лэ́ихамба́ри эо́гга ісо́ха.

Перевод

№ 10. Жили братья

Жили братья. Младший был совсем маленький. Старший ходит на охоту, зверя промысляет. Как наступит лето, ловит рыбу. Однажды с наступлением лета он отправился в путь. Младший брат,

оставшись дома, птичек стреляет из лука, в одну птичку, хорошую птичку, стреляет, стреляет – никак не может убить. Тогда она полетела и села на одно дерево. Выстрелил, стрела его упала в воду. Никак не мог ее схватить. Чтобы достать свою стрелу, он сел на дерево, находившееся в воде. Тогда он увидел, что дерево его поплыло к середине реки. Поплывшее дерево стало двигаться вниз по течению реки. Мальчик побежал к его вершине, чтобы спрыгнуть на землю. Подумал: „Плохо!“ Никак, никак не может спрыгнуть. Мальчик тогда заплакал: „Брат, меня дерево тащит“. Плакал, плакал, бегал по дереву, но так ничего и не смог сделать. Кличет своего брата, плачет и плачет. Тогда услышал его старший брат и догоняет. Увидел, что старший брат едет. Старший брат говорит: „Не плачь, скоро я догоню тебя“. Догоняет старший брат, а тут сломалось его двулопастное весло, и он отстал. „Ничего, не плачь, я догоню“. После этого, плывя так, достигли одного селения. Поплыли по середине реки мимо того селения. Люди столкнули большую лодку и догоняли мальчика. Вот-вот догонят. Потом устали. Находившийся в этой лодке мерген прыгнул на то дерево. Теперь на дереве стало двое людей. Так и поплыли дальше. Плывли и приплыли еще к одному селению, с берега столкнули лодку. Девятеро гребут и один мерген. „Ну, старайтесь, сильнее гребите!“ – „Ну, старайтесь!“ Потом тот мерген прыгнул на дерево. Теперь стало три человека. „Ну, теперь ты, мальчик, не плачь! Теперь нас стало трое“. – „Ну, брат, я нашел себе старших братьев“. Потом так и поплыли. Плывут так, и когда вот-вот уже выходят в море, увидели домик. Оттуда вышла пуді. Вышла и кричит: „Заезжайте, заезжайте!“ Пока она кричала, дерево причалило. Из этого дерева вышла какая-то пуді и поднялась на берег. Так там и находится. В это время пришла какая-то девочка и унесла мальчика. Потом хорошо угостила его и отнесла на берег. В это время возвратилась та пуді. Влезла в то дерево. Дерево то поплыло. Поплыло и стало переплывать на ту сторону моря. Переплывая, причалило опять к одному селению. Заставив причалить там, с берега спустилась сотня людей, тех двоих мергенов положили в сумку и понесли в гору. Внесли в дом хозяина селения и положили. В этот момент люди кричат: „Что такое приближается?“ Мальчик вышел, смотрит: едет его старший брат. Когда он вот-вот уже причаливал, около сотни людей спустились и положили мергена в сумку. Отнесли к хозяину и положили. Теперь там уже трое, трое людей в сумке. „Ну, брат, здесь вы?“ – „Мы здесь“. – „Как же вы очутились в сумке? Надо бы ее разорвать!“ Двое младших сказали: „Мы не можем, попробуй ты“. Старший брат говорит: „Ну, ладно, попробую я“. Попробовал старший брат и разорвал сумку. Разорвал и вышел. „Ну, как? Вы не могли, а я разорвал“. Потом, изорвав совсем, вывел обоих младших братьев, и в это время вошли девять горбунов. Старший брат говорит: „Пришли убивать нас, девять горбунов пришли нас убивать. Ну-ка, поищите на улице корыто, чтобы они могли убивать“. Двое младших братьев пошли искать на улице корыто. Потом принесли, большое принесли корыто. „Ну, готовьте себе ножи. Ну,

скорее, горбуны, скорее нас убивайте!" Говорит старший брат: „Ловите горбунов, давайте мы их убьем!" Двое его младших братьев напали, схватили одного горбуна, поволокли, а потом ударили ножом. Убили всех девяти горбунов. „Ну, теперь поймите ту пуди, чтобы напоить ее кровью". Двое его младших братьев бросились к той пуди и схватили ее. Сволокли на пол и заставили пить кровь из корыта. Старший брат схватил и побил ту пуду. Когда он бил, эта пуда исчезла, неизвестно куда девалась. Тогда старший брат говорит: „В домике, который стоит дальше на горе, живет одна пуди. Туда надо пойти и спросить". После этого пошли туда спрашивать. Та пуди уехала вниз по реке. Спустились к берегу, столкнули бронзовую оморочку, сели в нее трое и поехали в догонку. Плывя, доехали до одного селения. Причалили у дома хозяина селения и поднялись к дому. Старик, старуха и пуди. Мерген спрашивает: „Старик, нет ли здесь пуди?" Старик тот рассвирепел. Рассвирепел и стал драться. Во время этой драки спустилась одна пуди и схватила мергена. Схватила и говорит: „Зачем ты моего отца убиваешь? Мой отец тут не при чем. Хочешь биться с врагом, так и бейся! А моего отца не убивай". Мерген говорит: „А где же мой враг?" — „Здесь". — „Ну-ка, пойдй найди". Пуди пошла искать. „Вот твой враг". Тогда мерген говорит: „Зачем же ты сбежала? Надо теперь убить тебя". — „Ну, друг мерген, была бы у меня тогда такая голова (если бы голова у меня была тогда в порядке), разве заставила бы я тебя так трудиться!? Ну, давай мириться!" Пуди помирилась с ним. Потом мерген на ней женился. После этого пуди возвратилась в свое селение. Едут, едут... прибыли в одно селение, прибыли в селение младшего брата. Младший брат говорит: „Я здесь останусь". Старший брат говорит: „Ну, это твое дело, останешься, так оставайся". Средний брат говорит: „Я захвачу с собой это селение и поеду вместе". Старший брат говорит: „Это твое дело, если хочешь ехать вместе, поеду". Плывя так оттуда, доехали до своих родных мест, доехали до своего родного дома.

№ 11. Эм сэгэи мапа іланэи пиктэку бичини

Эм бирүэду эм сэгэи мапа іланэи пиктэку бичини. Зүэ пиктэни осікул бичини. Нучи нэучи эдэ бичини. Ноани иин-уэ, долбоуа тіас аори бичй. Амінчи, эм модй іланту пиктэсэл-би хэрчугурэ, унэини, „Мй энуси, маңга, саіна, элэ-элэ бузэм-би. Мй бурпучэйуэ, улэнэи бихэрсу. Эдэ нэууэри-дэ ээи эолол-су. Мй бурпучэйуэ, хумухэрсу та дујэлэ би кұңтыкэду. Хумухэм-бэри долбоніду, агэйма пиктэй, тōхари мй хумунчйуэ акканіми. Зіалан' долбоніуа, долй пиктэй, тōхари. Ілэчя долбоніду, эдэ, си тōхари. Сй-лэ мй хэсэйуэ хайду долэйзачи?!" Тотаря, амінчи

аккангохани. Туи бичичи; тотам' амінчи буикини. Пурилли, хэуур-гуэни аңгоря, амімбэри нэре, дуиси амімбэри уңкини барони тōхачи. Туи тамаріа ісіхачи, тотаря, хумунгуэни хулэрэ, амімбэри хумухэчи. Туи тапарі, сōңгочіря, эдэ алли эугухэчи эокчіари. Эд-эн-тэни тіас сōңгохани сиксэгудэлэ. Тотаря, эугухэни. Эдэ муручи-ни: „Хайми ага тōрасіни ама уңкинчизни?" Тотаря, мэдэлсизэни: „Ага, хайми тōрасіси ама хумунчини?" — „Эи хайс буикин най, хэсэуэни долэйори-ну? Сй, чіхалаи осіни, мэнэ тōру". Эдэ таода-гохани: „Мйндүлэ эмуту хайдо-дэ аңгари-дэ — једу-дэ, чадодэ-дэ эмуту". Эукэмби бүхэни чармиду би бодауа ээптэ, тōхани. Амімби хумумбэни ісіря, сōңгоря, акканіни. Тотам' мурундуни очіні-ну, тэхэ-ну, толкічін-уэ-аміни тэгууни хумундуки. Тотаря, мэдэлсини: „Аккало пиктэй би?" Сйм бичй. „Долй пиктэй би?" Сйм бичй. „Эдэнгуи би?" Ама бизэмбэ! Аміни унэини: „Сй-лэ мй хэсэйуэ долэйхамби хай кэсиуэни базачи". Тотаря, тэтүэји пэдгиздукини тоанэни сōгэб пұңкукэмбэ, тотаря унэини: „Хайда хай-дэ ларг'ани осідуні, эи пұңкукэмбэ тоан-дэ, унэси-тэни: ага обони морй, тугу-ру!" Чаду сазачи". Тотаря, бүхэни. „Эси эи іла эпен тасі-мани ээпу". Эдэ, апаря, эзулухэни. Ты тасімасал сōгэб бичини. Тотаря, аміни аккангохани. Эдэ, насалби нйхэліре, эуси-тоси ичэктэхэни — хай-дэ куэкэ, амин' хумуни бймду би. Тотаря, пұңкууэ гэлэтэгу-хэни, путундуи бауогохани. Тэтүэји гудэлэни гідалагура, эпенгуи ээптэ, эокчйи эугухэни. Зогдо алли мэдэлсини: „Пулчимби хай-уа бакаси?" Эдэ унэини: „Хайуа-дэ куэкэ. Алли, ичэктерэ, хозі-хачи. Зіалани чіманіуа Эдэ мэдэлсини долй акчйи: „Ага, тōзачи?" „Аба, хай јэбэдуні, си, чіхалаи осіни, мэнэ тōру". Сиксэ Эдэ гучи тōкохани. Амімби хумуни эаккадуни акканіни. Долбо гучи му-рунди очіні-ну, тээ-ну, толкічін-уэ-аміни, тэрэ хумундуки, тотаря, мэдэлсини: „Долй пиктэй би?" Сйм бичини. „Нүчи пиктэй би?" — „Ама, мй бизэмбэ". Аміни унэини: „Сйлэ, аја, мй хэсэйуэ долэйхамби хай кэсиуэни базачи". Тотаря, Эдэнду аміни бүхэни чяг-зй пұңкууэ, гучи іла чягзй эпэ тасімавани. Эдэ чяуа ээкиндуи бэјэји пэргэни — маси очіукачи би, налані-дэ нрами очіукачи би. Тотаря, аміни аккангохани. Эдэ чімані эокчйи эугулухэни, пұң-куји тэтүэји гудэлэни гідалахани. Эокчйи эізухэндуні алли гучи-дэ мэдэлсизэчи: „Хайуа бакаси, буикинэи хэсэуэни долэйхам-би?" — „Хайуа-дэ куэкэ". Тотаря, аккангохани. Зіалани сиксэниуэ мэнэ обоји эриндуни уичи-дэ эчйэ мэдэлсизэни. Ээптэ, тōхани амі-мби хумуни барони. Амімби хумуни эаккадуни акканіни. Долбо гучи-дэ мурундуни очіні-ну, толкічін-уэ, тээ-ну аміни, хумунду-кији тэрэ, унэини: „Нүчи пиктэй бичи?" — „Бизэмби". Аміни унэи-ни: „Си обоси — эи пұңку. Гучи эи іла тасімауа ээпу". Эдэ ээк-кини. Аміни унэини: „Зулэ бүхэмби акси обони бичй; чяуа хәрхіо-ри осіни, асіма морй тугуи. Зүэјэчйэ бүхэмби долй акси обони бичй; чяуа хәрхіори осіни, мэнгүмэ морй тугуи. Эси бүхэмби си обоси, сахарй пұңку; јэуэ хәрхіори осіни, сэлэмэ морй тугуи. Хол-дэ ларг'а опочани, эи пұңкусэлэи хәрхіхари, чадэ мэнэ сазачи. Эси ми бортыи аккангоамби, элэ эуэңки хал-дэ эуэи тэгурэ". То-таря, аміни аккангохани. Эдэ, чімані тэрэ, сōңгоря, амімби эоң-

гоми, тэтуэи боалани пункуэ апаре, зугухэни. Туи бичичи. Эдэ ини, долбо твас голэомби ааккадуни аохани. Эм мода мэдэ очини: ээ пиктэни ээигуи найва сонэоини. Ноани уилэ аугоха пэулэпкэчи би оалани тэсини. Таоси уи-дэ пукумилбэл, дэгдэмил-бэл ісіхани осіни, чази-мат ээилэи. Сиксэ ални, эйзурэ, гисурэ-гухэчи тэи мэдэвэ. Эдэ, долэйра, мэдэлчини: „Хай и?“ – „Силэ дол-эйасіси-да аја“, – даи аңни уңзини. Тотара, хэмэ очохани. Зіалани чіманіва тэни нэрунэидуни ални тэхэчи, тотара, моріні н’амк’амари энэхэчи. Эдэ ини долі ісідони эукэнэни уңзичи: „Хай-ми сй энэсиси? Хон’тай осіни, сй осілазэчи“. Эдэ уңзини: „Хай-бунэчи би най асілаі-нү?“ – „Аја, морігвасі бүүэмби“. – „Чіхани, энэ-гитэ!“ Эукэлни элэ-дэ эм морімба элгэгухэчи: „Гэ, ору“. – „Ээинэ!“ Эдэ, морі худгудуэни апаре, кутучихэни. Эукэлни мо-рахачи: „Кітапчи, кітапчи!“ Эдэ тотара, кітапчи бра, пунэхэни. Моріні-тани кэрэнчиі пукчиухэни. Эдэ, тагдара, морімба сакам сіантолахани. Тотара, пэн чапчіра, молами эолочіхани. „Гаки! Ін-да! Зепусу! Амімбіва зончаосу!“ Тотара, дуіси тора, согэо пун-куи тоанда, молахани: „Агби обони морі, тугуру!“ Тотаи эчэ-дэ хэсэни хоїалани игурими ааккалани тугухэни. Эдэ, тэтуэи ачо-ми, морі ээунгэ сіани доліни іхэни. Чаду мүү чэк бичини. Ноани, бэјэи сілкорэ, нггухэни. Ангіа сіанчіни іхэни. Чаду тэтуэсэл бичичи асілэкто ман’а. Чава тэтухэни, лохomba тэтухэни, то-тара, нггухэни. Морі ојачіани бра, пунэхэни. Морі хур дэгдэхэни. Туи дэгдэме, ичэхэни – тэ чаду уилэ тээ-дэ бичини пэулэпкэчи би. Тотара, Эдэ города холіми дэгдэхэни. Ээ пиктэни ичээхэни ноани барони. Тотара, эокчіі дэгдэгухэни, эуіэ долчахамби бэу-ундулэ догохани. Тэтуэвэ ачогора, бичиндуни нэкурэ, морімба пачі-лахани. Чадо-баки гэлкини. Мэнэ тэтуэи тэтугурэ, эокчіі эугу-хэни. Эукэлни мэдэлсичи: „Ісопачікаси?“ – „Хай боалани! Бэгэй энулэи-дэ, хэмэ мочоэамби“. Тотара, ааккарохани. Сиксэ ални эйзухэчи, гисурэхэчи: „Эмү нэй пулчі, моріни асіма; саіна ты най асілаілаіни“. Эдэ мэдэлсичи: „Хай и?“ – „Сй-лэ долэйасісі-да аја“, – ални уңзини. Зіалани чіманіва гучи ални энухэчи. Эдэнчи гучи эукэнэни уңзичи: „Сй-лэ хайми энэсиси?“ – „Мй бэг-эйі энуси“. „Аја, си морігвасі бүүэпу“. – „Гэ!“ Эукэнэни эм эукэ дуэрэи морімба элгэгухэчи. „Гэ, ору!“ – „Ээинэ“. Эдэ, мо-рі худгудуэни апаре, ірочіхани. Эукэлтэлни молаичи: „Усидуни апару!“ Эдэ гора ірочіхани. Тотара, кітапчи бра, пунэхэни. Морі кэрэнчиі пукчиухэни. Эдэ, тагдара, сакам сіантолахани. Тотара, сар чапчіра, эолочіхани эуси-таоси. „Гакиэ, інда, дол-эйусу, амімбіва зончаосу!“ Тотара, дуэрэми, дуіси тохани. Чисэ-нипчи бэуумби ісіра, чагэа пункуи тоан-да, хэрхіхани. Тотаи ааккалани игуригдэ тухэни. Тэтуэи ачора, ээунгэ сіанчіни іхэни. Чаду чэк бичи мүү. Чази сілкорэ, бэјэи, нггухэни. Ангіа сіандолани іхэни, чаду мэнгумэ тэтуэсэл бичини. Чази тэтухэни, лохomba тэтухэни, нггухэни. Морі ојачіни пукухэни, тотара, морімба пачілахани. Морі хур дэгдэхэни, туи дэгдэми энэхэни. Чисэнипчидуи зіаала кэндэлими дэгдэми энэхэни. Ээ пиктэни ноанчіни ичээхэни. Эдэ муручихэни: „Саіна, улэчи, бізэрэ“. То-

тара, эочни бадолани дэгдэхэни. Пэиси ичэгухэни – чаду най эгэй бичи. Поанаи морімбэри пунэичи. Моріни, пукунэсирэ, хоїаха-чи. Чисэнипчи бэуумби ісігора, тугухэни. Эдэ, моріндоки ху-луфурэ, тэтуэвэ ачора, бичиндуни нэкухэни. Тотара морімба пун-нэхэни – чадо-баки гэлкини. Тотара, мэнэ тэтуэи тэтугурэ, эок-чіі эугухэни. Эукэлни мэдэлсичи: „Ісопачікаси?“ „Хай ісоанэй-су? Јадара, хэмэ мочогохамби“. Сиксэ ални ісогохачи. Гисурэ-гуичи асічари: „Эуіиуэ гучи тэи най дэгдэхіэ, моріни мэнгумэ бичи“. Эдэ мэдэлсичи: „Хай дэгдэхіэни?“ Ални уңзичи: „Сй-лэ долэйасісі-да аја“. Тотара, Эдэ хэмэ ааккарохани. Зіалани чіман’а эуэту аңни гучи энухэчи. Инэ Эдэ дуіси тора, сахарі пунку-јі апаре, хэрхіми молахани: „Мй обоја морі, тугуру!“ Хэсэни-дэ эчэ хоїалани ааккалани сэлэмэ морі тугухэни. Тэтуэи ачо-ра, ээунгэ сіанчіни іхэни, чаду бэјэи сілкорэ, нггухэни. То-тара, гаксэ сіанчіни іхэни, чаду бичи тэтуэвэ тэтуэ, лохomba тэтуэ, нггухэни. Морінду бхани, тотара, пунэхэни. Морі хур дэгдэхэ. Туи дэгдэми энэхэ. Ээ пиктэни тэсиуэни ісіра, эмү мо-да хэрэлірэ, тэсилэни тугухэни. Туи эктэ, эи-дэ, пэјэлэни доромба эгдэхэни, тотара, хон’акамби бухэни. Эдэ дэгдэгухэни эогби баро-ни. Бичимби бэуумби ісігора, тугухэни. Тэтуэвэ ачогора, бичин-дуни нэкухэни, тотара, морімба пунэхэни. Морі хур дэгдэгухэни. Мэнэ тэтуэи тэтугурэ, эокчіі эугулухэни. Поктоду пэјэи, чум-чуэмби капсахани эм ичэ тагачи доромба, хон’акамба. Эокчіі эи-зухэндуні эукэни мэдэлсичи: „Хай капсахаси?“ – „Баи чисэне мо-ріндуки хулунэидуи пугэгуи бахамби“. Сиксэ ални ісіндоохачи, гисурэгучи: „Эси-лэ тэи най асілаха. Чімана тыи эктэ гэлэгуй тэи найва“. Зіалани чіман’а сээи эичини. Ални нггэхэчи, ноанчи уңзичи: „Бунду эм Эдэ би“. Тыи эктэ уңзини: „Аја, мй ичэгуйуэ эус гаэбосу; эдэндэ аја“. Зэту аңни тутумэри игухэчи. Нэуууэри эјэ-таја аладоани апаре, тутумэри нггухэчи. Тыи эктэ пэјэни капсачани ачохани, чаду дорони поктои бичи. Чумчуэни капсачани ачохани, чаду хон’а кани бичи. Тотара, сэээмби доліни тоаңкіни. Морімба пунэхэни, моріни пукчимэриэ энэхэчи. Эогду ални пэк-сэхэчи. Долі аңни уңзини: „Саіна, ам’а барони аоңгандасоми, кэси-уэ баханий, бізэрэ“. Тээ-дэ, – уңзини даи аңни. Эдэ туи ээ пиктэіэни асілахани.

Перевод

№ 11. Жил старик с тремя сыновьями

В одном селенье жил старый старик с тремя сыновьями. Двое его сыновей были женаты. Младший брат их был дурак. Дни и ночи напролет он спал. Отец позвал однажды своих троих сыновей и говорит: „Я сильно болен; наверное, вот-вот умру. Когда я умру, вы живите дружно. Не бросайте своего младшего брата Дурака. Когда я умру, похороните меня на бугре, вон там, в лесу. В ночь похорон ты, мой старший сын, приходи спать на мою могилу.

На следующую ночь приходи ты, мой средний сын. На третью ночь приходи ты, Дурак. Да ты-то разве услышишь мои слова?!" После этого отец их лег. Так и жили; потом отец умер. Дети его сделали гроб, положили отца и пошли в лес, куда сказал их отец. Затем пришли, выкопали ему могилу и похоронили своего отца. Поплакав после этого, старшие братья Дурака ушли домой. А Дурак проплакал до самого вечера. Потом ушел. Дурак думает: "Почему старший брат не идет, куда сказал отец?" Потом спросил: "Брат, почему ты не идешь на могилу отца?" — "Ну вот еще, разве слушаются слов покойника? Ты, если хочешь, сам ступай". Дурак ответил: "Да мне-то все равно, где ни спать — здесь ли, там ли, одинаково". Съел чашку каши, которую дала ему невестка, и пошел. Придя на могилу отца, поплакал и лег спать. Потом, не то кажется ему, не то в самом деле, не то во сне видит — встает из могилы его отец. Спрашивает: "Здесь мой старший сын?" Тихо было. "Здесь мой средний сын?" Тихо было. "Здесь мой Дурак?" "Здесь я, отец". Отец говорит: "Вот ты послушался моих слов и получишь счастье". Потом вынимает из-под одежды желтый платок и говорит: "Если когда-нибудь случится какая-нибудь беда, вынь этот платок и скажи: 'Лошадь, предназначенная старшему брату, спустись!' Тогда и узнаешь, в чем дело". Потом отдал ему платок. "А теперь съешь эти три лепешки". Дурак взял и стал есть. Лепешки эти были желтые. Потом отец его лег опять. Дурак, открыв глаза, посмотрел туда, сюда — ничего нет, могила отца как была, так и есть. Потом поискал платок, нашел его у себя на коленях. Сунул его в дыру на одежде, съел свои лепешки и пошел домой. Дома старшие братья спрашивают: "Ну, сходил, и что получил?" Дурак говорит: "Ничего не получил". Братья посмеялись и всё. На другой день Дурак спрашивает среднего брата: "Брат, пойдешь?" — "Нет, чего ради, ты, если хочешь, сам ступай". Вечером Дурак пошел опять. Лег около могилы отца. Ночью опять не то кажется ему, не то в самом деле, не то во сне видит — отец встал из могилы и спрашивает: "Здесь мой средний сын?" Тихо было. "Здесь мой младший сын?" — "Я здесь, отец". Отец говорит: "Вот ты, молодец, послушался моих слов и получишь счастье". Потом отец дал Дураку белый платок и три белых лепешки. Дурак ест их и пробует свое тело: как будто крепкое стало, и руки, кажется, стали толстые. После этого отец лег опять. Дурак утром пошел домой, а платок свой сунул в дыру на одежде. Когда он пришел домой, старшие братья опять спрашивают: "Ну, что получил, послушавшись слов покойника?" — "Ничего нет". Потом лег спать. На следующий вечер, когда подошла его очередь, никого не спрашивает. Поел и пошел на могилу отца. Лег около могилы отца. Ночью опять не то кажется ему, не то во сне видит он, не то в самом деле — отец его, встав из могилы, говорит: "Здесь мой младший сын?" — "Здесь я". Отец говорит: "Твоя доля — вот этот платок. Съешь еще вот эти три лепешки". Дурак съел. Отец говорит: "То, что я тебе дал сначала, была доля твоего старшего брата; если взмахнешь этим платком, спустится золотой конь. Второе, что я тебе дал, была доля твоего

среднего брата; если им взмахнешь, спустится серебряный конь. А то, что я сейчас дал, — твоя доля, черный платок; если им взмахнешь, спустится железный конь. Когда бы ни случилась беда, взмахни этими платками и тогда сам увидишь, что будет. Теперь я ложусь совсем, больше уж никогда не встану". Потом отец его лег опять. Дурак встал утром, поплакал, вспоминая отца, спрятал в дыру на одежде платок и пошел. Так и жили. Дурак дни и ночи напролет спал около очага. Однажды прошел слух: царская дочь выбирает человека себе в мужья. Она сидит на чем-то вроде вёшал для юколы, устроенных на возвышении. Кто туда прыжком или с лёта достигнет, за того и выйдет замуж. Вечером старшие братья вернулись и рассказали об этой новости. Дурак, услышав, спрашивает: "Что-о?" — "Тебе-то можно и не слушать", — говорит старший брат. После этого он замолчал. На другой день, как только стало рассветать, старшие братья встали и поехали верхом на конях. Когда время подходило к полудню, невестки Дурака говорят: "Почему же ты не едешь? И ты, может быть, женишься". Дурак говорит: "Что вы! Разве женятся такие люди, как мы?" — "Ничего, я коня тебе дам". — "Ну, уж, пускай, поеду". Невестки уже подвели к нему коня: "Ну, садись". — "Постойте". Дурак взял коня за хвост и поволол. Невестки крикнули: "Наоборот, наоборот!" Дурак сел тогда в обратную сторону и погнал. А конь его побежал к себе в конюшню. Дурак разозлился и кулаком ударил коня насмерть. Потом изрубил в куски и побросал с криком: "Вороны! Собаки! Ешьте! Помните моего отца!" Потом пошел в лес, вынул желтый платок и крикнул: "Конь, предназначенный моему старшему брату, спустись!" В тот момент, когда слова его еще не кончились, с грохотом конь упал около него. Дурак снял одежду и влез коню в левое ухо. Там была приготовлена вода. Он вымылся весь и вышел. Влез в его правое ухо. Там были одежды, сплюшь позолоченные. Надел их, надел меч и вышел. Сел на коня и погнал. Конь взлетел вверх. На лету он увидел: вон тамверху, и правда, было что-то вроде вёшал для юколы. Тогда Дурак пролетел вдалеке мимо. Царская дочь посмотрела на него. Потом полетел домой и сел в том месте, где сидел раньше. Сняв одежду и положив ее туда, где она была раньше, он ударил коня. Конь тут же исчез. Надев свою одежду, пошел домой. Невестки спрашивают: "Пробовал ты достать?" — "Где там! Натрудил ноги и вернулся ни с чем". Потом лег спать. Вечером вернулись старшие братья и рассказали: "Приезжал какой-то человек, конь у него золотой; наверное, женится тот человек". Дурак спрашивает: "Что-о?" — "Тебе-то можно и не слушать", — сказали старшие братья. На следующий день опять поехали старшие братья. Дураку его невестки опять говорят: "А ты-то почему не едешь?" — "У меня ноги болят". — "Ничего, мы дадим тебе коня". — "Ну, давайте". Невестки подвели коня, еле передвигающего ноги. "Ну, садись!" — "Погодите". Дурак взял коня за хвост и потащил его. Невестки кричат: "Возьми за узду!" Дурак тащил по-прежнему. Потом сел задом наперед и погнал. Конь поскакал в свою конюшню. Рассердившись, Дурак ударил его кулаком насмерть. Потом изрубил

в куски и побросал туда-сюда. „Вороны, собаки, слушайте, помните моего отца!“ Потом зашагал, направляясь в лес. Дойдя до вчерашнего места, вынул белый платок и взмахнул. Тогда около него с грохотом упал конь. Сняв одежду, он влез в левое ухо. Там была приготовлена вода. Вымылся в ней весь и вышел. Влез в правое ухо, там были серебряные одежды. Оделся в них, надел меч и вышел. Сел на коня, потом коня ударил. Конь взлетел вверх, да так и полетел. Полетал вокруг еще ближе, чем вчера. Царская дочь смотрела на него. Дурак подумал: „Наверное, я ей нравлюсь“. Потом полетал против того дома. Взглянул вниз: там было много людей. Часть из них погоняет лошадей. Лошади их попрыгали и окочели. Долетел до вчерашнего места и спустился. Слез Дурак с коня, снял одежду и положил туда, где она была раньше. После этого он прогнал коня, и он сразу же исчез. Потом надел свою одежду и пошел домой. Невестки спрашивают: „Достал?“ – „Что вы меня доставать заставляете? Устал и вернулся ни с чем“. Вечером приехали обратно его старшие братья. Рассказывают своим женам: „Сегодня опять летал тот человек, конь у него серебряный был“. Дурак спрашивает: „Кто летал?“ Старшие братья говорят: „Тебе-то можно и не слушать“. Потом Дурак молча лег спать. На другой день двое старших братьев опять уехали. Днем Дурак пошел в лес, взял свой черный платок и, взмахивая, крикнул: „Спустись, предназначенный для меня конь!“ Еще не кончились его слова, когда рядом с ним упал железный конь. Сняв свою одежду, он (Дурак) влез в его левое ухо, вымылся там весь и вылез. Потом влез в другое ухо, надел лежавшую там одежду, надел меч и вышел. Сел на коня и погнал. Конь взлетел вверх. Так и летели они. Долетев туда, где сидела царская дочь, (Дурак) сделал один круг и там, где она сидела, спустился. Женщина эта подошла, приложила ему ко лбу печать, а потом дала свое кольцо. Дурак полетал опять домой. Долетел до того места, где был прежде, и опустился. Снял одежду, положил ее туда, где она была раньше, потом прогнал коня. Конь улетел вверх. Надев свою одежду, отправился (Дурак) домой. По дороге замотал свой лоб и падец, чтобы не увидели печати и кольца. Когда он вернулся домой, невестки его спрашивают: „Что это ты замотал?“ – „Просто поранился вчера, когда слезал с лошади“. Вечером приехали его старшие братья и рассказывают: „Теперь-то уж тот человек женится. Завтра та женщина будет искать этого человека“. На следующий день приехала повозка. Старшие братья вышли и говорят: „У нас один Дурак есть“. Та женщина говорит: „Ладно, ведите сюда, я посмотрю: неважно, что дурак“. Вбежали оба брата. Взяли младшего брата за ту и за эту руки и вывели бегом. Та женщина сняла повязку с его лба, там был след печати. Сняла повязку с пальца, там кольцо было. Потом втащила его в свою повозку. Погнала лошадей, и лошади понеслись вскачь. Дома старшие братья дивились. Средний брат говорит: „Наверное, ходил ночевать на могилу отца, вот и нашел счастье“. – „И верно“, – говорит старший брат. Так Дурак женился на царской дочери.

№ 12. Зүэ мэргэ бэлэхачи

Эм бируэду зүэ мэргэ бэлэхачи. Зуэтуэйэри эниңку бичил. Эм мэргэ аргă маңга бичй. Ноани гэрбуни-дэ Аргă Маңга бичй. Гой мэргэ кусуни маси бичй. Ноани гэрбуни Кусу Маңга бичй. Эм модă Аргă Маңга энини буикини. Аргă Маңга мэнэ энимби, токиду нэрэ, Маңгоа хэји ірочілохани. Энэмэ, энэмэ... элэ-элэ пакчірангойдони эм бируэу ісохани. Сиң кірадуни энимби ілгамора, ээз – ханчіни тохани. Чаду ноамбани улэнзи бэлэхачи. Тыи зогдо эм мапача мамачаңгойдари бичичи. Ноанчи пиктэчи тэн улэ пуэй бичй. Ноамбани туулухэндүэчи ноани тыи пуэинчи унэини: „Мй зјаја хэрсиндэру. Ноани эи тоиду іліси, гэкчи, бизэрэ. Ноани коңго, долзаси. Заккачіни эи-дэ, анами уну“. Тыи пуэй, зурэ, ичэини: эм пуэй сиңкірадоани ілісини. Ноани хэрсини – хон-дă долзаси. Пуэй, заккачіни эи-дэ, анахани. Іліси най муэчи чумбук тухэни. Пуэй нэлэхэни. Зокчі и токорă, гисурэгухэни. Мэргэ, сари-зі и гесэ, нэ таодамба гэлэлухэни. Мапачи унэини: „Мй асиwa wахандолари мэнэ пиктэwэри асигоји бурусу“. Хон таіси? Мапачи, мапачи пиктэwэри Аргă Маңгаду бүхэни. Аргă Маңга асигоји бахани. Зокчі и зийзүхэни. Эм модă зокчіни чул Кусу Маңга йрини, мэлэлсини: „Аргă Маңга, халду асигоји бахачи?“ Аргă Маңга унэини: „Энимби буикинэини зүэчихэмби“. Кусу Маңга унэини: „Аргă Маңга, мй энимбиwэ-дэ wандару“. Аргă Маңга чіхаласини. Кусу Маңга, зокчі и энурэ, энимби wара, токиду тэучирэ, энэпсиңкини. Эм бируэwэ ісора, буикин нэиwa токиду ірочіми, морачи: „Уи ујун нэиwa буикин найзи зүэчи?! Ноамбани най, тоі кан-дă, пун-нэгухэчи. Кусу Маңга тагдахани. Зизурэ, Аргă Маңга зогбани зэг-зіхэни. Аргă Маңга гой иниду, зогби зэгдэхэни сілбіwани даліансалду тэучирэ, токиду нэрэ, Маңгоwa хэји энэпсиңкини.

Перевод

№ 12. Жили два мергена

В одном селении жили два мергена. Оба имели матерей. Один мерген был очень хитрым. И имя его было Большой Хитрец. Другой мерген был очень сильным. Имя его было Большой Силач. Однажды умерла мать Большого Хитреца. Большой Хитрец положил свою мать на нарту и повез вниз по Амуру. Едет, едет... и приехал в одно селение, когда уже смеркалось. Поставил свою мать у края проруби и пошел к хозяину селения. Там его встретили хорошо. В том доме жил один старик со своей старухой. Дочь у них была замечательная пуди – красавица. После того, как его угостили, он и говорит той пуди: „Пойди, позови моего спутника. Он стоит у этого берега, замерз, наверное. Он глухой, не слышит. Подойди поближе, толкни и скажи“. Пошла та пуди, видит: у края проруби какая-то красавица стоит. Она зовет – никак не слышит. Пуди подошла к ней и толкнула. Стоявший человек так и упал в

воду. Пудл испугалась. Вернулась домой и рассказывает. Мерген как узнал, сразу потребовал отплаты. Говорит старику: „За то, что вы убили мою жену, отдайте мне в жены свою дочь“. Что будешь делать? Старик со старухой отдали свою дочь Большому Хитрецу. Большой Хитрец получил себе жену. Вернулся домой. Однажды входит прямо к нему в дом Большой Силач и спрашивает: „Большой Хитрец, где ты жену себе нашел?“ Большой Хитрец говорит: „Обменял на свою покойную мать“. Большой Силач говорит: „Большой Хитрец, пойдй убей и мою мать“. Большой Хитрец не соглашается. Пришел Большой Силач домой, убил свою мать, положил на нарту и отправился. Доехал до одного селения, везет покойника на нарте и кричит: „Кто сменяет живого человека на покойника?!“ Побили его люди и прогнали. Рассердился Большой Силач. Вернулся и сжег дом Большого Хитреца. Большой Хитрец на другой день набил в мешок обгоревшие головешки от своего дома, положил на нарту и поехал вниз по Амуру.

ФОЛЬКЛОР НАЙХИНСКИХ НАНАЙЦЕВ НИНГМАА (НИНГМАНЫ)

№ 13. Гăкиэй, муэдүэй

Гă м гаки балдэхани эм зогду. Туй бидуэн'е эм муэдү эичини. „Гаки, ми синчи хупиндэхэмби“. Гăки ундыни: „Хон' хупиури?“ Муэдү ундыни: „Хон' хупиури осира, муэвэ эн'уэдү тыас муэлсиури. Тавава ојан-да, муэвэ пуйлүэн-дэ, тао-си дэрин-дэ, туңкэлэгүри“. Гăки ундыни: „Бурбувэси-нү?“ Муэдү ундыни: „Бурбувэси“. Гăки ундыни: „Гэ, аја, си бурбувэси ундыни, си дэринзэчи“. Муэдү ундыни: „Гэ, ми дэринзэмби“. Тавава іваңкічи, эн'уэ пуйлүхэин, муэдү ундыни: „Ми эси дэримбучијэ-вэ, тургэн туңкэлэхэри“. Муэдү дэринкини. Гăки тургэ туңкэлэхэни. Бектэу бип'е, бокіаіади гăки зокчіани муэдү игүхэни. Гăки ундыни: „Манга эрдэгэ! Гүчи, муэдү дэрингуру“. Муэдү дэрингухэни. Бектэ-у бип'е, хас муэдү гăки зокчіани, игүхэни. Гăки ундыни: „Ми-дэ пэргэгуй дэриндэмби“. Муэдү ундыни: „Гэ, пэргэру!“ Гăки дэринкини. Муэдү туңкэзи туңкэлэхэни. Хон'а гойдам халачим-да чілахани. Эй гăки хайм игүэсини? Эн'уэвэ јарсігохани. Гăки хурухэни. Муэдү ундыни: „Мй гăківа аргалахамби“. Элэни.

Перевод

№ 13. Ворона и выдра

В одном доме жила ворона. Когда она так вот жила, пришла выдра. „Ворона, я пришла к тебе поиграть“. Ворона спросила: „Как будем играть?“ – „Как играть! Нальем полный котел воды, зажжем огонь, вскипятим воду, прыгнем в него и закроемся крышкой“. Ворона говорит: „А не умрем ли мы?“ Выдра отвечает: „Не умрем!“ – „Ну, ладно, ты говоришь, что не умрем, ты и прыгай!“ – „Ну что же, я прыгну!“ Зажгли огонь, вскипятили воду в котле. Выдра говорит: „Я сейчас прыгну, а ты скорее закрой меня крышкой“. Выдра нырнула в котел, а ворона быстро закрыла ее крышкой. Немного погодя с улицы вошла в дом выдра. Ворона говорит: „Очень интересно! Выдра, нырни еще раз!“ Выдра второй раз нырнула, а затем опять вошла в дом к вороне. Во-

роша говорит: „И я нырну, чтобы попробовать!“ – „Ну, попробуй“, – говорит выдра. Ворона нырнула. Выдра закрыла ее крышкой. Долго выдра ждала, но не могла дожидаться, когда придет ворона. Посмотрела в котел: ворона сварилась. Выдра говорит: „Я обманула ворону“. Конеч.

№ 14. Хоңмо

Эмү хоңмо балзихани мо оңголодоани. Пиктэни ілӓ. Сиксэ-э-э эичини амбӓ. „Хоңмо-о кудын, пиктӓ бӓру кудын“. Хоңмо нӓлэрэ, пиктэ-и эмбэ бӓхэни. Амбӓ капор-капор сӓхэни.

Зӓа чӓмӓ тӓхэни, гучи сиксэ амбӓ эӓхэни. „Хоңмо-о, пиктӓ бӓру, кудын!“ Хоңмо нӓлэрэ, пиктӓ бӓхэни. Капор-капор сӓхэни.

Чӓмаи тӓрэ, соңгоми тӓсидӓэне эдэ-вӓчака эичини. „Э, хоңмо, хайми соңгоиса?“ Хоңмо унӓйни: „Мӓ пиктэ-э-э амбӓ нӓсӓни“. – „Эдэ-вӓчака унӓйни: „Амбӓ биэси, солӓка эӓмӓи маңгаларӓ, хагдоиду-и симбиэ-э нӓлӓчими пиктэ-э-э нӓсӓни. Эси сиксэ эӓхэни-и уӓс-тӓни: „сӓ, аба, амбӓ биэсиса. Солӓка тӓчи. Эӓмӓи маңгаларӓ, хагдоиду-и мӓ пиктэ-э-э сӓаго-и нӓсӓни“. Солӓка унӓэмэ: „Уи алӓсӓхэни? Уи тӓхэни?“ Сӓи чаду уӓхэри: „Эдэ-вӓчака алӓсӓхэни“.

Сиксӓгӓхӓ, амбӓ гучи эӓхӓ. „Хоңмо-о, пиктӓ бӓру, кудын, кудын!“ Хоңмо унӓйни: „Аба, сӓ амбӓ биэсиса. Бай солӓка тӓчи. Эӓмӓими хагдоиду-и мӓ пиктэ-э-э сӓаго-и нӓсӓни. Солӓка унӓйни: „Уи симбиэ-э алӓсӓхэни, тӓхэни?“ Хоңмо унӓйни: „Эдэ-вӓчака алӓсӓхэни“.

Солӓка унӓйни: „Мӓ эси эдэ-вӓчака-а гӓлӓгӓхӓмби“. Солӓка эӓнэми дӓрӓхэни. Эӓмӓ, эӓмӓ... эм хӓхӓкӓ дӓдоани эдэ-вӓчака чорако-и. Солӓка бӓу-и дӓрӓхэни. Сочини соң-соң, гӓзи-хэни чӓн-чӓн, дарамани дӓн-дӓн, эӓа осӓни. Эдэ-вӓчака солӓка-а ичӓхэни. „Э, солӓка, мӓи эси дӓгдӓгӓмби. Дӓгдӓгӓиду-э-э сӓк-пӓндэси осӓни, мимбиэ-э хӓл-дӓ вӓрасиса. Эдэ-вӓчака дӓгдӓгӓми дӓрӓхэни“. Солӓка эдэ-вӓчака хуигудуэни сӓкпӓн-и.

„Солӓка-а, коис, бӓани орон-и унду“. Солӓка морыни: „Бӓани орони! Эдэ-вӓчака унӓйни: „Солӓка-а, коис, дӓйзи морару!“ Солӓка морӓпси-и, дӓйзи“. Бӓани орони!

„Эси солӓка аӓмӓи нӓхӓлиду-и тӓгӓхэни. Наму бӓачӓндоани. Эдэ-вӓчака дӓгдӓгӓрӓ, эӓхӓ. Солӓка эдэ-э-э бӓйни. Хумдӓхэни маңга. Солӓка соңгоми дӓрӓхэни: „Бӓгӓ-и бӓдӓ, намӓ мон-и осӓзӓра, корӓ-корӓ, сӓактӓ бӓдӓ, намӓ кон-и осӓзӓра, корӓ-корӓ, корӓ-корӓ, насалби бӓдӓ, намӓ бӓрактани осӓзӓра, корӓ-корӓ, корӓ-корӓ, эӓл-и бӓдӓ, намӓ сумпуни осӓзӓра, корӓ-корӓ, корӓ-корӓ“.

Туй соңгоидоанӓ, эм пӓнтӓ агби-и. „Э, солӓка, хайми соңгоиса?“ Солӓка унӓйни: „Аба, мӓ соңгоисимби. Эӓнӓнӓ, амӓнӓ эӓр-качӓхӓмби амдӓ-и“.

„Э, солӓка-а, сӓи нӓиси эӓзи-ну?“ Солӓка унӓйни: „Мӓи нӓји хӓн-и эӓзи, бӓачӓ таондоани, суигуэ таондоани тӓас би-и“. Солӓка унӓйни: „Пӓнтӓ-э, сӓи нӓиси эӓзи-ну?“

Пӓнтӓ унӓйни: „Мӓи нӓји эи намӓа тӓас агбим-дӓ мутӓ-и“.

Пӓнтӓ унӓйни: „Гӓ, солӓка, сӓи мӓнӓ эӓсӓлби агбимборӓ“.

Солӓка унӓйни: „Аба, пӓнтӓ, сӓи мӓнӓ эӓсӓлби эӓл агбимборӓ“.

Туй тарӓ, пӓнтӓ итӓхэни. Бӓктӓ бимӓ, агби-и. Наму сик-чӓ-сикчӓ агби-и. Пӓнтӓ унӓйни: „Гӓ, солӓка, таонду!“

Солӓка таоми намӓа дӓрӓпси-и. „Эму, эӓр – сӓрбидок, ілӓ, ду-и – сӓрбидок“.

Пӓнтӓ унӓйни: „Солӓка, хӓуси таон-и?“ Солӓка унӓйни: „А-а, мӓи эӓси дӓрӓгидо-и унӓнӓ таон-и“.

Солӓка туй дӓрӓгомӓ, дӓрӓгомӓ... сӓпси кӓрӓвани ісӓхэни.

Пуйкӓхэни нӓ бӓроани, „Эсӓл-э пӓнтӓ-э аргӓлахӓмби, корӓ-корӓ“.

Солӓка хумдӓхэни маңга. Эм гӓрмакӓ, эм нӓнтӓ маңга осӓми хумдӓхэни. Эси эӓнӓмӓ, эӓнӓмӓ... Кӓ мапа канто-и бӓхэни, кантодоани капӓраго-и. Солӓка буй-и.

Туй тапи Кӓ мапа канто-и ичӓндӓгӓми эӓхэни. Кӓ мапа унӓйни: „Э, солӓка капӓраго-и!“ Солӓка-а пӓналагорӓ, гӓзӓхэни эӓкчи-и. Сӓакта-и пуй-и. Тотарӓ, ули-и бӓачи маңга-и. Туй бимӓ, бимӓ... солӓка соңгоме морӓйни: „Тугдӓруэ, тугдӓруэ!“ Солӓка унӓйни: „Эпӓ, эпӓ!“ Туй тапи: „Бӓнорӓ, бӓнорӓ!“ – „Эӓнӓ, эӓнӓ!“ Солӓка унӓйни: „Сӓактару, сӓактару“. Сӓакта сӓактами дӓрӓхэни. Солӓка морыни: „Сӓдӓре, сӓдӓре!“ – „Сӓманарӓ, сӓманарӓ!“ Сӓманами дӓрӓхэни. „Гичӓ-гичӓ!“ – морӓйни. Эси солӓка о-и сӓалбигӓми дӓрӓхэни. Солӓка тӓгӓхэни. Солӓка у-и очого-и. Гупинэсими ісӓхэни. Солӓка морӓхэни: „Эси-пӓ ху-и дӓсу-и дӓлӓкчимби. Эсӓ-тӓнӓ солӓка очого-и, хӓраго-и, корӓ-корӓ, корӓ-корӓ. Кӓ мапа кантодоани капӓраго-и, ханду-и буйкимби бичини, корӓ-корӓ, корӓ-корӓ. Хӓраго-и, корӓ-корӓ, корӓ-корӓ!“

Эси-тӓнӓ солӓка эӓнӓмӓ, эӓнӓмӓ... Кӓ мапа эӓгдо-и ісӓхэни. Ихэни, нӓй хӓм сокторӓ, апси-и. Саолин бичини. Малоду дӓ-и дӓрӓ. Чаду хӓй-дӓ хӓм сӓаори эӓзи бичини. Таду эдэ-вӓчака тӓсимӓ бичини. „Э, солӓка, бӓчӓго-и!“ – „Э, эдэ-вӓчака, бӓчӓго-и!“ Эдэ-вӓчака унӓйни: „Солӓка-а, син-и, мин-и саолӓмӓчӓго-и“. Солӓка унӓйни: „А-а, саолӓмӓчӓго-и“. Туй тарӓ, саолӓмӓчӓми дӓрӓхэни. Сӓарӓ, ара-и осӓмӓри дӓрӓхэни. Эдэ-вӓчака унӓйни: „Гӓ, солӓка, ко-и“. Солӓка унӓйни: „А-а, ко-и“. Солӓка морӓми дӓрӓхэни. „Ируэ хӓик“, – морӓхэни. Эдэ-вӓчака унӓйни: „Нӓчӓи морӓси. Мӓи морӓго-и!“ Эдэ-вӓчака морӓпси-и: „Писуэ хӓик“, – морӓпси-и.

А-а нӓисӓл хӓм сӓнӓхэни. „Э, эдэ-вӓчанка-и, солӓка-и чӓ-и!“ Тӓрӓ, мӓа-и, тӓй-и, тӓй-и дӓрӓхэни. Солӓка гӓл-и-и. Эдэ-вӓчака чӓн-и. Эдэ-вӓчака чӓн-и.

№ 14. Летага

В душе дерева жила летага. Было у нее трое детей. Поздно вечером пришел черт: „Летага, кудынь! Давай своего детеныша, кудынь!“ Летага испугалась и отдала одного своего детеныша. Черт: хруст-хруст – и съел.

На следующее утро встала летага. А вечером опять пришел черт. „Летага, давай своего детеныша, кудынь!“ Летага испугалась и отдала своего детеныша. Хруст-хруст – съел.

Наутро встала. Когда сидела и плакала, прилетела к ней глупая цапля. „Эй, летага, почему ты плачешь?“ Летага отвечает: „Моих детей таскает черт“. Глупая цапля говорит ей: „Это не черт, а лисица. Она когда проголодается и от голода измучится, то пугает тебя и таскает твоих детей. Теперь, когда она вечером придет, ты скажи: нет, мол, ты не черт, ты лисица. Когда ты проголодаешься и от голода измучишься, таскаешь моих детей, чтобы их съесть. Лисица спросит: „Кто научил? Кто открыл правду?“ Ты скажи: „Цапля научила“.

Наступил вечер. Черт опять пришел: „Летага, отдай своего детеныша, кудынь, кудынь!“ А летага говорит: „Нет, ты не черт, ты просто лисица. Когда проголодаешься, таскаешь моих детей, чтобы съесть“. Лисица спросила: „Кто тебя научил, кто открыл правду?“ Летага ответила: „Цапля научила“.

„Я сейчас разыщу цаплю“, – сказала лисица и пошла. Идет, идет... В устье одного озера цапля рыб подкарауливает. Лисица стала к ней подкрадываться. Хвостовой плавник пружинит, передняя часть туловища ежится, спина неподвижна (так лиса имитирует движение рыбы, подкрадываясь к цапле). Близко подошла. Цапля увидела лисицу. „Эй, лисица, я сейчас взлечу. Если не ухватишь зубами, когда я буду взлетать, никогда больше не убьешь меня“. Цапля стала взлетать, а лисица впилась зубами в ее хвост.

„Лисица, коис, скажи: небесных людей забава“. Лисица кричит: „Небесных людей забава!“ Цапля говорит: „Лисица, коис, громче кричи!“ Лисица закричала громко: „Небесных людей забава!“

Когда лисица открывала рот, чтобы кричать это, она упала на морской остров. А цапля поднялась ввысь и улетела. Тут лисица стала плакать. Вот-вот от голода умрет. Страшно исхудала. Лисица плачет: „Ноги у меня хоть и есть, да станут морским завалом из деревьев, коре, кореон! Шерсть у меня хоть и есть, да станет морской тинной, корекореон, корекореон! Глаза у меня хоть и есть, да станут морской галькой, корекореон, корекореон! Голова у меня хоть и есть, да станет морской кочкой, корекореон, корекореон!“

Когда лиса так плакала, появился один дождевой червяк. „Эй, лисица, почему ты плачешь?“ – „Нет, я не плачу, я подражаю тому, как распевали мои родители“.

„Эй, лисичка, а у тебя людей много?“ Лисичка отвечает: „У меня людей вот как много, что на каждом острове, на каждом по-

луострове полным-полно. А у тебя, червяк, людей много?“ – спросила лисица.

„Мои люди могут заполнить даже это море, – сказал ей червяк. – Ну, лисица, заставь своих товарищей появиться“.

„Нет, червяк, сначала ты заставь своих товарищей появиться“, – сказала лиса.

Червяк ушел в воду, а немного погодя появился снова. Червей появилось так много, что море стало густое. „Ну, лисица, считай!“ – говорит ей червяк.

Лисица, считая, стала переходить через море. „Один, два, сирбидок, три, четыре, сирбидок“.

„Лисица, как ты считаешь!“ – говорит червяк. Лисица отвечает: „Ладно, когда я буду перебираться сюда обратно, посчитаю хорошенько.“

Лисица так переходила, переходила через море и добралась до берега. Прыгнула на землю. „Теперь-то я червяка обманула, корекореон!“

Лисица страшно исхудала, одни кости да кожа. Теперь идет, идет... и нашла деревянную ловушку старика Ка. Увидев, пошла к ловушке, и пастью (ловушки) ее защемило. Лисица умерла.

Старик Ка пошел посмотреть свою ловушку. „А, лисица, попалась!“ – сказал старик Ка. Ввалил лисицу на спину и понес домой. Снял с нее шкуру, а мясо выбросил на улицу. Так лисица лежала, лежала... и начала с плачем кричать: „Пойди, дождь! Пойди, дождь!“ Тут лисица говорит: „Как бы не промокнуть!“ Потом стала говорить: „Пойди, град! Пойди, град! Больно! Больно!“ Потом лисица стала говорить: „Пойди, крупа! Пойди, крупа!“ Начала идти крупа. Лисица кричит: „Колет! Колет! Пойди, снег! Пойди, снег!“ Начал идти снег. „Холодно! Холодно!“ – кричит. Тут на лисе начала отрастать шерсть. Встала лисица и ожила. Отряхиваясь, встала и закричала: „Теперь-то я девять испытаний прошла и опять лисицей стала, ожила, корекореон, корекореон! В ловушку старика Ка попала и умерла, корекореон, корекореон! Ожила, корекореон, корекореон!“

Опять лисица идет, идет... Дошла до дома старика Ка. Смотрит: все люди ошьянели и легли. Пир был. На средних нарах большой стол. Там полно всякой пищи, и там сидит цапля. „А-а, лисица, здравствуй!“ – говорит цапля. – „Давай мы с тобой пировать“. – „Ладно, давай“, – говорит лисица. Тут стали пировать. Поели и стали пить вино. Цапля говорит: „Ну, лисица, давай гонять духов!“ – „Ладно, – говорит лисица, – будем гонять духов“. Лисица начала кричать: „Выйди, хэйк!“¹ Цапля говорит: „Тихо кричишь. Дай-ка я крикну!“ Цапля закричала: „Побрызгай, хэйк!“

Все спавшие люди проснулись. „Э-э, цапля с лисицей воруют!“ Встали, взяли палки и стали (их обеих) бить. Лисица через очаг удрала. А цапля через дымовое отверстие улетела.

¹ Восклицательное междометие, употреблявшееся шаманами во время камлания.

Хаңгозйи, гәкизйи бәлзәхачи. Гәки унзйи: „Хаңго, холгоктава посиндагари!“ Туй тарә, хаңгозйи, гәкизйи холгоктава посиндамари энэхэчи. Холгактава эгзйи бәхачи. Гәки унзйи: „Хаңгу, мэлзэгүери! Сй зүлэ эм хуэлбиwэ ісірхә осіни, сй мимбиwэ хон-дә тааачи. Мй зүлэ эм хуэлбиwэ ісірхә осіни, симбевә сіа-зәмби.“

Туй тарә, мэлзәмәри дәрүхэчи. Гәки зүлэ хуэлбиwэ ісірхани. Эси гәки хаңгоwа сіаичами дәрүхэни. Хаңгу нэлэрә, чочами дәрүхэни. Гәки элэ-элә чокилини. Эм аморамба бахани. Тыи амораброни хаңгу чочахани. Эс-тәни гәки хал-хал очіни, Гәки соңгоми тәсйни. Тәсйдуэн'е эм мапа зичини. Мапа унзйи: „Гәки, хайми соңгоми тәсйси?“ Гәки унзйи: „Мй хайм соңгозәмби! Мй хаңгозйи мэлзәхәмби. Нбани дәрәйхэни. Туй тарә, эй аморбәрони чочахани“.

Мапа унзйи: „Чава хайwани гәсйси?“ Мй омгогәwа“. Туй тарә, мапа омими дәрүхэни. Ты амора музwэни хэм омихани. Чаду эгзйи хоңгосал бичини. Хал-хал очіни гәки. Хәwуй мй хаңгоңгоји? Туй мурчидуэн'е, эм соліка зичини. Тургән'зимй, мапа оңболани хос'акалахани. Мапа омихани муз хэм хәјәгүхэни. Амора тыас музку очогохани.

Мапа унзйи: „Эй хай соликани зичини?“ Туй тыидрәни элэ-дә чочагохани, соліка. Эси-тәни мапа солікаwа гәлэндәгуми дәрүхэни. Энәм'ә, энәм'е... ичэхэни: эм сйнду эм соліка хуйгуи сйнчи гідарә, зүкә ојәwани пумбурәйни. Мапа унзйи: „Э, эй соліка мимбиwэ аргалахани! Соліка унзйи: „Аба, мй гой соліка тәмби. Эси эйлә сй солікаңгоси энэхә“. Мапа унзйи: „Сй хон' эрдәләми туй хуйгуји пумбурәйси?“ Соліка унзйи: „Туй тарпи, чү улә осігоји. Мапа, сй-дә тыи хуйгуји пумбурәру“. Мапа унзйи: „Гә, мй-дә пумбурәмби“. Мапа пумбурәми дәрүхэни. Соліка тотарә, чочагохани. Мапа хуйгуни зүкәчи тыак-тыак лактохани. Эси-тәни соңгоми тәсйни: „Эй соліка мимбиwэ аргалахани. Мй бурбур-нү, хон' таорнү“. Хосісіхә, сілә ачогохани. Мапа унзйи: „Хон-дә тахан-дә тәй солікаwа баогбри. Таwаңки энәпсиукини. Энәм'е, энәм'е... эм бораду эм соліка тәсйни, насалби камдочіми. Мапа унзйи: „Эй соліка мимбиwэ аргалахани биээрә“. Соліка унзйи: „Аба, мй гой соліка тәмби. Сй солікаңгуси эси н'изкпәлә энэхә“. Мапа унзйи: „Э, соліка, хайгуји насалби камдочйси?“ Соліка унзйи: „Туй камдочйори чү улә эрдә. Сй сагзйи наји. Насалси улә очогозәра“. Мапа унзйи: „Гә, мимб'е-дә, насалбевә камдориру“.

Соліка мапа насалбани камдоми дәрүхэни. Тыак-тыак зүзүтү насалбани камдухани. Туй тарә, соліка чочогохани. Мапа хон-дә нхәлигуйчәм-дә чілахә. Мапа соңгом'хосісіми дәрүхэни насалби. Хосісім'е, хосісім'е... сілә дәгбәлиухэни. Нхәлигүхә, соліка чоп чочахани.

Мапа унзйи: „Хон-дә тахан-дә мй тыи солікаwа баогозәмби“. Тотарә, мапа солікаwа гәлэндәгуми энәпсиукини, энәм'е, энәм'е... эм хурәндүлә ісіхани. Тыи хурәндүлә соліка оңбозйи сусуэчйни. Мапа унзйи: „Гә, сй, соліка-тәйи, мимбиwэ аргалахә“. Соліка

унзйи: „Аба, гой соліка тәмби. Сй солікаңгуси эси энэхә“. Мапа унзйи: „Э, соліка, сй хайгоји туй сусуэчйси?“ Соліка унзйи: „Туй сусуэчйми чү уләосіји. Сй сіңактаси кілтоліанзйи осігоји“. Мапа унзйи: „Гә, мидә сусуэчигүәwэ“. Мапа сусуэчйми дәрүхэни. Зүзә модә сусуэңгуйдуэни, сілломба ілгамохани. Тәй сілопнчи мапа чип түгүхэни. Мапа буйкини. Эси соліка хал-хал очіни.

Эй мапаwа хони таори? Туй тами хәрсими дәрүхэни: „Хәзйи-зә, борбос, хәлдәгзә, борбос, зидуә борбос, соліази борбос, соліка, борбос, зидуә борбос, дүзәзйи борбос, дургимәре, борбос, зидудуә, борбос. Эгзйи соліка, эгзйи гормахо зичичи. „Гә, андәнә, мапаwа wахамби. Эй мапаwа хони таори? Гә, андәни, зобой мапа, зобой мама бәроани кучәмбә, сурәwә, хачохамба һангоари. Туй тарә, тыи зобой мапа бәроани энэхэчи. Зобой мапаwа ісіхачи. Мапа унзйи: „Гә, соліканә, гормахонә, хәлдахасу?“ Соліка унзйи: „Буә мапаwа wахапу. Хәй-да хәзон-дә анапу. Сунчи сурәwә, кучәмбә, хачохамба гәлэндәхәпу. Буә сунду уликсәвә бүзәпу“. - „Гә, аја!“ Хачохамба, сураwә, кучәмбә бүхэчи.

Тотарә, гәзорә, хэм тәлгәчихэчи, мапаwа. Хэм пујүчимәри сіахачи. Зобой мападу солігогиліwәри оңбохачи. Эм соліка унзйи: „Аја, буә хәмтузйәри хуктәwәри сізсигүзәпу. Хәмтузйәри хуктәwәри сізсихэчи. Отоко бархачи. Хачохә пәрәгдүзйи нәкурә, ірагомәри дәрүхэчи. Энәмәр'ә, энәмәр'ә... зобой мапа зовани ісіхә. Соліка унзйи: „Буә оңборә, хэм сіахапу“. Мапаңчакә унзйи: „Аја, элә. Бунду ісіји“. Туй тапи, мапаңчакә унзйи: „Соліка, гормахокә, тәиндусу. Гормахосал, солісал тәсйчи. Мамаңгои чоңхоwа, уйкәwә, гәлзәмба, пәwаwа сйктәми дәрүхэни. Зүзә моwа йwүхэни, мапаңгодүји бүхэни. Туй тарә, тойкәмәри дәрүхэчи. Эгзйи соліка, гормахомба wахачи. Зүзә соліка, гормахо гәлзәондола чочагохачи. Сіаңчи пакәриа агбінгохачи.

Перевод

№ 15. Жили карась и ворона

Жили карась и ворона. Ворона говорит: „Карась, пойдем косить тростник!“ Карась с вороной пошли косить тростник. Нашли много тростника. Ворона говорит: „Карась, давай состязаться! Если ты раньше наберешь сноп, ты со мной что-нибудь сделаешь. Если я раньше наберу сноп, я тебя съем“.

Начали состязаться. Ворона раньше набрала сноп и стала пытаться съесть карася. Карась испугался и стал удирать. Вот-вот ворона его закроет. Однако озерко встретил. В это озерко карась и нырнул. Тут ворона растерялась. Сидит ворона и плачет. Когда она сидела, пришел один медведь. Медведь спросил: „Ворона, почему ты сидишь и плачешь?“ Ворона отвечает: „Как же мне не плакать! Я состязалась с карасем. Он отстал от меня. А потом в это озерко удрал“.

„Что ты о нем горюешь? – говорит медведь. – Дай-ка я выпью это озерко“. Стал медведь пить. Всю воду выпил из этого озера. А в озерке карасей оказалось много. Растерялась ворона: „Который же мой карась?“ Пока она так думала, пришла одна лисичка. Она быстро подошла к медведю и поскребла когтями у него зад. От этого вся вода, которую медведь выпил, вытекла. Озерко опять стало полно водой.

Медведь спрашивает: „Это что за лисичка пришла?“ Когда он так спрашивал, лисичка уже удрала. Медведь стал разыскивать лисичку. Идет, идет... И видит: у одной проруби какая-то лисичка сидит, опустила свой хвост в прорубь и катается по льду. Медведь говорит: „Э-э, это та лисичка, которая меня обманула“. Лисичка отвечает: „Нет, я другая лисичка. Твоя лисичка вот сейчас здесь прошла“. Медведь спросил: „Ты с какой это целью так валяешь свой хвост?“ Лисичка отвечает: „Так нужно делать, для того чтобы совсем выздороветь. И ты, медведь, повалляй свой хвост!“ „Ну, и я повалю“, – согласился медведь.

Начал медведь валять свой хвост. А лисичка сразу после этого убежала. Медвежий хвост крепко примерз ко льду. Сидит теперь медведь и плачет: „Эта лисичка меня обманула. Умирать мне или что делать...“ Поскреб когтями и насилиу оторвал свой хвост.

„Как бы то ни было, а эту лисичку нужно найти“, – сказал медведь и пошел с этого места искать. Шел, шел... В одном месте сидит лисичка и мажет клеем себе глаза. Медведь говорит: „Наверное, это та лисичка, которая меня обманула“. – „Нет, я другая лисичка, – говорит она. – Твоя лисичка сейчас вот здесь прошла“. Медведь спросил: „Эй, лисичка, зачем ты свои глаза мажешь клеем?“ – „Мазать клеем глаза очень большая польза. Ты старый человек, глаза у тебя хорошо видеть станут“. Медведь говорит: „Ну, намажь мои глаза клеем!“ Лисичка начала мазать клеем медвежи глаза. Крепко-накрепко заклеила оба глаза, а потом удрала. Медведь как ни старался их открыть, не мог. С плачем стал медведь скрести когтями свои глаза. Скреб, скреб, кое-как открыл. Открыл, а та лисичка уже удрала.

„Как бы то ни было, а я разыщу эту лисичку“. Пошел медведь разыскивать лисичку. Идет, идет... пришел к одной горе. С этой горы лисичка на своем крупе катается. Медведь говорит: „А-а, ты та самая лисичка, которая меня обманула!“ – „Нет, я другая лисичка. Твоя лисичка сейчас только прошла“. Медведь спрашивает: „Эй, лисичка, ты зачем так катаешься?“ Лисичка отвечает: „Если так вот катаешься, то становишься красивее, шерсть станет блестящей“. Медведь говорит: „Ну, дай-ка и я покатаюсь!“ Медведь начал кататься. Когда он съезжал второй раз, лиса на его пути воткнула вертел. Медведь напоролся на этот вертел и упал. Медведь умер. Теперь лисичка растерялась: что с этим медведем делать? Тут начала звать: „Снизу, борбос, черно-бурая лисица, борбос, приходи, борбос!“ Сверху, борбос, рыжая лисичка, борбос, приходи! Из тайги, борбос, с шумом, борбос, приходите, борбос!“ Много пришло лисичек и зайцев. „Ну, друзья, я медведя убила. Что с этим медведем

делать? Ну, друзья, пойдемте к работающему старику и к работающей старухе, чтобы принести нож, топор и котел“.

Пошли к работающему старику. Пришли. Старик спрашивает: „Ну, лисички и зайцы, зачем пришли?“ Лисичка говорит: „Мы убили медведя, а никакого имущества у нас нет. К вам пришли просить топор, нож и котел. Мы и тебе дадим мяса“. – „Ну, ладно!“ Дали им котел, топор и нож. Принесли. Всего медведя освежевали. Все-го сварили и съели. Потом, что должны были оставить работающему старику, забыли. Одна лисичка говорит: „Мы ведь забыли, что должны были оставить работающему старику.“ Ее подруга отвечает: „Ничего, мы все вместе вычистим свои зубы“. Все вместе вычистили свои зубы, чуть-чуть собрали мяса. Положили это мясо на дно котла и понесли. Идут, идут... Дошли до дома работающего старика. Лисичка говорит: „Мы забыли и всё съели“. Старичок говорит: „Ладно, довольно! Нам хватит“. Потом старичок им сказал: „Лисички, зайчата! Отдохните!“ Зайцы и лисицы сели. Его старуха стала затыкать дымовое отверстие, дверь, очаг, окна. Внесла две палки, одну дала своему старику. Потом они начали их (зверей) бить. Много убили лис и зайцев. Двое, лисичка и зайчик, удрали через очаг. Уши у них оказались почерневшими.

№ 16. Гăкиѳи, хаңгоѳи

Эм боаду балѳихачи гăкиѳи, хаңгоѳи. Туй гурусэл туй бичичи. Эм мудар гăки уңкини хаңгочи: „Гă, анда хаңго, энэгуэри чімана холгоктава ганідами“.

Зіа чімана гăкидї, хаңгоѳи огдаду тэрэ, энэхэчи холгоктава гандамари. Туй энэмэри эм н'аргила ісіхачи. Н'арги дүрлэни ситунду улэ холгоктасал бичи. Гăки, хаңго гамари дэрүхэчи. Гăки туй гесэ гами зіаји эбэрсихэни. Тотарă, мурчихэни: хама јэбэ, эй хаңгози гесэ гарри! Н'одни эмумбэ чăлийдоани, ми тойнгава чăлі-амби. Тотарă, гăки хаңгочи уңкини: „Анда хаңго, гă, мэлзэгүэри бүэ эси. Уй-дэ эгэи хуэлбиwэ гагилїwани. Уй дэрэѳи осини, уйwэ wăwори“.

Хаңго-дă эйwэ чіхалахани. Гăки масілахани. Бай катас-катас холгоктава гами дэрүхэни. Хаңго-тани бай мэмүл-мэмүл тапи-мат эм холгоктава јукэ чăлими муты бичи. Туй мэлзэмэри гачичи сиксэгүдэлэ. Гăки эйду гочин хуэлбиду гачини. Хаңго-тани јоѳ хуэлбиду хуэлбигүхэни. Эси гăки уңкини: „Бүэ синѳи мэлхэмэри дэрүри-дүэри туй хісаңгохапу: уй дэрэѳи осини, уйwэ wăwори“.

Хаңго хайwа-дă эчиэ ундэни. Н'аңгă бипи-мэт уңкини: „Аја wăңас-тани. Туй там-дă сї мимбиwэ wăхари, амоѳ кїрадоани“. Гăки чіхалахани. Тотарă, энэхэчи амоанчи. Амоамба ісіми, хаңго муэчи пуйкугүхэни. Гăки хал-хал одă, дэрэѳигүхэни. Туй этүми хаң-коwа халачихани. Туй этүридүэни, мапа зүхэни. Мапа зурэ, мэдэси-

Хайва си, гаки, гуриси?" Гаки уңкини: "Хайва этүзэмби! Мий хайгоуҗи арҗалаһан-да, хал-хал одә, халачи агбиндыһани". Мапа ундыни: "Хайва гәләми сй халачиҗси? Хали-дә н'одни агбингоаси. Сй мй оубоҗава көктонзи масиди сйру. Эси мй эй амоан музәһәни хәм омизәмби".

Гаки мапа онбәһәни көктонзи сйхәни. Мапа амоа музәһәни оми-ми дәрүхәни. Туй омидоане хайгокәмба музду сочкйһани ичәури бий. Гаки чава гйдокачими дәрүхәни.

Туй мапа омидоани хайаҗа-нү соли эухәни. Эуми-тул соли ма-па көктоуҗовани чолторам хоскалахани.

Мапа омихани муз лур хәсгүхәни. Соли дуйси чачагохани. Мапа тый солиһа дачипсиҗкини. Туй энәмиэ, энәмиэ, эм соли насалби кәмдочивани бәхәни. Мапа мэдәсикәни: "Сй хайва тайси? Хайгуҗи сй мимбиһә синзүхәси?"

Соли уңкини: "Аба, мй сймбиһә эчә синзүҗи, эчиз чиуриҗиҗи. Мй гйрә солини тәмби. Симбиһә синзүхән соли адан солини би-зәр".

Тотарә, гучи мэдәсигүхәни: "Хайгуҗи сй мәнә насалби кәмдой-си? Соли ундыни: "Насалби кәмдопи, уләни аори, хайва-дә хәм уләмбә толкичими аори". Мапа уңкини: "Мимбиһә-дә кәмдору". Соли мапа насалбани тас кәмдонзи модорихани. Тотарә, мапаһа апсимбәһәҗкини. Мапа оҗасәһәҗани, соли чочагохани.

Мапа туй аориа, сәнәгүхәни. Насалби нихәлигүҗчәхәни. Нихәли-гуми мохохани. Тотарә, насалби хоскачими дәрүхәни. Туй хоскачи-ми, хәлиә эм насалби зүкән саҗалигохани. Эҗәзизәи туй энәхәни солиҗоҗи поктовани хәһәми. Туй энәме, энәме, эм хурәнчи тохә-ни. Тй хурәнду эҗәи солисал сусуэкәҗчи. Мапа тәси тоҗа, аҗак-та зилганзиҗи моҗами дәрүхәни: "Хавуҗи соли мй насалбаҗаһа кам-дохани?" Соликасал әйду хачин зилганзиҗари эрдәкәҗимәри мапаһа уләгуҗкичи. Мапа уләләгуҗи, мэдәсикәни: "Суэ әйду хайва тайсу? Солисал ундычи: "Ага мапа, буэ әйду мәпәри окчичимәри сусуэкә-җипу. Буэ бәзипу, дарамапу, насалпу энусйни. Эй токизи уләнзи горочи сусуэнды осини, хәм улә очогойни". Мапа ундыни: "Мим-биһә-дә сусуэмбүвәндусу. Мй насалби лактохани аҗа очогойзани".

Соликасал мапаһа токиду тәвәҗкичи. Тотарә, мөзи сйлпомба аҗора, поктоду чүл илҗамохачи. Мапа чава ичәпи, мэдәсикәни: "Хайгоари мөһа илҗамохасу?" Солисал ундычи: "Аҗа, эҗәи-мәт най насални дәйзи тоҗтапты. Чаду-мәт уләнзи сй ичәгузәҗи".

Мапа чава тәзәхәни. Тотарә чихалахәни. Солисал мапа тәхәни токиду суп апарә, масиҗи анахачи. Мапа пәйси әмугу ләкәвә гар-пори-мәт дәгдәми сусуҗкини. Туй эуми, мапа тй сйлпонзи бай лукту-лукту сйлполапсиҗкини. Чаду мапа буйкини. Соликасал чү маҗази агдахачи бий, сйагоари, зәпугүзәри бәхандоари. Н'оачи мапаһа тәлгәҗимәри дәрүхәни. Хоҗипәри, хайду-дә пуҗугүзәри аҗагоари гәләмәри мохохачи. Туй хисаҗомәри, эм соли зомбо-хәни. Ичүсу, то солҗа би Кіаҗа мапа энүзәһәни гәләндәм аҗа. Солисал тәси гәләндәмәри энәхәни. Мама зогду тәсими бичини. Солисал йпәри, мамачи энүзәһә гәләхәни. "Мама, бұру бунду мәнә энүзәҗи". Мама уңкини: "Хайгоари суэ гәләйсу? Хайва җахамбәри

пуҗугүзәри тайсу?" Солисал ундычи: "Мама, буэ эм мапаһа әйн'е-һе җахапу. Чава пуҗугүзәри тапу". Мама солисалчи гәләхәни, мәнә энүзәҗи туриндуләни: "Гә, аҗа, апарсу. Тотам-дә суэ минду эм паси кәмба ирагохәрсу". Солисал нйәгуҗидүзәри ирагоҗи уңкичи бий.

Тотарә, гәзәра, хәм тәлгәҗихәчи мапаһа. Хәм пуҗуҗимәри сйа-хачи. Эси солисал мапа уликсәһәни әләдәлә сйахачи, тас хәмдәһә-ри дуктәмәри. Зобон мамаду сологойлайһәри оҗбохачи. Туй хәм мапапәри, тәимпәре, эм соли зәһгохәни: "Хәң буэ, андәһә, оҗбоха-пу мама энүзәи туриндуләни бүгиләйһәри". Тотарә, гасамәри мур-чихәчи. Эм соли туй зомбохәни: "Аҗа, буэ хәмтузәри хуктәһәри сйәсигүзәпу. Хәмтузәри хуктәһәри сйәсикәҗи. Отоко бәрхачи. Ха-чохә пәрагдүзәи нәкурә, сйәгузәи чйәҗичигүрә, мама энүзәзәи гәсә ирагохачи. Ирагоҗи солисал мама зәһәни сйахачи. Зәһәи соли бичини. Эм солика унзәни: "Буэ оҗбәра, хәм сйахапу". Мамачакә унзәни: "Аҗа, әлә. Бунду сйҗи. Мамаду сйәсигүхәмбәри уликсә-гузәри, гучи чйәҗичихәмбәри сйәгузәри бүгүхәчи". Мама-тани сәр-сиһәни сәра, сәрим-тул, сәләмә молзәҗи апагоҗа, уйкәҗи, пәһәҗи дасигора, тй солисалба, дуктәм-тул хәм җахтаһани. Апоҗоҗи, оҗа-гоҗи, качамагоҗи, тәтузәгуҗи аҗора, н'амази уләнзи мамачакән бәл-зими бичини.

Перевод

№ 16. Ворона и карась

В одном месте жили ворона и карась. Люди эти так вот и жили. Однажды ворона говорит карасю: "Ну, друг карась, пойдем завтра собирать тростник".

На следующий день ворона и карась сели в лодку и поехали собирать тростник. Так вот ехали и доехали до полосы тальника. А выше полосы тальника по берегу рос хороший тростник. Ворона и карась стали собирать. Собирали вместе. Ворона считала своего товарища более слабым и подумала: "Какой толк собирать вместе с этим карасем!" Пока он срезает одну тростинку, я срезаю пять". Ворона стала говорить карасю: "Друг карась, ну-ка, давай теперь состязаться, кто больше соберет снопов тростника. Кто отстанет, того надо убить".

Карась согласился на это. Ворона принадлегла. Хруст, хруст, начала собирать тростник. А карась просто — шамк, шамк — сделает и только одну тростинку еле-еле срежет. Так, состязаясь друг с другом, они собирали до самого вечера. Ворона собрала тридцать снопов, а карась связал десять снопов. Тогда ворона сказала: "Когда мы с тобой начали состязаться, то условились: кто отстанет, того убивать".

Сначала карась ничего не сказал. А немного погода говорит: "Ладно, убьешь. Но только ты убей меня около озера". Ворона согласилась. Потом пошли к озеру. Подойдя к озеру, карась прыгнул в воду, а ворона осталась в растерянности. Стала она до-

жизнью и подкарауливать карася. Когда она подкарауливала, на берег спустился медведь. Спустился медведь и спросил: „Ворона, ты кого подкарауливаешь?“ – „Кого мне подкарауливать? Своему карасю дала обмануть себя, растерялась, а теперь жду, когда он появится“. Медведь говорит: „Для чего же ты его ждешь? Никогда он не появится. Ты заткни крепко пробкой мой задний проход, а я выпью всю воду из этого озера“.

Ворона заткнула задний проход медведя пробкой. Медведь начал пить из озера воду. По мере того как медведь пил воду, над водой постепенно стал показываться спинной плавник карася. Ворона стала на карася прыгать и клевать его.

В то время, когда медведь пил воду, откуда-то на берег спустилась лиса. Лисица подошла к берегу и выковырнула своими когтями медвежью пробку. Тогда вся выпитая вода струей потекла из медведя. А лисица убежала вверх на гору. Медведь стал преследовать эту лисицу.

Так шел, шел и встретил одну лисицу, которая мазала клеем свои глаза. Медведь спросил: „Ты что делаешь? Зачем ты надо мной издевалась?“

Лисица сказала: „Нет, я над тобой не издевалась и не мешала тебе. Я лесная лисица. Наверное, над тобой издевалась луговая лисица“.

Затем медведь спросил: „Зачем ты мажешь свои глаза клеем?“ Лиса ответила: „Если намажешь клеем свои глаза, то будешь хорошо спать, а во сне видеть все хорошее“. Медведь сказал: „И мне тоже намажь глаза клеем!“

Лиса густо намазала клеем медвежьи глаза. Потом уложила медведя спать. Когда медведь заснул, лиса убежала.

Медведь проснулся, хотел открыть глаза и не мог. Начал свои глаза царапать. Кое-как проделал в одном глазу небольшое отверстие и пошел по следу своей лисицы. Шел, шел, поднялся на одну гору. На этой горе много лисиц скатываются (на нартах) с горы. Медведь поднялся к ним и начал кричать сердитым голосом: „Которая лисица заклеила мне глаза?“ Лисички на разные голоса искусно стали задабривать медведя. Медведь подобрел и спросил: „Вы что здесь делаете?“ Лисицы отвечают: „Старший брат медведь, мы здесь катаемся, чтобы вылечить себя. У нас ноги, спины и глаза болят. Если же на этих нартах хорошенько и далеко прокатиться, то все поправится“. – „Покатайте и меня, чтобы мои слипшиеся глаза поправились“.

Лисички посадили медведя на нарту. Потом сделали из палки вертел и воткнули его прямо на его пути. Медведь увидел это и спросил: „Зачем вы палку воткнули?“ Лисички говорят: „Ничего, как раз с помощью этой палки глаза человека широко раскрываются. Только тогда ты и будешь хорошо видеть“.

Медведь поверил этому и согласился ехать. Лисицы взялись за края нарты, на которую сел медведь, все вместе сильно и дружно толкнули. Медведь стрелой покатился вниз. Катясь таким образом с горы, наткнулся прямо на тот вертел, вертел его проколол на-

сквозь. Медведь умер. Лисички очень сильно обрадовались тому, что получили себе пищу. Начали свежевать медведя. Когда кончили свежевать, то не могли найти посуды, чтобы сварить его. Поговорили об этом, и одна лисица придумала: „Пойдемте просить котел у старухи Киана, которая живет вон там выше нас по течению реки“. Лисицы пошли просить. Старуха сидела дома. Лисицы вошли и попросили у старухи котел: „Старуха, дай нам котел“. Старуха спросила: „Зачем вы просите? Что убитое вами вы собираетесь варить?“ Лисицы ответили: „Старуха, мы сегодня убили одного медведя и собираемся его варить“. Старуха спросила у лисиц за свой котел плату. „Ну, ладно, берите. Но только и мне принесите один кусочек“. Лисицы, уходя, сказали, что принесут.

Вот лисицы досыта наелись медвежьего мяса и похлопывают себя по животам. После того как все мясо прикончили и отдохнули, одна лисица вспомнила: „Как же мы, друзья, забыли, что старухе надо отдать плату за ее котел!“ Потом, печалась, стали думать и придумали: почистить всем хорошенько зубы и мясо из зубов собрать в одно место, затем помочиться в котел, чтобы был бульон и вместе с котлом отнести старухе. Лисицы так и сделали. Везущие котел лисички дошли до дома старухи. Было десять лисиц. Отдали старухе вычищенное из зубов мясо и бульон, который они сделали, помочившись в котел. А старуха, почувствовав вонь, с руганью взяла железную скалку, дверь и окна закрыла и, колотя этих лисиц скалкой, всех перебила. Из лисих шкур сделала себе шапку, обувь, перчатки, одежду. Тепло и хорошо зажила старуха.

№ 17. Найсо

Эм хусэни балэйхани эмучэн-дэ. Гэрбуни Найсо. Эм мо-
дā мэнгэнгуи пāчлами дэрүхэни. Тб̄идуи пāчлами дэрүхэни.
„Јатачпoа, јатачпoа!“ – морай. Туитарā, Найсо ичэхэни – чаду
хэрэээкэ пиктэгуйи бāхани. Туитарā, Найсо мэнгэмби ачбхани. Туи-
тарā, соллалаи пāчлами дэрүхэни. Гучи морайи дэрүхэни: „Јата-
чпoа, јатачпoа!“ Хэрэээкэ пиктэгуйи бāхани.

Найсо эси мэнгэмби ачогорā, багйачи пāчландахани. Эси-
тэни мэнгэндуи ичэхэни.

„Аминā дава, тэртэнтэң, тэртэнтэң. Эјэwэ энэру! Энинэ
дава, тајаwа энэру!“ Найсо эм аминā даwаwа wāхани. „Энинэ-э,
дава эјэwэ энэру! Тэртэнтэң, тэртэнтэң. Аминā даwа тајаwа
энэру, тэртэнтэң, тэртэнтэң!“ Найсо эм энинэ даwаwа, эм аминā
даwаwа wāхани. Огасангоји эм пэулэнду лōхани. Кисоактаңгоји эм
дапсиду лōхани. Холгохā, тугбухэ огасангони эм такто, кисоактаң-
гони эм такто, очини.

Туи тапи, Найсо тэсидуэне эм мапа эичини.

„Найсо-у, сјагоја бұру!“ Найсо унэйни: „Аја, сјагоаси бāрамби“. Найсо дāи урэктэмивэ жапарā, энэхэни. Тактои бāрoани. Такто-ни хэм гəвў. Мапа хэм огасанговани, кiсoактанговани сјахани. Эси-тэни хай-дā аба. Йгухэни. Мапа унэйни: „Сјагојава гāзока-си-ну?“ Найсо унэйни: „Аба, тактои хэм гəвў“. – „Туи таи осі-ни, симбиэвэ ми вāгојава, сэгзигујэвэ пāяктава посіндaру“.

Найсо сонгоме хадокoва жапарā, посіндахани. Пāяктава по-сідoан'а эм соліка зичини. Найсо-о; хайм сонгоми посіси? Найсо унэйни: „Мапа мимбиэвэ вāгоји, сэгзигујэ посіндоукини“. Солі-ка унэйни: „Ха-аи нэйлиси, наји вāрини бəјунэй? Эси эбкчи эугурə, тəи пāяктази наикансāлба аґгосірā, пāвāду нэктерү. Тотарā, ма-па мэдэсідүэни унэс'-тэни: Синчи наји лґгāнэйји, зийи, Мапа унэймэ: „Ханду сіріори? Тā эоконду сірірo“, – унхэри. Тотарā, ми ісіпи морāзāмби. Найсо-о, ми бəјунгуји поктони эилэ биэс'-кə, унэймби. Чаду си унэси-тэни. Наи вāрини бəју хандами наи эбк-чāни зийэрэм? Таду ми унэймби: „Тā эоконду хамачā жакa?“ Сй чаду унэси-тэни: „Сјалта, сјалта. Сурəвэ жапарā, пāчилару. Сјал-та, осіни, капoак хуисэйэрə. Ултэ осіни, кулйэк хуисэйэрə“.

Туй тарā, Найсо эбкчији эугухэни. Йгуми пāяктагозији наи-ва аґгaми дэрүхэни. Мапа мэдэсини: „Найсо-о, хайгоји тыиси?“ Найсо пāваду нэхэни. Найсо унэйни: „Мапа-а, синчи наи лґгāн-эйји, зийи“. Мапа унэйни: „Найсо-о, ханду сіріори?“ – „Тā эo-конду сіріру“. Мапа эокончи энэрə, апсіукини. Туи тапе соліка ісіхани. „Найсо-о, ми бəјунгуи поктони эилэ биэс'-ка“. Найсо унэйни: „Наи вāрини бəју наи эбкчāни хандами зийэрə?“ – „Тā эоконду хай жакa?“ – „Сјалта, сјалта“. – Найсо унэйни. Соліка унэйни: „Сурəвэ жапарā, пāчилару. Сјалта осіни, капoак энэймэ, ултэ осіни, кулāэ энэйэрə“. Найсо сурəвэ жапарā, энэрə, пāчiла-хани. Сурэзи чапчими мапaва вāхани. Туй тарā, солікаэй, Найсо-эй саолімāчимāри сјамāри дэрүхэчи. Туи сјари, сјари. Соліка эoм-бохани: „Э, Найсо-а, эмуэкуси-ну?“ Найсо унэйни: „Бијэ эмуэ“. Найсо эмуэвэ нāнигохани. „Эиду сопсін-дā сјавамбори. Сй апсім-бoчiаси, ми симбевэ сјаванзāмби. Ми апсімбoчaјава, сй сја-ванзачи“. Туи тарā солікава бoвoхани. Сопсінда аґмалани сја-гоани улихэни. Эси-тэни соліка хулунгэ. Найсова сопсінгохани. Соліка дэрүхэни. Найсо сјагоани аґмалани буйчə, элэ ісідoани мэнэ сјарини. Найсоду бурəми мэнэ ман'а хэм сјахани. Туй тарā, соліка чoчaгохани.

Найсо сонгоми аорідoан'а эм сінгэрэкэ зичини. Найсо унэйни: „Э, сінгэрə, эсизнй-кə ујумби, ми бурбучəјэвэ сјанас-тани“. Сін-гэрэкэ унэйни: „Аба, ми најава сјари сінгэрэкэ биэсимби. Ми симбевэ хоріоріва мурчиэмби“. Найсо унэйни: „Гə, аја, сінгə-рэкэ, мимбевэ хоріру“. Сінгэрэкэ хэм сопсінчани сэкпэчими ачoк-тахани.

Тотарā, Найсо тəгурə, сəгиwэ суилигуми эм паси уликсəкəмбə бəргохани. Туитарā, сінгэрэкəнду бұхэни. Туй тарā, Найсо бoатoгo-ји баргiми дэрүхэни. Токідо тəучихэни зиктəнгујуји, мāсингoји. Тотарā, эмучəкэ энэлүхэни. Энэмə, энэмə... бāхани эм соліка зи-ийwэни. „Найсо-о, хаоси эныичи?“ Найсо унэйни: „Бoатоми энэмби“.

Соліка унэйни: „А, мимбевэ інагоји жапару“. Найсо унэйни: „Сй мутəзəни-нў?“ Соліка унэйни. „Аја, мутəмби“. Туй тарā солікава халіахани. Амбā масікāнэй ірічіхани. Туй соліка эукə калта-вани ичйчəми энэйни. Энэмə, энэмə... эукə калтaвани бāхани. Эу-вэр тактопaхани. Соліка морāпсиқкини: „Энэнэ-э, энэнэ-э! Бəгэй-ји!“ Найсо унэйни: „Э, соліка, хoн'тахаси?“ Соліка унэйни: „Мй бəгэйји кіндaлихамби. Токідуји нэру“. Найсо токідoји нэхэни. „Энэнэ-э, энэнэ-э, маґга энусији. Кісри, мāси алдандoани нэру!“ Найсо кісри, мāси алдандoани нэхэни.

Соліка унэйни: „Эси аја. Энусэси“. Найсо туй энэйни. Сиксə аоґгагоји кəрəрaхани. Соліка хулунгухэни. Гокіл-гoкiл пулсйни. Найсо унэйни: „Бəгэйси хoн'бйни?“ Соліка унэйни: „Аја, бəгэйји јəбэлэ бй“. Найсо аоґгагуи аґгосіхани. Соліка унэйни: „Аа, ми сəгэйwэ посіндaгојава хoґдоји бұру“. Хoґдоји бұхэни. Соліка го-кiл-гoкiл тoхани. Найсо аоґгагоји аґгосіхани. Соліка чoп аба. Эдэдə, хайм туй гойлбйни? Туй тапи поктовани хoзaми тoрини. Солі-ка амчичиме хoґдозiани покaчиме чoчaгохани. Найсо хoґдоји жапа-горā, эугухэни. Токичи энүхэни. Мāсини, кісрини хэм аба. Кісри-доани купир-купир тайни. Ичэхэни соліка хуктэни кəрмэрə, тұхэни.

Найсо аоґгарā, чіми тэрə, энəпсиқкини. Энэмə, энэмə... мапaва бāхā, пəрүли гідaлахани. Хулуwэ бāхā, пəрүчи тəучихэни. Чoлчoйwа, солікава, гормахомбa хэм пəрүдуи тəучихэни. Энэмə, энэмə... эм дāји эблa ісіхани. Чаду н'əпултəсэл эгзйни, мəурйчи. Эси эм мапа унэйни: „Эй-кə Найсо сāйнā мəурйни улэ биэйэрə. Найсоду унчуху-гуэни, јaнпaнгоани бұхэчи. Найсо мəуми дэрүхэни. Тыao, лупуэр-буэр соліка аґбiнгохани. Тыao лупуэрбуэр чoлчoйсaл аґбiнгохачи. Мапaсaл хэм аґбiнгохачи.“

Туй эoґдо гəрəн н'əпултəсэл мəумэри дэрүхэчи. Найсо мəуми ичэхэни: тахи пəгизлэни эм соліка, хуктэни кəрмəкə. Найсо унчү-хумби нaнғaлами соліка бāрoани энэхэни. „Гə, си, соліка, мимбевэ аргaлахаси-тани!“ Мoґгондоани жапарā, кaвалихани. Соліка унэйни: „Аа, аја, ми асiгоаси Кā мапа пиктəни гэлəндэмби“. Найсо унэйни: „Тутыи осини, энэру. Си хайлaдa энэхэн-дə ми симбиэwэ бəргозāм-би хуктəси кəрмəкэлэни“.

Тотарā, соліка энəми дэрүхэни. Энэмə, энэмə... Кā мапа иргəн-дүлэни ісіхани. Уикэни бoакiлaни іліхани. Эм мама чизиндəми нйэхэни. Ичэхэни- дāји-а бəју. Нəлəпсиқтэлэ бəју осіхани соліка. Соліка унэйни: „У-у-ў! – унэйни, – Мaма пиктəји буру!“ Мaма, нəлэрə, йгухэни. Мaма унэйни: „Мaпа-а, мaпа-а, нəлəпси бəју бији, дāји жакa бији“. Туй бəју унэйни: „Пиктəји бұру!“ Мaма нйэхэни. Мaпа-дa ичэрə нəлэхэни. Соліка унэйни: „Мaпа-а, пиктəји бұру!“ Мaпа йгурə пиктəји бāрaзiгоан-дā нйəвəнқкини. Туй пиктəји солі-ка тəвəнқкини. Соліка пукчилугуми энүхэни.

Энумə, энумə... Найсола ісірoхани. Гə, Найсо, асiгоаси гāзoхам-би. Туй тарā, Найсо асији гāзyми эбкчи энурə, очoхани.

№ 17. Найсо

Жил одиноко мужчина. Имя его Найсо. Однажды он стал забивать заездок для маленькой (рыболовной) сетки. Начал бить на своем берегу. „Ятачипоа, ятачипоа!“ — кто-то кричит. Найсо увидел, что там лягушка родила детеныша. Он снял свой заездок. Пошел вверх по течению реки и стал там бить. Опять начала кричать: „Яточипоа, яточипоа!“ Лягушка и тут родила детеныша. Найсо опять снял свой заездок и отправился бить на противоположный берег. Сел у своего заездка.

„Самец-кета, тэртэн, тэртэн, по этой стороне реки, здесь иди! Самка-кета, по той стороне реки иди!“ Найсо одного самца-кету поймал. „Самка-кета, здесь иди, тэртэнтэн, тэртэнтэн! Самец-кета там иди, тэртэнтэн, тэртэнтэн!“ Найсо поймал одну самку-кету и одного самца-кету. Юколы для себя одни одноэтажные повесил. Юколы для собак на одни собачьи вешалки повесил. Высохшей снятой с вешал юколы у него один амбар оказался и собачей юколы один амбар.

Потом, когда Найсо сидел, пришел медведь.

„Найсо, дай мне поесть!“ — „Ладно, — говорит Найсо, — принесу тебе поесть“. Взял большую корзину и пошел в амбар. А амбар у него совсем пустой. Медведь съел всю юколу, которую (Найсо) для себя сушил, и всю собачью юколу. И теперь ничего нет. Вошел. Медведь спрашивает: „Принес мне поесть?“ — „Нет, говорит Найсо, амбар мой совсем пуст“. — „Ну, если так, то иди накопи травы, чтобы было что под тебя постелить, когда я тебя убью“.

Найсо, плача, взял косу и пошел косить. Когда он косил сено, пришла одна лисица. „Найсо, почему ты косишь и плачешь?“ Найсо отвечает: „Меня медведь послал косить, чтобы под меня постелить ему, тогда он меня убьет“. Лисица говорит: „Почему ты боишься зверя, которого люди убивают? Сейчас же вернись домой! Сделай из этого сена человечков и разложи их на окне. Когда медведь о них спросит, скажи: „К тебе люди идут толпой“. Медведь спросит тебя: „Где мне спрятаться?“ Ты скажи: „Спрячься вон в том углу“. Потом я приду и закричу: „Найсо, след моего зверя как будто сюда ведет!“ Тогда ты мне скажи: „Зачем придет в дом человека зверь, которого люди убивают?“ Тут я спрошу: „А в том углу что такое?“ Ты скажи: „Уголь, уголь. Возьми топор и ударь им. Если уголь, то будет хрустеть. Если мясо, то будет стучать“.

После этого Найсо вернулся домой. Придя, стал делать из своего сена людей. Медведь его спросил: „Найсо, зачем ты это делаешь?“ Найсо положил людей на окно и говорит: „Медведь, к тебе люди прут толпой“. — „Найсо, где мне спрятаться?“ — „Вон в том углу“. Медведь пошел в угол и лег. Тут лисица пришла. „Найсо, след моего зверя сюда ведет“. — „Зачем, — говорит Найсо, — в дом человека придет зверь, которого люди убивают?“ — „А в том углу что такое?“ — „Уголь, уголь, — говорит Найсо. — Если уголь,

будет хрустеть, если мясо, стукнет“. Найсо взял топор, пошел и ударил. Ударяя топором, он убил медведя. После этого Найсо с лисой начали пировать и есть медвежье мясо. Так едят, едят... Лисица придумала: „Эй, Найсо, у тебя есть люлька?“ Найсо говорит: „Люлька есть“. Пошел Найсо, чтобы принести люльку. „Здесь в люлке можно связать завязками, которые есть у люльки, и связанного кормить. Когда ты ляжешь, я буду кормить лисицу в люльку, пригну, ты будешь меня кормить“. Найсо положил лисицу в люльку, привязал ее завязками и в рот, как беспомощному ребенку, пишу положил. Вот лисица вылезла и Найсо привязала. Начала лисица кормить. Начнет класть Найсо в рот, и когда пища вот-вот доходит до рта, сама ее съедает. Найсо ничего не дала, все съела сама. Потом лисица убежала.

Найсо лежал и плакал. Пришла мышь. Найсо говорит ей: „Эй, мышь, сейчас я еще живой. Когда умру, тогда и съешь меня“. — „Нет, — говорит мышь, — я не такая мышь, которая ест людей. Я думаю тебя спасти“. — „Вот хорошо, мышь, спаси меня!“ Мышь перегрызла все его завязки, и Найсо встал. Поискал в подстилке из травы (на которой лежало мясо) и нашел один кусок мяса. Дал его мыши. Потом стал собираться на охоту. Погрузил на нарту берестяную посудину для жира, дорожную четырехугольную коробку из бересты и пошел один. Идет, идет... Встретил одну лисицу. „Найсо, ты куда идешь?“ Найсо отвечает: „Иду на охоту“. — „Старший брат, — говорит лисица, — возьми меня в качестве собаки“. „Сможешь ли ты?“ — „Ничего, смогу“, — говорит лисица. Запряг лису в нарту. Не очень сильно она везла нарту. Идет эта лисица и выглядывает трещину во льду. Шла, шла и нашла во льду трещину. Динь-динь (звук падающих льдин) наступила лисица и закричала: „Ай-ой-ой! Ай-ай-ай! Нога моя!“ Найсо спрашивает: „Эй, лисица, что ты сделала?“ — „Я ногу переломила, — говорит, — положи меня на нарту“. Найсо положил лису на нарту. „Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Очень больно! Очень больно! Положи меня между берестяными корзинами“. Найсо положил лису между берестяными корзинами с провизией“.

„Теперь хорошо, — говорит лисица, — не больно“. Найсо так идет и лису везет. Вечером остановился переночевать. Лисица слезла с нарты и, прихрамывая, ходит. „Как твоя нога?“ — спрашивает Найсо. „Ничего, нога моя лучше“. Найсо стал делать себе шалаш для ночлега. Лисица говорит: „Брат, дай мне нож с длинной рукояткой, я пойду накошу подстилку“. Дал ей свой нож. Лисица, прихрамывая, поднялась. Найсо сделал шалаш. Лисицы долго нет. „Ой-ой, почему она так долго не идет?“ Стал подниматься вверх, идя по следу лисицы. Лисица испражнялась, его ножом вытиралась, а потом убежала. Найсо взял свой нож и вернулся. Пошел к нарте. Ни в конусовидной, ни в четырехугольной посудине ничего нет. В конусовидной посудине что-то стучит, болтаясь. Посмотрел: это лисицын зуб обломился и выпал.

Найсо переночевал, утром встал и пошел. Идет, идет... Встретил медведя и засунул себе в штаны. Белку встретил, тоже поло-

жил в штаны. Хорька, лисицу, зайца - всех положил себе в штаны. Идет, идет... Дошел до одного большого дома. Там много пушных зверей танцует по-шамански. Тут один медведь говорит: „Этот-то Найсо, наверное, хорошо пляшет по-шамански“. Найсо дал бубен и шаманский пояс. Найсо начал плясать. Бум-бум, лисица, постепенно вылезая из штанов, появилась. Бум-бум, хорек вылез и появился. Потом: бум-бум - белки, зайцы вылезли и появились. Затем все медведи появились.

В этом доме все пушные звери стали камлать. Камлая, Найсо увидел: под полкой сидит одна лисица, зуб у нее обломан. Найсо бросил свой бубен и пошел к лисе. „Ну, ты ведь меня обманула!“ Взял лисицу за шею и сдвинул ее. Лисица говорит: „Ладно, брат, я пойду просить для тебя в жены дочь старика Ка“. - „Если сможешь, - говорит Найсо, - иди. Куда бы ты ни пошла, я найду тебя по сломанному зубу“.

Лиса пошла. Идет, идет... Добралась до селения старика Ка. Стала снаружи у его дверей. Одна старуха вышла помочиться. Видит: большущий зверь. Страшущим зверем стала лисица. „У-у-ун!“ - говорит лисица. - Старуха, давай свою дочь!“ Старуха испугалась и вошла в дом. Старуха говорит: „Старик, старик! Страшный зверь, что-то большое!“ Тот зверь говорит: „Отдавай свою дочь!“ - Старик вышел. Увидев лису, старик испугался. Лисица и ему говорит: „Отдавай свою дочь, старик!“ Старик вошел обратно в дом, заставил свою дочь одеться и вывел ее. Посадил дочь на лису, и лиса побежала.

Бежала, бежала... Прибежала к Найсо. „Ну, Найсо, привезла тебе жену“. Тогда Найсо взял свою жену, поехал домой и остался там жить.

№ 18. Сийгэрээй, хэрээй

Эм боду сийгэрээй, хэрээй бичичи, туу бимэрэ, гэсэ сйарй, тэтуу, хацва-дэ хэм токондолани оболй бичин.

Эм модд хэрэ пулсими эм такто ва бэхани бичй. Тй тактоду хэрэ сйхани хаи-дэ бйвэни. Таду бичини: симсэ, дүтү, такса, нэктэ чоиктани, гучи гой-гой ээпури закасал. Хэрэ мохохани хони-дэ тйчами. Тотарэ, чихани оподани. Таваңки аоңкочи энухэни. Аоңкodu сийгэрэ аба бичин. Хэрэ сйаориwa пујурэ, сйара, оңасахани. Туи тапё сэнэгүхэни, сийгэрэ зийүхэндүлэни. Хэрэ сийгэрэчи мэдэсихэни: „Гэ, ага, эиневэ хаи улэмбэни бакаси-ну? Сийгэрэ ундбни: „Хамача улэмбэни-дэ хаи бара!“ Мй эиневэ кэтэлэ буй-кимби. Наи чизэкудүэни кэтэлэ зигдамба бэхамби. Баи хатандојава хамар пачилагохани. Мидвамби уңичијэwэ аугүхэни бичин туи эринду. „Гэ, сй, хэрэ, хаиwa бэхаси эиневэ миндүи улэн закаwa?“ Хэрэ гисурэми дэрүхэни мэнэ бэхамби тактоwa. Чимана гэсэ энүрэй хй-саңгохачи.

Долбо аохачи. Чими эрдэ тауси сүсхэни. Сийгэрэ хэрэwэ муэ-ми зүлэсэ энэхэни. Хэрэ зүкэ валзјас-валзјас пукунэсими сийгэрэ хамгүвани энэхэни. Сийгэрэ балана такточи сйрэ, элэдэлэ сйахани. Хэрэ, зидэ, пукунэсими тйчами чйлахани. Тотарэ, сийгэрэңгүчији ундбни: „Ага, сийгэрэ, минду-дэ эм пасикамба тугбуру. Мй тйчами чйлахамби“. Туи тыдүэни сийгэрэ н’аңга-н’аңга хачин закала бапарэ, пэуси хэрэчи наңгалахани. Хэрэ чава сйахани. Сийгэрэ-тэни элэ калтамол’а хэмдэчи чиксүхэни. Тотарэ, эугурэ, ундбни: „Гэ, анда, унэчим аја, үи-дэ хэмдэни дйјивани“. Тотарэ, хэмдэји тйками инэктэхэни. Тйтапё уңкини: „Гэ, пэргэуэуэри уи-дэ хуигэwэни Боңгodu ми апсінзјамби. Тотарэ, сй мй ојалајаwa олдэ, јэксурү. Тйтапи мй симбевэ јэксүзјамби“. Хэрэ эчиэ чйхалэни туи таориwa. Сийгэрэ-тэни нэлүчими кусунэуи мэнэ хэрэwэ чйхалаwaңкини. Тотарэ, мэнэ апсин-дэ, хэрэwэ хэмдэдуји тактолаwaңкини. Хэрэ нүчи, хэнү бичини, чала-баки хацва-дэ эг-зиwэ эчэ сйарани. Туи тапи, сийгэрэ хэрэwэ морахаи апсимбоwaңкини. Тотарэ, үндэхэмбэ хэрэ хэмэдуэни нэрэ, тактолахани. Таду хэрэ хэмдэни калатарам энэхэни, сйахани хэм нигүуэйзэни. Сийгэрэ хуигэ, эгзиwэ сйахани, хэрэдуи-дэ эгзији. Тйтапи хэрэwэ калталихани. Хэрэ морасиндбни: „Анана!“ Сийгэрэ чочаголохани.

Таваңки хэрэ пухимби тэучигурэ, хэмдэји запачими эм ихончи йичини. Тотарэ, эм збчи йјчихэни. Уикэдүэни котарими пукунэсихэни. Пујин чава долзјирэ, хукэји нихэлихэни. „Ээ, сунчи полчидами аја-ну? Чндару мимбэwэ. Мй зочоаwa бэхамбе. Бэлэчиру, ахсиларү!“

Туи тыдүэни пујин хэрэwэ чйндахани. Эиду хэрэ гйодами бичини. Боло бологохани. Туэ тэпчиугүхэни. Пујинэй, хэрэји туи бйчи. Туэри н’оачи зокчйачи эгзи сийгэрэсэл тэуриндэгүмэри паланчи йхэчи. Тотарэ, пујимбэ, хэрэwэ долбо таондоани чйуриңгичи. Пујин долбо таондоани тйиңга-н’уңгү сийгэрэwэ wактй бичй. Туи wактам-тул долбоwa чизэку сийгэрэwэ чирэгүхэни. Сийгэрэ хачин зйлганэй морахани, атарихани: „Эгэ, чйндагу, ага, чйндагу!“

Туи морандани хэрэ тэрэ, ичэндэхэни. Н’оани зјани сийгэрэ чирэ-гүрэ, морайwани ичэхэни. Чаду сийгэрэ ундбни: „Нэку, хэрэ, унду экэчи мимбиwэ чйндогодани. Мй симбевэ оркйнэй эчиэ таји. Мэнэ-дэ сарачи хони буэ гэсэ эрүлэхэпуwэ“.

Чаду эикэни пујин йичини. Чаду пујин ачоричахани сийгэрэwэ чизэкуэйзэни. Хэрэ-тэни эикэји анара, чизэкучи дрэ, сийгэрэwэ јэксүхэни. Јэксүдуји морами, соими папкарихани: „Хони мимбевэ сийгэрэхэси, туи бузјэчи“. Туи хэрэ wахани мэнэ сийгэрэңгүји.

Перевод

№ 18. Крыса и лягушка

В одном месте жили крыса (самец) и лягушка. Так жили, вместе ели, одевались и все делили пополам.

Однажды лягушка бродила и нашла амбар. Лягушка узнала, что было в этом амбаре. Там было: сало, лепешки из черемухи, такса, кабаныи шкварки и еще разные другие съедобные вещи. Лягушка

никак не могла залезть в амбар. Махнула рукой и пошла оттуда в свою норку. Крысы в норке не было. Лягушка сварила пищу, поела и заснула. Потом, когда вернулась крыса, проснулась. Лягушка спросила у крысы: „Ну, старший брат, что хорошего ты сегодня нашёл?“ Крыса ответила: „Разве что-либо хорошее найдешь! Я сегодня чуть не умер. Чуть не задавился в человеческой ловушке. Только благодаря моей проворности ловушка стукнула мимо. В это время у меня сердце в пятки опустилось. Ну, а ты, лягушка, что нашла сегодня лучшего, чем я?“ Лягушка стала рассказывать о недавнем ею амбаре. Договорились, что завтра пойдут вместе.

Проспали ночь. Рано утром отправились к амбару. Крыса, обгоняя лягушку, побежала вперед. Лягушка в раскорячку, еле-еле подпрыгивая, шла сзади. Крыса давно уже дошла до амбара и наелась досыта. Пришла лягушка, подпрыгивает, а запрыгнуть не может. Потом говорит крысе: „Брат крыса, брось мне один кусочек. Я не могу залезть“. Крыса взяла понемножку-понемножку от разных кушаний и бросила вниз лягушке. Лягушка это съела. А крыса набил живот так, что вот-вот лопнет. Потом спустилась и говорит: „Ну, друг, давай сравним, чей живот больше“. Потом, хлопая себя по животу, засмеялась и сказала: „Ну, давай попробуем: кто тяжелее. Сначала я лягу, а ты залезай на меня и скачи, потом я буду на тебе скакать“. Лягушка не соглашалась на это, но крыса, пугая лягушку, заставила ее согласиться. Крыса легла и заставила лягушку топтаться на ее животе. Лягушка была меланькая, легкая, к тому же почти ничего не ела. Потом крыса насильно заставила лягушку лечь, положила на лягушкин живот доску и топнула. Лягушкин живот лопнул, так что все съеденное вышло наружу. Крыса была тяжелой, больше лягушки и много съела. Поэтому она и раздавила лягушку. Лягушка закричала: „Ай-ай-ай!“ А крыса убежала.

Вправила лягушка свои потроха и, держась за живот, пришла в одно селение. Потом решила войти в один дом. Стала подпрыгивать, стуча в дверь ногами. Пуди услышала это и открыла дверь. „Старшая сестра, можно к вам войти погреться? Пустите меня, я в беду попала. Помоги, благодетельствуй!“ Пуди впустила лягушку. Лягушка у нее долго жила. Наступила осень. Началась зима. А пуди с лягушкой так и живут. Зимой в их дом под пол пришло много крыс зимовать. Всякую ночь они не дают покоя пуди и лягушке. Каждую ночь пуди убивала по пять-шесть крыс. Так убивает и убивает. И вот однажды ночью ловушкой придавило крысу-самца. Он кричал разными голосами, охал: „Сестра,пусти! Брат,пусти!“

Когда он так кричал, лягушка встала и пошла посмотреть. Видит: это ее товарищ крыса попала в ловушку и кричит. Крыса говорит ей: „Сестрица лягушка, скажи старшей сестре, чтобы она меня отпустила. Я тебе плохого не делал. Сама знаешь, как мы вместе бедствовали“.

Тут пришла старшая сестра-пуди и хотела выкинуть крысу из ловушки. А лягушка оттолкнула старшую сестру, влезла на ловушку и заскакала на ней. Когда скакала, то с криком и бранью поносила: „Как ты меня обидел, так и умрешь“. Так лягушка убила крысу.

№ 19. Сийгэрэ, хэрээкэ

Эм сийгэрэи, эм хэрээкэй бэлэхачи. Сийгэрэ пиктэни эгэи. Хэрээкэ пиктэни илэ.

Эм модэ сийгэрэ унэйни: „Гэ, хэрээкэ, амтака эгэйвэни мй бакажи. Гэ, амтакаwa нанимари энэгүэри!“ – „Гэ, аја“. – энэгүэри, хэрээкэ унэйни. Огдаи энэмэри дэрүхэчи. Сийгэрэ гүоли, хэрээкэ икочаи. Энэмэ, энэмэ... эм бэла хэхачи. Эгэй амтака бичини – сиңкэ. Хэрээкэ хон-дэ андаси очини. Хэрээкэ унэйни: „Э-э, сийгэрэ! Минду-дэ сиңкэwэ бүру!“ Сийгэрэ уиси тора, сјарини. Тэң аүер сиңкэwэ бүхэни. Эмсиңэwэ луңбэхэни. Хордахиндуји нэхэн-дэ: „Сийгэрэ гучи бүру!“ сийгэрэ унэйни: „Аба! Бүрэсимби“. Туитара унэйни: „Бала, энэгүэри!“ – унэйни. Сийгэрэ эгэй амтакаwa гэрбэхэни. Хэрээкэ тэң эмү амтакаwa гадуни. Зийүхэ, тидлаји хэхохэ. Сийгэрэ пуриңни хэм эүхэчи. Хэрээкэ пиктэни горолао бини. ТЫ эм амтакаңуји илэ модэ оболара илэ пиктэдуји бүхэни. Тбкохэ сийгэрэ пуриңни, сјаричи амтакаwa. Хэрэ пуриңни тэсимэри ичэзичи.

Сийгэрэ инин таондоани пулсйни. Эм модэ зийүхэни. „Эгэй амтакаwa бакажи“, – унэйни. Хэрээкэ унэйни: „Эңэ, энэсимби!“ Си уиси тори, ми наду би. Хон-дэ гамда ачэси. Эңэји, энэсимби“. Сийгэрэ унэйни. „Аја униктэ эгэй. Нэwa пүэсэми бэлэхани“.

Гэ, хэрээкэ унэйни: „Аја: энэи-дэ аја“. Тотарэ, энэлумэри дэрүхэчи. Хэрээкэ гүоли, сийгэрэ икочаи. Туи энэмэ, энэмэ... эм бэла хэхачи. Амтака энэйни бичини. Сийгэрэ уиси тбхани. Хэрээкэ наду бини. Хэрээкэ эгэй амтакаwa гами дэрүхэни. Сийгэрэ эмбэ-дэ жапам-дэ абани. Жапини, тэкэ энэйни. Амтакаwa жапини хэм бојарини. „Бала, бала, хэрээкэ! Збкчи энугүэри!“ Энумэри дэрүхэчи. Јсјгохэ, сийгэрэ пуриңни хэм эүхэчи. „Гэ, энэ, амтака ханду бини?“ Сийгэрэ унэйни: „Аба, амтака. Хэрээкэ эгэй амтакаwa гачини“.

Хэрээкэ амтакаңгони энэрэ, сјахачи. Хэрээкэ пуриңни амтакаңгари сјлэ отоко жапогохачи. Сјара апсјгохачи.

Сийгэрэ ини-ини пулсйни.

Сийгэрэсэл хэм энүхэчи хамјалани, хэрээкэ дэра, јарсјхани. Энүэдүэчи-дэ тјас лала бичини. Котанду лала, тахсэ, симуксэ бичини. Хэрээкэ мурчйни: эрдэңгэ! сийгэрэ ханду бјарини?

Хэрээкэ энэми дэрүхэни. Сийгэрэ поктоwани чул энэмэ, энэмэ... эм дэји тактоwa бэхани. ТЫ такто долани таргјмари сјаричи. Сийгэрэ эгэйни.

„Гэ, сийгэрэ, минду-дэ эмбэ чапакамба-дэ, хандуwa-дэ бүрусу!“ Эм чапа зјлахаwани тугбүхэни. Хэрээкэ жапарэ, пуңбэхэни. Хэрээкэ унэйни: „Гучи бүру!“ Сийгэрэ унэйни: „Аба, гучи бүрэсипу. Мй зүтуудуи хэмдэwэси калта тактблэжамби“. Хэрээкэ ахсарэ, энэми дэрүхэни. Таwаңки тауси нүчку покто бичини. Чэwa чул энэми дэрүхэни. Энэмэ, энэмэ... эм иргэндүлэ ісјхани. Эгэй нау йгуи, ниггуи тйдүэни наи бэгэйлэни йхэни. Кэ мапа талгјалани ілэхани.

меш и подарок лягушке разной крупы. Остатки мешки с крупой и говорит: „За мешками приходите через три дня“.

Пошла лягушка с этими мешками за клюквой. Наполнила она клюквой мешки, а унести не может. Оставила там. Через три дня приходят слуги старика Ка за мешками. Лягушка попросила их поехать за ними. Погрузили на телегу и привезли. Лягушка просит передать старику Ка: „Боюсь я. Пусть отправит мне хоть одного слугу или служанку“. Через три дня приходят слуга и служанка. С той поры они стали жить вместе.

№ 20. Гăки

Эм мэргэ балзирă, эм гиуэ муэду буйкимбэни бăхани. Тотарă, тыи гиу хэмдэчизэни йхэни, Гăки йичини. Насалдолани чокілічакхани. Насалби кіалў-кіалў тахани. Гăки-гăк дэгдэгүхэни. Гучи гăки хуимулэни чокілічакхани. Хуимуји толпō-толпō тахани. Гăки гучи зизүхэни. Оңболани чокілічакхани. Оңбони толпō-толпō тахани. Гăки нэлэрэ, дэгдэгүхэни, гăк-гăк дэгдэгүхэни. Мōду дбогхани. Гăки энүлүхэни, зокчији зүкэ энүхэни. Гэрэң гăкисал самамба најидуриуа гусэрэндүчи.

Пйчуэ самамбани најихачи. Пйчуэ самани йичини. Амбан-танэ пи-и-и, ганан-танэ пи-и-и.

Чаду эмў гăки ундьни: „Пйчуэн самани оркй, ірагосу. Гуси самамбани најаносу“.

Гуси самани йичини. Гуси самани: „Амбан-тани ко-ко-кок, ганин-танэ ко-ко-кок ундьни.“

Эмун гăки ундьни: „Гуси самани оркй, ірагосу. Сăксй самамба-ни гăзбсу!“

Сăксй самани: „Амбан-тани сак-сак-сак, ганинтани сак-сак-сак морй“.

„Оркй, ірагосу! Пăшй самамбани гăзбсу“.

Пăшй самани йичини. „Нау сэвэ ундь, сэвэн-дэ биэси пă-пă-пă, Нау амбă унзи, амбан-дă биэси пă-пă-пă! Эи оніуа пă-пă-пă, Нау амбă унзи, амбан-дă биэси пă-пă-пă! Эи оніуа пă-пă-пă, солмăа пă-пă-пă! Эм гиу кіатани бăхасіа пă-пă-пă! Насалдолани чокілічакхасіа пă-пă-пă, насал кіалў-кіалў тахани пă-пă-пă. Гăки нэлэхэни хи-и ха-а таңтытис, доңдок-доңдок. Тотанă пă-пă-пă хуимулэни чокілічакхасіа пă-пă-пă, хуимује толпō-толпō таханэ пă-пă-пă. Хи-и ха-а таңтытис доңдок-доңдок. Тотанă пă-пă-пă оңболани чокілічакхасіа пă-пă-пă. Оңбоји толпō-толпō тахани пă-пă-пă, чази нэлэхэси пă-пă-пă.“

Хи-и ха-а таңтытис доңдок-доңдок!“ Гăки аја очогхани.

Перевод

№ 20. Ворона

Один мерген, после того как появился на свет, нашел околелвшую в воде косулю. Затем залез в живот этой косуле. Прилетела ворона. Хотела клюнуть косулю в глаза. Косуля сердито заморгала глазами. Ворона: „Гак, гак!“ – и улетела. Затем ворона захотела клюнуть косулю в пупок. Косуля пупок то высунет, то вберет в себя. Ворона опять вернулась. Хотела клюнуть в задний проход. Задний проход косули то высунется, то спрячется. Ворона испугалась и улетела. „Гак, гак!“ – закаркала, улетаая. Села на дерево. Тут заболела, еле-еле долетела до дому. Села на дерево. Все вороны стали говорить о том, чтобы привести для нее шамана.

Привезди ястребиного шамана. Шаман ястребов подлетел: „Может быть черт, пи-и-и, может быть заколдована, пи-и-и!“

Тогда одна ворона говорит: „Ястребинный шаман – плохой, увезите его. Привезите шамана орлов“.

Прилетел шаман орлов. Орлиный шаман говорит: „Может быть черт, ко-ко-ког, может быть черт, ко-ко-ког, может быть заколдована, ко-ко-ког“.

Одна ворона говорит: „Плохой шаман у орлов. Увезите его. Привезите шамана сорок“.

Шаман сорок говорит: „Может быть черт, может быть заколдована, сак-сак-сак“.

„Плохой! Увезите! Привезите шамана соек“.

Пришел шаман соек и начал кампаты: „Люди сэвэном называют, но это не сэвэн, пан-пан-пан (удары в шаманский бубен). Люди чертом, называют, а это не черт, пан, пан, пан. По этой реке поднялась вверх по течению, пан, пан, пан, и падаль косули ты нашла, пан, пан, пан! Хотела клюнуть в глаза, пан, пан, пан, а глаза сердито заморгали, пан, пан, пан! Ворона испугалась: хи-ха, тынтыс, скок, скок и улетела. Потом, пан, пан, пан, хотела клюнуть в пупок, пан, пан, пан, а пупок то выскочит, то спрячется, пан, пан, пан. Хи-ха, тындыс, скок, скок. Потом, пан, пан, пан, хотела клюнуть в задний проход, пан, пан, пан, а задний проход то выскочит, то спрячется, пан, пан, пан! Этого ты и испугалась, пан, пан, пан. Хи-и, ха-а тындыс, скок, скок!“ Ворона выздоровела.

№ 21. Эм кінчизй, энчузй балзихачи

Эм кінчизй, энчузй балзихачи. Кінчи туитул вайчачи пулсйни. Энчу хао-дă энэси.

Кінчи эм модă вайчандагони энэхэни. Хаи-дă аба бичини. Туи тарă, кінчи зизүхэни зокчији. Энчу тōйидуји эм кэчи кіатавани

бәхани. Кінчи уңйни: „Ә, энчу, хайду бахаси? Ми эиневә пуисими хайва-дә эчи бәражи. Энчу, минду-дә бориру“.

Энчу энәми, кінчиwa чокічими дәрүхәни. Кінчи аксарә, энәпсиу-кини. Энәмә, энәмә... эм әбла ісіхани. Уикәни боакіалани дōхани. Эм мамачакә тун'эпуңку тух-тах нцәхәни. Игуидуји кінчичи кочаисими тухәни. „Эи-дәлә! хайва нәхәчи?“ Туи тара, тәмирихәни. Кінчиwa лап әпапахани туи тарә, йвүхәни.

Туи мама пиктәни әуэр әктә. Кінчиwa әпапгорә, йвугуидуәни нәуәимә пиктәни: „Эн, әне ми ороңгојиwa буру! Хайду бахаса?“ – „Уикә боакіалани кочапсими түрә, тәмерими лап әпапахамби. Ты кінчији нәуәимә пиктәни оролахани“.

Туи тапе сиксә нцәхәни. Энчу уикә боакіалани дōхани. Энчучи кочапсими тухәни. Тәмирими лап әпапахани. Йвүхәни. Дәјизима пиктәни уңйни: „Әнә, ми ороңгојиwa буру!“ Дәјизима пиктәни ороңгоји әпапахани. Туи тарә, кінчији, энчуәи боатомәри дәрүхәчи. Туи тапе әйзүхәчи кінчи-дә хусә наи очōхани, энчу-дә хусә наи очогохани. Эси кінчији нүчизимә пиктәни әйиләхәни, энчуәи дәји-зима пиктәни әйиләхәни.

Перевод

№ 21. Две чайки

Жили малая чайка и большая чайка. Малая чайка все время ходит на охоту, а большая чайка никуда не ходит.

Однажды малая чайка пошла на охоту. Ничего не добыла. Так и возвратилась домой. Большая чайка у себя на берегу нашла издохшего и испортившегося в воде сазана. Малая чайка спрашивает: „Эй, большая чайка, где ты нашла? Я сегодня ходила и ничего не нашла. Удели и мне, большая чайка!“

Большая чайка подошла и начала клевать малую чайку. Малая чайка обиделась и ушла. Идет, идет... Дошла до одного дома. Села снаружи у двери. Одна старушка с посохом: тук-тук – вышла, споткнулась о малую чайку и упала. „Безобразие! Что тут положили?“ Потом поширила рукой и наткнулась в темноте на малую чайку, схватила ее. Потом в дом внесла.

У этой старухи две дочери были. Когда она вошла, держа малую чайку, младшая дочь сказала: „Мама, мама! Дай ее мне в игрушки! Где ты нашла?“ – „Снаружи у двери споткнулась, упала, пошупала и прямо ее поймала“. Эту малую чайку взяла младшая дочь себе в зверюшки.

Вечером вышла старуха, а большая чайка села у двери. Споткнулась о большую чайку и упала. Пошупала и прямо большую чайку схватила. Внесла. Ее старшая дочь взяла себе в зверюшки. Потом малая чайка и большая чайка пошли охотиться. Когда вернулись с охоты, малая чайка стала женщиной и большая чайка стала женщиной. Тогда за малую чайку вышла замуж младшая дочь, а за большую чайку старшая дочь.

№ 22. Чолчоміака

Эм боаду эм чолчоміака бәлзйахачи. Бимә, бәлзйимә, бичини чаду нōани. Туй бими әмудан чолчом'ака огдагуји аңгорә, котоліw а чіарә, котоліпсиукини маңбоа хәји. Туй энәмә, энәмә, чолчом'ака бәхани гүчә хәхәрәwәни. Таваңки энәмәри әуәзәри дәрүхәчи. Туй энәмә, энәмә, эм маитова бәхачи. Маито мэдәсини: „Анда чолчом'ака, хауси эныису?“ – „Хауси энәзәпу! Надә пузй нәзактаwани wандамәри энәпу“. – „Анда чолчом'ака, мимбәwә-дә әпапару“. Таваңки нōнчи іланзйәри энәлухәчи: чолчом'ака, гүчә хәхәрони, маито. Таваңки энәм-тул гучи бәхачи учәwә. Учә-дә мэдәсхәни хауси-дә эныиwәчи. Чолчом'ака гусәрәхәни нōанчйәни хауси-дә эныи. Учәwә-дә нōачи әпапахачи. Таваңки туй энәмәри дуин-зйәри дәрүхәчи. Туй энәмәри гучи эм осіактаwа бәхачи. Осіакта мэдәсини: „Хауси эныису?“ Чолчоміака уңкини: „Хауси энәзәпу? Надә пузй нәзактаwани wандамәри энәпу“. – „Мимбәwә-дә әпааусу. Чолчом'ака таваңки осіактаwа тәучирә, энәлухәни. Туй энәмәри эм сілпомба бәхачи. Сілпō мэдәсини: „Хауси энәису?“ – „Чолчом'ака ундйни: „Хауси энәзәпу! Надә пузй нәзактаwани wандамәри энәпу“. – „Мимбә-дә овбросу“. Ми-дә кимучизмби ты найчи. Таваңки нōачи энәлухәчи эм чіак би гурусәл: чолчом'ака, гүчә хәхәрани, маито, учә, очіакта, сілпō. Таваңки туй энәмәри нōачи ичәхәчи эм әōwa. Ты әб тулעדүәни надә пузинсәл бай дур согбоwa уксундйчи. Чолчом'акасалба ичәпәри, инәктәмәри дәрүхәчи. Тотарә, мэдәсхәчи: „Хауси сүә хәјису? Уй әабогдәни урдуси-мәри эныису? „Чолчом'акә ајакталарә, уңкини: „Сүә нәзактаwасу wандамәри энәпу“. Паталансал инәктәмәри дәрүхәчи: „Хамачә чукиндуләри сүә wәзәсу? Бай эм чіак биләри хōни галигдәри эныису?“

Таваңки чолчоміака энәпсиукини ты мәргә бичиәни. Сиксә ісіхачи нōани әōwани. Зогдәни уи-дә аба бичй. Чолчоміака мәнә зіасілби мәнә-мәнә бәунчиәни нәктәхәни: сілпомба хуә пәгиәләни, учәwә наканду, осіактаwа голзонду, гүчә хәхәрәwәни саоладу, маитова уикә дәдоани. Мәнә чонкоду чолчими ичәзәхәни хәли-дә әйзүйwәни әй мәргәмбә. Сиксә мәргә ісігохани. Игурә, таваңи іwаңгогоји баргичахани, голзомби суйлими дәрүхәни. Тотарә, чаду эм сілбйиwa барә, пүчими дәрүхәни. Туй пүчидүәни осіакта мәргә насалбани калтарам эныизәни пуйкухәни. Мәргә насални хайва-дә ичәси очини. Таваңки мәргә муәwә оміндами саолачи энәхәни. Чаду омідәји гүчә хәхәрәзйәни лапкара, наканчи апсін-дагоичахани. Туй апсйүкичидәни учәчи нәләји тонйүкини. Тонин-дә, хагоји тәмирим-тул сілпончи оуболаи чул сілпопсиукини. Таваңки боачи лукту пагзйалагохани. Чолчоміака-тани мәргәмбә нигәуиwәни хаміазйәзи зүләси ани, чокі тами дәрүхәни, гучи мо-рами хачйи зйлганзйи морахани. Таду-тани уикә дәдоани би маито мәргә нигәуиwәни зйлілани маитолахани, таду-тул борты эныизәни. Туй мәргәмбә эм чіак бйсәл wәхачи.

Таваңки мәргә зйліwани чәлирә, којол порондәни туләрә, маңбоwa солотомәри дәрүхәчи. Чолчоміака мәргә зйлідоани дорә, чокічими әрдәләхәни хачин зйлганзйи паталә әōwани ісігойдәји.

Гиду-мат паталансал тээхэчи агбэри чолчоміака wāхамбани. Эй эм чіах би гурунсэл ты надā пуэинэй асілахачи. Чолчоміака Зүэр-эй асілахани. Појаугова, аполава запахани. Таваңки гэсэ бимэ-ри дэрүхэчи.

Перевод

№ 22. Синица

В одном месте жила синица. Жила она там и жила. Однажды синица сделала себе лодку, поставила парус и поехала под парусом вниз по реке. Так ехала, ехала и нашла щучью челюсть. После этого стали двигаться вдвоем. Так ехали, ехали, нашли одну кувалду. Кувалда спрашивает: „Друг синица, куда вы едете?“ „Куда нам еще ехать! Едем убивать брата семи пуди“. „Друг синица, возьми и меня“. После этого они поехали втроем: синица, щучья челюсть и кувалда. Едут и встречают понос. И понос спросил их, куда они едут. Синица рассказала ему, куда они едет. Понос тоже взяли с собой и поехала вчетвером. Так ехали и встретили желудь. Желудь спрашивает: „Куда вы едете?“ Синица ответила: „Куда же нам еще ехать! Едем убивать брата семи пуди.“ – „Возьмите и меня!“ Синица погрузила желудь и поехала. Так едут и встречаются один вертел. Вертел спрашивает: „Куда едете?“ Синица говорит: „Куда же нам ехать! Едем убивать брата семи красавиц“. „И меня посадите! Я тоже имею вражду к тому человеку“. Тронулись с этого места дальше. Люди – разный сброд: синица, щучья челюсть, кувалда, понос, желудь и вертел. Едут они и видят один дом. Перед тем домом семь девушек (пуди) дружно ударяя колотушками, размягчают рыбью кожу. Увидев синицу и тех, кто с ней, они начали смеяться. Потом спросили: „Куда вы плывете? Вы ведь притворно едете, для того чтобы вас кто-нибудь вытащил“. Синица рассердилась и сказала: „Едем убивать вашего брата“. Девушки засмеялись: „Какие никудышные! Разве вы убьете? Вы просто сброд! Как же вы хотите одолеть мергена?“

После этого синица поехала в то место, где жил мерген. Вечером доехали до его дома. В доме никого не было. Синица каждого из своих товарищей поместила на свое место: вертел – под край нар, понос – на нары, желудь – в очаг, щучью челюсть – в банку для воды, кувалду – у двери. Сама, сидя на дымовом отверстии, чирикает и смотрит, когда придет этот мерген. Вечером мерген пришел. Войдя в дом, стал разжигать очаг. Начал в очаге шарить. Нашел там одну головешку и стал на нее дуть. Когда он дул, желудь прыгнул в глаз мергена так, что глаз лопнул. Глаза мергена ничего не стали видеть. Тогда мерген пошел к банке с водой, чтобы напиться. Когда он стал пить, подавился щучьей челюстью и хотел пойти лечь на нары. Тут он попал рукой в понос. Наткнувшись, стал нашупывать рукой, чем бы вытереть, и напоролся задом прямо на вертел. Тогда побежал прямо на улицу. Синица стала

клевать выбегавшего мергена и кричать разными голосами. А находящаяся у дверей кувалда, когда мерген выбежал, ударила так, что он тут же умер. Так сброд убил мергена.

После этого они отрезали у мергена голову, насадили ее на макушку мечты и поехали вверх по реке. Когда они стали подъезжать к дому пуди, синица села на голову мергена, стала ее клевать и выкрикивать разными голосами. Только тогда поверили девушки, что синица убила их старшего брата. Эти люди – разный сброд – женились на тех пуди. Синица взяла в жены двоих: самую младшую и самую старшую. С тех пор стали жить вместе.

№ 23. Зүэр эктэ бэлэйхани

Зүэр эктэ бэлэйхани эикэни, нэуни. Эм сиксэ эикэни зомбохани: „Нэку-у, буэ-дэ будэргуи гэлэндэгүэри. Сахсй-дэ хэм будэрку, гаки-дэ хэм будэрку, хон анда будэрку, сарбида будэрку.

Нэуни унэйни: „Эгэ-э, оркэ, аниа хэдү!“ Эикэни унэйни: „Хамача гэрбуни аниа хэдү?“ – „Аја, чимана энүри.

Тэни апсиңгогари тыидогачи зокчи ујэлэни зилгаңкини: „Гэ, суэ будэргүэри, гаксиагари гэлэксу. Ми хойламбиава хозбосу. Ми таламбиава таосандосу“.

Нэуни унэйни: „Гэ, эгэ, ми хаи уңкэи? Аниа хэдүэ ундэчэикэ. Аја, чимана энүри“. Чими тэхэ Сіара, хаи-дэ тэхэ, бэразігохэ. Нэуэйи, эикэйи, сорічи. Нэуни унэйни: „Улэ-ну, си туй зомбоктахаси? Эси амбэ бэроани энэзэпу-ма“. Туй тарэ, энэпсиңкичи. Энэмэ, энэмэ... эм зола ісіхачи. Туй зэ тулгэдүэни наи эгэйни ілісйчи. Гэ, андаха ичэйичи. Тотарэ, тэхачи. Төридуи ичэхэни хэм буйки наисал бичичи. Оңболачи сэлэм сілопомба сілополарэ, ілгамохани.

Йхэ, тэхэ, пуксу кэркичэдүэни эм мама бичини. Докіалани эм букучи бичини. Малоду эм тэрэмэ бичини. Гілб кэркичэдүэни эм эктэ бичини.

„Гэ, анданэ, хаучи пулсйэйэри тыису? Хауси пулсйэйэпу?“

Мй, эикэдиэри будэргүэри гэлэхэпу“.

– „Гэ, анданэ, гэ эји амбэ, Хаода энүвэси осіни, хойа-дэ таси, Каока биури осіни. Чочагөри осіни, наива оңболани сэлэм сілопонэй сілополэйи. Туй амбасал наи уликсэвэни сіарйчи“.

Туй экэсэлбэ наи сіаривани сіавакэйини. Туй тарэ, эм модэ долбо нэуэйимэ эктэ сэнэхэни. „Ээ, гэ, тэгуру, чочагогари!“

Тэң элкэйи бэразігохэ. Нүчку-у сурэкэ бини нэандогачи. Туй сурэкэмбэ нэуэйимэ пуэй оңбодоји сілпигохани. Тэң элкэйи нэугүхэчи. Нэуни унэйни: „Гэ, си наойси энэру. Мй дуйси энэгујэвэ“.

Тотарэ, нэуни дуйси пагэйіалахани. Эикэни наойси пагэйіалахани. Туй тэрэмэ морасиңкини: „Э-эй, эйкэйимэ бэју наойси эугуји, нэуэйимэ бэју дуйси тохэ“.

“Гә, андә, тәру! Мй букучиwә wәхамби. Тыи пузй унзйни: “Тә-
зәку wәхаси?” – “Тәзә, wәхамби”. Эси-тәни тawawә тәрәмәwә
i wан-да, букучиwә зугурә, наңгалахачи. Тыи мамawә, тәрәмәwә
хәм брачи, элгәмәри нигүхачи. Хәм тawачи наңгәчихачи. Чоңк-чоңк
зәгдәхәни. Туй тарә, ты тәйдү би найсалба бәгзидүәни зәпагурә,
наңгәчихачи. Хәм хорагохачи. Эйкәи-дә хоргогохәни. Гә, энүсу,
эниңкони энинчәри, аминкони аминчәри. Энүсу. Чаду әм хусә най
бичини. Тыи пузйнәи әсiлагохә, туй тарә, зәкчй, иргәнчији гәзәрә,
очогохәни.

№ 23. Жили две женщины

Младшая сестра говорит: „Ну, старшая сестра, что я сказала? Ведь это сказал нам ветер Аня. Хорошо, завтра нужно идти“. Утром встали, поели, кое-что сделали, оделись. Младшая и старшая сестры спорят: „Хорошо ли, что ты так придумала? Теперь ведь мы пойдем к черту.“ Потом отправились. Идут, идут... Дошли до одного дома. Перед тем домом стоит множество людей. Много стоит мужчин и женщин. Ну, пришедшие смотрят. Потом поднялись на

„Ну, там же! Кто имеет мать — к матери, кто имеет отца — к отцу“. Там был один мужчина. Он женился на той пуди. Потом отвез ее домой в свое селение и снова стал там жить.

Зүэ эйкэ, нэу балзиха. Эйкэни пурэмбэ пулсини. Нэуни зогду улпимбэ улпими тэсини. Туи бимэ, балзимэ, эм модā дōлэни нирги, нигури. Эйкэ маңга нэлэпси йака. Хедуу-кэ тоңгалин-ну, боачи н'изури. Боала би сй музээн'дуэни іліхани. Сол'ичэхэн-дэ, хэи ичэхэн-дэ, хан-дэ аба. Нуктэји дептэлихэни. Эм нуктэ-дэ туи-ңкуэси. Балана даји гурӯ ундичи бичи даји огда эи-мэт ниргији. Даји гаса эи-мат ниргији. Тотарэ, эугуидуји ичэхэни - даји гаса бичини. Зокчи йгүхэни. Накандуи тэгүрэ, улпидуэни ісіхани. Сандоани дōхани. Тотарэ, морйни, Хусэни йлпгани бичини: Туи гаса ундыни: „Амапāнго, эйкэси пурэмбэ пулсими, гасā, бујумбэ wāри наји. Нилэптэңги-дэ, биз-тэни. Нилэптэңгивэ бурӯ“. Пуэй ундыни: „Симбэ зидыјэм, сй сјагоаси бāргіачиап-тани бујӯ симуксэни“. Гаса ундыни: „Тыл-дэ аба бйңэ-тэни. Сэңкурэ музэвэни бурӯ“. Пуэй ундыни: „Эгэ симбэ зидыјэм пінасими, тухисими эвэчэ-кэ. Сй туи муруңку гаса наичи хон'туи гэлйси. Симбэ хал зиды-рэм наји нэрији. Сй маңга дарāко гаса тачи“. Гаса ундыни: „Амапāнго, туи там-ка оркй осйји“. Туи гаса дэгдэгүхэни, Зōнни чоңколани чоуоји гддалахани. Эуси тауси ичэктусихэни. Зō писрани гоир тӯхэни. Чала йхэни туи гаса. Сидүэмбэни тэмтэңзини. Нōани бадодони кдока дōсини. Нōани бāрони ичэзйни. Пуэй худэмбэ хапарā, іліхани. Гасаwа пāчилахани. Пуэй хāончок энэхэни. Тотапиу-у сāгохани. Гаса ојалани лактохандолаја сāгохани. Эси маңга соңгоини, эйкэји хэрсими: „Эгэ, мимбиwэ гаса гāзōи!“

Эйкэни сиксэ эугуини. Зогду ихэрэ-дэ аба. Ми нэуји ихэрэ анāка эчэ бирэ. Энүлүхэн-ну, бурбур-дэ хан горо! Эйкэни уликсэ піналагохамби нāчи нэхэни. Соктаји хэм ачоктагохани. Тотарэ, тургэ йгүхэни. „Эпэңгу бизчи-ну? Ујунси-ну, эңсиэси-ну?“ Нэуни заралим-дā аба. Эјэ, таја голзондоли пасоалахани. Пуниктэн-дэ гичіси. Эи-кэ буды осини, балана буйкй бизэрэ. Аксонду би тало муэлүwэ кап-кап тактōчирā, пірлахани. Нэуни туи зō дōлани аба. Улпихэни тэпэмэи би. Эи хауси энэхэни? Такто бāрони энэхэни. Эм хуэлби хомдоковā запагорā, туи хомдоковā таохани. Эс-кэ маңга нэгэзэ. Зōи солилани тōрā, хэзиглэни эугуми, пōктоwа гэлэми, хал-дā поктоини-дā аба. Тотарэ, йгүхэни. Ихэрэји тагохани. Ихэрэни гэлчэл тыни. Уиси ичэчгүхэни - зōнни писрани гоир тӯхэни. Нōани мурчини: Эм хайна гаса гāзōхачи. Тотарэ, аксонду би даји зйрэмбэ сндүэндуји лōхани. Тотарэ, паңгачйни. Солипа, хэзипэ би мэнэ сāри самамба хэм гэрбизсини. Туи тамэ ундыни: эи солила би самā туи гэрбуни Сэлэкэ самā. Хайна тыи-кэ гāзōхани-ну? Зйрэ масйи туиңкүхэни. Симбиwэ осини-ка ми сāрамби, кэту горо боладу бизэси. Зйрэмби ачогорā, наңгалагохани. Зіа чиманиwа тэрэ, такточији колдома кōрiwa наичахани. Туи кōрiwa аңмаwани бэјӯ симусэзйэни модоріхани. Сэңкурэзи сјапомба пāчиларā, пōңгичирā, туи колдома кōрiчи йхэни. Тотарэ, дэгдэхэни. Чоңколи нйэхэни. Туи энэмэ, энэмэ Сэлэкэ самā иргэни багйалани дōхани. Ми-дэ мэпи саман тāmбэм мурчизмби. Зō дайлани золома кōри осонду. Хэзйзэе хэду тоңгалару. Саоліазіа

сōји тоңгалару, экэчй зō хэпурэм бојарізани. Пуэй дэгдэгүхэни хэзйзэе хэду тоңгалахани, солиззіа сōји тоңгалахани. Зō дайлани золома кōри очини, Сэлэкэ самā тојидоани дōхани. Экэчин зō хэпурэм энэхэни. Маси зō гүичэни. Нэптэриэ энэхэни. Пуэй мэн пузіндуи очогохани. Пуэй торини, Сэлэкэ самā зōји хоричйни.

„Гэ, Сэлэкэ самā, мйңзи горола бими, туи таоріwа мурчихэсину? Мй нэујэwэ мйңзи йајами чōзи гāзōхаси“. Сэлэкэ самā ундыни: „Синзй ми нэлэсимби. Хамачā наја-дā хэм насокāји“. Пуэй унды: „Ми-дэ синзй нэлэсимби. Синзй нэли осіни, мй хандам зй-дэмби“.

Тотарэ, сорілохачи. Сорімэ, сорімэ, Сэлэкэ самамба wāхани, зōкчйани йхэни. Зогдоани эгэи пуэй бичини. Нэуји гэлэгүини, тахи пэгиглэни нэуни сіріхани. „Апāнгу тахи! Пэгиглэни хāгуи сіріхаси? Эи зō бојари осіни, ојачајаси тӯри“.

Нэуни соңгоми агдахани. Туи пуэй Сэлэкэ самā урэктэңгүэни зāпарā, туи зогдо би пузімбэ тоикаңкини. „Амйңкоар осіни, амйңчйари энүсу. „Ээйкүэ ри осини, ээйичйэри энүсу“. Хэм пуңнегүхэни. Туи пуэй туи иргэмбэ найwани соли хэји тутүхэни. „Гэ, бала, бāргігоди, энугүэри“. Туи иргэмбэ хэм гāзōми энүини. Мэнэ зōкчй ісігохани.

Мэнэ зогдуји бйдуји нэучйји уңкини: „Эпэңгу, ми найзй соріми хон мутӯри? Хайна наји хукчүзэрэ“.

Эм чиманиwа сэңгидуји морарā, јајарā, сэнэхэни. Нэуни ундыни: „Э, хаим морйси?“ - „Эпэңгу, толкйчихамби маңга оркй. Наи эи маңбо солиззіазіани зйчй. Ілā даји огда эи тојила хāхā. Ілā огдаду би найсал пуикунэсйхэчи нā бāрони. Таwаwа іwаңкйчи, мймбиwэ морйчи. „Гусимбиwэ wāхā мймбйэ-дэ, бумбйэ дэ wāзāчи. Эктэни, асйни найwа wāрйни ханду-дā аба. Бала эуру. Мй чадү зүхэмби. Зүэ агбан'-ка кэту маси бизчй. Нэун'-кэ маси бичй. Мй туи толкйчихамби.“

Туи пуэй нэуни маңбоwа соли тул-тул ичэзйни. Туитамэ сиун токондо ілā огдази най зйдыни. „Э, тэзэ сй толкйчихаси. Наи зйдыји ілā огдази“.

Эйкэни мурумби маңга зāбоини.

Наи тојиду хāмāри, пуикунэсимэри хулүңкйчи. Таwаwа іwаңкйчи. „Гэ, бүэ гусимпуwэ wāхамби бумбё-дэ wāру. Эктэни, асйни найwа wāвори маңга“. Туи морйни.

Пуэй сулпуэ отази оталахани. Согбом аміріwа тэгүхэни. Озāзи омолохани. Тотарэ, тутуми эурйни тэгүэни хэм сэлэ маңа очіни. Акпало агзйани соріпсйкини. Туи соримэ, іліхани. „Гэ, андā мэргэ, мй сймбиwэ чімчарам мугдэрэм wāрасимби, Мй симбиwэ зōји дүнэлэни би сэлэмэ тōро гарачіани наңгалāmби“. Тотарэ, нāлахани. Туи эмзйңэ нэуни гучи хукчүхэни. „Тэзэ агawа wōрiси-тани. Мймбё-дэ wāзачима?“ Чawада соримэ. „Гэ, андā мэргэ, агбаси наңгалахамби тōрочи, пэгуй гарачи симбиwэ наңгалāmби“. Гучи појаңго нэуни хукчүхэни. „Тэзэ аганāwа хэм wāрiси-тани. Си эм маңга наји, мймбё-дэ wāзачима“. Соріми пузін-дэ јадахани. „Андā мэргэ, тейнүэри“.

Мэргэн-дэ чиндахани. Мэргэ мэн огдаи барони эугухэни. Пуэй чаду тэхэни. „Эпэңгу, мээвэ ирару“. Нэуни ирахани. „Эпэңгу, си тургундулэси симбиwэ канзэоми байгоаңгоји бахамби. Ми буэй-дэ саваси. Дајигојаwа таора, ирару“. Пуэй дамихиwа омими тэсйни. Ми мэпи-кэ самаңкоје мурчикэји. Мимбиwэ хай-дэ бэлэчиусу. Маси осоандосу.

Мэргэ тóкохани. Туи тарā, соринсигухачи. Туи соримарē, соримарē, пуэй илэхани. „Анда мэргэ, агбаси наңгалахамби, пэгуу гарачи симбē наңгалāмби“.

Тотарā, наңгалахани. Тотарā, тутуми тóкохани. Тэтчэји, отаји ачогухани. Накандуи тэгухэни. Чадо-мат сiахани.

„Гэ, эпэңгу, найзи сорими, јадахамби маңга. Ми эси āкпанзāмби. Хују ини-долбо аошāмби. Тулиэwэ нүчи гүрсэлбэ ээи тутуэндэ.“

Тотарā, тыи пуэй āкпанкiни.

Нoани брiдоан'a зичини зуэ арчокасал. Зуэ арчокā зиде, соңгоини: „Амāwа, эчэкэwэ хон-дā хорисосу! Ээи-кэ wāрасу!“

Тыи пуэй нэуни ундѳини: „Нүчикэизуэн, ээи соңгоасу. Э, тэгүчиэнē гүсэрэңй-тэни“.

Тыи арчокаңсал зiлгa ана соңгомари тэсйчи.

Тыи тамē тыи пуэй тэгухэни. Дамихиwа омiни.

Нэуни ундѳини: „Э, эи зуэ арчокā зичинизэриэ сiаора-дā сiарасичи. Тул-тул соңгоичи. „Амāwа, эчэкэwэ ээи wāрā“, – ундѳини.“

Эикэзимэ пуэй налāји илā модā пāчiлахани. Бэктэ бими чул йгуичи. Илā мэргэ тыи пуэй wајалани нoхоранкичи. Моңгончи цоними очiни. Мэргэ ундѳини: „Эм, сi хэтэхэмбэси, сi мурундулэси биээпу. Хас-дā тыиwас-дā марiарасипу“. Пуэй ундѳини: „Иргэңкүэри осини, иргэмбэри найгосу. Илā аонду iсiгохарсу. Хай-дā боачiлани чочахасу осини, эи моңгонсу цонимилани тāкозāмби“. Мэргэ ундѳини: „Илā аонгапāри iсiгозāпу, хаси-дā чочасипу.“

Илā аонгапи, iсiгохачи.

Пуэй унчухуңгуји, јаңпаңгоји баргiхани. „Ми эси унзāмби. Ми эси энэзāмби. Эм мэргэ бији. Амāwа wāхā амбāмба нoани wариносини, ми нoанзiлани эзилэгүзāмби. Ми нoан'зулнэлэни wāри осини, тыи мэргэмбэ мэпи ларзiлоанзāмби“. Туи тамē паландопа сiмтóхани. Нэуни морахани: „Э, амā wāхā амбан' зiлiwани гāзохāри“.

Эм модā унчуху сiасiни бичини. Туи тамē эикэни зiзүхэни, эикэни мэуриини, јайини. „Гэ, илā мэргүсэл, дiлзiтосу, минзi мэлээхэ мэргэ. Ми амимбиwа wāхā амбāмба. Нoани зулэ энэрэ, wāхани. Ми ты мэргэнзi эзилүри. Чiмана сиунтокондо iсiгоји“.

Зiа чiманiwа эгэи огдази най зiзйчи. Эикэни ээини зүдилэ огда дуркэлдүэни илiсiни. Хāкoичи. Амимбани wāхā амбā зiлiwани огда којолдоани лóхачи. Эикэни ундѳини: „Гэ, нэку, ты амбанзiлiлани, гэлэхэси“.

Нэуни тawаwа iwаңкiни. Тawа кiрадоани ты зiлiwа нэхэни. Тотарā, күчэнзi амбā насалдолани күчэлчини. Амбā, тэээ амāwа wāхā амбā осини, насалдуласи нiмoктаси хэјэээрэ. Тыи амбā насалдолани нiмoкта хэјини. Тотарā, тыи зiлiwа тawачи нāлāхани.

Тыи долбон'awа эгэи ны аркiwа омiчи. Эикэни ээигуи бāрини. Эикэни ундѳини: „Си-дэ ээикуси. Сi ээиси оркини биэси. Ээи галора“.

Нэуни ундѳини: „Хайду ми ээији?“

Эикэни ундѳини: „Си хон-дā ичэсиси“.

Нэуни ичинимаңга эрдэңгэ. Апомбани ичэури, паламба такточини сабони сiасимбани дiлзiлори. Тукуруwэни ичүри, Кэрискэwэни ичүри, бэјэwэни хон-дā ичэwэси. „Эгэ, хон'бi нiзи эзилүри?“ Эикэни ундѳини: „Наи мэпи ичүэндэсини. Ээи галора“.

Аркiа омимарда хошiхā. Эикэни ээигуи бāхā. Тыи бимэ, зичичи: ты нэузимэ пуэй ээини, эм мама, элчиусэл, кэкэнэ зичичи. Ээији чадо-мат ичэхэни – улэн най. Чаду аркiwа омiхачи. Эикэзимэ пуэй торiwа гэлэхэни. Гой-гой н'эпултэwэ хэм амтаңгу, эм таңгу гэлэхэни. Тыи мэргэ ундѳини: „Чawа-ка бāwори“.

Тыи мэргэ цāјигохани. Тотарā, гāзүрā, бүхэни. „Асiјawа хāли ipicy?“ Эикэни ундѳини: „Иламба аонгамē, ирāмби“. Иламба аонгами ирахани. Ајактаку, маси эм элчи гучи эм кэкэ тыи пуэинзi гэсэ ирахани.

„Элчи, кэкэ, эээмбэри най оркин тыини осини, гāзохарсу. Тотарā, ирāхā эикэни, аосiни гэсэ энэхэчи. Тотарā, эикэни, аосiни мэн зокчiари зiзүичи. Нэуни эикэји эндүидүэни соңгоми дэрэзигүини. Ээини, маси мiwа запарā, асiји тоикандѳини.“

„Си, пуэй, аосiзiји эзилэгүичис биээрэ. Эикэзiји хорiалaгōри-wа мурчиси“.

Маңга ајакталахани. Кэкэ запачим-дā чiлахани. Тотарā, ээини тóкохани. Кэкэ ундѳини: „Ээиси зокчiани тóкогoари“.

Тотарā, кэкэзi гэсэ хамила тóкохани. Тыи пуэимбэ ини-ини тоиканзi. Кэкэ ундѳини: „Элчи, энугүэри, эээ пуэимбэ гāзогoари. Нэду бi осини, будыји“.

Нoанчи нучи огдаду тэучигүрэ, гāзохачи ты пуэимбэ.

Эикэни мэдэсини: „Хон' тахани? Энусини?“ Кэкэ ундѳини: „Эээ пуэй, нoани энусин-дэ биэси, тоиками нoамбани элэ wарини“. Эикэзимэ пуэй ундѳини: „Ајактаку, маси элчи, хайду бичиси?“ Элчи ундѳини: „Ми хон таори?“

Эикэни, тухилэгүрэ, тóбогохани нэуји. Тотарā, октолахани. Нэуни улэ очогохани.

Нэуни ээини эгэи найwа зiлaсiра, дāји огдази зичини. Эикэни тiлa най хāридоани сэлэмэ тэгүэји тэгүэлэгүрэ, wаиси пāг-зiлaхани. Нoамбани эгэи най запаричи, Мапарисал, дāји гурү ундѳини: „Элэ, хошiру“. Най эгэини та јадамāри запаричи.

Пуэй тóкорā, тэгүэји ачогорā, āкпангохани. Нэуни ээини гучи гой гүрсэл эгэи най нoхоранкичи. „Гэ, хон-дā гүсэрэндүгүэри тэгүру“.

Наи туи эгэини нāмбoчiдоани тэгүрэ, гой-гой н'эпултэ бүгүхэни. „Ми нэwэ гэлэсимби. Нэуи-дэ бүгүэсимби!“ Гэрэн дāји гүрсэл гүсэрэндүичи: „Эwэңки нoан-дā хонда таси. Мэнэ мурунзiји эwэңки чawа мурчiэси. Эwэңки-дэ хāл-дā туи таси. Гой нi-дā, буэ-дэ аliwаси, найwа туи тами хон'ачи?“

Чаду-мāt экиэимэ пуѣй улѣ очогохани. Чаду аркиwa омиmāри
хаду-хаду ини омиxачи. Нэуѣи гиаматалагохани. Элэ.

Перевод

№ 24. Жили две сестры

Жили две сестры. Старшая из сестер охотится, младшая из сестер дома сидит и шьет шитье. Так живут, живут... Однажды младшая сестра услышала: шумит, гремит. Вот это очень страшная вещь, подумала она: Ветер, что ли, поднялся. Надо, мол, выйти на улицу. Встала у перекладыни вешал, находившихся на улице, и вверх по течению посмотрела, и вниз по течению посмотрела: ничего нет. Волосы свои расплела. Ни один волосок не колыхнется. Раньше взрослые говорили, что большая лодка так шумит. Потом, спускаясь, увидела: большая птица там была. Младшая сестра в дом вошла. Когда она дома шила, сидя на нарах, птица прилетела и на вешала села. Потом закричала. Мужской голос у нее был. Та птица говорит: „Дочка, твоя старшая сестра – человек охотящийся и промышляющий птиц и зверей, поэтому у вас, конечно, есть вытопленный и застывший звериный жир. Дай мне застывшего жира“. Пуди ответила: „Зная, что ты придешь, мы приготовили тебе в пищу звериного жира“. Птица говорит: „Его-то пусть бы и не было. Дай мне отвар багульника“. – „Старшая сестра, думая, что ты придешь, за спиной и в охапках носила багульник. Ты такая умная птица, как же ты просишь у людей? Разве знает человек, когда ты придешь, чтобы положить это? Ты очень нахальная птица“, – сказала пуди. Птица говорит: „Дочка, если так будешь поступать, плохо будет!“ Птица взлетела. Свой клюв в дымовое отверстие просунула. Туда, сюда посматривает. Верхняя часть передней и задней стены дома развалилась. Птица в отверстие вошла. Идет по крайней жерди крыши. Прошла и против младшей сестры села. Смотрит на нее. Пуди взяла доску для кройки, встала и ударила ею птицу. Пуди потеряла сознание. Потом только пришла в себя. Оказалась она прилепившейся на спине птицы. Тут она сильно заплакала и стала звать свою старшую сестру: „Сестрица, меня птица уносит!“

Ее сестра вечером спустилась из тайги. В доме даже лампа не горит. Подумала: моя сестра без лампы не сидела; заболела что ли, до смерти разве далеко! Старшая сестра мясо, которое она принесла за спиной, положила на землю. Сняла свои лыжи. Потом быстро вошла в дом. „Сестренка, здесь ли ты? Жива ты или заболела?“ Сестра ей ничего не ответила. Туда, сюда пошарила (старшая сестра) в очаге. Зола холодная. „Если она умерла, – подумала, – то, наверное, давно умерла“. Стоящее у двери в углу берестяное ведро с треском истоптала и зажгла как факел. Сестры в доме нет. Ее шитье, как положила, так и осталось лежать. Куда она ушла? Пошла в амбар. Взяла там один сверток берестя-

ных покрывок и зажгла их. Теперь-то уж очень светло стало. С верхней по течению реки стороны поднялась, по нижней стороне спускалась, искала след, никакого следа нет. Потом в дом вошла. Зажгла лампу. Лампа у нее мигает. Посмотрела вверх: верхняя часть треугольника ее дома развалилась. Она подумала: это, наверное, птица утащила сестру. Потом повесила на среднюю балку дома большую наковальню, находившуюся в углу у двери, и стала гадать. По верховью и по низовью реки живущих шаманов, всех, которых знает, называет. „Этот шаман, живущий в верховьях реки, по имени Сэлэкэ. Наверное, он-то и утащил мою сестру“. Тут наковальня сильно дернулась. „Если ты, то тебя-то я знаю. Живешь ты не очень далеко“. Сняла свою наковальню и бросила.

На следующее утро встала и пошла в свой амбар, принесла кедровую кори.¹ Намазала рот этой птицы звериным жиром. Багульником по посудине для углей² ударила, принесла жертву дымом багульника и вошла внутрь той кедровой кори. Потом полетела. Вылетела через свое дымовое отверстие. Так летит, летит... Села против селенья шамана Сэлэкэ. „Я тоже про себя думаю, – говорят они, – что я шаманка. Сделай каменную кори величиной с дом. Снизу, ветер, подуй, сверху, ветер, подуй, так, чтобы ветхие дома развалились“. Пуди полетела. Снизу подул ветер, сверху вихрь налетел. Возникла каменная кори величиной с дом. Села она (старшая сестра) на берегу шамана Сэлэкэ. Ветхие дома развалились. У крепких домов крыши по ветру развеялись. Пуди опять женщиной стала. Пуди поднимается от берега вверх, а шаман Сэлэкэ пытается спасти свой дом.

„Эй, шаман Сэлэкэ, ты что же, решил так сделать потому, что далеко от меня живешь? Мою младшую сестру тайком от меня как вор унес!“ Шаман Сэлэкэ говорит: „Я тебя не боюсь. Каких хочу, таких людей и приношу себе“. – „И я тебя не боюсь. Если бы я тебя боялась, так зачем же пришла бы к тебе?“

Начали они сражаться. Сражались, сражались... Старшая сестра убила шамана Сэлэкэ и вошла в его дом. В доме у него было много красавиц-пуди. Ищет свою младшую сестру. Сестра ее под полкой спряталась.

„Сестренка, упадет! Зачем ты под ней спряталась? Если этот дом обрушится, полка на тебя упадет“.

Младшая сестра до слез обрадовалась. Та пуди, ее старшая сестра, взяла прут шамана Сэлэкэ и стала им бить (всех) пуди, находившихся в доме. „Если у вас есть отцы, уходите к своим отцам, если есть мужья, уходите к своим мужьям“. Всех прогнала. Та пуди по домам людей того селения вверх и вниз бежала и говорила: „Ну, скорее, давайте собираться и уедем отсюда“. Едет и ведет (за собой) все селение. Приехала домой.

Живя дома, как-то сказала своей младшей сестре: „Сестренка, как я смогу сражаться с людьми? Ведь, наверное, на нас кто-нибудь нападет“.

В это утро старшая сестра, когда просыпалась, закричала, запела по-шамански и проснулась. Младшая сестра ей говорит: „Сест-

ра, почему ты кричишь?" — «Сестренка, я видела очень плохой сон. Сверху этой реки приехали люди. Три большие лодки причалили к этому берегу. Люди, находившиеся в тех лодках, на берег попрыгали. Потом зажгли огонь и стали кричать про меня: «Дядю нашего убила, и меня, и нас убьешь? Нигде нет такого обычая, чтобы женщина убивала людей. Спускайся скорее!» Я тогда спустилась. Двое старших братьев не очень сильны были, а младший брат был сильный. Так я видела во сне».

Младшая сестра этой пуди все время вверх по течению реки смотрела. В полдень видит: едут люди на трех лодках. «Сестра, ты правду во сне видела. Люди едут на трех лодках».

Старшая сестра стала думать, как ей поступить.

Люди к берегу пристали и, выпрыгнув, сошли на берег. Разожгли огонь. «Эй, раз уж ты убила нашего дядю, убей и нас! Нехорошо женщине убивать людей!» Так они кричали.

Пуди надела свою домашнюю, без завязок, обувь, разукрашенный халат из рыбьей кожи, подпоясалась толстой веревкой и бегом стала спускаться на берег. Одежда ее стала вся сплошь железная. Стала бороться с их старшим братом. Поборолась и остановилась. «Ну, друг мерген, я тебя не буду так убивать, чтобы ты стал беззвучным и неподвижным (т.е. насмерть). Я тебя брошу на сук железного столба, находящегося на горе выше моего дома». Бросила. Потом на нее напал другой брат. «Ты, правда, убила моего старшего брата, меня тоже убьешь?»

Сражалась с ним, потом сказала: «Ну, друг мерген, старшего брата бросила на столб, тебя на нижний сук брошу».

Потом напал на нее самый младший брат. «Ты, и правда, обоих старших братьев убила? Коли ты сильна, то и меня убьешь?» Сражаясь, пуди устала. «Друг мерген, давай отдохнем».

Мерген согласился. Он спустился к своей лодке, а пуди там села. «Сестренка, принеси воды». Старшая сестра принесла. «Сестренка, из-за тебя, тебя защищая, нажила я себе врагов. Может быть, умру. Принеси мне и зажги трубку». Пуди сидит и курит табак. «Я про себя думаю, что есть во мне шаманские свойства. Помогите мне чем-нибудь. Сделайте меня крепкой!»

Мерген поднялся. Опять стали сражаться. Сражались, сражались, и пуди остановилась: «Друг мерген, я бросила твоего старшего брата на верхний сук, а тебя брошу на нижний».

Потом бросила его. Сама же бегом помчалась домой, одежду и обувь сняла и села на свои нары. Тогда только поела.

«Ну, сестренка, сражаясь с этими людьми, я очень устала. Теперь я лягу поспать. Девять дней и ночей я буду спать. Не давай детям бегать по берегу».

Потом эта пуди легла спать.

Когда она спала, пришли две девочки и плачут: «Пожалуйста, спасите нашего отца и дядю! Не убивайте!»

Младшая сестра той пуди говорит: «Не плачьте, дети. Когда старшая сестра встанет, я ей все расскажу».

Сидят эти девочки и беззвучно плачут.

Потом та пуди поднялась. Табак курит.

Младшая сестра говорит ей: «Сестра, эти две девочки как пришли, так даже пищи не поели. Все время плачут и говорят: «Не убивайте отца и дядю»».

Старшая сестра хлопнула три раза в ладоши. Немного погодя они и вошли. Три мергена поклонились в ноги той пуди. Шеи у них длинными стали от того, что она их вешала на столб. Мерген говорит: «Раз ты нас победила, мы будем жить по твоему желанию. Что бы ты ни сделала, не будем спорить». Пуди сказала: «Если у вас есть селения, идите, чтобы привести свои селения. В течение трех суток возвращайтесь сюда. Если сбежите в какое-либо другое место, то по длине ваших шей я вас узнаю». Мерген говорит ей: «Через трое суток вернемся, никуда не сбежим».

Через трое суток вернулись.

Пуди приготовила свой бубен и шаманский пояс. «Теперь я буду шаманить». Сейчас я пойду. Есть один мерген, если он убьет черта, убившего моего отца, я выйду за него (этого мергена) замуж. Если же я сама раньше его убью этого черта, то сделаю этого мергена своим слугой». Потом прошла сквозь пол. Младшая сестра вслед закричала: «Сестра, привези голову черта, убившего отца!»

Однажды послышался звук бубна, затем вернулась старшая сестра. Старшая сестра по-шамански пляшет и по-шамански поет: «Эй, три мергена, слушайте, со мной состязался один мерген. Он раньше меня пошел и убил черта, убившего моего отца. Мне за этого мергена выходить замуж. Завтра в полдень он придет».

На следующий день на многих лодках едут люди. Муж старшей сестры впереди на две лодки стоит. Причаливают. Голову черта, убившего ее отца, повесили на мачту лодки. Старшая сестра говорит: «Ну, сестра, вот голова черта, которую ты просила».

Младшая сестра разожгла огонь. Около огня положила эту голову. Потом хотела ножом ударить в глаза черта. «Черт, если ты в самом деле тот самый черт, который убил моего отца, из твоих глаз потекут слезы». Из глаз черта потекли слезы. Потом младшая сестра бросила голову черта в огонь.

В ту ночь много народа пили вино. Старшая сестра выходила замуж.

Старшая сестра говорит младшей: «И ты имеешь мужа. Твой муж неплохой человек. Не печалься».

Младшая сестра спрашивает: «Где же мой муж?»

«Ты его сразу никак не увидишь», — говорит сестра.

Младшая сестра смотрит: очень удивительно! Его шапку видно, звук сапог, топчущихся по полу, слышно, бутылку, из которой он пьет, видно, рюмку тоже видно, а его тело совсем не видно. «Сестра, за какого же человека замуж выходить?» Старшая сестра говорит: «Человек не дает себя видеть. Не печалься».

Кончили пить вино. Старшая сестра вышла замуж. Так живут... Потом пришли муж младшей пуди, с ним одна старуха, слуги и служанки. Тогда только она и увидела своего мужа: красивый че-

ловек. Пили вино. Старшая пуди калым потребовала: разной пушнины и все по сотне. Тот мерген говорит: „Это-то можно найти“.

Мерген уехал, чтобы привезти калым. Потом привез и отдал. „Когда же привезете мою жену!“

Старшая сестра говорит: „Через трое суток привезу“.

Через трое суток привезла. Привезла вместе с сестрой одного злого и сильного слугу и одну служанку.

„Слуга и служанка, если в этом доме будут плохо поступать с вашей хозяйкой, привозите ее домой“. Старшая сестра и ее муж вместе приехали. Потом они уехали домой. Младшая сестра, когда старшая сестра уезжала домой, с плачем осталась. Ее муж взял крепкую палку и стал бить жену.

„Ты, красавица, за своего зятя, наверное, собираешься выйти замуж. Со своей сестрой жить женами одного мужа хочешь“.

Сильно рассердился. Служанка не могла его удержать. Потом ее муж пошел домой. Служанка говорит (ей): „Пойдем в дом твоего мужа“.

Вместе, следом за служанкой, она поднялась в дом. Муж ту пуди день за днем бьет.

Служанка говорит: „Слуга, поедem повезем нашу хозяйку-пуди обратно домой. Если будет здесь жить, умрет“.

Они посадили младшую сестру в маленькую лодку и повезли.

Старшая сестра спрашивает: „Что с ней случилось? Больна, что ли?“ Служанка говорит: „Хозяйка-пуди, она не больна. Ее муж избивает, скоро убьет“. Старшая пуди спрашивает у слуги: „Злой, сильный слуга, где же ты был?“ Слуга говорит: „Что я мог сделать!“

Старшая сестра взяла свою младшую сестру в охапку и отнесла домой. Потом ее лечила. Младшая сестра поправилась.

Муж младшей сестры, собрав себе в товарищи много людей, приехал на большой лодке. Старшая сестра, когда люди причалили к берегу, надела железную одежду и побежала к берегу. Много людей хотели ее удержать. Старики, взрослые люди говорят: „Довольно, перестань!“ Множество людей устали ее удерживать.

Пуди поднялась домой, сняла свою одежду и легла. Муж ее младшей сестры и еще другие люди, много людей, поклонились. „Ну, пожалуйста, встань поговорить“.

Когда многие так ее стали уговаривать, она встала и отдала разную пушнину, полученную в качестве калыма. „Мне это не нужно, и свою младшую сестру я не отдам!“ Все взрослые люди говорят: „С тех пор он ничего плохого делать не будет. Даже в своих мыслях об этом не будет думать. С тех пор он никогда не будет так поступать. И другие люди, и мы этого не потерпим. Куда годится так поступать с человеком!“

Только тогда старшая сестра смиловилась. Там несколько дней пили вино. Свою младшую сестру опять сосватала. Всё.

¹ Изображение мифической птицы.

² Раковина или банка с углем, в которую кладут оагульник для жертвоприношения.

³ Имеется в виду обычай унди, соблюдая который, шаман ходит по домам и в каждом доме шаманит; все его угощают и одаривают; в больших селениях шаманы набирали столько подарков, что иногда не могли их увезти на нарте.

№ 25. Амбар эктэ

Эм боаду бэлзихани, бичини эм мапа, эм мама. Гучи н'оачи пиктэчи. Мапача тул-тул боатоачи бичин эи зүлзлэни. Эси сэвэ бэхани, зогду касэарахаң. Тул-тул энуси бичй. Эм модя жэбэлэ очогопи, н'оани пиктэчи ункини; „Ам, ичэру: мй-дэ сагдаңгокай, эниси-дэ сэгэй. Сй-кэ кэтэдэ нучи-дэ бизс'еси. Бумби-вэ бэлэчими мутээй-мэ. Ичү, долэйу ми гусурэуэ. Бялана пурэмбэ боаточидо,и тулэчихэмби сэрми,и, капалико,и; дуилэ наңгалапкй. Эси мй туй энусиэмби, уи-дэ чава кіріаси, јарсіндагоси. Сй мутэй осини, энү јарсиндагоми. Эвэңки туй энэми, дуус томи, хујун хурэмбэ хуэлими, надан н'аромба даоми, н'арон дуэдуэни ваис эугүри суикэду, чаду би ми боаточихамби хазосалби“.

Наоэокя чава хэм улэнэи эээхэни. Энини пиктэ,и энэгүэни хуигисэгүэни хуигиэхэни. Таваңки наоэокя пинаји пиналаря, томи дэрүхэни. Туй томи, горо энэхэ, зйза энэхэ. Хујун хурэмбэ-дэ хуэликэ, надан н'аромба-дэ даохя. Суикэвэ-дэ багохэни. Амимби хазомбани хэм багогоя, пналолоря, хамаси зйзүми дэрүхэни. Надан н'аромба даогидуй н'оани памахани, хаси-дэ зокчи зугури-вэ. Дуэнтэвэ туй соңгоми морами пулсими дэрүхэни. Соңгохандя, уи-дэ долэйаси. Наоэокан сэрми,и хэм наңгачихани, таваңки эм дэнтүлэ эухэни. Туй дэ токондоани ілэ пјагда ілсихани. Мэргэ туй пјагданчи тэиндэури-вэ мурупсиңкини. Пјагданчи элэ ісидоани, токонду бй пјагдан калта энэхэни. Туй калтала эм пуэй хантул ілтаку эктэ ниехэни. Нидрэ, мэргэнчи мэдэсихэни: „Хая-зйзй, анда мэргэ, таси? Хамача маңгадоани буэмбиэвэ хари-хаси?“

„Э, пуэй, хай маңгадоани буэ нүчини соңгоми пулсийэпу! Камя зочоя опочиани эйлэ кіріхамби. Бэлэчиру, аисілару, мй гоиуа тагору“.

Туй умбучэни, пуэй мэргэкэ наладоани жапаря, пјагдама зокчи йуугухэни. Мэргэ йпи, ичэхэни зб долани уи-дэ анэ бичй. Тэ таду-рагда токонду эм сойрактази насалку сісама зйулі тэсихэни.

Туй зйулі мэргэнчи ай кіалбочими ичээихэни. Зйулі жакадоани эгэй хон-дэ бй хэм хачи сэвэнсэл, сайкасал тэсихэчи. Хэм оркй насалзйари маңа эрдэңгэсимэри ичээихэчи. Гучи чаду-тул туй зйулі соилохэни. „Суэ хамача пиктэвани зуси гяэохасу? Хай-ни байгоамбани зэйгүэри уручйсу?“

Тун наонзокамба зинуи хачин хэсэи улэлэгүү, орклагауу тами мэдэсхэни, хажай-да эичимбэни. Наонзока нэлэми хайва-да эчиг гисурэни, зүлэ таду ажалалахани. Тотарэ, дэи эилганэи морапсиу-кини пагдама эо дэргэриэни, тугдэ түрини-мэт эилоксани пичкэн-эсйни. Ажактачипэ уңкини: „Гидаларсу сјалтама сомаланчијава. Тудак-тыак уирэ, ірчимари Амбар эктэчи іраосу“.

Байгдэ тул ундыни, сайкасал, сөвөнсөл мэргэкэмбэ жапамарі, гдаламарі ірчимари харси-нү, харси-нү олбичкичи.

Туй ірчимари, эм уйкэвэ нихэлирэ, тарси наонзокамба сомалан-эіази анагохачи. Наонзока уйкэ дачиани тухэни. Түрэ, ілігорэ, насалби харчипи, ичэгүхэни. Эо бими, кама дэи эо бичини. Нака-ни малозіази тэпчипи, каничи јэк бичини. Чава амдами эм эктэ аохани, тунгэни эмуту хурмэ-мэт бичини. Туй аопи, тэгүпи, наон-зокамба ичэхэни. Тотарэ, уңкини: „Мй симбиэвэ айнанэва адами халачикајі: „Гэ, тэру, эи нэлэрэ. Дам’хива омјачи-ну?“ Коткамба тарэ, мэргэкэнду бүхэни. Мэргэкэ эйду туй бими дэрүхэни.

Сиксэ эринду Амбар эктэ сјагуи хайва-нү пујухэни. Хайли-нү хосисими тадорами энјүэчи наугачихани. Пујуп’э, н’дани мэргэкэн-ду тухэни. Котани ничкүкэн бичини. Эм мола хон’алдоридү бүхэни бичин палава. Мэргэкэ хайва-да уңкичэми тэргэдэхэни. Чаду-тул Амбар эктэ отоліхани. „Сй, нэку, эи оисіра, ичэгу котанчи. Мэр-гэкэ котанчији ичэгүхэни. Котани гучи тыас залопкини. Н’дани туй сјами элэдэлэ сјахани, котандорани хаси тыас тул-тул очогой.

Сиксэ эринду н’дани апсин’охачи. Мэргэкэ пэзи, Амбар эктэ пэ-зи. Сиксэ мэргэкэнду нэлэпси очини. Н’дани эчиг тачиани пэзи арми. Мэргэкэ мурупсиукини гэсэ аоріва Амбар эктэзи. Н’дани ілірэ, энэми таломэ муэлүвэ тоңгалахани. Чаду Амбар эктэ сэнэ-хэни. Тотарэ, мэдэсхэни: „Гэ, мэргэ, сй хайва тайси? Муэвэ омј-чй осини, каніду муэ бй. Боачи нйзичй осини, эйду-тул чіэчирү“. Мэргэ таду уңкини: „Мй харси-да энйичэсимби. Мй синэи аоріва мурчизэмби“. – „Андэ мэргэ, сй хони минэи аойчайси? Ичэру, мй тунгэнчијэвэ, эмуту пунчилкэ дарамани-мат биэскэ“. Мэргэ чаду уңкини: „Аойчй осини-ка, аойчийн чэзи-да нэлэси“. Лау эи-дэ, ап-син-да, налазији тэмирихэни. Тэзэ-дэ туй бичини, эмуту нунчилкэ дарасани-мат биэскэ. Мэргэ чаду уңкини: аойчй осини-ка, аойчийн чэзи-да нэлэси. Мэргэ налаји топичира, эктэ тунгэмбэни хэм мо-дорихани, эмуту ајани тунгэни-мэт осигойіани. Таваңки гэсэ аомари дэрүхэни.

Туй бимэриэ, гэсэ бэлзімаріа, мэргэкэ эчиг ичэни хайва-да эй эктэ сјариуани.

Эм чіми эрдэ бракјіази уй-нү, уй-нү эилгани дөлэйпкини, пікорйни, токи сјасини. Тајазіази найсал туй морахачи: „Гэ, бала энэпу, энэгүзри, Амбар эктэ!“ Чаду Амбар эктэ уңкини: „Аја, энэусу. Мй пиктэји дэсипи, сусуээмби“.

Эйду туй баргичипари, наонзоканэй, эктэзй сусүхэчи. Туй энэ-мэри горо энэхэ, эіа энэхэ. Эм бола ісіхачи. Јасіра, аонга-горари баргичихачи. Туй тайдоачи хажай-ну то эухэни. Амбар эктэ-тэни това ичэпи, таду-тул хукчүрэ, wахани. Туй то калтазіани сэктепули, калтазіани аоңколи тахани. Дб улэ уликсэвэни далга-

чирэ, уэи пиктэји сјаваңкини. Эй долбоніва Амбар эктэ эчиг аора, наонзокамба этуми бичини. Чіми тэгүпэри, гучи сусугүхэчи. Тул-тул наонзока токиду тэсими энэми пайхалохани. Туй тарэ, ун-дыни: „Э-э, мй хаміла симбиэвэ анами бэлэчизэмби. Амбар эктэ, мй анами бэлэчизэмби“. Амбар эктэ осісіхани бичин. Наонзокан-тани осісіуани-да, дээр хулуңкини. Наонзока хулумбучіэни, Амбар эк-тэ уңкини: „Сй эи горова мй хангичијава энэрэ. Эйду эгэи хамача-да хэм гэзэи, саманй амбани бэлэйчи боа“. Наонзока эйвэ боңгоду дөлэйхани бичй. Тотани н’дани оңохани.

Тул-тул эулэси элкэзи энэми, эйкэји наугалахани. Туй энэм-тул н’дани харчок энэхэни. Тотани хайду-нү биліји сагохани. Эм золо ојалани тэсйлі сагохани. Эјэ-таја кірәни они сугбэни-мэт паргими, муэ хэјэгүйни. Тарси-да энэми-дэ ачәси. Муэ хэту-дэ хатанэи хэјэи. Туй тарэ, дуйси ичэгүхэни. Дуйлэ эм зокэ бичини. Ты эогэйази эм сагаи мапа хујмулэ сапсхоңко эухэни. Амңаји тойгарэ, н’дани барони кэдэрэми эидыни. Н’дани эйзіни тајазіази-ни муэ аба осігоми дэрүхэни.

Наонзока эчиг нэлэни, золова лоап татарэ, котавани чул наугалахани. Чэзи лигэми мапача буйкини. Мапача бурбучіэни, чаду бичин муэ хэм аба очогохани. Таваңки мапа-да чаду абанагохани.

Мэргэкэ туй зокчи томи дэрүхэни. Зокчи йпи, ичэхэни: накаду эм пуэй ілгавэ ілгалами тэсихэни. Мэргэ ірйни, јархичими дэрү-хэни. „Хажазіази тайси, анда мэргэ? Сй мй мапаңгојава ичэчи-си-нү?“ Мэргэн-тэни хайва-да эчиг ичэне ундыни.

Јархичими хојипи, пуэй боачи нйэхэни. Туй нйэрэ тэсидуји дөлэйхани-хайду-нү, хайду-нү нйгури сјасй эіаала оми дэрүхэни. Сјасй бим-дэ эмуту най морайни-мат дөлэйпчй. Тул-тул эіа-эіа осини, хони-да долзини-да эмуту най н’рамбани гэлэгуми хэсйни-мат бй. Хони-да дөлзіни-да Амбар эктэңгуни эілгани-мат дөлэйп-чйни. Хони-да дөлзіни-да мэргэнду бичини Амбар эктэ эілгани, дорки дөлэйпчйни. Мэргэн-тэни паланчи пуйкурэ, дэи эілганэйји морапсиукини. „Э-э, мй јэду биэмби. Эйду тэсиэмби!“

Туй морайдони Амбар эктэ паландола калта агбиңкини. Агбимй, мэргэмбэ ичэрэ, хэп намаңкини. „Хайми сй – най хэсэвэни дөл-эйачиси? Эйду эгэи хачин сөвөнсал, амбансал, самансал. Амба, сөвэ удэвэни сй энүзэчи. Мэпи этхимй тахари. Мй симбиэвэ эси гаэоми мутэсимби“. Туй уми, Амбар эктэ нйэгүхэни. Нйэгундуји уйкэ дадоани пуңчнй бачіаліхани. Тотарэ, мэнэ дөлэри хайва-нү итэримэри дэрүхэчи. Мэргэ эм хэсэвэни-рэгдэ тэй гурунсэлдүлэ дөлэйхани. „Сй эй наонзокамба ірагоаси осини, маңга бэзәчи. Сэк-сэзи хусэчизэчи. Насалби тойгазәчи“. Туй умбучинэ пуэй ичухэни. Пухимби тухирэ, мэргэ, чава ичэпи, пузімбэ бэлэчичэхэни. Пу-эй уңкини: „Хама јэбэ, мй мэнэ октосігоамби. Байта анэ-да бай-тагоји бакаји. Эңсиэчин-дэ, энугуји бакаји. Чімана симбиэвэ ірагозәмби. Тотам-да уй сари – кусумби ісі-ну, аба-ну. Пујэлэјэ-эвэ кусумби лэр энэзэрэ“. Туй уми пуэй боачи нйэхэни. Тотарэ, тајазіази эм путунду золосалба йвугүхэни, гучи эм сэлэмэ wэ-чэмбэ. Сэлэмэ wэчэмби сісіма торадоји уңхэни. Золова wэчэ-эулиэчизэни н’урихэни. „Андэ, Боктор wэчэмби, бэлэчирү. Э-э сасум-

бэни ушпору, аңгору. Золома зорица отава аңгору". Туй умбулэни, вэчэ капорими ты золосалба сјами дэрүхэни.

Чимй эрдэ зјаја инэ мэргэ тэгүхэни. Н'дани кирадоани эм золана илгаку ман'а зорим ота бичини. Пуэй мэргэмбэ сјауочипи, уңкини: „Гэ, анда мэргэ, пэргү, тэтү буэ аңгохалу отава, Тотам-да уй сари ісі-ну, аба-ну, энуйси поктоду. Эвэңки энэгийлэйси поктоси чү маңга. Кучэ-мэт, багба-мат, пөпу-мат ээјекүсэл ху-рэмбэ дагодоачи. Нэмдэлэни пөпө даралани-мат дарамизи ээјесэл-ку. Анда мэргэ отава тэтурэ, ты ээјесэлбэ чап-чап тутуми да-гройни. Дагојодоани хурэ эје таја киравани хачй сэвэнсэл, эрдэ-кэчйчи". Мэргэ туй тутугүхэни эй ээјесэлбэ. Таја кирава ісіго-ми отани сэм энэхэни. Отаји нангалара, чаракк дүэрэлүхэни. Туй гирава дүэрэми, эм най мөва мөлсиwани ичэхэни. Тотара, тарси энэхэни. Чаду эм элчи ілэ парадү мөлсихани. Мэргэ элчiwэ мэдэ-схэни: „Гэ, анда элчи, сй хангуй туй эгэйiwэ мөлсиси?" - „Анда мэргэ, буэ-кэ хай улэсими мөлсихалу, бай туй хачй анази? Чимана буэ иргэндупуwэ. Кәңа мапа касәwa касаты. Тарси мөлсiамби".

Баңда туй ундэни, мэргэ элчйзи гәсэ мөлсилохани. Таваңки гәсэ зугүхэчи. Тэзэ-дэ бичини касә. Мэргэ элкэ јартанчи гурупңкини. Таду ичэхэни: ілэ паталәнсал тэсиwэчи, гучи Кәңа мапа тэсими јайwани. Эје тајала сүп эгэй панопсал сүгэйкту бичичи. Хэм най ахоразиани-ман'а ахороку.

Касә дэрүхэни: н'әнудини н'әнуди, соңгойни соңгой, оми гурусэл оми, хайwa-дә хэм каса гiанэјани тамари дэрүхэчи. Мэргэ ичэ-зини туй ілэ пујиндулэ эм пуэй тул-тул кумэл-кумэл дасчаку пулси, ниеwэчи бичй. Мэргэ, мэнэ хон'акәмби ачорә, дамана бүхәм-бэни, пујинчи киткэлэхэни. Киткэлйдуји хон'акәнчији уңкини: „Гэ, аја, мимбиwэ бодои осини, бэлэчиру. Хон'акәнзијава зүэчинду пуэй мурунэјени".

Туй уми, мэргэн хон'акәмби чйпдахани. Хон'акәни пуэй дасчани пәгийэчйни кәргинңкини. Элэни пәгийэчйни йхэни. Туй таочияни, пуэй дасчаји ачохани. Мэргэмбэ ичэми, инэмуэл энэхэни. Мэргэ чү маң-гази ајапохани эй пујимбэ. Хамаси кэчэриңгүхэни. Хамјалани ілэ мэргәнсэл аркиwa омимари сојичи. Чаду тэсихэни Сахалто мэргэ, Мохә мэргэ, Сэлту мэргэ. Н'бачи эиду туй инэктэмэри дэ-рүхэчи эй мэргәнзи. Бунэиз мэргэ хэмэ досаахани. Н'дәмбани туй эрдэлэмэри хісангориwачи. „Эй-кэ уй сари хамәча элчинис, хамача суркунис, чаракондоли найwa гiохами пулсини, эктәнилэ-кэ, эбәриэ-си, туй бйли асйниwa ајопойни. Тајачиз масіни осини, іліндам-дә аја, хурэнду бәлзи хурэ нэктәwэни wанимда аја эй касачи".

Туй умбучичи, бунэиз мэргән-тәни, лоп іліми, ты ілэ-мэрг-гэмбэ жапами, найрачими дэрүхэни. „Гэ, гисуренсу мэнэ мапаңго-wари јеруwэни, хурәңгуwэни! Хәгујәwэ бүрусу! Ірагдәси осини эй-ду-тул маңга бәзәсу". Туй уми, мэргэ боачи ниехэни. Низрйни, хамјала-ни ты ілэ пујинсэл дачимари ниехэчи. „Анда мэргэ, хамача гбо гуру-сэл хәсәwэчи дахалиндбси, бай мәпи най wайчайwани тәзәиси?"

Мэргән-тәни хайwa-дә эчиз ундэ, пулсији-рәгдэ, тбрији-раг-да сәхани. Тбридуји хәwэ элчилэ жапарә, тбхани. Тбми энэми эм гогда хурэмбэ ісіхани. Ты хурэ пәгийэлэни тәзә-дэ бичини най

гiрмахсани, нуктәсэлни горопчи-дә бичй, сикүн-дэ бичй. Н'дани тй хурэмбэ ујси тблохани. Тбми ичэхэни, тәзә-дэ хурәнчи эм дәји јеру бичини. Чилу-чилу покто ман'а бичй. Мэргэ улэни іліхани сiси мб бәрәни јеру дәдоани, тотарә, нэктәңгуји зјаласими дәрү-хэни. „Гэ, анда эхэ, ниезу бачигдари, wачагдари. Купилэндәгуэри, унэчигүэри мэнэ кусумбэри".

Тй ундбни зүл'элэни нэктэ соргими ајакталахани бичй. Эи-wэ умбүчэни мэргәнчи купилэндәми ниехэни. Низрини, мэргән-тәни сјандоани жапами, нэктэ отолитоми-дә абазјани, нангалахани сiси мб сүэмбэни дабал-дә. Таваңки ингүрими пәиси тутүхэни. Мэргэ таваңки мәпи гдасоңголохани сiсиwa дабал. Элкэ тутүми түхэни нэктәңгуи ојачиана. Нэктэ ујү бичини. Тотами-дә маңгала-хани. Кусуни мэргәндуи эбәри очини. Мэргэ, нэктәwэ бокіра, зү-гуми дэрүхэни. Эугүрэ, сәлэмэ санду уихэни. Тотарә, ты ілэ мәр-гәмбэ кутучими нэктәчи гәзохани. „Гэ, ичәусу, мэнэ амбангowaри, зјабохамбәри мимбиwэ".

Нэктэ бим-дэ нэктәдуи-дэ дәји бичй. Зіліни эмутү эникэ бәјэни-мэт бичй. Бәјэни сопәндуи, н'аңга нүчи бичй. Боикони сахарй, ілан-зи зоричаку мэргэ уңкини тй ілэ мэрәнчи: „Гэ, пәргәусу, сјанта-ларсу, уи-дэ борты wарйном-дә. Эси сүэ сјантоламарй wараси осини, ми сумбиwэ эиду-тул нэктәзи гәсэ wәзәмби. Ілэ мэргән-сэл тә патаримари соңгомари чјндагориwани гәлэлүхэчи. Мэргэ ты гурунәсэлбэ туй тыидучи, гузйэсими чјндарохани, нэктәwэ чаду-тул моңгомбани морими wахани. Чаду бичй эй нэктәзи камә чү улэ касә. Элчйусэл-дэ элгәлүхэ, кәкәсэл-дэ сiнорйзи кәчиңкичи. Хә-мтузйэри наусал мэргэмбэ бодохачи чү улэ жаңгојзи. Агданаса озоқты талохачи. Ты пујинсэл іланэјари хэм мэргәнду мэнэ хон' акәмбәри бүхэчи.

Эин'әwэ збкчйари энуйчи. Чү нучйимэ пуэй бүридуји уңкини: „Гэ, анда мэргэ, сумбәwэ-дэ буэ хэм сарапу. Зогдоаси най камә маңгава ббхә. Амбар асiси энуси. Элэ буди. Будидуји симбиwэ гәлэгүхэни ичәугул. Си энидуји бунчи хәйкухэри".

Таваңки мэргэ, н'аңга бипә, боачи энупсиңкини. Туй энуми го-ро энүхэ, зјаа энүхэ, энум-тул эм иргәмбэ ісіхани. Ісiрә, иргэ хәндолани тбхани. Тбми ичэхэни, эм элчи мөва чапчими бйwэни.

„Дблэјачи, элчи, мэдәсинду мэргәнгучи: аонгам ајанумда". Эл-чи н'аңга бипә, ниегүхэни. „Анда мэргэ, симбиwэ эзэ пуэй гәли". Мэргэ йхэни. Тотарә, ичэхэни: дәкзiма пуэй бичини ты іла пујин-дулэ. Ты пуэй јархичими дэрүхэни. Јархичипи, мэдәwэ гисурэми дэрүхэни: „Амбар асiwаси элэ най wәри. Маңгаңgowани хэм байгоани жапахә".

Эи-ду аопи, мэргэ збкчи энупсиңкини. Туй энуми, энуми хаси эм иргәндулэ ісіхани. Иргэ хәндолани тбми дэрүхэни. Торидоји, эм элчи мүәпйwэни бәхани. Элчи, мэдәсинду эзәгучији: „Сунду аонгами аја-ну".

Элчи н'аңга бипә ниегүхэни. „Анда мэргэ, симбиwэ эзэ пуэй гәли".

Мэргэ йхэни. Такогохани долй пујимбэ. Пуэй јархичими дәрү-хэни. Јархичини, уңкини: „Анда мэргэ, асiwаси ном боачи элэ кә-рәнчи ірй. Кусү анә холгоми дэрүхэни".

Зіа чіман'а мэргэ сусугухэни. Энуми, энуми эм йргэндула ісіхэни. Иргэ хандолани тѳхэни. Тѳми ичэхэни: эм кэкэчэ сѳгбо-
wa уксундѳwэни. Тотарā, мэдэсихэни: „Гэ, кэкэчэ, мэдэсину эзэн-
гучији, сунду аонгами ајаноам-да”.

Бэктэ бипэ кэкэчэ нигугухэни. „Эзэ пузй симбиэwэ гэлн”.

Мэргэ йхэни. Ипи, такохэни, чү појанго пузимбэ, ты іла пузиусэл-
дула. Такохэни мэнэ хон'акамби. Пузй мэргэмбэ јархичими дэрүхэни, чү
улэнгуји сјаwочими. Сиксэ эринду апсиңгопи, мэргэ гойдами эчиг
арани. Пузин-тэни балана оңасахэни.

Мэргэ холбо энйичидуэни, олокіана пузй морапсиңкини: „Хэи
си-си-си!” Мэргэ чукту сэнэми олопкән-да, мэдэсихэни: „Хон'
тайси, анда пузй?” – „Хонн-да тами-да абаји. Бай дурмизэхэмби.
Чімана сиксэ долбон'долиндо намојала би Гусимэ самā Амбар
эктэwэ тэлгэчиндэми, wандагоми хэригүи”.

Зіа чіман'а чіми эрдэ мэргэ, тэгурэ, сусугухэни. Түй энуми
сйксэ мэнэ боји ісігохэни. Ісігорā, мэргэ кэрэнчи тѳхэни. Элкэ
кэрэнчи тѳрā, јарсихэни хawуи-да хэwур сикүмбэни. Чѳңкозіа кал-
тајала эм сикү хэwур бичини. Мэргэ тѳи хэwур ојалани элкэ тэ-
хэни. Түй тэсими дѳлзэхэни. Амбар асији пѳбуми хісангојwани:
„Гэ, хайду бйси мй узихэмби эзији? Ичэндэгум-дэ аја мй будыјэ-
wэ, холгруwа. Сайна тѳи боңгозіа пузй сэлэмэ wэчэнкү wахэни
биээрэ, эй наонзѳкāmба”. Мэргэн-тэни хэмэ эйwэ досіахэни,
хайwа-да эчиг ундэни.

Түй тэсими мэргэ дѳлзэхэни: хаяазіа-ну хаяазіа-ну хоргис,
ингурис талохэни. Хонн-да дѳлзэни-да хасар, хасардола хоргй-мат
дѳлзэипты. Мурчихэни: гасадой гой биэси. Тул-тул сјасй зіа-зіа
оми дэрүхэни. Мэргэ ичэхэни: гаса чѳңко ујэwэни хэријкэчиwэни.
Чѳңко бисэрэчэни тайбодорани гаса дѳхэни. Доридоји гаса хэи си-
си-си талохэни. Түй скупкиэчидүэни мэргэ дѳни наргила-гда энэлү-
хэни. Сиупкиэчипи, гаса јаралихэни: мй хали-да эуси дѳгохандоја-
wа эси-кэ бэјэји харси-ну очини. Сайна эиду хамача-да калкини
биээрэ. Түй умпи, гаса эуси, тѳси монгонзи нѳңол-нѳңол талоха-
ни. Хасарби дѳптэли-мэт талохэни. Түй тѳрчидани, гаса килу-килу
сэлэзй-мэнэ гойлиңгохэни. Чокони багба-мат, чаwактани эмуту
киутэл-мэт бичини. Тэң мјawани пэгиэлэни-рэгдэ эрсиңкү саңгар-
бани ичүри бичини. Ты умбучиэни, мэргэ корізіази лэкэwэ хэсигу-
хэни. „Гэ, лэкэ, мй сјарасимби, таңго лэкэлэ үйwэ-дэ тѳамбориwа”.
Амā аңгохэни, каромазигѳји лэкэгуји. Ты лэкэ амā хэсэлэни пул-
сй бичй, Ты тоңдони, парсѳни. Хѳни сāми мй татāmби симбиэwэ,
агбинду нэку нјалачидани. Байгда түй ундѳни, лэкэ коріла агбиңкини.
Лэкэ бичини сэјэкэкэ, горѳпчи.

Хайтул гилзјрку, мэргэ лэкэwэ јапарā, бурији тѳаңгохэни,
сјамби дабал. Чіндагорј уңкини: „Гэ, лэкэ, мй хісангом-да отѳлид-
симба. Сй поктогѳси ичѳру. Токонду бй гаса эрсиңкулэни тѳwаң-
ки йпи, оңболани хоѳами агбиңгоро. Мадагѳру wāми хоңсѳ wа-
милазјдани, хојгѳру эјэ, таја ачагојзідани, эм боладу тѳирѳнгоро!”

Түй уми, мэргэ лэкэји тѳсс чіндахэни, Лэкэ-тэни эмуту нѳани
уңкини-мэт энэхэни. Гаса пэиси эмуту хабдатакā-мат тугухэни.
Тугучиэни, мэргэ дāчими буризији тѳйками энэхэни. Түй энэм'е,

эм саңгардола йми, харчоок энэхэни. Түй тапэ мэргэ сјагохэни маң-
бо соди энилэјэ. Түй энэми, ичэхэни хурэ чіазіазідани эм най
нѳамбали ачапчи зидѳиwэни, амчани маңбоwа јап кэлэrimi зидѳи-
wэни. Хон-да хѳлин-да ачāси. Эй най бичини, самā гаса этүмэи-
ни. Эмундwэ-дэ энэwэндэси мэнэ самаңгочији. Мэргэ гјодоми
эчиг мурчидани. Лэкэји јапарā, бурији тѳаңгохэни. Тотарā, уңкини:
„Гэ, лэкэ, ичѳру, най бумбэwэ этүриwэни. Букэ боктоwа бакапу”.
Бахасини, чаwа хојчѳиори, хамсаңгојчѳори. Сй, энэ гјаматаду
олбіңкини лэкэ осини, мимбиwэ-дэ олбіңзачи мэнэји гэсэ”.

Түй уми, мэргэ лэкэлэхэни үйси. Лэкэлэми, лэкэ дүэдүэни ја-
пахэни. Таwаңки үйси лэкэзи гэсэ дэгдэлүхэни. Түй энэмэри эм
јѳwа бахачи. Чімй эрдэ ты зѳгэзіази эмү алтамаду парпй сѳксэwэ
эм мамāчā масалкини. Масалпи, мэргэмбэ мэдэсихэни: харси
сй энэйси? Харси энэзэмби, јѳбонгѳи, битүи, бālзигүи, боагѳи, на-
кангѳи гэлэктэмбе. Эйду аонгѳани, нѳани сусухэни. Таwаңки энэми
хаси эм јѳwа бахэни. Ты зѳгэзіази-да хаси тадоји пэкэлэ бй
сѳксэwэ эм мамāчакā масалкини. Таду-да нѳани аонгѳахэни. Эй
мамāчакā нѳанчидани хэм гисурэхэни хамачāни сѳксэwэни этхихэм-
би. Эјэзиди кэтэ горо биэси. Сāсѳ иргэни. Эйду ты иргѳнду
Сāсѳ самā пујэwэ бахэни: зизухэнзйэни кэтэ гјодаси. Иргэмбэ
най хэм кэндэли хорзйңкичи.

Нѳани бэсэрэду сѳурэмэ јампанду ари, мэнэ паталаңгозији гѳ-
сэ. Хон'-хон' мохохачи ты иргѳнзкэн мохангѳочи хѳјигѳчамāри, эй
лэкэwэ тѳаңгојчамāри-да мохохачи. Элэ буды эй Сāсѳо мапа. Та-
wаңки мэргэ сусухэни.

Мэргэ энэми эм этүри элчиwэ бахэни. Ты элчйи нѳани ахѳрāи
јүзэхихэни. Зіаwа-да ты туриндулэни эгзйwэ бүхэни. Элчи чіхала-
хэни. Мэргэ чаду түй этүми дэрүхэни. Түй этуридуэни, нѳамбани
каландѳгѳи гурунсэл зичини. Мэргэ таwаңки тѳхэни хотѳ ханчидани.
Чаду нѳани уңкини, гјі токондоани: „Гэ, хэмту гурунсэл, сүэ, мо-
хансал, мэргэнсэл, мохохасу хѳни-да ачѳгѳриwа эй Сāсѳо мападу
бй лэкэwэ. Мй чаwа эс-тул ачѳгѳамби, окточигѳамби”. Байгда
түй ундѳни, мэргэмбэ тѳрси элгэмэри дэрүхэчи. Чаду мэргэ уңки-
ни: „Јампāнчи үй-дэ эзи йрѳсу. Мй эмчэкэ бијэмбе, тајамбе. Най-
сал хэм хангиси энухэчи бичин. Мэргэ јампāнчи йрѳ, ичэхэни -
тэзэ-дэ бичини. Эй лэкэ нѳани хэсэлэни тѳироңкини, wами бегзй
wāлāчидани харлогоми. Мэргэ лэкэји дүэлэни элкэ-элкэ киткэчими
дэрүхэни. Түй киткэчидүэни, лэкэ мэнэ чѳптагохэни. Чѳптагѳчи-
ни, мэргэ уңкини: „Гэ, эси сй мй нјалодоја-тол бузэчи. Лэкэји мй
синзи чипчаңгјасимби”. Түй уми, мэргэ мапа соңгодоани јапāми,
богчи ірчихэни. Тотарā, сэлэмэ сāнчи допсикāчими wахэни. Та-
wаңки нѳани йргэмбэ далигоми энупсиңкини. Түй энуми, йргэмбэ
далигоми, нѳани дэрэзихэни мэнэ байтаду. Иргэни јүлэси энухэ.

Эм модā сиксэ мэргэ тэсими, таwаwа іwачіми, дамхилахэни.

Тотарā, хэји кэчирѳңкини. Ичэхэни, хэзйзй эм пата мугдэ
нѳоңгидзй таwануки нѳани бѳрѳани зйзини. Элкэ нѳани бадолани
киңгурими нāчи хāхэни. Хāwаочидани, эктэни-ну, эктэнмэт, ачидан-
долани кінзѳр сјасинтолохэни. Нѳанчидани эйкэ дүэрэми тѳхэни.
Нѳани сјагохэни: эй нѳани асини Амбар эктэ. Эйду зіа-зіаwāри
оѳоктапсиңкичи. Асини уңкини: „Гэ, энум аја минзй гэсэ”.

Тавацки патадү бгомари н'оачи энүлүхэчи маңбоа хэжи. Ёсигохачи мэнэ брәвәри, бйвәри боасалба. Мәргэ ёсигомй, әуси-тарси суи тутуми дәрүхәни. Нүчији гираңкини, нүчи ёб, дәјији гираңкини дәји ёб. Далігохани иргәнсәл йхәчи соңзомари мэнэ, мэнэ ёбгәри.

Эм модә мәргэ асичији ундьини: „Йчәру, мй-дә бай на калтә-лани агбиңкин-дә биәсимби. Мй-дә боакоји, саңнаңкоји. Әнимби, амимби саңна́мбани јарсиндагәмби. „Гә, аја. Энү әнимби, амимби ичәндәгуми, гәнигуру гәсә бигуји, бәлзигуји“, – туи уңкини пуэй. Мәргэ таваңкә ёбкчи сусүхәни. Маңбоа хэји әнуми, мэнэ боачији зйзүхәни. Ёсигора, ёбкчији йгүхәни. Ёбгдү ичәхәни әнини, амини аомари, соримари јадарә, топичимари сорйчи. Катарачимари, кимбо-кимбо, нуктә аңа очичи, катарагой-дә бәраси очини. Уй-дә оркимбани сәрасил. Әмзймә ундьини: „Сй оркиси, пиктәји энә-вәңкиси“. Әмзймә ундьини: „Сй-дә оркиси, мәргэ йгурә, мэдәсйхәни: „Хәйвә гәлэмәри сүә сагдаңгорә, сорйсу?“ Чаду н'оани амини ундьини: „Бүә пиктәпу бичин осини-кә синичиә-кә омчама. Синдуй улән-кә одәс-дә аја бичин, ујун брини. Хамачә чукиндүләри сагәи нйји инәктәндәми зичими?“ Туй умбучиәни, мәргэ уңкини: „Амә, әнә, хаймари сүә сәрасису мэнә пиктәвәри?“ Туй ундьини, мапачә пиктәчији на́мандами хукчүхәни. Мәргэ амимби бәгәйдүәни за-тами, пәвава лукту на́нгалахани, тьи хамилани әнимби-дә на́нга-лахани. Мапа, мама боакиала бай кичотак йлгохачи. Мэнә на́нзә-ндупи-тул очогохачи. Чаду-мәт чү уләнзи тәпкәлигүхәчи мэнә пул-сйхәмбәри, бичимбәри гәлуңгүчи нймңанчи на́й нирутүхәни. Мәргэ амимби, әнимби гәзоми мәнчији зүзүхәни. Әси асийји, әнинзији, аминзији бәлзймари дәрүхәчи. Гасә гарпә, бәјумбә бәјунты, чоң-доани чокчоли, тактон-таңго, ёбкән ёрә, бајанзи, элгинзи бимәри дәрүхәчи.

Перевод

№ 25. Женщина Амбар

В одном месте жили-были старик со старухой. Был еще у них ребенок. Старик все время охотился, пока не постарел. Когда стал старым, дома стал сидеть. Все время болел. Однажды, когда ему полегчало, он сказал своему ребенку: „Дорогой мой, смотри: я очень постарел, и мать твоя тоже старая. А ты не очень уж маленький, сможешь нам помогать. Смотри, послушай, что я говорю. Раньше, когда я ходил в тайгу охотиться, расставил в тайге самострелы и ловушки, там они и остались. Теперь я болею и никто к ним не ходит их проверять. Если ты можешь, пойдй их проверить. Когда пойдешь отсюда, поднимись вверх в тайгу, перевалишь девять гор, перейдешь семь болот, в конце болота нужно спуститься вниз к реке по прогалине. Там и находятся вещи, с которыми я охотился“.

Мальчик все это хорошенько запомнил. Мать приготовила сыну на дорогу продукты. Мальчик, повесив за спину котомку, стал от

дома подниматься в тайгу. Так поднимаясь, долго ли шел, близко ли шел, девять гор перевалил, семь болот перешел и нашел прогалину. Нашел вещи своего отца, взвалил их на спину и стал возвращаться обратно. Переходя через семь болот, он заблудился, потерял место, где надо домой спускаться. Так, плача и крича, стал ходить по тайге. Хоть и плачет, никто его не слышит. Мальчик побросал все свои самострелы и спустился к болоту. В середине этого болота стояли три березы. Мерген решил пойти к тем березам, чтобы отдохнуть. Когда уже подходил к тем березам, от средней березы половина (ствола) отломилась. Из той развилины вышла пуды, какая-то очень стройная женщина. Вышла и у мергена спросила: „Откуда, друг мерген, идешь? Из-за какой беды ты к нам забрел?“

„Сестрица пуды, мы, маленькие люди, плача, будем ходить! Когда мне стало очень трудно, я сюда и зашел. Помоги, осчастливь, направь мой путь“.

Когда он так сказал, пуды взяла мергена за руку и в свой березовый дом ввела. Мерген вошел и увидел, что в доме никого нет. Только посреди дома один гранитный дюлен с глазами из бу-син сидит.

Тот дюлен пристально исподлобья смотрел на мергена. Около дюлена много разрых сәвәнов и сайканов сидело. Все до единого своими злыми глазами с удивлением на него (мергена) глядели. При этом тут же этот дюлен стал браниться: „Ты что это за ребенка сюда привела? Чьего это врага привела кормить и воспитывать?“

Дюлен стал этого мальчика расспрашивать и по-хорошему, и по-плохому, откуда он пришел. Мальчик, испугавшись, ничего не рассказал. Тогда дюлен рассердился и закричал громким голосом, так что задрожал березовый дом и слюна стала брызгать, как будто дождь пошел. Посердившись, дюлен сказал: „Засуньте его в мой угольный мешок, крепко-накрепко завяжите и отнесите к женщине Амбар“.

Как только он так сказал, сайканы и сәвәны схватили мергена, закидали, потащили и куда-то притащили.

Притащив, открыли одну дверь и там вытолкнули мальчика из мешка. Мальчик упал в дверях. Упал, поднялся, протер глаза, посмотрел. Дом-то дом, но очень большой был. Нары его мало до самого кана были. На них, растянувшись от стены до стены, спала одна женщина, груди у нее как иголки были. Поспав, женщина встала, увидела мальчика и сказала: „Я тебя годами ждала. Ну, садись, не бойся. Табак куришь?“ Трубку дала и зажгла. Мерген здесь у нее стал жить.

Вечером женщина Амбар сварила что-то поесть. Что-то на себе поскребла, подержала и в котел бросила. Сварив, угостила мергена. Котелок у нее маленький был. Только на одну ложку каши. Мерген что-нибудь сказать постеснялся. Тут же женщина Амбар поняла: „Ты, братец, не думай, что это мало, взгляни в котелок“. Мерген посмотрел в котелок, который опустошил: котелок его

опять полным стал. Так ел, ел и наелся досыта, его котелок все время снова и снова наполнялся.

Вечером они легли спать. Мерген отдельно, Амбар отдельно. Вечером мергену стало страшно. Он не привык отдельно спать. Мерген подумал: нужно бы вместе спать с Амбар. Он встал, пошел, задел берестяное ведро. Тут Амбар проснулась. Потом спросила: „Эй, мерген, ты куда? Если хочешь попить воды, на кане есть вода. Если хочешь выйти на улицу, прямо тут мочись“. Мерген сказал: „Я никуда не собираюсь идти. Я думаю с тобой спать“. Друг мерген, как же ты хочешь со мной спать? Посмотри на мою грудь, ведь она будто спина ежа“. Мерген ответил: „Если захочешь вместе спать, то тот, кто захочет, этого не испугается“. Вплотную подошел к ней, лег и пощупал рукой. И правда, так: вся грудь все равно что еж. Мерген плюнул на руку и намазал слюной всю грудь женщины. Она стала как грудь обычного человека. После этого стали спать вместе.

Так жили, жили вместе, а мерген не видит, что эта женщина ест.

Одним утром рано с улицы послышался чей-то голос и скрип нарт. С улицы кричали люди: „Ну, быстрее пойдем, женщина Амбар!“ Тогда Амбар сказала: „Ладно, поезжайте. Я своего ребенка обслужу и тогда отправимся“.

Так собравшись, мальчик с женщиной отправились в путь. Так идут, далеко ли, близко ли шли, пришли в одно место. Придя, собрались готовить себе ночлег. В это время откуда-то лось спустился. Амбар, увидев лося, тут же напала и убила его. Из половины того лося сделала подстилку, из половины шкуры сделала навес от ветра. Лучшее внутреннее мясо на вертеле нажарила и накормила воспитываемого ею ребенка. Всю эту ночь Амбар не спала, а охраняла мальчика. Утром встали и опять отправились в путь. Мальчику надоело ехать, все время сидя на нарте. Он сказал: „Старшая сестра, я буду тебе помогать, толкая нарту сзади“. Амбар не согласилась. А мальчик, хоть она и не согласилась, самовольно прыгнул с нарт. Амбар сказала: „Далеко в сторону от меня не ходи! Здесь такие места, где много всяких знахарей, шаманов и чертей живет“. Мальчик это впервые слышал. Потом он это забыл.

Все время шел впереди старшей сестры и ушел от нее далеко вперед. Когда так отошел от нее, сразу потерял сознание. Потом он очнулся: где-то он находится. Очнувшись, сидя на одном камне. А с той стороны, шума, как речной поток, вода течет. Идти туда нельзя. Вода течет очень быстро. Потом вверх посмотрел. Вверху, на горе, на берегу один домик стоит. Из того дома спускается старик с бородой до пупа. Рот свой открыл и к нему идет, нижняя челюсть землю загребает. С той стороны, откуда он идет, вода исчезает.

Мальчик не испугался. Вырвал с земли камень и прямо ему в глотку бросил. Подавившись камнем, старик умер. Когда старик умер, вода, бывшая там, вся исчезла. Потом и старика там не стало.

Мерген стал подниматься в тот дом. Войдя в дом, увидел: на нарах сидит одна пуди и делает орнамент. Когда мерген вошел, стала принимать его как доброго гостя. „Откуда идешь, друг мерген? Не видал ли ты мою старшую сестру?“ Мерген ничего ей не сказал.

Кончив угощать, пуди вышла на улицу. Сидя в доме, мерген услышал: где-то звенит. Звук стал приближаться. Какой-то звук слышится ровно, будто крик человека. Все ближе и ближе становится. Как ни слушает, как будто его, разыскивая, зовет. Как ни слушает, как будто слышится голос его женщины Амбар. Как ни слушает, а кажется мергену, что это голос женщины Амбар с того света из-под земли слышится. Мерген, приложившись к полу, громким голосом закричал: „Сестра, я здесь! Здесь сижу!“

Когда он так кричал, пол треснул и из-под пола появилась Амбар. Появившись, увидела мергена и заключила его в свои объятия. „Почему ты людских слов не слушаешься? Здесь много всяких хозяев мест, чертей и шаманов. Ты идешь по местам чертей и сэвэнов. Осторожно поступай. Я тебя теперь вести не могу“. Сказала так Амбар и вышла. Выходя, в дверях с пуди повстречалась. Тут начали они между собой ругаться. Мерген только и услышал, как те женщины говорили: „Если ты не повезешь этого мальчика, плохо тебе будет. Кровью будешь плевать. Глаза вытарашить“.

Когда Амбар так сказала, та пуди вошла. Кишки свои держит в охапку. Мерген увидел это и хотел ей помочь. Пуди сказала: „Какой толк в твоей помощи! Я сама вылечусь. Без вины виноватой стала, и не заболела, а болезнь получила. Завтра тебя повезу. Но кто знает, хватит у меня сил или нет. Через мою рану все силы растекутся“. Проговорив это, пуди вышла на улицу. Потом с улицы один подол камней внесла и еще одну железную суку. Железную суку к листовенному столбу привязала. Камни перед сукой высыпала. „Друг мой, сука Боктор, помоги! Заказ сестры выполни, каменную легкую обувь сделай!“ Когда она так сказала, сука с хрустом стала есть камни.

Рано утром на следующий день мерген встал. Около него была каменная вся в узорах обувь. Пуди, покормив мергена, сказала: „Ну, друг мерген, попробуй, надень сделанную нами обувь. Но кто знает — хватит или нет на дорогу, в которую ты уходишь. Путь, по которому ты пойдешь отсюда, очень тяжелый. Будешь переваливать через горы с пиками как нож, как пешня, как пила. Все с пиками такими частыми, как ширина у зубьев пилы. Ничего, обувь, которую сделала моя сука, хватит. Со страху ты смотри, не свалишься. Там, когда ты будешь идти, с одной и с другой стороны гор много будет подкарауливающих тебя чертей и шаманов. Разинув свои рты, будут дожидаться, что ты свалишься и упадешь“. После этого разговора мерген взял каменную обувь за спину и стал на свой путь. Так шел, шел, поднялся на одну гору. Шел по той горе, и действительно, дошел до горы, через которую нужно переваливать, с пиками как ширина зубьев пилы. Здесь мерген надел обувь и по тем остриям, так что каменная обувь прокалывается, бегом

перешел. Когда он перевалил на другую сторону горы, то с того и другого ее края, разинув рты, разными способами колдуют хозяева места и черти. Мерген побежал по острям. Когда достиг края, обувь его продырявилась. Бросил свою обувь и босиком зашагал. Так, шагая по лесу, увидел, что какой-то человек собирает дрова. Пошел в ту сторону. Там один слуга на трое саней собирает дрова. Мерген спросил у слуги: „Эй, друг слуга, ты зачем собираешь так много дров?“ – „Друг мерген, что же мы, из любви, что ли, по дрова ездим, так, ни с того, ни с сего? Завтра в нашем селенье старик Кана поминки будет справлять. Туда и везу дрова“.

Когда он так сказал, мерген вместе со слугою стал собирать дрова. Оттуда вместе спустились в селение. И правда, были поминки. Мерген потихоньку заглянул в яотан. Увидел: там сидят три девушки и старик Кана сидит и поет как шаман. И с той, и с другой стороны по краям много паню стоят с угощениями. Все в человеческих одеждах.

Поминки начались. Кто веселится, кто плачет, кто пьет. Все начали делать по правилам поминок. Мерген видит, что одна из трех пуди, все время окутанная покрывалом, входит и выходит. Мерген, сняв свой перстень, тот, который дали деда, шелкнул по направлению к пуди. Когда шелкал, сказал своему перстню: „Ну, если меня признаешь, помогай. Мой перстень пусть обменяется на мысль пуди“.

Говоря так, отпустил свой перстень. Его перстень покатился под покрывало пуди. Закатился под подол. Когда перстень закатился, пуди сняла свое покрывало. Увидев мергена, улыбнулась. Мергену очень понравилась эта пуди. Обернулся назад. Сзади него три мергена пьют вино и между собой поносят его, не считая его за человека. Там сидели Сахалто мерген, Моха мерген и Сэлту мерген. Они в глаза стали смеяться над нашим мергеном. Наш мерген молча слушал, как про него по-разному говорят: „Кто знает, чей это слуга, чей сурку, который босиком ходит нищенствовать, просить у людей, пристаёт к женщинам. Будучи таким, еще влюбляется в женщин. Если ты такой сильный человек, пойд и принеси на эти поминки горных кабанов, живущих на горе“.

После того как они так сказали, наш мерген моментально подскочил, схватил трех мергенов и стал их бросать. „Ну, расскажите про берлогу и гору своего страшилища! Дайте мне кожаную веревку! Если не принесете кабана, плохо вам будет“. Затем наш мерген вышел на улицу. Выходит, а за ним следом три красавицы-пуди вышли. „Друг мерген, зачем ты принимаешь (к сердцу) слова такого рода беспутных людей, принимаешь за правду то, чем тебя просто хотят убить?“

Мерген ничего не сказал, знал только, что ему надо подниматься вверх, в гору. Поднимаясь, взял у слуги ремень. Шел, поднимаясь, дошел до высокой горы. Под той горой, и правда, были кости людей и волосы, были и старые, были и новые. Он по той горе стал подниматься вверх. Поднимаясь, увидел: действительно,

внутри горы идет большая нора. Вся тропа к ней утоптана была. Мерген хорошенько стал вплотную к лиственничному стволу (для упора, чтобы кабан не столкнул его под гору) у отверстия норы. Потом начал поносить кабана: „Ну, друг кабаниха, выйди, чтобы встретиться, чтобы побороться, чтобы поиграть, чтобы сравнить свои силы“.

Раньше, чем успел это сказать, кабаниха рассердилась и зафыркала. Когда же кончил говорить, кабаниха успокоилась и потихоньку вышла к мергену играть. Выходит, а мерген тут же схватил ее за уши и так, чтобы кабаниха не поняла, бросил ее через вершину лиственницы. Оттуда она с грохотом упала под гору. После этого мерген прыгнул через лиственницу, ухватившись за ее вершину. Тихонько спускается к кабанихе. Кабаниха была жива, но ей было плохо. Силы ее стали слабее, чем у мергена. Мерген связал кабаниху и стал спускать. Спустил с горы и к железным вешалам привязал. Потом волоком трех мергенов подтащил к кабанихе. „Ну, смотрите же на своего черта! Как вы меня унижали!“

Хоть это была и кабаниха, но больше обычной, голова у нее была как туша кабана, а туловище немного меньше слона. Черного цвета с тремя полосами. Мерген сказал тем трем мергенам: „Ну, попробуйте ударить кулаком – убьет ли кто-нибудь из вас ее наповал. Если вы ударом кулака ее не убьете, я вас тут же вместе с кабанихой убью“.

Три мергена так задрожали, плача, стали просить, чтобы он их отпустил. Мерген тех людей, когда они так попросили, пожалел и отпустил. Кабаниху тут же, свернув ей шею, убил. Там благодаря этому кабану справили очень хорошие поминки. Даже слуги стали водить друг друга, а служанки от тошноты замуривались, так наелись. Все люди признали мергена самым хорошим начальником. Стали радоваться и целоваться. Те три красавицы-пуди все отдали мергену свои перстни.

Сегодня они уезжают домой. Самая младшая пуди, давая перстень, сказала: „Ну, друг мерген, о вас мы всё знаем. В доме у тебя большая беда случилась. Твоя жена Амбар больна. Скоро умрет. Умирая, ищет тебя, чтобы посмотреть перед смертью. Ты, когда будешь мимо ехать, заезжай к нам“.

Через короткое время после этого разговора мерген вышел на улицу и пошел. Далеко ли шел, близко ли шел, по пути до одного селения дошел. Дойдя, на кан поднялся. Поднялся и увидел: один слуга рубит дрова.

„Ты слышишь, слуга, пойд и спроси у своего мергена, можно ли у него переночевать“. Слуга ушел и немного погодя вышел. „Друг мерген, хозяйка-пуди тебя просит“. Мерген вошел и увидел: это была старшая из тех трех красавиц-пуди. Эта пуди начала ему оказывать гостеприимство. Угостила и начала рассказывать новости: „Твою жену Амбар скоро один человек убьет. Всю ее силу взял этот враг“.

Переночевав здесь, мерген пошел домой. Так шел, шел, опять до одного селения дошел. Поднимается к хану того селения. Под-

нимаясь, встретил одного слугу, идущего за водой. „Слуга, пойди спроси своего хозяина, можно ли у вас переночевать“.

Слуга немного погодя вышел к нему и сказал: „Друг мерген, хозяйка-пуди тебя просит к себе“.

Мерген вошел и узнал среднюю пуди. Пуди начала его угощать. Уготив, сказала: „Друг мерген, тот человек твою жену уже на улицу в склеп тащит. Без сил она, совсем стали истощаться ее силы“.

На следующий день мерген снова отправился в путь. Шел, шел, дошел до одного селения. Поднялся к хану. Поднявшись, увидел, что одна служанка мнет рыбу кожу. Спросил: „Эй, служанка, пойди спроси у своего хозяина, можно ли у вас переночевать“.

Немного погодя служанка вышла из дома: „Хозяйка-пуди тебя к себе просит“.

Мерген вошел. Войдя, узнал самую младшую из тех трех красавиц-пуди. Узнал свой перстень. Пуди стала его угощать самыми лучшими яствами. Вечером легли спать. Мерген долго не мог заснуть. А пуди давно уже спит.

Когда же мерген задремал, пуди вдруг по-шамански закричала: „Хэи си-си-си!“ Мерген очнулся и вскочил от испуга. Спросил: „Что ты делаешь, друг пуди?“ — „Ничего не делаю. Просто кошмарный сон видела. Завтра вечером к полуночи живущий в морской стороне шаман Гуси прилетит убить и разделать как тушу, как животного женщину Амбар“.

Мерген встал рано утром и отправился в путь. Так шел и вечером пришел в свои места. Придя, мерген поднялся в склеп. Потихоньку поднявшись в склеп, рассмотрел, какой из гробов поновее. В стороне около двери, там, где отверстие над дверью, стоял новый гроб. Мерген тихонько сел на тот гроб. Сидя так, слышит, что его жена Амбар во сне говорит: „Ну, где же ты, воспитанный мною мой муж? Пришел бы посмотреть на мою смерть, на мое бессилие. Наверное, та первая пуди с железной сукой убила мальчика“. Мерген молча все это выслушал, ничего не сказал.

Так сидя, услышал откуда-то звук: ф-р-р-р — и потом загремело. Он слышал, как будто это от взмахов крыльев слышится звук: ф-р-р-р. Подумал: не иначе, как птица летит. Звук все время приближается. Мерген видит, что птица стала кружить, над дымовым отверстием парит. Птица села на верхнюю балку крыши у дымового отверстия. Садясь, „хэи си-си-си“ стала кричать. Когда она произнесла эти шаманские звуки, у мергена по телу судорога прошла. После этого птица заговорила: „Хоть я сюда и летала много раз, а здесь кто-то подкарауливает меня“. Сказав это, птица начала втягивать и вытягивать шею, крылья стала расправлять. Когда она это сделала, то превратилась в гладкую, сплошь железную птицу. Клюв у нее стал как пешня, когти как рыболовные крючки. Только под сердцем видно было дыхательное отверстие. Когда произошло это превращение, мерген позвал из колчана стрелу: „Эй, стрела, я не знаю которую вытянуть из ста своих стрел. Отец мой сделал одну стрелу себе для поединка за

красавицу карамадя (мастерицу). Эта стрела ходила по приказанию отца. Она правильная, меткая. Как я узнаю, чтобы тебя вытащить, появись сама в руке младшего брата!“

Как только он так сказал, появилась из колчана стрела. Стрела была тонкая, длинная, старая, как-то очень аккуратно сделанная. Мерген взял стрелу, натянул свой лук за ухо и перед тем как выпустить сказал: „Эй, стрела, я говорить не умею. Ты смотри на свой путь. В середине есть у птицы дыхательное отверстие. Войди через него и, пробравшись до заднего прохода, выйди наружу. Распухни толщиной в толстое бедро, согнись кольцом, в одном месте свернись“.

Сказал так мерген и пустил стрелу, зазвучала отпущенная тетива. А стрела точно, как он сказал, пошла. Птица вниз как лист дерева упала. Когда она упала, мерген вдогонку за своей стрелой пошел, ударяя своим луком. Так пошел, вошел в одно отверстие и потерял сознание. Потом мерген увидел, что он едет вверх по реке. Так едет и видит, что навстречу ему из-за горы идет один человек и ртом своим поперек реки загребает. Никак его обойти невозможно. Этот человек был страж птицы-шамана. Ни одного человека не подпускает он к своему шаману. Мерген, не долго думая, взял свою стрелу и лук натянул. При этом сказал: „Ну, стрела, смотри, как этот человек меня подкарауливает. Если уж совершили преступление, то нужно его довести до конца, нужно догнать этого человека. Если ты та стрела, которую моя мать привезла во время свадьбы, то понесешь меня с собою вместе“.

Проговорил это мерген и пустил стрелу вверх. Пуская стрелу, ухватился за ее конец и полетел вверх вместе со стрелой. Так летя, они встретили один дом. Рано утром одна старуха из этого дома выплеснула таз свежей крови. Выплеснув, у мергена спросила: „Куда ты идешь?“ — „Куда же я иду? Где работать, где жить место для себя, нары для себя разыскиваю“.

Здесь переночевал, а утром они вместе отправились в путь.

Уйдя оттуда, опять встретили один дом. И из того дома одна старуха горчее первой кровь выплеснула. И там он ночевал. Эта старушка рассказала о том человеке, за кровью которого она ухаживала. „Отсюда недалеко есть селение Сансон. Здесь, в этом селении, шаман Сансон получил ранение. После его возвращения прошло немного времени. Вокруг селения весь народ кольцом стоит. Он лежит в доме на столе, в шелковом пологе спит вместе со своей девицей. Моханы тех селений никак не могли разогнуть и вытащить ту стрелу, которой он ранен. Этот старик Сансон скоро умрет“.

Мерген пошел и встретил одного слугу, охраняющего селенье. С тем слугой он обменялся одеждой. В качестве платы дал ему много денег. Слуга согласился. Мерген стал охранять так же, как охранял слуга. Когда он нес охрану, пришли из того селенья люди сменить его. Тогда мерген поднялся к хану города. Там, на главной улице, он сказал: „Эй, вы люди, все вы, богатыри и мергены, не могли вытянуть находящуюся в этом старике Сансоне

стрелу. Я ее сейчас же вытащу и вылечу его". Как только он это сказал, мергена повели к старику. Там мерген сказал: "В полог пусть никто не входит. Я один буду там действовать."

Все люди вышли на улицу. Мерген один вошел в полог. Видит: правда, эта стрела его и по его приказу свернулась и распухла толщиной в ногу. Мерген стал свою стрелу по концу пощелкивать, стрела сама вышла. Когда стрела вышла, мерген сказал: "Ну, а теперь ты умрешь от моей руки. Стрелу я об тебя пачкать не стану". Затем взял этого старика за чуб и потащил на улицу, потом ударил его об железные вешалы и убил. Как убил старика, пошел перегонять людей его селения к себе. Ведя народ, в пути он задержался по своему делу, а его люди ушли вперед.

Однажды вечером мерген сидел, жег костер и курил. Вниз по реке взглянул. Видит: снизу к нему идет коряжина-плывун с зеленым огоньком. Потихоньку против него, подняв нос, к берегу пристала. Когда пристала, женщина что ли, как будто женщина вышла, подол ее зазвенел от подвесок. Потихоньку шагая, к нему поднялась. Он ее узнал: это его жена, женщина Амбар. Тут они начали друг друга целовать. Жена ему сказала: "Ну, пойдем вместе со мной".

Тут сели они на коряжину и поплыли вниз по реке. Приплыли в свои места, в места, где они жили. Мерген, прибыв, начал бегать туда и сюда. Маленький шаг делает – маленький дом появляется, большой шаг делает – большой дом. Приведенные им жители селения каждый себе дом выбрал и вошел в дома.

Однажды мерген говорит своей жене: "Смотри, я ведь тоже не просто из зеленой трещины вышел. Я тоже имею свою родину, свой очаг. Пойду проверить дым очага своих отца и матери." – "Ну, ладно, или посмотреть на своих мать и отца, чтобы привести их сюда и жить вместе". Так сказала пуди. Мерген отправился домой. Шел вниз по реке и возвратился в свои места. Дошел. Вошел в дом. Увидел: дома мать и отец лежат, устали ссориться и сражаться плевками. До того таскали друг друга за волосы, что остались с лысыми головами. Совсем без волос остались, даже таскать друг друга не за что. Кто из них виноват, не знают. Один из них говорит: "Ты виноват, что ребенка своего отпустил". А другой говорит: "И ты виновата!" Вошел мерген и спросил: "Что вам нужно, зачем вы, состарившись, ссоритесь?" Тогда его отец говорит: "Если бы наш сын был жив, он был бы не хуже тебя. Если бы он был не лучше тебя, и то ладно, лишь бы был живой. Какой ты бестолковый, что пришел над стариками смеяться!" Тут мерген сказал: "Отец, мать, как же вы не узнаете своего сына?" Когда он так сказал, отец и мать бросились его обнимать.

Мерген взял отца за ноги и в окно, разрывая его, выбросил. После этого и свою мать бросил. Старик и старуха на улице кувыркнулись через голову и сразу оказались на ногах. Тут они стали такими же, как были в своей молодости. Только тогда разобрались в своей жизни, своих странствиях, чтобы люди написали о них в своих сказках и преданиях.

Мерген взял отца и мать и возвратился к себе. Теперь стали жить с женой с матерью, с отцом. Мерген уток стреляет, за зверем охотится. Где яма, там и складывает, амбаров у него сотня, домиков – десяток, богато, зажиточно стал жить.

№ 26. Ыуэ мергэ балэихани

Ыуэ мергэ балэихани. Нуэни эм пуйи. Ты Ыуэ аңни пурэмбэ пулсийчи. Эмуни Ыогдо туй бини. Науни бимэ, бимэ эм модэ чимэ муэлэхни. Эм мергэ эичи. "Гэ, анда пуйи, бачигуапу". Такоаси-да – нгони уңкини: "Анда мергэ бачигуапу". – "Мй сй агдуаси эм дахова букэжи". Тотарэ, тойкаңкини. Пуэй сонгохани: "Мй хон' сәори суэ хайва-да бүхэн-дэ? Аганаэ зугучиэчи гусэрэгүри".

Аңни зугухэн-дэ, эчиге гусэрэни, дңбохани.

Туй бимэ, бимэ, гучи муэлэхэни. Хас ты мергэ эичини. Ты мергэ ундьини: "Ыуэ дахова агдоаси букэжи". Хас тойкаңкини.

Науни мурчини: ага зугучиэни гусэрэгүри. Хас оңбохани. Хадра доңгаха-ну, гучи муэлэгүхэни: хас ты мергэ эйзүхэни. "Ілэ дахова букэжи агдоаси". Чаду маңга тойкаңкини. Тотарэ, энүхэни. Энүидуји уңкини: "Мй симбиwэ нәингоэамби".

Сиксэ аңни зугухэни. Аганаэ, эм мергэ пулсийчи. Боңгуду эм дахова букэжем уңкини. Тыи хаміалани эйзүпи, Ыуэ дахова букэжим уңкини. Эиниwэ эйзүпи, ілан дахова букэжим ундьини. Мимбиwэ тул-тул тойкандьини. Энүйдуй уңкини симбеwэ нәингоэамбиам-да. Мй уңкимби мй хон' сәори сй хайва-да бүхэн-дэ. Аңни хэмэ бичини. Аңнани токохачи хаміалани ты мергэ нрамбани дяпарэ гәэоми энүхэни.

Аңнани сиксэ эокчиари зугухэчи, Ыогду ихэрэ-дэ аба. "Эй буэ нәупу гусэрэхэни тәэ. Эмукэ науни-кэ найва сингэрэкэчиумбуwэси. Хон' эм нәуји эрулуэмбури. Бумбиз-кэ най бизсиэм муричини-ну? Гэ, апаңго, чімана энэм аја!" Чімй тэмэри, эйичи. Энэмэ, эм браду ичэхэчи хай-ну пакаса бини. Науни ундьини: "Ага, мй гарпагита чава". Аңни ундьини: "Оркй бизэрэ, хайва-да саwаси". – "Ага, аја".

Науни лэкэчи унды: "Лэкэ, элкэ тойкохари, най осини". Тотарэ, гарпахани. Лэкэ элэ ісідонани, аба-гда очіни. Тутами гучи пакаса очогохани. Эңичи, эм мапа умэкэңи німова, гүчэмбэ wахани. "Гэ, амапаңгоанэ, суэ эидьису тәң маңга. Мй пэкчигэ энэхэм бичи": – "Гэ, тапәва сјаросу". Чаду гусэрэхэчи: "Мй нәу-јәwэ най гәэохани!" – "Амапаңгоанэ, нгончи-да Ыуэ наји-а-нәу. Нгончи найва туй нәисойчи. Нгончи касәва элэ дәрүри. Мимбиэwэ нәјәси-да, агава нәјәра. Гой самамба нгончи бараси".

Гучи энэмэ, энэмэ, гучи ичэхэчи. Аңни ундьини: "Мй эси гәрпори!" Лэкэ най осіни, элкэ тойкохари. Аңни хас гәрпахани. Лэкэ ісідонани абагда очіни. Туйтамэ гучи чаду пакаса очогохани.

Гучи эму мапа. Тѣи-дэ умэкэчихэни, нѣмowa, гүчэмбэ, сѣнѣwa wā-хани. „Гэ, амѣпангоанѣ, сүэ зидыису тѣ маңга гархѣаңку. Пиусун-зису пэкчигэ түхэмби бичй. Гэ, зѣмусй осини, талѣwa сѣросу. Байгоансу горо бижиси. Касѣwa элэ дэрүри. Мимбиwэ нѣјаси-дѣ, нѣкуwэ нѣјзѣра“.

Таваңки мэргѣсэл энэм'ѣ, энэм'ѣ, най иргэмбѣни ичѣхэчи. Апѣ-лѣри пѣчѣлахачи, най ичѣсини нѣјочичи. Ты мэргѣ зѣлани йхэчи. Бѣсэрѣдүэни тѣхэчи. Ты зүэ мэргүсэл ундѣни: „Самамба нѣјису касѣwa тагоари“.

Самамба гѣзѣохачи, пукчүнѣи. Саманду уңчухумбэ бүхэчи. Самѣ јѣйни: „Эй касѣ тѣ улѣң-кѣ осѣси. Маңга пакчи, сүсэ оѣара“. Ты мэргүсэл ајакталахачи. „Хѣим'пакчи, сүсэ осѣни? Сй самѣ аба-дѣ аја“. Тѣјкѣаңкичи тѣ самамба. „Ірагѣсу, элиусэл. Тѣи нѣзүимѣ самамба нѣјису, чаwa гѣзѣохарсу“. Нѣзүимѣ самамба гѣзѣохачи. Уңчухумбэ саманду бүхэчи. Тѣ самѣ јѣйни: „Эй касѣ улѣң-кѣ осѣси. Маңга пакчи, сүсэ осѣзѣара. Наја тѣјкѣаңкин-дѣ хѣй осѣји?“

Тѣи бѣсэрѣду тѣсй мэргүсэл най ичѣни най очогохачи. „Гэ, эји сүэ байгоансу“. Тѣ мэргүсэл ундѣни: „Бумбиwэ найду бодѣами бүэ нѣупуwэ гѣзүј, тѣјкѣанды тахаси. Бунду хѣли ілан дахоwa бүхэ-си? Асѣгүј гѣлѣ-дѣ лѣрѣиңгүј гѣлѣ-дѣ, улэ мѣлѣчим ајагоани“.

Ты андаха мэргѣ унды: „Мй сунѣи нѣлѣсимби“. Бунѣиэ мэргѣн-дѣ ундыни: „Мй-дѣ нѣлѣсимби“.

Сорѣпсѣкѣичи, бѣаңчи нѣзѣхэчи. Тѣ андаха мэргѣмбэ wѣхачи. Тѣ зѣ долани бй пүзѣмбэ пүңнѣгүхэчи. „Мѣн-мѣн зѣкчѣари энүсу“. Нѣрѣчи нѣуwѣри бѣогохачи. Нѣуни маңга агдахани. Тѣ иргѣмбэ гѣ-зѣомари энүјчи. Ты самѣ мапа иргѣндулѣни хѣјкухэчи. Самѣ мапа ундѣни: „Мй пиктѣји асѣгоаси бүрѣмби. Мй-дѣ сунѣи гѣсэ энүри“.

Чаду аракѣwa омѣхачи, агѣзма мэргѣ асѣгүј бѣхѣ. Гучи энүмѣ, самѣ мапа нѣуwѣни хѣјкухэчи. Тѣ-дѣ ундѣни: „Асѣгоаси бүрѣмби пиктѣји. Мй-дѣ гѣсэ энүри сунѣи“. Нѣуни-дѣ асѣгүј бѣхани. Мѣнѣ зѣкчѣари энүхэчи.

Эси мѣн-мѣн асѣку мэргѣсэл пүрѣмбэ пулсимѣри бйчи.

Эм чѣманѣwa аңни тѣхэни эрлѣ. Нѣуји сѣрүхэни. „Апѣаңгу, тѣру. Апѣаңго, пѣдѣм дѣрѣзѣиру“. Ујкѣwэ нѣзѣридуји лѣкѣзѣи гѣрѣпахани. Гүсѣ тѣрала лѣкѣ кѣчѣйган тѣјкохани. „Эј лѣкѣ сѣптүј, түрѣ осини, ага буйкиниѣм мурчихѣри. Мй тѣң тургѣ іла ајѣнаниwa бимѣ ісѣ-гозѣамби“.

Аңни энѣхѣ. Түј нѣуни пүрѣмбэ пулсѣ. Түј бим'ѣ, бим'ѣ, нѣуни асѣни јѣјарѣ, морѣрѣ сѣнѣхэни. Мэргѣ ундѣни: „Анда пүзѣи, хѣй самани очиси?“ – „Саманилѣ хѣй самѣ бижѣмби? Акси маңбоwa хѣи энѣхэни бичй. Амѣмби wѣхѣ амбѣмба wѣхани. Нѣуни эси пѣрхѣиѣ калтѣзѣаwa солѣгојни. Эј боаду бй Пѣңкүј моханѣи сорѣни. Симбиwэ хѣрсѣни. Ага будѣwѣни сарачи-ну?“ Мэргѣ ундѣни: „Сй хѣй самани осѣи, сѣрѣси?“ Ајакталаван-дѣ, хѣмѣ очини тѣ пүзѣи. То-тапиу-у гучи ундѣни: „Анда мэргѣ, агби будѣлѣ хѣн' тѣсимѣ бйси?“ Мэргѣ ундѣни: „Сй маңга зѣлѣңку пүзѣи тѣпи“ Сй сѣрѣни энѣру, мй-кѣ сѣрасимби“. Тѣ пүзѣи хѣмѣ очогохани. „Анда мэргѣ, гѣ, мй энѣјѣwэ ичѣндѣру“. – „Гѣ, ичѣндыи-дѣ аја“.

Гѣсэ нѣзѣхэчи. Пүзѣи соктаwa тѣтүјни. „Гѣ, анда мэргѣ, сѣ мѣзѣ-зѣндуэни зѣпару“. Мэргѣ ундѣни: „Хѣим' гѣјдами зѣаңгѣарѣси, энѣи осѣни, тургѣ энѣру“.

Түј тами мэргѣ ичѣхэни – асѣн'и аба. Дүјси ичѣхѣн-дѣ аба, со-ли ичѣхѣн-дѣ аба. Хѣи ичѣхѣн-дѣ аба. Байси ичѣхэни горола бй хурѣ. Нѣбрао ичүри хурѣ порондолани эмүтү сѣнѣа-мѣт энѣхѣ. Мѣр-гѣ мурчѣни: тѣ осѣн-кѣ, маңга маси най. Бѣктѣ бимѣ, хѣдү тоң-галѣни. Мэргѣ wѣјси пѣгѣзѣлѣхани. Сѣ мѣзѣзѣндуэни зѣпахани. Бѣг-зѣни ујпѣ хѣдуңкини. Тѣтами тѣ хѣдү тѣроңгохани. Тѣтарѣ, мэргѣ зѣкчи йгүхэни. Түј бидүзѣнѣ асѣни зѣзүхэни. Асѣни маңга нѣзѣсѣ-гүхэни. Асѣни мѣнѣ улпѣидүј тѣгүхэни. Асѣни түј улпѣими тѣсѣни. Тутам'ѣ эѣи бѣроани ичѣгүхэни. Эѣини маңга ајакталѣни. Тѣтүэни улпѣичѣни-дѣ хѣзѣнѣсѣни, тохѣни-дѣ хѣтүэнѣсѣни. Түј там'ѣ бѣрѣзѣ-гѣјни. Нѣзѣрѣдүј дѣчи хѣчѣригүхэни. „Анда пүзѣи, сй маси нй, маң-га нй осѣни, най зүлѣзѣwѣни бѣѣми мутѣи най осѣни, энѣгүэри. Сй зүлѣхѣиѣ калтѣwa энѣхѣри. Мй пѣрхѣиѣ калтѣwa энѣзѣмби. Сй, зүлѣхѣиѣ калтѣwa энѣми, лѣхѣ бйрѣ дѣрѣндулѣни энѣзѣчимѣ. Эј маңбо солѣлани бѣдѣсѣли зүэ зѣаңко. Сй чаw а зүлѣ ісѣ-ну, мй-кѣ зүлѣ ісор-ну. Сй зүлѣ ісѣ осѣни, мимбиwэ хѣјду-дѣ бѣогүј осини, wѣхѣри. Мй-дѣ зүлѣ ісѣ осѣни, симбиwэ хѣјду-дѣ бѣогѣи осини, wѣзѣамби. Эѣи тѣсимѣ бйрѣ. Гѣсэ энѣгүэри“.

Мэргѣ энѣхѣ. Пүзѣи соңгоми улпѣји эсѣлигүхэни. Тѣтарѣ, бѣра-зѣгѣјни. Тѣи мэргѣ аңни асѣни ундѣни: „Сѣјлѣки пүзѣи хѣзѣиро. Хѣ-ли-дѣ wѣраси“.

Сѣјлѣки пүзѣи ундѣни: „Мй-кѣ хѣлидѣ хѣзѣасимби, бүзѣи-дѣ энѣ-зѣмби. Мимбиwэ хѣй гѣкини гѣксѣй-дѣ, хѣй сѣксѣни сѣрѣ-дѣ сѣwѣ-си. Хѣй хѣпани хѣкпѣнѣи-дѣ сѣwѣси. Хѣим'агби хѣрѣдѣчинѣи, най хѣ-рѣчѣлѣни найчи ајактали, тѣң эдѣ эѣи“.

Пүзѣи-дѣ энѣхэни. Нѣуни хусѣни-мѣт очини энѣм'ѣ, эм зѣowa бѣхани. Зѣкчи йхэни. Эм пүзѣи тѣсѣ. „Гѣ, анда пүзѣи, бѣјгоапу!“ – „Гѣ, анда мэргѣ, бѣчѣгоапу: Анда мэргѣ, аңгѣзѣачима?“ – „Анда пүзѣи, аңгѣзѣама, симб'ѣ пүңнѣгүј-дѣ, хѣн'энүри, сѣксѣгүхѣ“.

Мэргѣмбэ сѣwандѣни. Мало накандѣани аңгоани сѣкчѣиѣхэни. „Анда мэргѣ, нѣду ару“.

Сѣјлѣки пүзѣи оңасѣхани. Долбо-о-о сѣнѣгүхэни. Сѣнѣгурѣ, тѣ пүзѣи бѣрони энѣхэни. Пүзѣи туңгѣндулѣни нѣлаји гѣдалахани. Пүзѣи нѣладоани зѣпахани. „Анда мэргѣ, – пүзѣи ундѣни, нѣлѣ нѣзгүми, ујкѣwэ бѣзѣаңчи. Нѣкпѣлѣ йгүми, бѣзүми бѣогѣзѣаңчи“. – „Мй хѣмѣчѣ зѣгѣду-дѣ хѣм бичѣи. Мй синчи акпѣндахамби“. Пүзѣи ундѣни: „Мй эѣикуји. Мй эѣји хѣм сѣрѣји. Купѣн хѣтүѣхѣн-дѣ, хурмѣ киндѣ-хѣн-дѣ, хѣм сѣрѣји“.

„Аја, сѣраси. Эѣи нѣлѣрѣ“. Хѣолѣ гѣсэ акпѣаңкини. Оңасѣхани. Тѣтапѣ сѣнѣхэни. Пүзѣи тѣхэни, таwаwa оңаңгохани. Ты Сѣјлѣки пүзѣи аорѣни. Нѣуни гүсѣрѣндуми аорѣни. Гүсѣрѣндујдүзѣнѣ – иңгүри, ниргѣ. „Гѣ, анда мэргѣ, – пүзѣи ундѣни. – Мй хѣй уңкѣји! Мй сѣ-рѣјѣ уңкимби. Эси сѣхани.“ Сѣјлѣки пүзѣи ундѣни: „Сй эѣиси гѣр-буни үи? Бѣзѣјѣла бѣлѣи Боралда мэргѣ“.

Түј тамѣ Боралда мэргѣ йхэни. Ирѣ, хуѣду тѣхэни. „Анда пүзѣи, сүэ эј долбѣн'аwa дѣйчѣхѣсу маңга. Аом-дѣ ачѣси бичин. Мй ао-

хлси андарбаси варижава ичэру". Кучэмбэ Запара, Сэйлэки пуэй ојапани тэхэни. Сэйлэки пуэй мэпи кучэлйдунн ноамбани хархихани. Мэпи мэнэ кучэлэхэни. Боачи ннэхэчи. Сорихани. Соримэ іліхани.

"Анда Боралда мэргэ, мй симбиwэ туй wарасимби. Зіліаси по-си, бэгзисэи уйси арчалку мо осізачи. Јало туңгэ коңгор загда озаачи. Муқкизи муқтэку, хэрэзи хэсиктэку, хоронзи хорактаку, то-лизи хабдатаку, коңгоктози чимчиктэку, сујэзи парбоку. Запомі заклу тэйлэ, хупим хују тэйлэ, намамбони нада тэйлэ мони озаачи. Таңгу гаса такточизара. Хэи хэдулидуэни јаогілигда, солі хэду-лидуэни јаогілигда тазачи".

Сэйлэки пуэй ноамбани напарэ, игухэни. Игумй, баразигохани. "Анда пуэй, туй ээйзији мимбиwэ нэлүчихэси-ну?" - "Анда мэргэ, ээйзэ сіагоји". - "Анда пуэй, корпіwаси, мй энэгилэји горо. Гэ, пэдэм дэрэзигухэри". Тй пуэй ундыни: "Анда мэргэ, хамаси эізуј-дуји мимбиwэ газохари". - "Анда пуэй, мй симбиwэ найwa wами чйхэмби, хай наңгалэмби?"

Таванқи энэмэ, энэмэ, эм иргэмбэ бахани. Иргэн токондоэни эм даи огда бйни. Тй огда закладоани ілірэ, дуйси ичэхэни. Най эгзи игуй, ннэгуй тайни. Ноани апилији пачілахани, нүчи наонзока очіни. Качујзи тэтүэку очіни. Тотарэ, тохани най зокчани. Тй зб допани самэ эгзи. Пандуй пуэин-дэ бйни, Аркаи, Зугзэңкэ, Панилаки пуэй бичини. Камур дуй пуэй. Хэм самэ пуэй. Чаду гіаматаwa най ірахани эгзи. Най токончјани тэндэхэни. Ноандоани най аркіа-да бурэси. Ноани, дайји Запара, голзюкду дуй пуэй тэсйчизни энэхэни. Гэ, анда пуэйсэл, таси одосу, мй дайји таогојава. Эи боаңка, улэни-рэгдэ, аркіwa оми бнзэрэ. Бунду-кэ гіамата араки-вани улэни-дэ, оркіни-дэ гэсэ оміапу. Эйду бй найсал тэң хаңгиси бй найсал. Оркіни-ка оміwаси".

Тй дайwани Пандуй пуэй запахани. Аркаи пуэй мэнэ улэн дайји бүхэни. "Гэ, оміру!" Пандуй пуэй ундыни: "Гэ, аја, гіамата, улэ эйниwэ биуми аја. Эйду бй найсал-да оркіни, улэни гэсэ оміори. Буэ маңга нэлэпу. Дэхй хэрэктэри дэргирэпу. Јарои хэрэктэри јаогіорапу. Эйниwэ амба хэри-дэ, самэ хэри-дэ бундуй дай, маси, бнзэрэ. Гэ, улэ оміосу".

Тй Сэйлэки пуэй най заклачјани тэндэгухэни. Тотарэ, гіамата-ду дайји бүхэни. "Гіамата, дайјиwa таоядару. Гіамата запахани. Тй аја, гіамата эйни, ундыни: - "Сй хон' тйиси?" - "Мй хон' тазэмби? Гіаматаwa уй-дэ такорији. Бай дайји таондоамбори хай оркіни!"

Тй гіамата эйни мэргэ ајактапахани. Боачи ннэхэчи. Боала соримэ, соримэ, тй мэргэмбэ wахани.

Сэйлэки пуэй мэргэ очогохани. Игухэни. Тй гіамата энимбэни, амимбани нуктэдуэни катарарэ, боачи ірчігоми ннэгуйни. Чаду эг-зи найсал запахачи, гіамата-да запахани. Гіамата унды: "Амаду, эн' эду хай дэлзјни суэ сорйсу?" Эгзи най ундыни: "Мападу, мама-ду хай дэлзјни суэ сорйсу?" Гіамата унэи: "Амаwa, эн'эwэ эйи wара!"

Тотарэ, ноани чндагохани. Эм-тэни аракіwa омілохачи. Тори-вани тй мападу бүхэни. Тй дуй пуэйсэл чочагохачи.

Араки омім-да хоіхэ. Тй мапа маңга нэліни. "Ам, улэ этэхи-ру. Сй оркіни тйис осіни, бумбиwэ хэм wазара".

Тй пуэй хас соктокто. Боачи ннэрини, гэсэ ннэрини. "Анда пу-эй, мимбиwэ эйи этэхирэ. Мй хал-да тупсисэсимби. Сй игуру". Пу-эй игухэни. "Ама, мй этэхіјэwэ най гэлэси. Ноани точала горо-чи энэрэ, тэрэ чнзчији". Мапа ундыни: "Мй-дэ наозоандоји андаха боачјани энэпи, тэрэ чнзчи бнзэји".

Сэйлэки пуэй кумби хэркэхэни. Игурэ, аклаңгохани. Гіамата закладоани тэгурэ, тэтүэји ачогора, игуичэхэни. Тй Сэйлэки пуэй полтаји септухумби кап запахани. "Анда пуэй, мй нэктэwэ, мапа-wa wами балзјамби. Мй пујэји он'о. Эктэнізји гэсэ арми оркі би-зэрэ". Гіамата ноан' закладоани аохани. "Закпаду аохан-да, эйи аси озапума. Найwa мй wами чйхэмби".

Мапа чімі эрдэ тэрэ, ичэхэни - пиктэни пазіка аоріни. Мапа ундыни пиктэчи: "Сй хагуй пазі аоріси? Сй туй тйис осіни, бум-биwэ най wарй". - "Ама, ноани туй уқіни: мй нэктэзи, мапази соріји, пујэји он'о. Эктэнізји арми оркі бнзэрэ. Закпаду аохан-да эйи, аси озапума". Мапа ундыни: "Туй бй-дэ саwаси".

Сэйлэки пуэй тэхэни. Мапанэ сіарй, аракиа омі тахачи. "Гэ, пэдэм дэрэзигухэри", - Сэйлэки пуэй уқіни. Гэ, Сэйлэки пуэй энэхэ-ни. Энэмэ, энэмэ, дэхй бірэ дэрэмбэни ісіхани. Эм гнүwэ wахани. Таванwa іван-да, улыксэңгуји сілохани. Хурухэмбэни сіарэ, аклаңқини. Аорідоан'а тавалани зусир-зусир-зусир тйни. Чала агбиндйичи. Пандуй, Аркаи, Зугзэңкэ, Панилаки пуэй. Сілоңгоани сіамари тэсйчи. Пандуй пуэй ундыни: "Сэйлэки пуэй аорі осіни, топкичиру. Сэрумби осіни, досчату. Аупаси асины Пэйлэки пуэймбэ Сэнзурі самэ газуји. Аупаси ілан чумчүэмби сэкпэн-дэ налахани. Ілэ мэргэ осіра, хас-сіни. Тйи-кэ хал-да хаңпандаси". Тйи Сэйлэки пуэй чирүрини очі-ни. Туй таме хэ-э-эм моралсиндйини. Тэй пуэйсэл хэм чочагохачи тэридуэни.

Сэйлэки пуэй мучумбэ Запара, дуктыни эи-кэ боа-ка амбани маңга бнзэрэ. Туй тйидуэні даи гаса эізујни. Аумалани амбан та-вани агбиндйини. Салгалани сайка тавани агбиндйини. Оңболани ор-ки тавани агбиндйини. Пэйлэки пуэй соңгоми морини: "Сэйлэки пу-эин-дэ хал-да боадоани бнэмбим-дэ, долэіро. Мимбиwэ Сэнзурі самэ торочији тойкаңгоји, туйгэчији туригуји, сэwэңгучији сэрэ-гуји газуји".

Тйи гаса наја wарји монгодоји догохани. Сэйлэки пуэй энэ-хэни. Тйи мо дачандоани іліхани. "Сэнзурі самэ, хай най аонгидоа-нима наја сіариси? Буэ найни найwa канзэри. Мй саwандачиям ун-зэчимэ". Сэнзурі самэ ундыни: "Найwa туй саwамбори: сй уй та-чи. Мй бай пулсйи тэмби. Мй гэрбуји гусэрэдэсимби". - "Гэ, чі-хани, - Сэнзурі самэ ундыни. Хамача хэзюмби хэтиин, мутыин' осіни, мимбиwэ wару".

Пуэй эм пэкэwэ Запара, ундыни: "Лэкэ, золоим-да зораңко-та-ни, кадарбим-да калтаку-тани. Тэң мідwамбани гэлэми тойкохэри". Тотарэ, ноани гарпахани. Лэкэ тойкохани. Гаса начи тухэни. Гаса тувучіэни, гідэзи гідалахани. Гаса аба очогохани. Туй тапи-у-у гаса зілгамбани долзіхани: "Амапаңгу, сй лэкэси-рэгдэ мимбиwэ мутэхэни. Амба, сэwэ хојоандоани збји, боаји ісонн-ну?"

Пэйлэки пуэй нэчи тухэни. Пэйлэки пуэй ундыни: „Мимбиwэ хөрихаси, агдахамби. Эси мимбиwэ хон-дә ирагору“. – „Эзи гасара, элэ най ісіји. Эзиси ілан чумчукэмби сэкпэн-дә, налахани ілэ мэргэ очіни“. Туй тындуэчиэ ісіхани туй ілэ мэргэ. „Эзэмбэри газбэси. Туй пузимбэ газомари энэхэчи“.

Сэйлэки пуэй гучи энэмэ, бадосали пэрхиэзэ, зүлэхизэ хонко бичини. Туй хонкоwа ісіхани. Эзији баргохани. Эзини ајакталани н'оанзини сорилсиндыни. Туй соримэ, Сэйлэки пуэй ундыни: „Анда мэргэ, тэјингуэри“. „Гэ, анда пуэй, тэјим аја. Эктэни хас эбэриси“.

Сэйлэки пуэй ундыни: „Анда мэргэ, сй тэј элэни тэчи. Мимбиwэ wапи, хайwа бэриси? Ми-дэ эй алдэ зими хон'а маңга эрулэхэмби. Мэнэ дола соріэри-нү?“ Эзини ундыни: „Ми-дэ маңга эрулэкэји, дэхі иргэмбэ хэтэкэји“. – „Гэ, мэн дола улэ очогом аја!“ Мэргэ ундыни: „Мй-дэ тэјингуэри, энугуји“. Пуэин-дэ ундыни: „Мй-дэ тэјингуэри“.

Пуэй эм іхоканчи энэхэни. Чаду нүчикү іхокә бичини. Туй эм зөгдо н'оани очіни. Туй зөгдо эм арчокә бини, Сэйлэки пуэй сэwэни эм Кіргіә бучуэ. Туй іланзіари туй зөгдо бичи. Туй бидуэчиэ зүэ мохә зичини. Гусэрэндумэри тэсичи. Эм аја аракиwаги аг-бимбохачи. Аракиwа омірwандыни пузимбэ. Пуэй мэдэсини: „Хагуй мимбиwэ аракиwа омірндыису?“ – „Хагуй омірн-дә, буэ эй нэуји асігоани гэлй“. Пуэй ундыни: „Мй мэпи мэнэ аракији хонб'омори? Туй нэудујэwэ бурусу аракиа“. Туй арчокә мурчини: „Мй хал аракиwа омірч'аwа, омірндыни?“ Туй мохә н'оандоани чіч'іра, алдохани. Арчокә кол-кол ичэзими бини. Туй мохә туй ілісимэ алдохани.

Сэйлэки пуэй ундыни: „Аја, нэку, оміру, отоко оми-дә аја. Най н'оморсији“. Арчокән чадо-мат запара, оміхани. „Мапача, мэнэ оміосу, минду эзи бүрэ“. Н'оанич илані омичи. Туй долбон'аwа инэдэлэ оміхачи. Туй пуэй ундыни: „Буэ нүчины эзигуй гэлүри“. Арчокә мурчини: „Эй-кэ, эрдэңгэ, эзику бими, эзигуй гэлй!“ – „Гэ, мопача ундыни: „Хали симбэ н'аиг'ори?“

Пуэй ундыни: „Мй мэнэ энэмби. Хал чіхалами, хал энэмби“.

Мохасал энухэчи. Пуэй элчиусэлбэ дай огдаду тэwэwэ тэучи – wэңкинни. Элчиусэлбэ котоліwа чидawаңкинни. Тотам-дә хэдү аба. Арчокәмба ундыни: „Эпэңго, мимбиwэ ірәсисин-нү?“

Арчокә іл'іра, энэхэни. Туй пуэй огдадуи охани. Котоліји маси пүхэни. Котоліни эныни. Туй мохансалба ханпаңгохани. Н'оан' бэјэзји іңкочини. Туй мохансал б'арочи іңкочини. Мохә огдалани тойкохани. Огдани бојарам энэхэни. Туй мохансал дай Маңбо то-кондоани муэлэмэри буйкичи.

Пуэй хамаси гучи котолігојини. Хәкохани мэнэ тойлаји. „Элчиусэл, тэwэwэ хэм тобогосу?“

Арчокә мурчини: „Э, тэј маңга эрдэңгэ! Буэ энэјэ умбури осини, най хай гэлэзэрэ“.

Туй бим'е, пуэй ундыни: „Апаңго, мй надан долбо-ине асзәмби. Індаwа-дә эзи тул'еду wачоанда. Нүчикэнзүэмбэ-дэ эзи тутуэн-дэ“.

Надамба аоңгахани. Арчокә полтаwа нихэлихэни. Арчокә ичини – буйкини. „Гэ, кіргіә бучуэ, суэ сэwэни хон' сарасису эзэнсу буйкй! Эзиwэни саванду, горо биэси“. Кіргіә бучуэ ундыни: „Будэси“.

Арчокә ајакталара, моwа запара, Кіргіә бучуэмбэ пачілахани. Кіргіә бучуэ паландола сімтохани. Мэргэ зичини.

Кіргіә бучуэзэй, мэргэнэй умчухумбэ, жапамба баргичйчи. Пуэй полтаји нихэлигухэни. „Суэ дайчису маңга“. Арчокә мурчи: „Эси буйкинй, хон' хорагохани. Тэј эрдэңгэ!“ – „Анда мэргэ, мй эси ақпаңгупи, іла надалта асзәмби“. Мэргэ энухэ. Эс-кэ гойдами ао-хә. Арчокә нихэлихэни, полтаwани. Эси-кэ буйкинй бойкон'-дә пака-пака очини. Эс-кэ тэзэ буйкини биээрэ. „Кіргіә бучуэ, эзиwэни саванду“. Кіргіә бучуэ энэхэни. Мэргэн-дэ зичини.

Кіргіә бучуэ-дэ мэхэни, мэргэ-дэ мэхэни. Эс-кэ хорагоада-си. Кіргіә бучуэ сонгопохани. „Эзэ мэргэ, долэйру! Асиси хайна буйкин биээрэ. Н'оани Гүрэмэ тохсаwа гэлйни. Чаwа б'араси осін'-кә, асиси буды“. Мэргэ энэхэ, гелэндэми. Эм хурэ хаисидоани Гүрмэ тохсаwа ичэхэни. Элэ бэгзидуэни запидоани, н'оамбани гормахб ичэхэни. „Сімэ мэргэмбэ кэтэлэ бэгдидуји запоамбохә. Мй боани оро-ни Бортоңга тәмби. Ақпани орони Алхаро тәмби. Мй эй хурэмбэ кэндэлизэмби хују мода. Мй боа б'ароани токозәмби. Пэулэ пегіэк-тэлэнэ, эри эјектулэнэ, з'ари ос'акта з'акпалан'а энүзәмби. Боа боја-лани болэйу гоэәмби“.

Туй тамй, гормахб п'арз'алахани. Хаду мода кэндэлиwэн'-дэ, мэргэ таом-дә корг'им-дә аба. Гормахомба ичини – амбә уйси токохани. Мэргэ нантама хэји н'алачи хусурэ, н'аңгалахани. Туй дуэлэни гормахон хочіахани. Гормахб нэчи тугухэни. Н'оани п'аналагора, эwугуй-ни. Эугумэ, эм нэктэwэ ичэхэни. Алха нэктэ. Чаwа г'арпахани. Опо-ролані сарахани. Нантама хэзји уигурэ, ірч'ими эwугуйни. Элэ-элэ з'оји ісігојдоји, умчуху сіасимбани долэйхани. З'оји јојгохани, ас'ини аба. „Хаси энэхэни?“ – „унз'ими энэхэ, сй бахамбаси с'ара, хорагохани,“ – Кіргіә бучуэни уңкинни.

Туй нэктэwэ, гормахомба пујухэчи. Ілалта бими, уңчухун сіасим-бани долэйхачи. Пуэй зизухэни. Гой пуэинсэл-дэ эгзичи. Аркай пуэй, зигзизэкэ пуэй, Пандо пуэй, Паил'аки пуэй, гучи гой пуэиусэл-дэ бйчи. Чаду мэхэчи. Туй гормахб, нэктэ уликсэwэни с'ари, аракиа оми тахачи. Туй пуэиусэл хэм энухэчи. Мэргэ унды: „Гэ, анда пуэй, энугуэри, мэнэ з'окч'ари“. Пуэй ундыни: „Гэ, энүзэпумэ“. Пуэй ундыни: „Эй арчокәмба пиктэгуи газб'ори, амин-дә, энин-дә ана“. Мэргэ ундыни: „Аңгазә пиктэwэ н'аңгалагоwаси“. Арчокә маңга агдахани.

Эси эгзи огдаwа барг'ігохачи иргэн таондоани. Пэрхиэзэwэ, зү-лэхизэwэ хэм далигојчи. Хэм туй газоми энухэни. Маңбоwа тыас огда энуйни. Мэргэ зүлэси энуйни. З'оји ісігојдоани аңни зурини. Гэ, мэргэ пуйкуми хулунгумй, ақчиі н'охораңкинй. „Ага, хэм ајасо-ну?“ Аңни ундыни: „Хэм ајапу“. – Анда эгзи иргэңку бичини. Н'оан-чи иргэмбэ дай иргэ опоаңкичи. Элэ. Хоэіхә.

№ 26. Жили два мергена

Жили два мергена. Была у них одна младшая сестра пуди. Двое ее старших братьев по тайге ходят, а она одна так и живет дома. Младшая сестра так жила... Однажды утром пошла за водой. Пришел один мерген. „Ну, друг пуди, здравствуй!“ Хоть и не знала сго, но сказала: „Здравствуй, друг мерген!“ — „Я твоим старшим братьям одну шубу дал“. Потом поколотил девушку. Пуди заплакала: „Как я могу знать, что вы им что-то давали? Когда братья придут, нужно будет им рассказать“.

Старшие братья хоть и пришли, забыла, не рассказала. Так живет, живет... Опять пошла за водой. Опять пришел тот мерген и говорит: „Я две шубы дал твоим братьям“. Опять ее поколотил.

Младшая сестра думает: когда братья придут, надо будет рассказать. Опять забыла. Через несколько дней опять пошла за водой. Опять пришел тот мерген. „Я три шубы дал твоему брату“. В тот раз сильно ее поколотил. Потом ушел. Уходя, сказал: „В следующий раз я приду, чтобы увести тебя к себе“.

Вечером старшие братья спустились из тайги. „Братья, приходит ко мне один мерген. Сначала он сказал, что дал вам одну шубу. После этого сказал, что дал две шубы. Сегодня пришел и говорит, что дал вам три шубы в качестве калыма за меня. Меня все время бьет. Уходя, он сказал: приду тебя увести. Я сказала: откуда я знаю, хоть бы ты что-то и дал?“ Старший брат промолчал. После ухода братьев пришел тот мерген и увез ее.

Старшие братья вечером спустились домой. В доме даже лампы нет. „Наша младшая сестра ведь правду рассказывала! Нельзя давать обижать людям единственную сестру. Как можно единственную младшую сестру подвергать мучениям! Что же он думает про нас, что мы не люди? Ну, братец, завтра пойдем!“ Утром встали и пошли. Шли и увидели в одном месте вдалеке темное неясное пятно. Младший брат говорит: „Брат, выстрелю-ка я в него“. Старший отвечает: „Пожалуй, плохо будет. Что это, неизвестно“. — „Ничего, брат“.

Младший брат своей стреле говорит: „Если это человек, тихонько попади“. Потом выстрелил. Когда стрела уже подлетала, пятно исчезло. Потом опять что-то темное возникло. Идут, видят: один старик удочкой ленка и шуку поймал. „Ну, сынки, вы идете, а мне очень трудно, я из-за вас совсем свалился с ног. Ну, поешьте талы“. Тут братья ему рассказали: „Нашу сестру кто-то увез“. — „Сынки, и их тоже двое: старший и младший братья. Они так и ходят красть людей. Они скоро начнут поминки. Если меня не повезут на поминки, то моего старшего брата повезут. Другого шамана для поминок им не найти“.

Опять идут, идут и опять что-то увидели. Старший брат говорит: „Теперь мне стрелять. Стрела, если это человек, тихонько попади“.

Старший брат выстрелил. Когда стрела подлетала, все исчезло. Потом опять там же возникло темное пятно. Ещё один старик. И он удит рыбу. Ленка, шуку и тайменя поймал. „Ну, сынки, идете вы очень быстро и стремительно. От вашего вихревого движения я с ног упал. Ну, если проголодались, поешьте талы. Ваш враг недалеко. Поминки скоро начинают. Если меня не повезут, то повезут моего младшего брата“.

Пошли мергены оттуда. Шли, шли и увидели чье-то селение. Стукнули себя по затылкам и стали невидимыми. Вошли в дом этого мергена, сели у него на столе. Те два мергена говорят: „Пойдите приведите шамана, чтобы справлять поминки“.

Привезли на нарте шамана. Дали шаману бубен. Шаман запел: „Эти поминки очень-то хорошими не будут. Очень большая неразбериха на них произойдет“. Те мергены рассердились. „Почему эта неразбериха будет? И без тебя, шамана, обойтись можно!“ Поколотили того шамана. „Слуги, увезите! Пойдите привести того младшего брата шамана“. Привезли шамана, младшего из братьев. Дали ему бубен. И тот шаман запел: „Эти поминки хорошими-то не будут. Будет очень большая неразбериха. Хоть и побороли человека, а что же от этого изменится?“

Те мергены, сидящие на столе, стали видны людям. „Ну, вот, ваши враги“, — сказал шаман. Те мергены говорят: „Ты, не считая нас за людей, нашу младшую сестру утащил и бил ее. Когда ты давал нам три шубы? Ищешь себе жену, ищешь себе работницу, так надо бы по-хорошему спросить“.

Тот чужой мерген говорит: „Я вас не боюсь“. И наш мерген говорит: „Я тебя тоже не боюсь“.

Начали сражаться, вышли на улицу. Того чужого мергена убили. Тех пуди, которые находились в их доме, разогнали. „Уходите по своим домам!“ Нашли свою младшую сестру. Сестра очень обрадовалась. Уезжают, ведя за собой селенье убитого мергена. Заехали в селенье старшего старика шамана. Старик шаман говорит: „Я дам тебе в жены свою дочь. И мне нужно вместе с вами ехать“.

Так выпили вина, и старший мерген женился. Дальше едут. Заехали к младшему брату старика шамана. И тот говорит: „Отдам тебе в жены свою дочь. И мне нужно с вами ехать“. Младший брат тоже женился. Поехали к себе домой.

Теперь, будучи оба женатыми, ходят мергены на охоту.

Однажды утром старший брат встал очень рано. Разбудил своего младшего брата. „Братец, вставай! Братец, до свиданья“.

Когда выходил в дверь, выпустил стрелу. Стрела попала в центральный столб дома, возникший торчком. „Если эта стрела заржавеет и упадет, думай, что старший брат умер. Я очень скоро, через три года вернусь“.

Старший брат ушел. А младший брат по-прежнему охотился. Так живет, живет... Однажды жена младшего брата проснулась, запела и закричала по-шамански. Мерген спросил: „Друг пуди, ты шаманкой, что ли, стала?“ — „Среди шаманов какой я шаман! Твой старший брат пошел вниз по реке. Убил черта, убившего вашего отца“.

Он (старший брат) сейчас поднимается по реке в западную сторону. Будет сражаться с моханом Пэнкуи, живущим в этой местности. Тебя зовет. Ты знаешь, что брат умирает?" Мерген говорит: "Что ты за шаман, если знаешь это?" Рассердив мужа, та пуди молча сидит. Потом опять говорит: "Друг мерген, что же ты так и будешь сидеть до смерти брата?" Мерген говорит: "Ты очень лживая пуди. Раз ты знаешь это, ты и иди, а я не знаю". Та пуди замолчала. (Потом говорит): "Друг мерген, ну, пойдй посмотри, как я пойду". — "Ну, можно и посмотреть".

Вышли вместе. Пуди надевает лыжи. "Ну, друг мерген, возьмишь за перекладины вешал". Мерген говорит: "Что-то ты долго болтаешь. Если хочешь идти, так быстрее иди".

Тут мерген увидел, что жены его уже нет. Посмотрел в гору: нет, посмотрел вверх по реке: нет, вниз по реке: нет. На другой берег реки посмотрел: далеко синее вдали гора. С вершины ее как будто дым пошел. Мерген думает: если так, то очень сильный она человек. Немного погодя начался ветер. Мерген побежал к берегу. Схватился за перекладину вешал. Ноги у него вверху от ветра развевались. Потом ветер улегся. Мерген вошел в дом. Когда он так был на улице, его жена вернулась. Жена сильно вспотела. Села и стала шить. Взглянула на своего мужа. Ее муж очень сердится. Так сердится, что швы на его одежде распарываются. Пуговицы отрываются. Потом оделся. Выходя из дома, повернулся внутрь дома и сказал: "Друг пуди, если ты сильный и крепкий человек, если ты можешь опережать людей, пойдём. Ты иди по восточной стороне, я пойду по западной стороне. Ты, идя по восточной стороне, пойдешь до истока сорока ручьев. В верховьях реки друг против друга стоят два утеса. Ты раньше меня до них дойдешь или я раньше дойду. Если ты дойдешь раньше, если где-нибудь меня найдешь, убей. Если же я раньше дойду, если тебя где-нибудь найду, убью. Не сиди. Пойдем вместе".

Мерген пошел. Пуди, плача, сложила свое шитье. Потом стала одеваться. Жена старшего брата того мергена говорит: "Пуди Сэйлэки, брось, не плачь. Ни за что не убьет!"

Пуди Сэйлэки говорит: "Я-то никогда не брошу, хоть придется умирать, а пойду. Может быть меня какая-нибудь ворона проклинает, может быть какая-нибудь сорока знает. Может быть какая-нибудь кучка людей соберется вместе смотреть. Почему не пошел спасать своего старшего брата, а когда человек его спас, на человека сердитесь? Самый бестолковый муж!"

Пуди пошла. Оделась как мужчина. Идет... Встретила один дом. Вошла в него. Сидит одна пуди. "Ну, друг пуди, здравствуй!" — "Здравствуй, друг мерген! Друг мерген, будешь ночевать?" — "Друг пуди, буду ночевать. Хоть бы ты и прогоняла меня, а как уходить — свечерело".

Мергена накормила, постелила ему на почетных нарах. "Друг мерген, ложись".

Пуди Сэйлэки заснула. Ночью поздно проснулась. Проснувшись, пошла к той пуди. Заснула руку ей на грудь. (Та) пуди взяла ее

за руку и говорит: "Друг мерген, здесь выходи и найдешь дверь, здесь войдешь и найдешь свое место". — "Я во всяких домах бывал. К тебе спать пришел". Пуди говорит: "Я замужняя. Мой муж все знает. Хоть нитка оборвется, хоть иголка переломится — все узнает".

"Ничего не узнает. Не бойся". Все же легли вместе спать. Заснули. Потом проснулись. Пуди встала и огонь разожгла. А та пуди Сэйлэки лежит. Она лежит и разговаривает. Когда они разговаривали, зашумело, загремело. "Ну, друг мерген, — говорит пуди. — Я что говорила! Я сказала то, что знаю. Теперь и он узнал". Пуди Сэйлэки говорит: "Как зовут твоего мужа?" — "Живущий на небе мерген Боралда".

В это время вошел мерген Боралда. Вошел и сел на край нар. "Друг пуди, вы этой ночью очень шумели. Даже невозможно было уснуть. Покажи мне дружка, с которым ты спала, я его убью". Взял нож и сел на пуди Сэйлэки. Пуди Сэйлэки трянула его, когда он копол ее ножом. Мерген сам себя кольнул ножом. Вышли на улицу. Сражались, сражались, остановились.

"Друг мерген Боралда, я тебя так не убью. Ты станешь деревом с развилкой — головой вниз, ногами вверх. Для всех будешь шаманским столбом, звучать будешь туда и сюда, куда наклонит ветер. С корешками из змей, с чешуей из лягушек, с двадцатью кораи, с листьями из шаманских зеркал, с почками из бубенчиков. Будешь играть с восемью кучами хвороста, обнимать девять куч. Станешь деревом семи куч хвороста. Сотня птиц тебя будет топтать. Когда подует ветер снизу реки, звенеть будешь, когда подует ветер сверху реки, звенеть будешь".

Пуди Сэйлэки бросила его и вошла в дом. Войдя, оделась. "Друг пуди, ты меня своим мужем напугать хотела?" — "Друг мерген, пожди, поешь." — "Друг пуди, не успеть, мне идти далеко. Ну, до свиданья". Та пуди говорит: "Друг мерген, когда будешь возвращаться обратно, возьми меня с собой". — "Друг пуди, я взял тебя силой, убив человека, разве теперь брошу?"

Потом шла, шла... Нашла одно селение. В середине селения была большая полка. Встав около той подки, (пуди) посмотрела вверх. Много людей, кто входит, кто выходит. Она ударила себя по затылку, и стала маленьким мальчиком. Потом поднялась в чей-то дом. В том доме много шаманов. И пуди Пандуй, и пуди Аркай, Дюнденка и Пайляки тоже были. Все четыре пуди. Все шаманки пуди. Было там много народу, привезшего невесту. Пошла (пуди) сесть среди людей. Ей даже вина не дают. Она взяла свою трубку и пошла туда, где сидели у очага те четыре пуди. "Ну, друзья пуди, подвиньтесь-ка, чтобы я мог зажечь свою трубку. У здешних людей только богатые, видимо, пьют вино. А у нас вино невесты вместе пьют и богатые, и бедные. Живущие здесь люди — совсем несправедливый народ. Бедному-то человеку и выпить нельзя!"

Ту его трубку взяла пуди Пандуй, а пуди Аркай дала ему свою хорошую трубку. "На, кури!" Пуди Пандуй сказала: "Ну, жених и невеста, давайте будем сегодня жить дружно. Все находящиеся здесь

люди, бедные и богатые, должны вместе пить вино. Мы очень боимся, сорока кожами трясемся, всей кожей дрожим. Сегодня, наверное, прилетит черт или шаман побольше и посильнее нас. Ну, пейте дружно".

Пуди Сэйлэки пересела поближе к людям. Потом дала невесте свою трубку. "Невеста, пойди зажги мою трубку". Невеста взяла. А жених говорит: "Ты что делаешь?" — "А что я делаю! Невесту всякий может послать. Просто заставил зажечь трубку — что тут плохого?"

Мерген, жених невесты, рассердился. Вышли на улицу. На улице сражались, сражались... И того мергена Сэйлэки убила.

Пуди Сэйлэки превратилась в мергена. Вошла. Схватила мать и отца той невесты за волосы и стала выходить из дома, волоча их на улицу. Тогда много людей взялись за нее. И невеста взялась ей выговаривать: "Чем виноваты мои отец и мать, зачем вы деретесь?" Многие люди стали говорить: "В чем виноваты старик и старуха, зачем вы деретесь?" Невеста говорит: "Не убивай моих отца и мать!"

Тогда Сэйлэки отпустила стариков. Стали пить вино. Калым убитого ею мергена отдали старику отцу невесты. Те четыре пуди убежали.

Кончили пить вино. Старик, отец невесты, очень боится, говорит дочери: "Дорогая, хорошенько за нами ухаживай! Если будешь плохо поступать, он всех нас убьет".

Та невеста-пуди еще пьяная. Выходит на улицу, идет вместе с мергеном. "Друг пуди, за мной не ухаживай. Я никогда не свалюсь с ног. Ты сама иди домой". Пуди пришла домой. "Отец, мерген не просит, чтобы я за ним ухаживала. Он вон туда далеко пошел, сел и мочится". Старик говорит: "И я, когда был молодым, уйдя в чужую местность, мочился сидя".

Пуди Сэйлэки обвязала свою грудь. Вошла и легла спать. Невеста, сев около нее, сняла свою одежду и хотела залезть к ней под одеяло. Пуди Сэйлэки свою подстилку и одеяло вместе сложила и завернулась в них. "Друг пуди, я живу, промышляя кабанов и медведей. У меня раны свежие. Вместе с женщиной спать наверно плохо будет". Невеста легла около него. "Хоть рядом спать, а будем мужем и женой. Убивая человека, я взял тебя силой".

Старик встал рано утром, увидел, что его дочь отдельно лежит. Старик говорит дочери: "Почему ты спишь отдельно? Если ты будешь так поступать, этот человек нас убьет". — "Отец, он мне сказал: я сражаюсь с кабанами и медведями, раны у меня свежие. С женщиной спать мне наверное будет плохо. Хоть и рядом спать, а будем мужем и женой". Старик говорит: "Может быть и так".

Пуди Сэйлэки встала. Старик и другие ели и пили вино.

"Ну, до свиданья", — сказала пуди Сэйлэки и пошла. Идет, идет... Дошла до истока сорока ручьев. Убила одну косулю. Огонь разожгла и изжарила на вертеле добытое ею мясо. То, что поджарилось, съела и легла. Когда она лежала, из костра что-то мельк-мельком — и из него появились пуди Пандуй, Аркай, Дюгденка и Пий-

ляки. Сидят и едят ее жареное мясо. Пуди Пандуй тихонько говорит: "Пуди Сэйлэки, если спишь, то увидь во сне, если бодрствуешь, слушай. Жену твоего свекра, пуди Пэйлэки, утаскивает шаман Сэндюри. Твой свекор откусил три своих пальца и бросил их. Пальцы превратились в трех мергенов. Они догоняют шамана. Но они-то никогда не догонят". Пуди Сэйлэки закричала во сне. Она начала кричать: "Хэ-э-эй!" Те четыре пуди убежали, когда она поднималась ото сна.

Пуди Сэйлэки взяла обгоревшую с одного конца палку и застучала: "Ох, уж и много, наверное, чертей в этом месте!" Когда она стучала, прилетела большая птица. Из рта у нее чертов огонь вылетает, из промежности огонь сайка вылетает, из заднего прохода огонь вылетает.

Пуди Пэйлэки с плачем кричит: "Пуди Сэйлэки, где бы ты ни была, услышь! Меня шаман Сэндюри тащит на свой торо, чтобы бить, на свой туйгэ, чтобы платить за труд своим духам-помощникам, к своим сэвэнам, чтобы понемножку каждому разделить меня".

Эта птица села на свое дерево, где она убивает людей. Пуди Сэйлэки пошла и встала под тем деревом. "Шаман Сэндюри, зачем же ты ешь людей, когда я человек, здесь ночую. Мы люди, должны защищать человека. Небось скажешь, что меня не предупредили". — "Человека нужно предупреждать, называя, кто ты такой", — сказал Сэндюри. "Я просто прохожий и имени своего не назову". — "Ну, пусть так, — говорит шаман Сэндюри, — если у тебя есть какое-нибудь оружие, которое может победить, убей меня".

Пуди взяла одну стрелу и говорит: "Стрела, хоть бы и камень, но раскол имеет, хоть бы и круглый, а трещину имеет. Попади так, чтобы войти прямо в сердце". Потом выстрелила. Стрела попала в птицу. Птица упала на землю. Когда птица упала, Сэйлэки ударила ее копьем. Птица исчезла. Потом услышала ее голос: "Дочка, только твоя стрела меня одолела. Не знаю, долечу ли до дома при помощи духа сэвэна".

Пуди Пэйлэки упала на землю и говорит: "Я рада, что ты меня спасла. Теперь пусть меня кто-нибудь отвезет домой". — "Не печалься, скоро придут люди. Твой муж откусил три своих пальца и бросил — из них получились три мергена". В это время пришли три мергена. "Везите домой свою хозяйку". Ту пуди они увезли.

Пуди Сэйлэки опять идет и идет... Вот друг против друга стоят два утеса, западный и восточный. Дошла до этих утесов. Нашла своего мужа. Муж ее в гнев начинает с ней сражаться. Сражаясь с ним, пуди Сэйлэки говорит: "Друг мерген, давай отдохнем". — "Ну, друг пуди, можно и отдохнуть. Женщина все же слабее".

Пуди Сэйлэки говорит: "Друг мерген, ты очень бестолковый. Убив меня, что ты получишь? Я же, идя этот промежуток пути, так сильно измучилась! Нужно ли нам сражаться между собой?" Муж говорит: "И я сильно измучился, победил сорок селений". — "Давай дружно жить друг с другом", — сказала Сэйлэки. "Мне нужно отдохнуть, чтобы идти обратно", — сказал мерген. "И мне нужно отдохнуть", — сказала пуди.

Пуди пошла к одному селеньицу. Там было малосенькое селеньице. Она оказалась в одном доме. В том доме жила одна девочка и дух – помощник пуди Сэйлэки Киргям (Звонящий) бучуэн. Так втроем в том доме и стали жить. В это время пришли двое моханов. Сидят и разговаривают. Достали одну китайскую банку вина. Угощают пуди вином. Пуди спрашивает: „Зачем вы угощаете меня вином?“ – „Зачем угощаем! Мы просим жену для этого моего младшего брата“. – „Как же я могу за себя пить свое вино?“ – говорит пуди. – „Дайте вина моей младшей сестре“. Та девочка думает: „Разве я когда-нибудь пила вино, зачем он меня угощает?“ Мохан налил ей и подал. Девочка смотрит и не двигается. А мохан стоит и подает.

Пуди Сэйлэки говорит девочке: „Ничего, сестра, выпей. Немножко выпьешь, и ладно. Человек устал держать перед тобой“. Девочка тут же взяла и выпила. „Дядя, пейте сами, мне не давайте“. Они стали втроем пить. Всю ночь до рассвета пили. Пуди говорит: „Мы, молодые люди, должны идти замуж“. Девочка думает: „Вот так интересно! Замужняя, а хочет замуж!“

Моханы спрашивают: „Когда же за тобой приезжать?“

Пуди отвечает: „Я сама приеду, когда захочу, тогда и приеду“.

Моханы ушли. Пуди заставила слуг погрузить на большую лодку груз. Заставила слуг натянуть парус. А ветра нет. Говорит девочка: „Сестренка, ты меня не повезешь?“

Девочка встала и пошла с ней. Пуди села в лодку. Сильно подул на свой парус. Парус ее потянул. А сама она стала править лодкой. Догнала моханов. Правит прямо на тех моханов. Попала в их лодку. Лодка моханов переломилась, моханы посреди Амура утонули.

Пуди обратно снова едет под парусом. Причалила к своему берегу. „Слуги, несите весь груз в дом!“

Девочка думает: „Э-э, очень интересно! Если бы мы сказали: не хочу, разве этот человек стал бы просить?“

Затем пуди сказала: „Сестренка, я буду спать семь дней и ночей. Не давай собакам лаять, а детям бегать на берегу“.

Проспала семь суток. Девочка открыла одеяло, смотрит: умерла. „Ну, Киргям бучуэн, как же вы, сэвэны, не знаете, что твоя хозяйка умерла! Известите ее мужа, он недалеко“. Киргям бучуэн говорит: „Не умрет“.

Девочка рассердилась, взяла палку и ударила Киргям бучуэна. Киргям бучуэн через пол насквозь прошел. Пришел мерген, ее муж.

Киргям бучуэн и мерген стали готовить шаманский бубен и пояс. Пуди приоткрыла свое одеяло. „Вы сильно шумите“.

Девочка думает: „Сейчас только была мертвая, как же она ожила? Очень удивительно!“ – „Друг мерген, я сейчас лягу спать и буду спать три недели“. Мерген ушел. Опять долго спала. Девочка открыла ее одеяло. Теперь-то уж умерла. И цвет лица у нее стал темный-темный. Теперь уж, наверное, в самом деле умерла. „Киргям бучуэн, извести ее мужа“.

Бучуэн пошел. Вернулся мерген. Киргям бучуэн плясал по-шамански, и мерген плясал по-шамански. Теперь-то уж не оживет. Киргям бучуэн заплакал. „Хозяин мерген, послушай! Твоя жена, наверное, умерла. Ей нужен заяц Гурмэн. Если его не найдешь, твоя жена умрет“. Мерген пошел искать. На склоне одной горы увидел зайца Гурмэна. Когда он уже хватал его за ногу, заяц его увидел. „Только такому мергену, как ты, я чуть не дал схватить себя за ногу. Я детеныш небесного человека, я Бортонга. Я детеныш небесного человека, я Алхаро. Я буду кружить вокруг этой горы девять раз. Я поднимусь на небо. Под Одноэтажными Вешалами (созвездие Большой Медведицы) по ту сторону времени около поющих звезд пойду. В пролом неба выскочу“.

В это время заяц побежал. Сколько раз он сделал круг, мерген даже сосчитать не успел. Смотрит на зайца: он еще не очень высоко поднялся. Мерген намотал на руку кожаную веревку и бросил. Концом веревки запутал зайца. Тот упал на землю. Мерген взвалил зайца на спину и несет вниз к дому. Когда нес, увидел одного кабана. Пятнистый кабан. Выстрелил в него. Пробил насквозь кабаньей нос. Связал кабана кожаной веревкой и, волоча его, спускается из тайги. Когда он уже вот-вот подходит к дому, услышал звук бубна. Дошел до дома – жены нет. „Куда ушла?“ – „Пошла шаманить по домам. Узнав о твоей находке, она ожила“, – сказал Киргям бучуэн.

Тех кабана и зайца сварили. Через три дня услышали звук бубна – вернулась пуди. Пришло множество других пуди: пуди Аркай, пуди Дюгденка, пуди Пандой, пуди Пайляки и еще другие пуди. Плясали по-шамански. Ели мясо того зайца и кабана, пили вино. Потом все те пуди ушли. Мерген говорит: „Ну, друг пуди, поедem к себе домой!“ Пуди говорит: „Ну, поедem. Эту девочку нужно себе в дочери увезти. У нее ни отца, ни матери нет“. Мерген отвечает: „Ребенка сироту бросать нельзя“. Девочка очень обрадовалась.

Тут в каждом селении приготовили много лодок. Западных и восточных жителей – всех переселяют. Всех, ведя за собой, увели. По реке полным полно едет лодок. Мерген едет впереди. Когда он подъезжал к своему дому, на берег спустились его старшие братья. Мерген, выпрыгнув из лодки, поклонился старшим братьям. „Старший брат, все ли здоровы?“ Старший брат отвечает: „Мы все здоровы“. Старшие братья тоже имели помногу селений. Они свои селенья превратили в одно большое селенье. Всё. Кончил.

№ 27. Зуэ пуэй балэйхани

Зуэ пуэй балэйхани: эйкэ, нэу. Бэјумбэ вайчй, охотали, эмуту хусэни-мэт бй. Хазонгој и агосй, тэтуэгуй упий эктэни-мэт-дэ. Туй тапи-тани, сиксэ эйкэни унэйни: „Маси найва гэлум аја мэлэзгуй“.

Туй тапи-тани нэуни апсигохэ, эйкэни тэсй. Най йичини сокта сисимбани долэйхани. Туй тапи-тани йхэни. Зуэ мэргэ: ага, нэку-дэ.

Туй тапи-тани сiаwанэй, туйчихэ, туй тапи-тани: „Хау пулсiсу“, – мэдэсйни. „Эктэ най зiлгамбани дiлзiоха, маси наjа мэлээгуй гэлйни“.

Ты эктэ унэйни: „Гой най бизэрэ, – ундй, – буэ энцэ гэлэпу. Хэзэзэи зийэй осини, солила бй найва аболыхасу бизэрэ“. – „Аба, тый хисэний унэйни, – эй зiоксу-дэ эмуту, зүэ эктэ бйсу-дэ эмуту“. – „Туй тый осини, аја, аоңгiосу“.

Аоңгохэ, чiмй тэхэ, сiахэ, туй тарэ, энухэчи эйкэни, тый зүэ хусэний.

Нэуни зiогду дэрэзихэ. Нэун'-тэний сiагой тахэ, мүүнгуугуй, моң-гогоji тагохэ, туй тапи улпиji запархэ, н'ангэ улпихэ, эйкэни зугухэ сиун токонду. „Эгэ, сй мэлэйси-нү, бай туй купйси-нү?“ – унэй. „Хайдоа, – унэй, – тэй зүэ ныи дэрэзихэ. Нэузимэ зүлэ iсiгозэра сиксэ. Агэзима хамiла iсiгоje“, – унэй.

Эс'-тэний сiахэ, Сиксэгухэ. Нэун' апсиңгохэ. Эйкэн' тэсй, эцэ апсинда. Эси-тэний най сiасiни iсiохани. Нэучиji унэй: „Эс' тый нэунй йгуje“, – унэй. Игүчизэни, мүүэ бұру унду. Таwа бұру унду. Эс'-тэний тый хусэний йгухэ. „Таwа бұру. Таwа бұхэ“. Тiоха дайji. „Мүүэ бұру“. Мүүэ iрэхэ“. Омiхэ нэуни. Туй тапи тый хусэний тэсй. Гойдап-мат тй аңни зугухэ. Йгухэ. Эйкэни пүэй: „Мүүэ бұру“, – унэй. Мүүэ бұхэ, Омiхэ. „Таwа бұру“, – уңкй. Дайji тiохэ. Нүчку огасамба бұхэ сiагoани. Апсиңки. Туй тарэ, долбо сорiмачйчи тый зүэ мэргэ. „Улэн-ну эктэний-дуji пэгилэ осiоха“.

Тый дай эктэ сэнэхэни. „Хай сорйсу? – унэй, – хэмэ аоросу!“

Чiмй тэхэ. „Иргэмбэри һанигосу, – унэй. – iламба аоңгами зй-зү“. Энухэ. Iламба аоңгами зйзүхэ. Иргэмбэ гiазохэ хэм, эгэи иргэмбэ.

Эс'-тэний гучи най зийэй, хусэний. Мэлээхэ, иргэмби һанигоанэй, эгэи иргэ зичин, һаисоха.

Эс'-тэний эйкэни зiогду дэрэзихэни. Нэунй-тэний wаичандаохани. Эс'-тэний нэуни сиксэ зугухэни. Эйкэни зiогзэи низэхэни. „Нэкуэ, – унэй, – андаха зйчи“. Нэуни унэйни: „Зигин'е“. Эйкэн' зүлэ йгухэ, нэун' хамiла йгухэ. Эм хусэ ни зичини. Тй хусэни масини, улэни бичини. „Бачигоапу“ –уңкини. Бачiоха. Сiахэ, апсиңгохэ. Чiмй тэхэ. Хайс эйкэн' тiоха. Тый хусэнийэй, зүэ ныи тiоха. Нэун' дэрэзихэ. Сiахэ, тэгухэ. Улпилухэни. Н'ангэ улпихэ, тэң тургэ iлiгоха, хазомби тэгугухэ. Боачи н'изэхэ. Хэм баразiоха. Тургэн эныи. Эс' энэмэ, энэмэ... эйкиji хаңпiңкй. Эйкэни унэйни: „Мй дэрэзикэji тый хусэни мүүэхэни“.

Нэуни ты хусэ найwa хаңпаңгохэ. Тый хусэны унэйни: „Сй эикэwэси мүүэхэмби. Элэ!“

Тый хусэ наја нэун' мүүгухэ. Энэхэ, энэхэ. Эм гиуwэ wахани. Пiналагохэ, пос зiокчи зугухэ. Зiогби iсiоха. Гиуңгуji тэлгэчи-хэни, пугухэни. Туй тапе эйкэни, ты хусэний гэсэ зугуйчи, гусэрэн-дүмэри. Iсiоха эдwa.

Эси сиксэ аракиwa омiчи. Ты нэуни унэйни: „Минэй дэрэзихэн-дулэji мй эйкэjэwэ ээи гiазори. Сй иргэмби, даймби зуси гiазору“.

Ты хусэны даймби, иргэмби гiазохани. Эси гэсэ очiоха. Эйкэни wаичами пулсизэси очiохани.

Эси эм модэ нэуни хэwэ бiрони зиду тэрэ, энэм'е, энэм'е... хэwэ дiдоани эм зид согдатаwани jэwэриухэмбэ бiхани. Ты эктэ дiни чиуриэк энэхэни. Эji, уй зака бими, согдатаwа wахани? Та-wаңки энэми, зүэ зaji согдатаwани jэwэриухэмбэ бiхани. Таwаңки энэм'е, эм огда согдатаwани jэwэриухэмбэ бiхани. Эс'-тэни ты эктэ аjакталахани маңга. Хай наини бими, туй эгэи согдатаwа wа́рини! Маңга аjакталахани. Эс'-тэни хэwэнду эм согда-дэ аба. Хамаси зйзүлүхэни. Зогби iсiохани. Эс'-тэни эйкэчим-дэ зiарлiа-сини Аjакта маңа. Эйкэни ердэңгэсими дэрүхэни. „Нэку. хайми аjактачйси“.

Мэлэсини-дэ хайдэ ундэси. Тотайи гасаwа гарпaji амоанчи энэхэни. Гаса эгэи дiохани. Дiи гаса, нүчи гаса. Дiи гасаwа зүлэ гар-пiри. Эси гарпами дэрүхэни. Гарпагой тыйдоани, зүлиэлэни най гар-пахани. Гасаңгoани хэм wахани. Эс'-тэни бай аjакталахани: „Эй, хай найни бими, туй wа́рини?“

Гучи нүчи гаса дiохани. Гарпагой тыйдоани, хайс тй най гар-пахани. Хэм wахани.

Эси-тэни бай аjакталахани. Эси зiокчи зйзүхэни. Уjэкэмби за-пагорэ, дiлани бй ичэкуwэ запархани. Туй тарэ, дуйси тiохани. Эм хурэмбэ бiхани. Тй хурэ порончiани тiохани. Тiрэ, ичэдеми дэрү-хэни. Тй хэwэ пэрэгдүлэни пос ичэхэни. Дiи иргэ бичини. Тй хэ-wэ пэрэгдүлэни согдатаwа эwуйчи. Эгэи най jаңкiйчи. Чаду ичэхэ-ни тй хусэнийwэ. Тэң улэ хусэний бичини. Тй хусэнийчи ичйни насал-долани мүү хэjни. Сиунчи ичэхэни – аја. Хамача наji бими, сиун-дуji хатани?

Эси-тэний зiокчи зугухэни, ичэкуji нэкухэ. Зiлiji тас пачiлаха-ни. Зэwэ осiхани. Туй тарэ, тй хусэний иргэни бiроани эныини. Чiңкiодрани дiохани. Тй хусэ най зүэрэй асику. Эмзйңэ асiни талэ-wa кэрчйни. Аңмачиji сiагуji гiазухани. Хосактаji хосiсiрэ, киткэлэхэни тй пүэй талэwа сiарйчиани. Лакпами буйкини. Эмзйңэ асiни сiарйчiани хос'акты киткэлэхэни. Буйкини. Эс'-тэний зiони тао-гохани. Зiони сэлэ маңа очiни. Хокочон эд. Тй хусэ най хайла-дэ ниэгугуй-дэ бiраси очiни. Эси-тэний ду тэлүхэни, эм бола полдoли-хани.

Тй эктэ дай гаса очогохани. Тй хусэ найwa гiагдолахани. Чуң-ну гыл аба очiни. Иргэмбэн' хэм гiазохани. Туй тарэ, иргэмбэни, хэм тэwэңкини.

Эм модэ апиji тас пачiлахани. Зэwэ осiра, боа бiроани тiпсиң-кини. Боа-дэ мүүку, боа-дэ наку, иргэңку. Эзэ хани чiңкiодрани до-хани. Тй хусэний чаду бйни. Асигой бiхани, мiамбори найwa. Эм-зй дэрэлни сэгзэ, эмзй дэрэлни чагзэ. Эси-тэний ээини согдата-wa согзамами энэйни. Асiни уjэкэмбэни, дайwани iрахани. Тiоко-хэ, тэгухэ, эси тй эктэ йхэни. „Гэ, анда, хауси пулсйэйji тыйси?“ – „Мй най алдамбани пулсиji“. Сiагoани бұхэни сiахани. Дайwани запарэ, туңгэндүлэни гiдалахани. Дiи забзэ осiрэ, wахани.

Эси-тэни тй иргэмбэ гайзоми дэрүхэни. Найзи тугдэми түгүлүми дэрүхэни. Иргэмбэ тэвэңкй. Туй тапи тй эктэ гучи хэвэ бэрони согдатава согзамами энэхэни. Таду най зйлгамбани долэйхэни. Мо-рахани: „Эктэ най, маңга бими, амимби wāxā амбамба гэлэндэгуру!“

Тй эктэ ајакталахани. Зйзүхэ эбкчи. Эси сиксэ эйкэчији асси-чији нохорачини. Аракiwa хэрими дэрүхэни. „Эгэ, асси, мимбевэ най унэйни: амимби wāxā амбамба гэлэндэгуру. Мй эси амимби wāxā амбам-ба гэлэндэгүэмби“.

Эйкэни, ассини унэйчи: „Сй хдн гэлэндэгүйси? Эктэни гэлэндэ-гүхэни мэдэ аба“. – „Аја, энэмби!“

Эси-тэни зайдуду тэгүрэ, энэпсиңкини. Энэмэ, энэмэ эм иргэмбэ бэхани. Эм наонзоккэ, эм мама, эм мапа. Мапа мэдэсйни: „Хауси энэйси?“ – „Мй амимби wāxā амбамба гэлэндэгүэмби“. – „Хдн энэйси? Эктэни амимби wāxā амбамба гэлэндэгүхэни мэдэ аба“. – „Аја, энэмби“.

Тй мапа унэйни: „Мй пиктэји зйагаси энүэндэмби“. Туй тарэ, пиктэји энүңкини. Тй наонзоканзй гэсэ энэмэри дэрүхэчи. Туй энэмэ, энэмэ... эм брэдү аонгайчи. Наонзоккэ сэнэхэни. „Эгэ, сай-на зйзэ-дэ бйзэрэ. Най сорини сiасин-мат бији“.

Гайтй тэмэри, бэразигохачи. Тэгүмэри, энэпсиңкини. Эси-тэни iсiхā. Тй мэргэ, зүлэ iсiрā, сорини. Тй амбā элэ-элэ бүйни. Эс'-тэни алдандолани йрэ, сорипсиңкини. Туй эктэ wāxā амбамба. Туй тарэ, тй мэргэн гэл аба очогохани.

Туй тарэ, иргэмбэ далігомари зйзүлүхэчи. Наонзоккэ иргэмбэни iсiгохачи. Наонзоккэ унэйни. „Мй-дэ синэй гэсэ энугүји тāmби“.

Гэсэ энүлүхэни. Туй зйзүмэ, зйзүмэ... iсiгоха, иргэмбэ тэвэң-кини.

Эм модā зайзи энэми дэрүхэни. Хэвэ дāдодни хāхани. Хārā, нā-ва энйни. Тй хусэ най чаду тукиэчими тэсйни. Тй эктэ апй тас пāчилāхани, мапа очйни. Туй тарэ, мұэчи дэриңкини. Тй хусэны унэйни: „Э, мапа! wāри!“ Лэкэји зāпагорā, гарпахани. Wāхани. Нāчи хāбохани Ичэхэни. Зүлэ тй экэтэwэ wāхани. Соңголохани. Туй тарэ, соңгойнэ, соңгойнэ... хорагохани. Хорагохā, чāэй асiлагохā. Эбкчiари зйзүхэ гэсэ. „Мй багiлала биэмби“, – унэйни тй хусэ най. Туй тарэ, тй багiлачи, иргэнчи энурэ, чаду очогохачи.

Перевод

№ 27. Жили две пуди

Жили две пуди, старшая сестра и младшая сестра. Звез-ря промышляют, охотятся, как мужчины. Вещи себе делают, одежду шьют как женщины. Вот однажды вечером старшая сестра говорит: „Найти бы сильного человека, чтобы посостязаться с ним“.

Вот потом младшая сестра легла спать, а старшая сестра сидит. Услышала шуршанье лыж, на которых кто-то приехал. Потом вошла.

Два мергена, тоже старший брат и младший брат. Тут она их покор-мила, угостила, потом спрашивает: „Куда идете?“ – „Голос женщи-ны был слышен. Ей сильный человек нужен, чтобы состязаться с ним“.

Та женщина отвечает: „Наверное, это другая женщина, мы не звали. Если вы идете снизу, видимо, верховских женщин у вас не хватает“. – „Нет, – говорит тот мужчина, – там такой же дом, как этот ваш дом, и так же, как вы, живут две женщины“. – „Ну, если так, ладно, ночуйте“.

Переночевали. Утром встали, поели, потом ушли: старшая сест-ра и те двое мужчин.

Младшая сестра осталась в доме. Младшая приготовила себе поесть, воды и дров заготовила, потом взялась за свое шитье, не-много пошила, в полдень старшая сестра спустилась из тайги. „Старшая сестра, ты состязаясь или просто так забавляешься?“ – спрашивает младшая. „Где там! – говорит старшая сестра. – Те двое отстали. Младший раньше придет, вечером. Старший же после него придет“.

Тут поели. Наступил вечер. Младшая сестра легла спать. Стар-шая сидит, не легла. И вот донесся звук приближающегося челове-ка. Младшая сестра сказала: „Сейчас войдет тот младший брат. Когда он придет скажи: „Дай воды! Дай огня!“

Затем тот мужчина вошел. „Дай огня!“ Дал огня. Старшая сест-ра зажгла свою трубку. „Дай воды!“ Принес воды. Младшая сест-ра выпила.

Затем тот мужчина сел. Много времени прошло, пока пришел его старший брат. Когда вошел, пуди, старшая сестра, говорит ему: „Дай воды!“ Дал воды. Старшая сестра выпила, сказала: „Дай огня!“ Затем разожгла свою трубку. Малюсенькую юколу дала ему поесть. Легли спать. Ночью те два брата стали браниться: „Ну, хорошо ли это, что мы стали ниже женщин!“

Старшая сестра проснулась, сказала: „Зачем бранитесь, спите молча!“

Утром встали. Пуди говорит им: „Отправляйтесь привести свои селения“. Ушли. Через трое суток вернулись. Привели свои селе-ния, много селений.

Затем пришел еще мужчина. Состязались с пуди. После этого она заставляет его привести свои селения. Много селений прибы-ло. Ездил за ними.

Вот однажды старшая сестра дома осталась, а младшая пошла на охоту. Младшая сестра вечером вернулась домой, старшая сест-ра вышла из дома и говорит: „Сестра, гость приехал“. Младшая сестра отвечает: „Пусть себе приехал“.

Старшая сестра вперед вошла в дом, младшая вошла после нее. Приехал один мужчина. Этот мужчина был сильный и красивый. „Здравствуйте!“ – говорит. Поздоровались. Поели, легли спать. Утром встали. Опять старшая сестра пошла состязаться с тем мужчиной, вдвоем пошли. Младшая сестра осталась дома. Поела, что-то поделала. Села, опять стала шить. Немного пошила, потом

очень быстро встала, оделась. Вышла на улицу. Совсем оделась и быстро пошла. Вот идет, идет... Догнала свою старшую сестру. Старшая сестра говорит: „Я отстала. Тот мужчина обогнал меня“.

Младшая сестра догнала мужчину. Мужчина ей говорит: „Я твою старшую сестру обогнал. Хватит!“

Младшая сестра обогнала того мужчину. Шла, шла, убила одну косулю. Взяла ее на спину и напрямик спустилась домой. Пришла домой. Косулю свою освежала и сварила. Потом старшая сестра и мужчина спускаются из тайги, разговаривая между собой. Дошли до дома.

Вечером вино пьют. Младшая сестра говорит: „Раз ты от меня отстал, мою сестру не увози к себе! Ты свое селенье приведи сюда“.

Тот мужчина привел свое селение. Вместе стали жить. Старшая сестра не стала ходить на охоту.

Однажды младшая сестра, сев в берестяную оморочку, едет и едет по озеру. В устье речки у озера одну оморочку рыбы кто-то высыпал. У женщины появилась ненависть. Кто это такой, что рыбу поймал? Оттуда едет — две оморочки рыбы наловил. Отсюда едет — три оморочки рыбы наловил. Оттуда едет — лодку рыбой наполнил. Ну, эта женщина сильно рассердилась. Что это за человек, что так много рыбы ловит? Сильно рассердилась на то, что теперь нет в озере ни одной рыбины. Стала возвращаться обратно. Приехала домой. Тут даже со старшей сестрой не разговаривает. Только злятся. Старшая сестра удивляется: „Сестра, почему ты сердишься?“

Хоть и спросила ее старшая сестра, она (младшая) ничего не отвечает. Потом она отправилась на озеро, где обычно стреляет уток. Уток село много. Большие утки и маленькие. Сначала надо стрелять больших уток. Затем приготовилась стрелять. Прежде чем она собралась выстрелить, кто-то выстрелил. Всех ее уток убил. Тут она еще больше рассердилась: „Что это за человек, что так попадает?“

Затем маленькие утки сели. Только она собралась выстрелить, как тот человек опять выстрелил. Всех уток убил.

Тут она еще больше рассердилась. Затем домой вернулась. Достала свою коробку и взяла находящуюся в ней зрительную трубу. Потом поднялась в тайгу. Нашла одну гору. Поднялась на вершину той горы и стала смотреть в трубу. Стала смотреть прямо в дальний конец озера, мелкий и заболоченный. Там большое селение. Из дальнего конца озера выносят на берег рыбу. Много народу носит. Увидела там мужчину. Очень красивый был мужчина. Смотрит на него — из глаз слезы текут. Посмотрела на солнце — ничего. Что за человек, что ярче солнца?

Вернулась домой, положила свою зрительную трубу. Шлепнула себя по голове и стала пчелой. Полетела в селенье того мужчины. Села на дымовое отверстие его дома. Тот мужчина имеет двух жен. Одна из жен талу режет кусками. Понесла в рот, чтобы съесть.

Младшая сестра поскребла свои ногти и шелкнула по направле-

нию к той, собирающейся есть, пуди. Та подавилась и умерла. По направлению к другой жене, которая ела, тоже ногтем шелкнула. Та тоже умерла. Затем подожгла его дом. А дом от этого стал весь железный. Замкнутый стал (ни входа, ни выхода). Тот мужчина не может найти, откуда бы ему выйти. Бил, бил, в одном месте пробил отверстие.

Эта женщина превратилась в большую птицу. Сделала того мужчину одиноким: сама исчезла и все селение его увела. Затем селение его у себя расселила.

Однажды шлепнула себя по затылку. Стала пчелой и начала подниматься к небу. И на небе вода, и на небе земля и селения. Села у дымового отверстия царского дворца. Тот мужчина жил во дворце. Женился на сверхъестественной женщине. Одна щека у этой женщины красная, другая белая. Затем ее муж пошел ловить рыбу. Жена принесла ему коробочку для табаку и трубку. Ушла вглубь дома и села. Тогда младшая женщина вошла.

„Эй, подруга, куда ты идешь, что зашла?“ — „Я хожу между людей, ни к кому не имея дела“. Дала гостю поесть. Поела. (Гостя) взяла у нее трубку и за пазуху ей сунула. Трубка превратилась в змею и убила жену мужчины.

Затем (гостя) начала увозить и это селение. Стал падать дождь из людей (они жили на небе и стали падать на землю). Поселила его селение. Затем опять пошла на озеро ловить рыбу. Там услышала чей-то голос. Он кричал: „Женщина, ты сильная, так иди же искать черта, убившего твоего отца“.

Женщина рассердилась. Вернулась домой. Вечером стала кланяться старшей сестре и зятю. Стала им подносить вино. „Старшая сестра, зять, мне кто-то говорит: иди искать черта, убившего твоего отца. Я теперь иду искать черта, убившего моего отца“.

Старшая сестра и зять говорят: „Как же ты пойдешь искать? Никогда этого не было, чтобы женщина шла искать врага с целью мести“. — „Ничего, пойду!“

Вот набила свою трубку и пошла. Идет, идет... Нашла одно селение. Один мальчик, одна старуха, один старик живут. Старик спрашивает: „Куда ты идешь?“ „Я иду искать черта, убившего моего отца“. — „Как это ты идешь? И слуха такого нет, чтобы женщина шла искать черта, убившего ее отца“. — „Ничего, пойду!“

Тот старик говорит: „Я отправлю с тобой своего сына спутником“. Отправил своего сына. Пошли вместе с тем мальчиком. Так идут, идут... В одном месте ночевали. Мальчик проснулся. „Сестра, наверное, близко. Доносятся звуки, как будто кто-то сражается“.

Сразу встали и оделись. Встали и пошли. Затем остановились. Тот мерген пришел раньше их и сражается. Черт, с которым он сражается, вот-вот умрет. Тогда эта женщина вошла между ними и стала сражаться. Убила черта. А тот мерген исчез.

Стали возвращаться, перегоняя селенье. Доехали до селенья мальчика. Мальчик говорит: „И я вместе с тобой собираюсь ехать“.

Поехал вместе с пуди. Так ехали, ехали... Доехали. Женщина поселила угнанных людей.

Однажды она поехала на оморочке. В устье озера пристала. Пристала и идет по берегу. А тот мужчина сидит там, наблюдая за сетью. Женщина шлепнула себя по затылку и стала медведем. Потом прыгнула в воду. Тот мужчина говорит: „Э-э, медведь! Надо убить!“ Взял стрелу и выстрелил. Убил. Вытащил на землю. Посмотрел: по ошибке убил женщину. Начал плакать. Плачет, плачет... Женщина ожила. Когда ожила, мужчина женился на ней. Домой вернулись вместе.

„Я живу на том берегу“, – говорит мужчина. Тогда отправились в селение на тот берег и остались там жить.

№ 28. Дэхй нй балэиха

Эм зогдо дэхй нй балэиха. Тьи найсал пулсйчи, хай-
wa-дә хэм wāpй н'эпултэwэ, тōwa, бэдү wāpй. Тотам-дә чү по-
агони чү эгдиwэ wāpй. Гэ, тьи поагони сйксэ эугухэни, тойнга
аңни буйкичи. Зіа иниwэ сйксэ эугуйдуни, гучи тойнга аңни буй-
кичи. Туй бурмэри, тойнга-тойнга буйкичи, туй бурмэри хэм буйки-
чи. Тотати-мат хэм бурбучиэчи н'оани мурчихэни: элалсилбиwa хэм
wāxā, мимб'э-дэ wāzāma. Зогду карка индэхэни. Эм долбониwa
аонгахани. Хай-дә аба. Тотати-мат эіа ин'эwэ туй бичин-дэ энүри,
хазомби, соктаји, хэм апагорā, wāpй эухэни сйнчиэ-дэ. Тотарā,
ілірā, хэји ичэхэни. Н'оани эухэни хэзіэлэни покто пиурэу-у би-
чйни. Таоси энэпи-мэт ичэхэн' наотō поктовани. Чава ичэпи, мур-
чихэни: мй аңнадуwa wāxā амбā поктони бизэрэ. Тотарā, чāwa хо-
зами энэхэни. Байси даpни, боачанду сіо долани наотō аоріwани
баогохани. Баогопи, wāгуй дарамадуй бй сурэwэ ачорā, керкилэ-
гуй эурихэни, тьи наотō най хэсэзйни уңкини: „Ага, мимб'эwэ эзі
wāpй. Мй симб'э сонгоң бизэрэм зичимби бичин. Эси энйwэси сārā,
энуји. Симб'э wāpй хон' таори, наңгаламй, кайра“. Наотō уң-
кини: „Хэңгузйји уирэ, омондоли уиру“. Мэргэ уңкини: „Маңгабани,
симб'эwэ хōни кутучиури?“ – „Кутучиурйдуэwэ чаду wāңас'-тани“. Туй
хаміали уирэ, мэргэ маңбоwa энэхэни. Кутучиурэси. Мэргэ
мурчйни: „Маңбоду симата ојини бими, минди гэсэ энэјини“. Туй
тарā, н'арончи тōхани, Мэргэ масилахани. Наотō-танй, н'оани хол-
дондолани дарими, н'рамбани кутучйни. Мэргэ мурчйни – н'аронду
симата н'рамбани хэтэјини, тотами мимб'иwэ кутучйни. Туй тарā,
сіо дōчини энэхэни. Таду масилдичини, наотō бāзи маңгази н'рам-
бани кутучйни. Туй тарā, чіхани осігдандā, маңбочи эугухэни. Маң-
бочи эугупи, сиксэгүэндэ, аонгйчи. Аонгйдуји мэргэ пимуwэ, гуи-
wэ wāxани. Тотарā, сіломба сілочихани. Наотōнгозйји гэсэ сіа-
хани сіломба. Зіа чиман'аwa тэрэ, сусухэчи. Н'аңгā энэми, хаміа-
ли уихэни наотōнгоңи учэwэ чірамбочйни, хамаси ичэгухэни. Наотō
н'онг'ан' эукэwэ пур энэйз'бени туриңкини. Мэргэ мурчйни: „Чи-
сэниwэ горози эи-дэ, эйнэwэ јадахани“. Тотарā, наоточи ундйни:

„Гэ, эси-кэ симбиwэ wāwори“. Сурэји уйси эурихэни. Таду наотō
ундйни. „Ага, мй чисэн'эwэ туй горози эими јадачиндолаји, эси
хай јапэзāмби? Мй мэдэwэ долэихамби, сйнчи гусэрэгуйји карзā-
раонкичаји“. – „Хай мэдэ“, – ундйни. Наотō ундйни: „Мй эй чима-
ниwа тэмй, туй бй мэдэwэ долэихамби. Буэ сйу токондо ісізāпу.
Эм дāи иргэмбэ, Балдој бāјā иргэмбэни. Тэй Балдој бāјā асини
эгди. Пиктэгуй тэң эмү асилаји эм эктэ пиктэwэ бāхани. Тэй пик-
тэни энусйни. Энүни туй бини: ујундулэни бэгдиwэни, уликсэwэни
піалачими сіарйни. Хай-дә сіарйwани сāwāси. Балдои бāјā, эгди
самамба гэлэрэ, зогдон нэучйни. Тьи сіари зāка сіандасойwани
эм саман-дә сārачини. Сіарā, энүчини-мэт, самасал морйчи. Буэ
закпадачи энйидупуwэ, най симбиwэ ичэпэри, агдазāра: эй наи-мат
тэй пиктэ энүwэни хоријам. Ага, сй хайзи хоригой тайси?“ Мэргэ
ундйни: „Мй хайзи хоријори? сиур энэзэпумэ“. Наотō ундйни: „Ага,
сиур энэсиси. Тбиду эгди наји этүрији. Чава хоријориwа мурчй
осини, мимбиwэ тунгэлэру“. Туй тарā, наотō эілілди пāчилахани.
Эм інда эіліни очини. Мэргэ апагарā, тунгэлэхэни. Туй тарā, энэми
сиун токонду иргэмбэ ісйдуни тбиду эүэр наји чоміачирā, дурбиз-
чирэ ичэзйчи. Туй тарā, тэй найсал дуйси морйчи: „Балдој бāјā,
зогдуй эзи тэсирэ, маңбо солизйани эмү наји эидыји, тэй наји сй
пиктэwэси хоризāра“. Мэргэ тбйwани ісйни, Балдои бāјā уйкэлэји
н'иэрэ, эурэ, мэргэ нāладуни апагорā, зокчији тббогохани. Мэргэ,
зокчини йпи, ичэхэни: саманй тойнга, маңду самани тойнга, солб
самани тойнга. Хэм зрā тойнга самā. Тэй самасалдола эм солб са-
мани чү дāји. Тэй дāи самā тэй энусй пиктэ зāмпан долани бйдуни
лаң бйни. Балдој бāјā мэргэмбэ тэй дāи саман зāкладони осіонки-
ни. Балдои бāјā сіаwориwа аси наји аңсиwан-дā, сіарйдуји мэргэн-
эи гэсэ ілā хō аракиwани омидуй мэргэнчи ундйни: „Ам, улэнэи
тэзэмэру“. Мэргэ ундйни: „Туй дāи самасал чілахамбачи буэ сол-
гй наји хōни таори?“ Балдој бāјā ундйни, Эйду бй самасал хайwа-
дә сārасил. Сіарй зāка пиктэзэwэ сіарā, энүчини-мэт, морамāри
сэкпэјичи. Бай абаwа. Туй тэсйдуэчи сиксэгүхэни. Хас эчйэ ак-
пангодачи бичй. Туй тайдочи тэй зрā тойнга самасал пoани бнэи,
пoани хумэси тўлсйхэчи. Балдој бāјā ундйни: „Ам, эси элэ ісігoи
бизэрэ. Ісігoйдуйни тул-тул самасал туй осйчи“. Туй уми, Балдој
бāјā-дә бнэи тўхэни. Тэм мэргэн-рэгдэ аја. Мэргэ, ақпандā, ичэ-
зэјини: эүэр голзб, палан токондолачи поңторіе тами эмү мама ар-
биңкини. Бэдурку, кучэнку, даосонгоку. Тэй мама ілірā, сиргун-
дйни. Туй тарā, хисаңсйни: „Эрдэңгэ, мй-кэ эјэчимэ халдā эчэ тāји.
Эйнэwэ эй ундэни самā хэри-дэ, миндой дāи самā хэрихэ бизэрэ.
Амбā хэри-дэ, миндуй дāи амбā хэрихэ бизэрэ. Туй там-дā, эй
удэни-кэ миндуй дāји саман-дā, амбāн-дā аба. Тэм эй маңбо соли-
лани бй дэхй мэргэ поагони. Дэйсулдэ мэргэ. Тьи кірі осини,
туй осіורי. Тьи мэргэ эидыјни мэдэни бичй. Зізала бији бизэрэ,
Дэйсулдэ мэргэ осини, горокалā, таокалā биу!“ Туй хасаңсирā, тьи
мама тьи эктэ пиктэ бујни зāмпанчи йхэни. Йрйни, тэй пуэй атарими -
дэрўхэни: „Эмзэ бэгэиwэни хэм сіахани, эси эмзэ бэгэиwэни сіа-
логохā. Хōни балэіори!“ Таду-мат мэргэ зогдохани эй інда эіліни
минчи хайwа хисаңсйхани. Туй тарā, інда эіліwани арбимбогорā,

тэй мама зампан долани тэсйвэни ичээкэп, инда элэни нангалла-
лахани. Тойкойдони тэң хай-дэ пуйкүйни-мэт сисэй бичини. Мама
хуэ пэгичини тухэни. Түмй, гэл-кэукэ-гдэл аба очогохани. Аба
осйгойни, самасал морамари сэкпэчйчи: „Ао, ао!“ Балдой бажан-дэ
тэгүхэни: „Сүэ, самасал, бай абава сэкпэчйсу. Ми пикгэчији
мэдэсини-мэт сазамби. „Туй тарā, пиктэчији мэдэсхэни. Пиктэни
ундйни: „Солд самā заклазэини нангалахā. Тэји амбā эцкэ маң-
галахā биэси“. Туй тапи Балдой баја самасалба тойкәми пуңнэгуй-
ни. Пуңнэгуйдуји самасалчи ундйни: „Хавуй самā пиктэје бэгзи-
дуни уликсэвэ балзигоранди?“ Самасал ундйни: „Бүэ мутэсипу“.
Мэргән-тэни топинзйји тэй пуйй бэгдичини писихэни. Пузйй ілігорā,
паланчи пэр пуйкүхэни. Тэң улэ, глан-глан аја осйгохани. Тэй пу-
зйй моча улэ пуйй. Балдой баја мэргәнчи ундйни: „Пиктэји асигора-
си бурэмби“. Мэргэ асигой бәрā, аңпазији аракива оими, каока
тэй эбгду индэхэни. Сиксэңгэлэ мэргэ мэдэсйни: „Аңпа, эи дүјэлэ
пимусэл бй-нү?“ Балдой баја ундйни: „Бй. Туй тами горочи эзи
төра. Эй дүјэ тэң памаори боа. Эсимэ эичй нај тэрэк пулсисэси“.
Мэргэ ундйни: „Аја, эйзава пулсини-тэни, хай памара!“ Мэргэ,
лэкэи апарā, дүјси тōхани. Төм'а, төм'а, горочи тōхани. Эм эōва
ичэхэни. Элкэ бэйичирэ, пāваавани чумчукүэнэи элкэ бојалирā, ичй-
ни туй амбā мама накундуји пүэсэми бйвэни. Пāвала-тани ичэу-
чиг'е эмэимэ накунду тэсй пуйй ичэ тарā, хојихани.

Мэргэ тэй пүзимбэ ичйни: асигуу бāхани пүзиндуји эмуту-нү,
улэлэ бй-нү.

Туй тарā, тэй пүзинди хисаңсйни: „Бумб'евэ уј-дэ хоріаси. Ба-
жан биухэн осин-дә, аја, най-дә хорйгоани“. Мэргэ уйкэлэ чүл йхэ-
ни. „Анда пуйй, эниси туй маңга энусйни-нү?“ Туй тарā, накунду
тэрэ, мама закладони таочими дэрүхэни. Таочим'е, таочим'е... мэр-
гэ, ілірā, тэй мама нуктэдуні апарā, бэсэрэвэ кэндэл-кэндэл
ірчими пулсими таочими бурбуэңкини тэй мамава. Бурбучиэни ун-
дэхэмбэ боачи нāнчарā, зиркэгүхэни. Зиркэгуйнй, мама аңмалани
инда элэни арбингохани. Инда элэни, арбингорā, мэргәнчи ундйни:
„Анда, мэргэ, мй амбапчикаји. Туй амбāмба сйохā амбапчиур-гоа-
ни. Мй эси амбапчихамби ачойчандами энэмби. Энэрэ, эйзүјэвэ
хайду-дә бй-дэ улэ этумэчими сйичару. Мэргән-тэни, чөшөвэ апа-
рā, боала хумумбэ хулэхэни“. Туй тара, тэй мамава эмучэкэ нйзу-
рэ, хумухэни. Игуп-мэт туй пүзинчи ундйни: „Анда пуйй, мй маңга
ээмулүхэмби. Сйагујава аңсиру. Туй бй энимби хайвани кайрандй-
си, амбāма?“ Туй тап-мат пуйй сйаворива аңсихани. Тотарā, сйа-
хачи. Мэргэ тэй пүзинэи асйлахани. Мэргэ, асидуи биг'е, гйванъи-
дони-мат эугүхэни. Эугуйдуји эм гормакомба вāхани. Эōва ісйго-
рā, йгүхэни. Игупи, йчйни – Балдой баја, зүэ голэб алдандуни па-
ланду ілігорā, мамаји хулэүрйни комбова апагурā, оминасйни.
Дарамадони-тани пінако. Пінадони сйаори, комбо бичини. Балдой
баја мэргэ йгуйдуни ичэүхэни. „Ам, эйзүхэс-нү?“ Мэргән-тэни ун-
дйни: „Эйзүхэмби; памахамби бичй“.

Балдой баја ундйни: „Эй боа туй бијэ, памөр боа“.

Туй тарā, хаэомби ачогорā, хојихани Балдой баја. Мэргэ чіми
сйапи, сусухэни. Туй энэм'е, эм иргэндүлэ ісйхани. Туй иргэнду

най касā тйини. Мэргэмбэ ичэмэри, јоохимари, аракива омиāmа-
ри, ігоандо-мат турүгүхэчи. Мэргэмбэ касā туй самā, Сāкси са-
мā, закпалани іс'оаңкичи. Мэргэ эм тукуру аракивани гэлэрэ, хэ-
рим тэлчүхэни. Сāкси самандула, таваңки хэрими, мэргүсэлду
ітаңги пэрэгдүэни бүрэ, элчиусэлду, кэкэсэлду ітаңгйзи, туй хэри-
ми тукуруи долиндолā осйјни, Сāкси самā пиктэни пүзинчи ісйхани.
Туй тарā, туй пүзинду гучй, гучй ітаңгйзији бүхэни. Сāкси самā
ичэпи, ундйни: „Ам, туй там'е пиктэиуэ соктоандачи“. Мэргән-
тэни ундйни: „Мй эси-мэт бүхэмбивэ туй гойдами апаачйни, нймо-
рицā хай-дә“. Таду-тани Сāкси самā пиктэчији ундйни: „Ам, най
бүхэмбэни тургэ омиру“. Мэргэ туй калтā тукуруји туй пүзимбэ
хэм омиоңкини. Пүзин-тэни, јэбэ маңга сокторā, амимби јэргимэ-
лэни эм тукурууэ апарā, хэрим тэлчүхэни, аминдолаји боңгоду,
таваңки-тани эмуту мэргэ хэрихэни-мэт. Мэргэндүлэ ісйдоани
тукуруни долиндолā бичй. Чавā мэргэмбэ хэм омиоңкини. Туй
тайдоочи сиксэгүхэни. Мэргэ ісйхам бэундуји арлікачйни. Тэв эбг-
ду уј-дэ-дэ аба, хэм хаоси авандахачи-нү. Тэм нүчкү арчока-раг-
да голэб кйрадоани тэсйни. Зүэ пуйй уйкэлэ чул йхэчи. Туй тарā,
туй арчокаңчи мэдэсйчи: „Эйн'евэ ісйхā мэргэ хайду бйни?“ Ар-
чока ундйни: „Тā малоду аријам“. – „Бүэ мэргэ маңга соктохā
биээрэм гусэрэндүхэну. Амимбани вāха байгоани акпало пиктэни
эидйни, элэ ісй. Маңга соктохā осини, мэргэ долбалозāрам“. Туй
тарā, мэнэ дōла ірімāчирā, мэргэ аричйјани гэсэ энэхэчи. Туй
тарā, хэсйчи: „Анда мэргэ, сэнэру!“ Мэргән-тэни доха-мат-
и-и-и сэнэини очини. „Анда мэргэ, бумб'евэ эзи оркйларā, сāри-
јава сāвандасқам. Амимбаси вāхā байгоанси акпалу пиктэни
элэ-элэ ісйји. Симб'е маңга соктохā биээрэм сāванихану“. Мэргән-
тэни ундйни: „Най сāвандычйвани хайвани оркйлоори. Агдарā,
хојіори гоани“. Туй тапи туй зүэ пуйй энүхэ. Энүчичи, н'аңгй би-
мй, эм пуйй йхэ. Ојазйни ичүрини амбā-мат ичүри. Туй арчокаңчи
мэдэсйни: „Эйн'е эичй мэргэ хайду бин'ем? Туй арчокаң-танй сāра-
симб'е уңкини: „Сй-дэ элэ ајајайси. Туй пуйй мэргэ бāрони ундй-
ини: „Анда мэргэ, аријдоси долбалахā унээчимэ. Сэнэру. Мй син-
зи сориндами эичимби“. Мэргән-тэни ундйни: „Мй сүэ бāросу
энбй нај; ісйочйјава сорими аја. Эйду сорими най касā тйивани
вабōлири“. Пүзин-тэни ундйни: „Мй туй горовā эобоми эичим-
би. Эйду соригуй тāmби“. Мэргэ ундйни: „Гэ, аја, соригорй“. Таду-
танй пуйй чумчүэнэји мују-мују тахани. Мэргэнду хай-дә
аба.

Пуйй гучи нāли ондар-ондар тахани. Мэргэнду хас хай-дә аби.
Тотар-танй пуйй дамахиwа омиори дайзији мэргэ бāрони упүзлэхэ-
ни. Дай-танй энэрэ, мэргэ эулцэлэни тухэни. Мэргән-тэни ундйни:
„Элэни-нү?“ Пуйй ундйни: „Элэни“. Мэргэ ундйни: „Таодагбйри-нү?“
Пуйй ундйни: „Чіхалй осини, таодагору“. Таду-танй мэргэ ундй-
ни: „Топимбй гериwэни гэкпэ тойкоро“. Тотарā, топиңкини. Пуйй
хотовани гэгбэрэм тойкохани. Пуйй буйкй. Мэргэ элчиусэлбэ гэ-
лэрэ, туй пүзимбэ хумүэңкини.

Тотарā, мэргэ боачи нйэрэ, айду чйзйчйин'-дэ ачāси. Тауси
энэрэ, чйзйчйин'-дэ ачāси. Дуйс'е тōхани. Дуйлэ эм эб бичини. Дб-

лани эгэи пуэй зилгани чау тайни. Мэргэ досоэһи. Поан' пуэй ундһини: „Тыи мэргэнэи арахь осини, буйкин-дэ аја“. Мэргэн-тэни соктохани, осира, үхкэлэ түйчэми йхэни. Эгэи пуэйсэл холдондолани хэм боачи нигүхэчи. Тэм эо эээн' пуэй-рэгдэ дэрэзигүхэни. Мэргэ һаладоани запара, тэвэңкини. Туй тарә, гусэрэндурэ, пуэй славориуа асүхэни. Мэргэ таду аонгидуйи туй пуэймбэ асигуи бәхэни. Зиа чиман'ауа мэргэ асичи ундһини: „Эйн'эвэ аракиуа омиори. Чисэниуэ зипи, эчиг-дэ аракиуа амиажи“. - „Этэхй нэ аба, хэни омиори!“ Туй тарә, асичи гэсэ касә барони зүгүхэчи. Таду архиуа омүхэчи. Сакси самә сиксэңгилэл касәуа пәиндамәри нигүхэчи. Сакси самә маглакочи зүхэни. Мэргэнэи анбәчимәри дэрүхэчи. Мэргэ Сакси самамба түйзэни анахани. Туй тарә, Сакси самамба боа барон' түйзэни баңсалахани. Туй тарә, дүйси тәкохэчи. Бәктэ бип'э, Сакси самә тугүхэни нәчи ләпарамди.

Чауа-тани мэргэ энэрэ, лоап тоаңгохани. Тоаңгочини Сакси самә ундһини: „Сй мимб'э хэтэкэси, пиктэжи асигрәси бүрэмби“. Мэргэ Сакси самә пиктэни пуэйзэни асүлахэни. Туй тарә, тоаңчи мугдэуэ савондагохани. Таду савойдожи ичэхэни эм мэргэ зидийуэни. Туй мэргэ исүрчини, бүэ мэргэңгупу нихораңкини: „Гучкә, бәчи-гоапу!“ Саомар' хоэпәри, гусини энүхэни. Энүйдуйи ундһини: „Касәуа хамарихамби хайуани биурэм“. Мэргэн-дэ, асичи зокчәни тәкорә, сусугуй баргичидуни, туй эмэңгә асүни Сакси самә пиктэни ундһини: „Анда мэргэ, хай-дә, эриндуни хамаси мөчогойдожи бундулэ кәригохәри. Мй амимби лә ахон-дәу. Хэм иргәңку. Бүэ бйпу иргә чү шавойзима. Иргәмпү гәрбуни Чичиргири“. Мэргэ тауаңки сусухэни. Дуэнтэ доуани энэм'э, эм төуа вәхэни. Туй тарә, эм оникә кирачини авандагохани. Аонгагуй баргичидуни, гусини зичини. Пондаэожи олбүчкени. Таду гэсэ аонгичи. Мэргэн гусинчи ундһини: „Гучкә, тө пәуани, гуэйэмбэни сәру“. Гэсэ аонгарә, мэргэ эмүчәкэ чими эрдэ гусим иргәнчини энэхэни. Гусимби зогдолани исүхэни. Зогдо эм мапа, эм мама бйчи. Мэргэн-тэни туй гусим пондаэони пуэй бәундулэни исүхэни. Ин'у гусини, пондаэон' пуэй исүгохэчи. Энин' боачи нигүхэни. Энинчији мэдэсини: „Бундулэ уй-дэ эчиг исүа-нү?“ Мама ундһини: „Чими эрдэ эм мэргэ исүхам. Мй хәгә үңкәжи, гамасомби баогориам, пондаэожи ээи олбиндам. Эйкә. Ээику найуа хайгуй туй таори. Най туй тайни осини, бүэ хэм бурбури гоани“. Гусини, пондаэони зокчи йгүхэчи. Пуэйзэни мэргэ эмуту асичи-мәт купими дэрүхэни. Тәй пуэй амимби, аңли, энини сәаор'э-дә сәарамәри, тәсичи. Туй бидучигә, сиун токондо зүэ мэргэ исүхэни. Тәй мэргәсэл гәрбучи: Сојала, Гојала. Ймәри. Мапачи ундһини: „Бунду бүриси пиктәси гой-нү, найду бүриси пиктәси гучи гой-нү?“ Мапа хумэси тухэни, гүмдү кол-кол бйни. Таду-тани бунд'э мэргэ туй зичи мэргәнсэл барони ундһини: „Бүэ гиагданэ ек-тэны туй тайуани хэни аличбри! Сй асичији асүлагуру. Мй бай андакәчихамби кәч'э осича-тани“. Туй мэргәсэл-тэни ундһини: „Эмдә зичимби хай туй хасаңсис“. Эјэзи зал, тајәзи зал. Туй тами бунд'э мэргэ зүэтуңэ мэргәмбэ нүктәдуни запәми, боачи пагәзилахэни, гирамәр-дә корпәсизича. Туй тарә, боачи нигүрә, мапа сәлэм сән-чини зүэтуңсәуә дапсичими вәхэни. Туй тарә, йгүхэни зокчи. Та-

ду-мәт туй мапа, мама, гусини, тәгүхэчи, агдәнасимәри ундһини: „Туй бй най биэсипи туй тај-нү?“ Гусимби пондаэоһини асүлахэни. Туй зиа чиман'ауа мэргэ сусухэни. Энэм'э, амимби вәхә байгоан-чији исүхэни. Исүрә, туй байгоамби вайси хәрсирә, сорими вәрә, иргәмбэни далигоми, зйзүми гусимби иргәмбән-дэ гэсэ гәзәһини. Тауаңки зйзүмәр'э, Сакси самә иргәндүлэни Чичиргириңдола исүго-рә, таду эм хадовә аонгахэни. Эм долбон'ауа Сакси самә пиктәни асини јажәми долбо сәнэхэни. „Анда пуэй, сй-дэ саманси-нү, хай-дә мэдәуэни долзори биээрә“. Асүни ундһини: „Самаңгола бим-дә, хай дәи самә. Наотма асүи чимана сиун токондо эй маң-бола сологозәра хују дә азинзи. Чауа сиур энүэндб' осини, хоэи-каси“. Зиа чиман'ә тәпи, мэргэ маңбоуа јап адолизи јакчирә, этүн-дәми зуридуни, асүни эм зогбоуа бүхэни. Сиун токо исүдуни, хујун-да аэи таја калтауа сологоханэји, адола бәрә, эјэчи даогой-лони, мэргэ тәң маипәндүлэни зогболахэни. Туй тарә, нәчи хәбөй-чами мэргэ сорини. Аэи масилагопи, мэргәмбэ муэ барони хавә-ңила кутучйни. Элчиусэл бәлэчиндәуэчизни-мәт, нә барон'тоаңкичи. Тоаңпәри, мэргэ сәлэм сә торауани лопторам тоан-дә, аэи зилә-лани лә модә куңкулүчизни-мәт, наотма асини аэи аңмалани ар-бингохэни. Наотма асини хәой-дә асидун'дә балзихэни чү улз, чү боңго асини. Таду эм хадултә бипәр'э энугүэри баргичигүйдәчи, Сакси самә пиктэји обограни мәнэ иргәмби токондолани оболарә, гәзәандыни. Тауаңки сусугүрә, зйзүмәри касә иргәмбэни-дэ гэсэ гәзәу. Балдои бајә иргәмбэни исүгопи, дүйлэ бй асичи, Балдои бајә пиктэји, асичи хэм гэсэ гәзәһини. Балдои бајан-дә пиктәдуйи калтә иргәмби олбимбәандыни. Тауаңки сусугупи, мәнэ зогдуйији исүгоһини. Аңнәни хэм ујун осигохэчи. Поани сагдаңгохани, тунэ-пунку осигохэчи. Аңнәни хэм асику, иргәкәңку. Мэргэ исүгопи, гә-зәхамби иргәсәлбэ эмугү хотә-мәт тәвэңкини. Дүйлэ бй гурусәл мбәуа вайси холасиндәсүй, вайла бй гурусәл дүйси муэуә хола-синдәсүй. Мэргэ туй мэргәчими балзихэни.

Перевод

№ 28. Жили сорок человек

В одном доме жило сорок человек. Люди эти ходят и всё промышляют, пушного зверя, лося, мясного зверя промышляют. И больше всех убивает самый младший. Вот возвращается тот младший вечером – пятеро его старших братьев умерло. Возвращается на следующий день вечером – еще пятеро братьев умерло. Умирая так, по пять умирали, умирая так, все умерли. Потом, когда все умерли, он подумал: „Товаришей моих убил злой дух, убьет, пожалуй, и меня“. Провел день, сидя дома, переночевал одну ночь – ничего не случилось. Хотя и потом, на другой день, было то же самое, взял все свои дорожные вещи, лыжи и спустился к берегу, прямо к своей проруби. Остановился, посмотрел вниз по реке. Ниже того места где спустился, он заметил еле видный след. Толь-

ко подойдя туда, увидел след енота. Увидев его, подумал: „Наверное, это след злого духа, убившего моих старших братьев“. Затем пошел по его следу. Перейдя на противоположный берег, в чаще на острове нашел спящую самку-енота. Нашел, вынул находившийся у него за спиной топор, чтобы убить ее, и когда поднял топор для удара, та самка-енот сказала человеческим голосом: „Старший брат, не убивай меня! Я пришла, думая, что ты, наверное, плачешь. Теперь увидев, что ты отправился в путь, я ухожу“. — „Как же тебя не убить? Бросить ведь жалко!“ Самка-енот сказала: „Свяжи упаковочным ремнем и привяжи к поясу“. Мерген сказал: „Очень тяжело! Как тебя тащить?“ „Когда я стану тебя задерживать, тогда уж и убьешь“. Привязав ее сзади себя, мерген пошел по реке. Не мешает, сама идет. Мерген думает: „На реке снега мало, вот она и идет со мной“. Потом поднялись на болото. Мерген напряг силы, а самка-енот сбоку опережает и тянет его. Мерген думает: „На болоте снег ее держит, вот она и тащит меня“. Потом пошел в чашу кустов. Там напряг свои силы, а енот еще сильнее его тянет. Тогда он махнул рукой, смирился и спустился опять к реке. Спустившись к реке, вечером устраиваются они на ночлег. Во время ночевки мерген, убив рябчика и козулю, сварил бульон. Вместе со своим енотом поел бульона. На следующее утро встали и тронулись в путь. Пройдя немного, обернулся назад, когда привязанная сзади самка-енот натянула свою привязь. Самка-енот, упиравшись, царапает голубой лед. Мерген думает: „Вчера пришли издалека, много прошли, вот она сегодня и устала“. Потом говорит еноту: „Ну, теперь-то уж тебя придется убить!“ Поднял вверх топор. Тогда самка-енот говорит: „Старший брат, если уж я не устала вчера, пройдя так много, разве теперь устану? Я новость услышала, вот и хочу остановить тебя, чтобы рассказать“. — „Что за новость?“ — спрашивает. Самка-енот говорит: „Встав сегодня утром, я слышала такую новость. В полдень мы дойдем до большого селения, до селения богача Балдой. У того богача Балдой много жен. Детей же — только от одной жены одну дочь получил. Эта дочь его больна. Болезнь у нее такая: у живой мясо с ног кто-то срезает и ест, а кто ест, неизвестно. Богач Балдой созвал много шаманов и держит их у себя в доме. Ни один шаман не знает, когда приходит этот пожиратель. Только когда уже поест и уйдет, шаманы кричат. Когда мы будем проходить вблизи от них, люди увидят тебя и обрадуются: только этот, мол, человек, исцелит болезнь того ребенка. Брат, чем же ты собираешься исцелять?“ Мерген говорит: „Чем же я исцелю? Пройдем мимо“. Самка-енот говорит: „Брат, мимо тебе не пройти. На берегу много людей караулит. Если ты думаешь ее исцелить, сунь меня за пазуху“. Потом самка-енот ударила себя по голове и превратилась в собачью голову. Мерген взял ее и сунул за пазуху. После этого идет, и когда подходит в полдень к селению, видит: два человека смотрят, прищурившись и прикрыв руками глаза от солнца. Потом эти люди закричали по направлению к берегу: „Богач Балдой, не сиди дома! Сверху по реке идет один человек. Этот

человек исцелит твою дочь“. Мерген подходит к берегу. Богач Балдой вышел из дверей, спустился к реке, взял мергена за руку и повел к себе в дом. Мерген, войдя в дом, увидел: нанайских шаманов пятеро, маньчжурских шаманов пятеро, солонских шаманов пятеро. Всего пятнадцать шаманов. Из тех шаманов самый большой — один солонский шаман. Тот большой шаман, когда больной ребенок находится в пологе, сидит рядом. Богач Балдой поместил мергена около того большого шамана. Богач Балдой заставил женщин приготовить пищу, во время еды выпил вместе с мергеном три рюмки вина и говорит мергену: „Дорогой мой, хорошенько постарайся!“ Мерген говорит: „Как же мы, простые люди, можем сделать то, чего не смогли такие большие шаманы?“ Богач Балдой говорит: „Шаманы, которые находятся здесь, ничего не умеют. Когда пожирающее существо погрызет мою дочь и уже уйдет, они попусту кричат и хватают ртами“. ¹ Тем временем свечерело. Спать еще не ложились. В это время те пятнадцать шаманов кто навзничь, кто ничком попадали. Богач Балдой говорит: „Дорогой мой, теперь скоро придет, видимо. Когда приходит, всегда с шаманами так случается“. Говоря так, богач Балдой тоже упал навзничь. Только мергену ничего не сделалось. Мерген лег и смотрит: между двумя очагами посреди пола, поднимая пыль столбом, появилась какая-то старуха со столиком, с ножом и солью. Старуха та встала и дрожит. Потом говорит: „Удивительно, со мной никогда так не было. Видимо, сегодня в этих местах шаман летает, более крупный шаман, чем я. Видимо, злой дух летает, более крупный злой дух, чем я. Но ведь в этих местах нет ни шамана, ни злого духа сильнее меня. Есть один лишь живущий вверх по реке младший брат сорока мергенов — мерген Дэйсулдэ. Прошел слух, что придет этот мерген. Наверное, он уже близко. Если это мерген Дэйсулдэ, — подальше, стороной иди!“ Проговорив это, старуха вошла в полог, где находилась та девочка. Входит, и та пуди начинает охать: „Одну ногу мою совсем съела, теперь другую ногу начинает есть. Как мне быть?“ И вот тут мерген вспомнил, что ему сказала собачья голова. Затем достал собачью голову, посмотрел, где сидит старуха в пологе, и бросил собачью голову. При падении раздался звук, словно что-то выстрелило. Старуха свалилась на край нар. Упала и совершенно исчезла. А когда исчезла, шаманы с криком ловят ртами: „Ао! Ао!“ Встал и богач Балдой. „Впустую вы, шаманы, ртами хватаете! Вот я спрошу у дочери и узнаю“. Потом спросил у своей дочери. Дочь его говорит: „Рядом с солонским шаманом кто-то что-то бросил. Тому злому духу изрядно досталось!“ После этого богач Балдой поколотил и прогнал шаманов. Прогоняя, он говорит шаманам: „Который из шаманов вырастит мясо на ногах моей дочери?“ Шаманы говорят: „Мы не можем“. А мерген смочил своей слюной ноги пуди. Пуди встала и как ни в чем не бывало прыгнула на пол. Ей стало хорошо, как будто она ничем не была больна. Пуди очень красива. Богач Балдой говорит мергену: „Свою дочь я отдам тебе в жены“. Женившись, мерген, попивая со своим тестем вино, провел день в том доме. Когда

свечерело, мерген спрашивает: „Тесть, в этой тайге рябчики есть?“ Богач Балдой говорит: „Есть. Но далеко не забирайся. Эта тайга — место, где легко заблудиться. Только что пришедший сюда человек не знает, где надо ходить“. Мерген говорит: „Ладно уж, я буду ходить вблизи. Не заблужусь!“ Мерген взял лук и стрелы и пошел в тайгу. Идет, идет... Далеко ушел. Увидел дом. Тихонько подкравшись, прорвал осторожно пальцем окно и видит, что на нарах перекачивается с боку на бок та старуха — злой дух. Как только он посмотрел в окно, сидящая на других нарах пуди взглянула на него и опустила глаза.

Смотрит мерген на ту пуди, не то такая же пуди, на которой он женился, не то получше.

После этого пуди говорит: „Нас никто не спасет. Вот если бы мы были богаты, тогда бы нас кто-нибудь выручил“. Мерген вошел в дверь. „Друг пуди, твоя мать так сильно больна, что ли?“ Потом сел на нары и стал камлать около старухи. Камляет, камляет... Встал мерген, взял ту старуху за волосы, ходил, таская ее и камлая, вокруг стола и довел старуху до смерти. Когда она умерла, сходил на улицу за доской и уложил покойницу. Укладывает, а из рта старухи появляется собачья голова. Появилась собачья голова и говорит мергену: „Друг мерген, я превратилась в злого духа. Вот так злого духа съешь и, конечно уж, сама в злого духа превратишься. Теперь я пойду освобождаться от этого превращения. Я уйду, а ты, где бы ни был, хорошенько и осторожно готовься к моему возвращению“. Мерген взял лопату и вырыл на улице могилу. Потом один вынес ту старуху и закопал. Как только вернулся, говорит той пуди: „Друг пуди, я сильно проголодался. Приготовь мне поесть. И чего ты жалеешь такую мать, злого-то духа?“ Потом пуди приготовила еду. Поели. Мерген женился на этой пуди. Побыв у своей жены, мерген, как только рассвело, ушел. Когда шел, убил зайца. Дошел до дома, вошел. Смотрит: богач Балдой стоит посреди комнаты между двумя очагами, схватил ковш, который подогрела старуха, и пьет. За спиной у него котомка. В котомке пища и ковш. Когда мерген входит, богач Балдой оглянулся. „Дорогой мой, ты вернулся?“ А мерген говорит: „Вернулся. Заблудился я“.

Богач Балдой говорит: „Такая уж эта местность, — говорит, — место, где легко заблудиться“.

Потом (мерген) снял свои вещи и успокоился. Поев утром, мерген отправился в путь. Идет так и дошел до какого-то селения. В том селении кто-то справляет каса. Увидели мергена, приглашают в гости, угощают вином и подводят к ритуальному балагану. Подвели мергена к совершающему обряд каса шаману по имени Сакси (Сорбка). Мерген попросил бутылку вина и стал обносить. Обносит, начиная с шамана Сакси, мергенам дает по две рюмки,² слугам и служанкам дает по рюмке, и, вот так обнося, когда осталась половина бутылки, дошел до пуди — дочери шамана Сакси. Потом давал ей рюмку за рюмкой. Шаман Сакси увидел и говорит: „Дорогой мой, так ты мою дочь допьяна не напоишь“. А мерген говорит: „То, что я ей вот сейчас дал, она так долго держит, что рука затекла“. Ша-

ман Сакси говорит своей дочери: „Дорогая, скорее пей то, что тебе дали!“ Мерген заставил пуди выпить всю ту половину бутылки. А пуди, опьянев не очень сильно, достала из шаманского сундука своего отца еще одну бутылку и стала обносить, начиная со своего отца и дальше, как обносит мерген. Когда дошла до мергена, бутылка была полна (только) наполовину. Выпить все это она заставила мергена. К тому времени свечерело. Мерген лежит на том месте, до которого добрался. В доме совсем никого нет, все, видно, ушли куда-то спать. Только маленькая девочка сидит у очага. В дверь вошли две пуди. Потом спрашивают у той девочки: „Где мерген, который сегодня пришел?“ Девочка говорит: „Вон там, на почетном месте нар спит“. — „Мы думали, что мерген сильно опьянел, и пришли сообщить ему. Сюда идет старшая дочь врага, убившего его отца, скоро уже придет. Мы думали, что мерген, если он сильно пьян, может быть застигнут врасплох“. Потом, подталкивая друг дружку, пошли вместе туда, где лежал мерген. Зовут его: „Друг мерген, проснись!“ А мерген, как будто и в самом деле спал, стал просыпаться: „И-и-и!“ — „Друг мерген, не вини нас, думая: пришли мол, сообщить то, что известно. Вот-вот придет старшая дочь врага, убившего твоего отца. Мы пришли предупредить, думая, что ты сильно пьян“. А мерген: „Как же можно винить за то, что тебя предупредили? Можно только радоваться!“ Затем те две пуди ушли. Когда ушли, немного погодя вошли еще одна пуди. Посмотреть снаружи: как, мол, злой дух. Спрашивает ту девочку: „Где мерген, который пришел сегодня?“ А та девочка говорит: я, мол, не знаю. „И ты тоже скрываешь!“ Пуди говорит мергену: „Друг мерген, ты, небось, скажешь, что во время сна был застигнут врасплох? Просыпайся! Я пришла сразиться с тобой“. А мерген говорит: „Я как раз иду к вам. Приду, тогда и сразимся. Сражаться здесь — помешаем людям справлять каса“. Пуди говорит: „Я с таким трудом издалека пришла. Здесь сразиться хочу“. Мерген говорит: „Ну, ладно, давай сразимся!“ Тогда пуди пошевелила пальцем. Мергену ничего не делается. Пуди помахала руками. Мергену опять ничего не делается.

Тогда пуди бросила, как копье, в мергена свою курительную трубку. А трубка полетела и упала перед мергеном. Мерген говорит: „Хватит, что ли?“ Пуди говорит: „Хватит“. Мерген говорит: „Отвечать?“ Пуди говорит: „Отвечай, если хочешь!“ Тогда мерген говорит: „Плевков мой, попади и сорви с нее скалы!“ Потом плюнул. Так попал, что у нее мозги вывалились. Умерла пуди. Мерген позвал слуг и велел закопать ту пуди.

Потом мерген вышел на улицу и пошел в тайгу. В тайге был какой-то дом. Внутри раздаются голоса многих пуди. Мерген слушает. Некоторые из них говорят: „Если бы поспать с этим мергеном, то можно было бы и умереть“. А мерген, притворившись пьяным и шатаясь, вошел в дверь. Много пуди мимо него на улицу вышло. Осталась только одна пуди — хозяйка дома. Взяла мергена за руку и посадила. После этого, поговорив с ним, пуди приготовила поесть. Ночуя там, мерген женился на той пуди.

На следующее утро мерген говорит своей жене: „Надо сегодня вина выпить. Я пришел вчера, а вина еще не пил“. – „Слуг нет, как будешь пить?!“ Потом вместе с женой они пошли на поминки. Там пили вино. Когда свечерело, все люди вышли справлять последний обряд поминок. Шаман Сакси пошел к своей матлако. С мергеном они стали толкать друг друга. Мерген толкнул шамана Сакси так, что тот упал. Потом подбросил ногой так, что тот взлетел к небу. После этого все пошли в гору. Немного погодя шаман Сакси упал на землю и увяз в ней.

Мерген подошел и выдернул его. Когда выдернул, шаман Сакси говорит: „Ты меня одолел. Я отдам тебе в жены свою дочь“. Мерген женился на пуди – дочери шамана Сакси. Потом пошел в ритуальный балаган похорониться с изображением покойника. Когда прощался, мерген увидел, что идет еще один мерген. Когда тот мерген подошел, наш мерген поклонился ему: „Здравствуй, дядя!“ После прощания его дядя (по матери) ушел. Уходя он сказал: „На поминки я опоздал. Зачем же мне здесь быть?“ Мерген тоже ушел в дом своей жены, и когда собирался отправиться в путь, одна из его жен, дочь шамана Сакси, говорит: „Друг мерген, когда бы ты ни возвращался обратно, заходи к нам. У моего отца два брата. Все имеют свои селения. Селение, в котором мы живем, ближе всех к берегу. Название нашего селения Чичиргириг“. Мерген после этого отправился в путь. Идя по тайге, убил лося. Затем отправился на ночлег к берегу одной речушки. Когда готовил себе шалаш, пришел его дядя и привел свою сестру. Вместе ночуют там. Мерген говорит своему дяде: „Дядя, съешь печень и желудок лося“. Переночевав вместе, мерген рано утром пошел один в селение своего дяди. Дошел до дома дяди. В доме находились старик и старуха. Мерген подошел к месту пуди – сестры того своего дяди. Когда уже наступил день, пришли дядя и пуди – его сестра. Мать их вышла на улицу. У матери спрашивают: „К нам никто не приходил?“ Старуха говорит: „Рано утром пришел один мерген. Что я говорила: племянника, мол, встретишь, не бери мол, сестру! Зачем так поступать с женщиной, у которой есть муж? Если так делать, мы все пропадем, конечно!“ Дядя и его сестра вошли в дом. Мерген стал забавляться с пуди, как с женой. Отец, старший брат и мать той пуди ничего не едят, печалются. В это время, в полдень, пришли два мергена. Имена тех мергенов Сояла и Гояла. Вошли и говорят старику: „Ты отдашь нам одну свою дочь, а ему другую, что ли, отдашь?“ Старик упал ничком, упал и лежит молча. И вот тогда наш мерген говорит тем пришедшим мергенам: „Как мы, неженатые люди, можем терпеть, когда женщина так поступает! Женись на своей невесте и пусть будет так, будто я просто ухаживал за ней“. А те мергены говорят: „Уж раз ты пришел сюда, зачем же так говоришь?“ Брань слышится с обеих сторон. Потом наш мерген обоих мергенов взял за волосы и побежал на улицу так быстро, что они даже шагнуть не успевают. Затем, выйдя на улицу, убил обоих, колотя их о железные вешала старика. Потом снова вошел в дом. Тогда тот старик, старуха и дядя его встали и гово-

рят с радостью: „Если бы не было такого, как ты, человека, разве могло бы так получиться?“ Мерген женился на сестре своего дяди. На следующий день мерген отправился в путь. Идет и вот дошел до врага, убившего его отца.

Придя, вызвал своего врага на берег, убил в сражении и повел, возвращаясь домой, все его селение вместе с селением своего дяди. Возвращаясь оттуда, достиг селения шамана Сакси – Чичиргирина и провел там несколько суток. Однажды ночью его жена – дочь шамана Сакси проснулась и поет по-шамански. „Друг пуди, и ты тоже шаманка? Какие-нибудь новости слышны, наверное?“ Жена его говорит: „Ну, что я за шаманка среди настоящих шаманов? Твоя жена-енот завтра в полдень будет плыть по этой реке на девятисаженной калуге (рыбе). Если дашь ей проплыть мимо, конец тебе!“ Встав на следующее утро, мерген перегородил реку поперек сетью и пошел караулить, а жена дала ему острогу. С наступлением полудня, когда девятисаженная калуга, плывущая сверху по другой стороне реки, встретила сеть и стала переплывать на эту сторону, мерген бросил острогу ей прямо в спину. После этого борется с ней, стараясь вытащить ее на землю. Калуга напрягла силы и затащила мергена в воду до подмышек. И только тогда пришли на помощь слуги, вытащили ее на землю. Когда вытащили, мерген выдернул столб от железных вешал и после того, как ударил три раза по голове калуги, из калужьей пасти появилась его жена-енот. По сравнению с любой из его жен по красоте она самая лучшая, самая первая. Когда прожили там несколько дней и стали собираться уезжать, шаман Сакси выделил своей дочери половину своего селения и велел вести с собой. Отправившись оттуда в путь, едут и ведут вместе с собой также селение, где были поминки. Достигнув селения богача Балдоа, захватил вместе со всеми свою жену, живущую в тайге, и жену – дочь богача Балдоа. И богач Балдой дает дочери половину своего селения. Отправившись оттуда в путь, мерген приезжает к себе домой. Старшие его братья все ожили. Некоторые состарились, с посохами стали ходить. Все его старшие братья женаты, и каждый имеет селение. Приехал мерген и расселил, как город, приведенные им селения. Поселок получился такой большой, что люди, живущие в возвышенной стороне, возят продавать дрова к берегу, а люди, живущие у берега, возят наверх продавать воду. Так и жил мерген по-богатырски.

№ 29. Гарилдәнэй, Гарбилдәнэй

Гарилдәнэй, Гарбилдәнэй балдэхачи. Туй бимё, аңи нэу-чи зараласи; нэуни акчији зараласи. Уй-дэ муңгулэни уй-дэ запаси, уй-дэ монголани уй-дэ запаси. Сиксэ эугухэн-дэ, мэнэ тарā, сiари. Хонā жадахан-дā хас эмуту зараласи.

Туй бимё, эмү модā ундйни нэузимэ Гарбилдэ: „Гэ, ага, буэ хони тами зараласипу? Буэ балдэдопова амаэй, эн ээй уңкичи-нү:

суэ жуэны ээи жараласу". Чадомат аңни ундыни: „Мй балана мурчихэмби жаралоріа, іла-дүй айнанідо бй мурчихэмби". Нэуни чадомат ундыни: „Ага, буэ пиктэ-дэ ана, асі-дэ ана. Зай наји сјагоани туй вайчаори? Буэ эси туй тами аја: эм инивэ эмуны токой, эіа чіманавэ эмуны токой тами вайчами аја. Бунду-дэ жадапси-дэ ана. Сйкэсэ эугухэн-дэ жадапси-дэ ана". Нэуни ундыни: Гэ, аја. Чімана сй токой, мй индэмби.

Аңни токохэ. Тыи инивэ нэуни мowa мөлсхэ, муэцугуи муэлсхэ. Сјагоји чэк тарэ, агби халачйни. Долбо-о аңни эугухэни. Нэуни нйэм, пінэни, хорсоани хэм йуугухэни. Аңни тй хаміалани йгухэни. Тотарэ, хазэмби ачогойни. Нэуни жапарэ, хэм лорйни. Тотами агби дайдоани тэучирэ, бұхэни. Аңни дайји жапагора, оміни. „Алаңгу, маңга улэ эрдэ! Жадапси-дэ ана". Туй тапи аңни дамахиwa омими хоэпи, сјагоани бұзэни. Аңни жапарэ, сјахэни. „Маңга улэ эрдэ!"

Таванки бимэрэ, эмуны пулсй, эмуны индй дэрұхэчи.

Туй бимэрэ, эм чімй аңни ундыни: „Нэу, эй инивэ индэру. Мй эй долбо маңга оркімба толкичикаји". Нэуни ундыни: „Ага, улэмбэ сјапй, улэмбэ толкичиори. Оркімба сјапи, оркімба толкичиори. Буэ эй жуилэлэни мападо манорйварі, энкуду журиwэни толкичіа-чапо-ка. Хай-дэ ана бйэс-кэ". Аңни ундыни: „Гэ, апаңго, туй-кэ туй бйни. Тота-дэ мй толкичихэмби хаңгис бй. Тэу маңга оркй".

Нэуни хаоріа токохэни. Тыи инэвэ поктоји моча-гдал токоми хайwa-дэ бам-дэ абани. Поктоји модандоани тэрэ, тэиндйни. Чадомат дөлзихэни: хэдун-нұ, пуксин-нұ, пандо-нұ сјасини очини. Нoани най сорйwани хали-дэ ичэм-дэ абани. Хон-дэ мурчйни, сайна най сорйни бйээрэ. Ілігомй, соктаји тэтугумй, хамаси поктоји чул эугуми дэрұхэни. Эугупэ, досізини – нoани збгзіалани хуйси тыи най сорйни жака. Чадомат мэргэ морйни: „Гэ, мй эугуэ алдандоани най маңга-дэ агбіwa ээи wара. Ага, маңга-дэ, найwa ээи wара, мй ісигоја алдандоани". Тотати-мат масілагохэни. Мукчулэ тами, муруңкулэ пэгийэлэни энэхэни. Котолэ тами, колдб сүwэндулэни энэхэни. Туй эугумэ, поктоји долимбани наңга сйгуини тй най сорйни сјасй аба очй, Чадомат ундыни: „Хэрэ-э-э! Чиуригбэ! Эуэји гесэ биухэ осин-дэ ајагоани, маси-дэ эмучэ гэрэныэи хони гапији!"

Туй эугумэ, элэ збгби ісигонгичаа дөлзихэни най морйwани. Тэу чіаңка годоани морйни. Аңни зілгани: „Гэ, апаңго, сй ама, энэ саңнамбани іwачіми бйхэри. Мй эм-дэ жапамба баха наји, хони тазачи! Суруку осй-дэ, осіори бйзэмэ. Дадэп осй-дэ, осіори бйзэмэ". Туй умй, зілгани чімчалигда энэхэни. Тй нэузімэ таванки эугуми бази масілахэни. Збгби ісігохэни. Хуэіэңку хуту, ома олла, сіохор позо энэхэни. Уйкэ то-о тадо тугухэни. Уйкэ дазіани тэпчиухэнэй, муэ моданчиани јэк бйни. Най буйкини. Онэй бй найwa хумэси пойпогой, хумэси бй найwa онэй пойпогой, гелэгуми агби чілахэни. Аңни нуктэни нэду эм пармахэ, чадомат пармахэ тұлсхэни. Дэхй гора поктони маңбо хэји лунтумэй та-тагохэни. Нэуни ичйни. Сайна мй агбіwa най жапахэни.

Тотарэ, збкчији токохэни. Накандуји тэгурэ, дамахиwa омими мурчйни: „Уй дэлзіко. Хайду-дэ буйки-дэ эмуту, хайду-дэ бй-дэ эмуту. Агби най жапахэни хаміалани, хадомат айнаніwa бипутуји мэ-ни кайраңаји".

Туй тами качамаји жапагора, брачи нйзгухэни. Соктаји жапагора, тэтугумй, энэми дэрұхэни. Тэ-э чала энэпэ, ичэгуйни. Такто-ни, хазэни, эмуту иргэ чархачи дэрэзйни. Тотарэ, хамаси кэчери-гурэ, ундыни: „Мй энэхэмбэ хаміалани, хэи энй най хэйкурэ, лочалиңкачэ тазама. Сйли энй най хэйкурэ, лочалиңкачэ тазама".

Пайңаји тас пачілахэни. Кумүрэ бй кунчэ, гадарэ бй гаон'а очини. Таванкй-мат эй маңбо чіаңкамбани туй чісапи, эй улэлэ чоң-гјанчйни хакозама. Туй умй, таус пос энэми дэрұхэни. Горра энэ-кэ, эіа энэ-кэ, эм маңбучи эугухэни. Тй Маңбо улэни wаними. Эмэе дуэзіэни эмэе дуэwэни насал муједуэни сјага ичұри. Тй маңбоwa чул хэји энэми дэрұхэни. Энэмэ, энэмэ, эм боадо хонко маңбучи эугухэни. Тй эугухэ хонко порондоани эм зб бйни. Мэргэ соктаји ачорэ, тохэни. Пэулэндулэни соктаји гідэхэни. Тотарэ, уйкэдуэни жапарэ, йхэни. Тй зб долани эмү мапача хочокова хочі-ми тэсйни. Мэргэ мапачи энэрэ, н'ихораңкини. Мапа жапарэ, озо-хэни. „Гэ, ам, хайны пиктэни бимэри, бунчи н'ихораңчйни пулсйсу?" Мэргэ ундыни: „Мапа-а, сагаи нычи н'ихорамбори гоани". Тотарэ, нoани малочи тэндэхэни. Тэпи-мат мапачи мэлэсйни: „Мапа-а, эіакоси-нұ?" Тй мапа ундыни: „Мамазіјава, пиктэзіјэwэ, тй жуэри гурсэл. Тэ-э дујэчи мбкамба мөлсхамбэри наңлохачи". Хай-ал-хайал гусэрэндуйчи. Тулиэду най мowa јэwэрини сјасини очй.

Мэргэ хон-дэ мурчйни: сар бй мөлсјоха мo сјасини. Туй тэсй-дуэні, эм мама йгухэни. Долимби ісіхэ мама, тй хаміалани йгу-хэни-тэни, бэјэгуй бари паталэ. Тй паталэ мэргэмбэ ичэми, ун-дыни: „Гэ, анда мэргэ ісіхэси-нұ?" Мэргэ ундыни: „Анда пуэй, ісікаји". – „Анда мэргэ, сй-кэ хай-дэ байта, уйлэ ана-ка, эй боа-чи хали-дэ зидэсисй". Мэргэ ундыни: „Анда пуэй, хайлаwа-дас маңга байта. Буэ эм боадо балзікапу, агзіари жуэрукэ балзікапу. Туй бйдупуwэ најава хэтыны, дэлины эи-дэ, агбиwa жапахачи. Тотарэ, мй зичимби". Тй пуэй ундыни: „Гэ, анда мэргэ, бай гаки гакилани, саксй саррилани дөлзіохэ. Эй маңбо дэрэндүэни бй жуэ ахондэу мэргэ. Агзіма бимэ, балзіме жаргуйни пузімбэ, асігоји бахэни. Тй пуэй ібахамба, аримба јајаји. Чава баханзіарэ тй хэмсэмбэ бй маңгасалба, хахасалба чуңнұ нoани хэтыни. Тй жака-дэ бйээрэ-мэргэ ундыни. Туй бй-дэ саwасй". Тотатэ нoамбани хулдүмбэ оміоңкини. Чадомат мэргэ ундыни: „Анда-а пуэй, гои-мосіамбам мурчй осіни, мй гоиwa пэргэру". Пуэй ундыни: „Аја гоани. Пэргүриwэ гэлй осини, та-а збкондо бй уңчуху, гісіл.

Мэргэ тора, гелэгуйни. Пуэй тэсигэ ичэгухэни, голзондола поина-о саңна нйзйни. Тотарэ, пуэй ундыни: „Анда-а мэргэ, уңчуху бйэси, золо. Эмү муру-муру бй золо. Эмзімэ wonиңпалэ бй золо. Тй жуэрбэ жапагора, эугуру". – „Анда-а пуэй, баалан туй умй аја гоани". Чадомат жапагора, эугухэни. Таванwa тоас іwанда, на-лазі кэндэлимбухэни. Туй кэндэлимбуйни, пэкэ маңга очини. „Ан-да-а мэргэ, туй сіліми ачаси. Жуэтуэсэwэ жапарэ, тава дичини

наггачиро". Ть мэргэ зуэтуңсэвэ запара, наггачихани. Тотара, бэунчији тэндэгүхэни. Дамахиwa омимарэ гусэрэндуйчи. „Хэрэ чиу-ригбэ! Уңчуху сайна пиджин-да бизэрэ". Тотара, эурэ, мэргэ ичэ-хэни – золо су-у-уйгэ хулэихэни. Налайи запамы ачасы. „Анда-а пуэй, хони таори?" Пуэй эуми, мова запара, хабогохани. Нагга паланчи тэх-тэх тахани. Сикүү уңчуху очини. Ть эмэимэ зологони сикүү гисил очини. Чадомат наканчији тэндэгүхэ. Уңчухумбэ запара, ундьни: „Анда- мэргэ, тариларо. Мэргэ ундьни: „Аја гони. Мэргэ тэпчухэни: – тарё-е, тарё-е! Туй ундьни, ть пуэй: „Дайзэ, дайзэ!" Уңчухумби пачилахани. Мэргэ хажамзи-и энэхэни, Тотатё сагохани. Ть пуэй уңчухумбэни тадорилэе сагохани. „Анда-а мэргэ, хагоји тадориси уңчухумбэ". Мэргэ ундьни: „Уңчухунси дэрбэкпин-нү, ситүн-ну пэргэкэчимби". Тотара, бэунчи тэндэгүхэни. Гучи мола, „дайзэ, дайзэ" морохани ть пуэй. Мэргэ хажамзи энэхэни. Тотатё сагохани. Сипомба пучилэе сагохани. Пуэй ундьни: „Анда-а мэргэ, хагоји сипомба туйнхуйси?" – „Абэ-э, мй бай пэргэкэчији. Тавани сукпи-нү, таваконү пэргэкэчимбе". Тотара, бэунчији тэндэгүхэни. Чадомат ть пуэй хэзэ, солға, нэлэ, чала пэргэкэчими нидмачихани. Тотара, хоёихани. „Гэ, анда мэргэ, байгоанси-ка тэң маңга най. Буэ васована гусэрэндухэпу. Эй маңбо дэрэндүэни байзэ дэгдэми Дэргусиэ, сэгдэми Сэргусиэ, Чавана-да запыхани тийла гурь. Муэ соңко долани долиндулэ-э-э муэ долани, ахандьни. Сй акси-ка оила аба, сайна жаста долани бийни бизэрэ. Тэң маңга гурь. Масихи эмтал, саманчи эмтал би. Ть гурь. Аңни гэрбуни Аранта, долини гэрбуни Базарга батор. Пожангони гэрбуни Исаки. Ть Исаки тэң маңга дай самэ. Эси буэ нэду гусэрэндуйпу-вэ ба-алан сахэ нгани. Ть Аранта-да, нгани-да самани дай. Ть долини Базарга батор, тэң эмү кусуни маси. Хай-хай эрдэн-дэ ана, эргэн-дэ ана. Эй дэгдэм Дэргусиэ, сэгдэм Сэргусиэ пондаёбни эими эйвэ элэ ісіји. Гэ-э, анда мэргэ, мй бай пэргэгуй та-а солға ёоңкова. Золо монгоани аңгогита уңкини". Мэргэ ундьни: „Аја гони. Пуэй цалаји та-ас пачилахани – Маңбова жа-ап тухэни. Порони сэкэр-р-р хэји очини, Аңмаји полчимби дочи кап татагорэ, пу-у-у пухэни. Дайи хэдү очини. Іалкоми-и очини. Тотами ичэхэчи солиа модандола эм алха ада хөлихани. Іланзи кёолко. Ть хамјалани гучи эмү хөлихани. Ть хамјалани гучи эму хөлихани. Камор іла алха ада. Бонгодо би огдала морини: „Апангу-у, эй дайи хэдунду горочи-и энугуэри, котилива кёол зингэгдэ татагорари. Туй умй, мэнэ огдаји кёолбани зингэгдэ татагохани. Зуэри маңбо хэсинду-тэни, кайго таптандини-мат энэми дэрүхэни огдачи. Чу хаміла би огдазайи Исаки ундьни: „Агана-а, суэ най золо монгова аңгохамбани саросо-нү?" Аранта ундьни: „Хайду-у аңгоандыи? Исаки ундьни: „Най аңгохани чавана ісімй, огдасо хэм бој-ајри". Туй умй, нгани закпаси хами дэрүхэни. Ть зуэри гурь маңбо токомбани энэмэри ть золо монгова ісімари, эй огдани та-ас, ть огдани та-ас энэхэни. Чадомат ичэгүхэчи-огдачи дочи йми дэрүхэни. Ть зуэри гурсэл эй чормоак, ть чормоак пуйкухэчи на-ла тугумэри.

Гарбилда лэкэји, бурији Запагохани. Тотами кірава тутуми энэми дэрүхэни. Элэ ісидоани, Исаки морини: „Агана-а! зуси пуй-кугусу! Эй чормоак, ть чормоак пуйкухэчи. Нэу-уэри огдалани тугүхэчи. Гарбилда энэми ть гурсэл ілісіхамбани ісіхани. Чадомат эктэ золочи дарапсин-да тэсйни. Лэкэји Запагорэ, зодочи камур гарпахани. Тотара, таванки тутуми энэи. Ть гурь огдачи зизала осіни. Нгани аңни Гарбилда морини: „Апангу-у, зуси лан эйи эидэ. Мэпи Запаандачи! Гороуки хэзонзи, лэкэзи гарпанасиро!"

Гарбилда іліхани. Бурији Запагорэ, лэкэји солбіхани. Исаки-ва ичээрэ, гарпахани. Лэкэни энэмэ, энэмэ, Аранта туггэндүлэни кічо-кічо тойкохани. Аранта лэкэ ундуни запичидуани, дарамалани сэлболэ дапуңкини. Аранта напчухари тэхэни. „Балана балэ-дуји эјэчиэ-э би пуэ пиджа хай чукй бичй, ібахамба аримба жа-пори эринду. Хэ-эи", – морасимй, чормоак пуйкухэни. Хамача энү-дэ ана, пидан-да очохани. Тотапи гуч эм лэкэвэ запара, гарпахани. Базарга батор туггэндүлэни тойкохани. Борты буйкини. Тотатё лэкэји Запагојни. Лэкэни ундьни: „Гэ, сй арбиндо!" Ть эмэимэ ундьни: „Сй арбиндо". Мэнэ дола маріамачмари дэрүхэчи. Уй-дэ арбіукічамари маңгасйчи. Чадомат Гарбилда ајакталахани. „Эм маңгавана бара, мјанда тэйси-нү?" Хоңгилаји налаји гідалами, татагохани. Нэдуэ-э, чадора-а дэгдэчэку лэкэвэ татагохани. Туй тамы Гарбилда ундьни: „Сэлэјэм-дэ сэрмиэку-тэни, кадарбим-да калта-ко-тани". Туй умй, чындахани. Исаки уйси тайни-уйси хасісй, пөси тайни-пөси хасіси. Туй тамы туггэндүлэни кічо-кічо-а тойкохани, саки ундуни запичахани. Бай хамар. Чадомат Исаки ундьни: „Гэ, Маңбо довани мактахани. Эзэмулэ эрухэчи ілго маңбо доани Гарбилда умбури гурсэлбэ эмү калта біаду хөліачими пулсури. Най туй уңкини най, хагуји тамы экэчй озара? „Анда-а, мй эси хөпөчінкочји энүэмби мэпи хөпөчіндагоми. Гойдами зуэр, іла ини-ду бимй, зизуээмби". Туй умй, муэчи тэмбуэк дэрингүхэни.

Гарбилда элкэ-э-э энэми, алха ада дуркэлни кіравани ісіни. Аранта зуэр тухи лэкэвэ запара, нэгүхэни. Тотами Гарбилдамба гарпами дэрүхэни. Гарбилда чіаси паггалагохани. Дарамалани лэкэ тур-р-р тойкохани. Зэлгэвэ даліагудала тойкохани. Чадомат тэ ілізіани аңгохамби мјатаји ачора, јарсіхани. Эм бола күрэ аба, эм бола кіара аба бичини. Тотара, ть ёока бардани энүхэни. Чадомат тэкини, мапа уйкэ дадоани тэсйни. Лэкэји буричији солбіохани. Сіамби дабал бурији хулиэмбэни татахани. Пиктэни ундьни: „Ама-ја, бунзінкэ!" Туй умй, ть пуэй амімби муйредуэни запара, онзи чоройга турйзіэни татахани. Чадомат лэкэни налалани чилкэңкини, уйкэ ујэ бэкэндүлэни тойкохани. Лэкэ долиндала-а-а іхэни. Пиктэни ундьни: „Ама, бунзінкэ!" Сй: „Хэрэ-э-э, чиуригбэ! Кэтэлэ эндэхэмби. Мй дөји мурчихэни андаха гурь бизэрэм.

Мэргэ йгурэ, дамахиwa оминаси, сјавориwa сјарй там хоёіни-Исаки зизүхэни. Огдари тагомари хоёіпари, анагохачи. Ть пуэй ундьни: „Анда-а мэргэ, мй бай насалзіји ичэгитэ". – „Гэ, чіхали осіни, ичэру". Ть пуэй ичэхэни. Насални ча-а-аига ичэхэни. Аранта морини нэучији: „Нэу-у, закпаси хагдари. Пэрхизіэзи пэр-

хиңкэ агэи дэгдэрэ. Дулэхизэи зүлху агэи дэгдэрэ. Пуксй, пандо, сйңка осира. Эй маңбо токондоани тоңгали осіни, байби бурбури. Закпаси хами аја". Туй умй, Запаси хами дэрүхэни. Исәки ундыни: "Най насални, най насалэи ичэхэни", - уңкини. Аранта ундыни: "Хейдо бариси, най насалгоани?" Запаси-гдал хами дэрүхэни. Исәки токомаи зичини. Ть эо тоилани хәхани. Хамй, эуэр тухи лэкэвэ жапами, ниехэни. Тотара, дуйси гарпанасими дэрүхэни.

Пуэй хуэйңкуду іліхани. Мэргэ уйкэ дладани іліхани. Мапа саола бадодани іліхани. Ть-тэни вајази гарпини. Лэкэ үмбэни хасісими торини. Гарбилда лэкэ ундуэни лап-лап жапини. Исәки хэм лэкэји манадала гарпанасихани. Гарбилда бэјэлэни тойком-да аба. Гарбилда ть лэкэвэ жапагора, хамаси гарпанасими дэрүхэни. Исәки-да эмуту туй жапини, ундуэни лап-лап-лап жапини. Гарбилда хэм лэкэји манахани. Мапа гучи эмү хуэлби лэкэвэни жапахани. Тотара, мэргэнду бүхэни. Мэргэ чази гарпанасими дэрүхэни. Тэң эмү лэкэ очохани. Чадо-мат Гарбилда ундыни: "Гэ-э, лэкэ, мапа аңгохани лэка-дэ биэсиси. Јла жаламба калами би лэкэ тачи. Аңдыни лэкэни амбанко ундэси-кэ наи". Туй умй гарпахани. Исәки мэпи лэкэ ісідани жапчыхани. Хаваңилани кічо-кічо-о йхэни. Зулэси энэм-дэ абани. Элэ-э-э дарондыдуй. Ть лэкэ қағарахани. Исәки ундыни: "Тэээ маңга гурү, эээмулэ эурирэ, хотомола хоан-да най тахани, тэээ маңга гурү. Тотам-да бэјэзи бэјэ дэсилэји энүэсим-би". Туй умй, омомби жапамй, омомамй, хулуңкини начи. Мэргэ дүјэ-зи эури. Исәки вајази тори тамари тоји токондоани жапаналихачи. Туй соримаре уйси кэндэриэ-э дэгдэичи. Ть пуэй энэмй, бэг-зидуэни жапагомй, начи ліңтиас түгуйзэчи татагойни. Туй сорили хон-ка тами тэ-э-э уис дэгдэрэ, Исәки лэгуйзимэ түгуй, Гарбилда үизэимэ түгуй. Ть лэкэ золочи гйдаңкини, луктурэмзи энэрэ, Гарбилда хавангилани тап йхэни. Эси жуэзэји эмү лэкэду очичи. Јлігой гэсэ, тэгуй гэсэ тэйчи.

Чадо ть пуэй энэхэни, Исәкива бајсалахани, жоа дава түгуй-зэни. Чадо-мат Исәки ундыни: "Анда-а Гарбилда, мэнэ хопочіңкочіји хопчіндагоми энүру. Ми-дэ мэнэ хопочіңкочіји хопчіндагоми энүэмби. Торо дачандоани балзиха Томзи пуэй, улэ досојару ми ундыјэва. Гарилдәнэи, Гарбилдәнэи пэкуэ, таси, ноңзэ, эуси аогой там-да гойдазачи. Ми јаладоја хали-да бичин-дэ бузэчи". Туй умй Исәки муэчи дэриңгүхэни.

Гарбилдама пуэй јаладоани жапагора, элгэгуми йвүхэни. Алдандоани найва сарй, алдандоани найва дэлугуй тыни Гарбилда.

Пуэй йвугумй, муэвэ энүэду тыасс нэрэ, пујуми дэрүхэни. Муэвэ тэң улэ хуруэңкэп, чадо-мат ундыни: "Анда-а мэргэ, ть энүэчи дэринду. "Гарбилда ундыни: "Чіхани, Исәки мэнэ ваја-танй мимбиwэ". Ть пуэй ундыни: "Исәки ваххани-да эмуту, ми ва-хам-да эмуту". Гарбилда ундыни: "Чіхани, мэнэ Исәки ваана-танй". Пуэй маси очогопи, энүэ холдончиане жухэ ірічігой; Мэргэ маси очогопи, бэунчи тэндэгуй. Пуэй хал-хал осіхани. Тотара, голзон-чији эугурэ, тэсини. Тотапэ ундыни: "Най-да тамача эрдэ анани-да туй там-да ачәси. Балана мй эй хөңкоңгоји кіравани хупими пуксидуйи бахамби кутупу ојо дайлани сйңгэрэ, арбинду!" Аксон-

пола чи-и-йеё арбиңкини. "Эзэ, хайгон гэлүхэси?" Эзэни ундыни: "Та-а-а тьи мэргэмбэ чуңну луңбэрэ, энүэчи пуринду". Сйңгэрэ мэргэмбэ чуңну луңбэрэ, энүэчи дэриңкини. Тотара, пуэй энүэји тіак-тіак чирэхэни золэзи. Тотапи-мат гойдапи пујупи-мэт боачи ниерэ, тэјэмбэ йвугурэ, энүэ кірадоани нэрэ, жуэр үйкэмбэ жапа-ра, чуңну үйкэлэрэ, тэјэ ојалани нэхэни. Тотара, бэунчиэни газо-ра, тэгүэн-дэ, зілілани пачілахани. Ть Гарбилда насалби потаң шхэлиүхэни. "Анда-а пуэй, хони тахаси мимбэwэ? Ми дои оркин-да аба". Пуэй ундыни: "Симбэwэ ть энүэ долани пујүхэмби. Тотапи-мат мэргэ сјагоани бүхэни. "Анда-а мэргэ, пэргэгуй күчэмбэ жапара, мэпи күчэлэру". Мэргэ ундыни: "Күчэ найва дараси хай осира!" Пуэй ундыни: "Сй күчәнси хали-да дараси, симбиwэ". Туй таме хандоғидоани пуэй күчэмбэни жапара, ть мэргэмбэ күчэлэ-хэни. Мэргэ чадоп іліхани. "Хауси би эктэ тачи? Туй ть осини, найва wазачи". Чадо-мат ть пуэй күчэмбэни бүгүхэни. Мэргэ күчэмби жапагора, ичэхэни: дуэни эмуту умэкэ-мэт хойгохани. Чадо-мат күчэмбэ жапагора, туңгэндулэји күчэчини наңга-наңга. Дони сэлэ ман'а очіни.

Сјара, хайра хойхани. Тотапи-мат утуңгиду тэрэ, бајачи дао-хани. Бајала хара, нава энэхэни. Аранта огдадуйи ілісім'е бини. Мэргэ энэмй, огдалани омй, јаутә токончиани энэмй, јадтамбани бојаліхани. Тотара, ағби јаладоани жапагора, татагохани. Аранта энэми мэргэ оңболдоани жапахани. Мэргэ морй-и, морй-и тахани. Халіко кэтэнчиэни онзи чоройга түгүхэни. "Этэ-тэ!" - уңкини. Мэргэ ағби бокичавани хэм ачогохани. "Ага-а, таты утуңгиду тэ-гурэ, даогоро!" Мэргэ аңни утуңгиду тэгурэ, даугохани. Тотапи муэсоңко, ть долани жуэр мэргэ, эм пуэй бичи. Бэгзидуэни жапа-гора, тадорохани. Акчији морйни: "Ага-а эй гурумбэ мапа сјвар-бани гэлэрэ, сјварими ачогору!"

Мэргэ ть іла гурумбэ жапагора, бајлазја бароани наңгачіохани. Тотапи-мат Арантази сорипсиңкини.

Хб-оне-да сорјасілани, Аранта туңгэни гірмаксани гјалү энэхэни. "Апангу-у, эзіенэ, мй сэлэсүји тэтундэгу гүјэwэ". Туй тамй, Аранта огохани. Јаотәнчији йгүхэни. Бэктэ, бипэ, ниегүхэни. Сэлэсү-wэ тэтугурэ, ниегүхэни. Дуркэл ојалани ілігора, ундыни: "Апан-гу, сй сэwэмби хэсигуру". Мэргэ ундыни: "Мй сэwэ анаји. Сй - зомбохан най, сй хэсигуру!" Аранта ундыни, "Гэ! Мй хэсигуэмби. Анда-а пуэй, эргэмбэ дола-дола жајагоро! "Гэ, элэни". Мэргэ ундыни: "Эргэмби жајагупи хони соріори! Мй пэргэгуй сэwэмби хэсигутитэ! Бумбэwэ узіхэ тахи пэгизлэни нэучэхэпу сэлэмэ аја-ми тургэнди хэдунэи түндэгугу".

Уми хоіини сэлэмэ ајамини хэмдэлэни тыасс тойкогохани. Нас-аңни јбо-онга лактогохани. Мэргэ тотами кадар ојавани онэй, хумэсй пататахани. Таварба зірамиэи золо папарак очини. Чадү-мат Аранта хулуңгүхэни. Туй тамй, мэргэнэи соріпсиңгохачи. Хон'а-да сорјасілани, сэлэсүни үичэлэји гоар түхэни. Нантани кас-кас энэхэни. Туңгэни гірмаксани гјалү энэхэни. Чадо-мат јаотәндоани эмү пуэй арбиңкини. "Анда-а мэргэ, Аранта-а, сим-биэwэ кайранды-да хони тазачи! Мэнэ мутэсији жакава хон-да

там-дә ачәси. Wāsoana Гарбилдә сәлэм аҗамиҗи хәсигүйдүәни, хажамәи энәхә бичәҗи. Сәлэм аҗами хородоани эргә би”.

Аранта сориҗи чиндагуми уңкини: „Эктәни колени мәнә мурунду-лиҗи уләсими ичәхә осини, най эргәмбәни хаулә бүри. Гарилдәнәи, Гарбилдәнәи – пәкуз, тауси, ноңзә, зуси аоми-ка биәсиси”. Туй уми, огдалаҗи оҗохани. Сукуҗи пузимбә нуктәдүәни катарамй, дүркәл оҗачәни татагохани. Дарамалани тактоларә, элиwани моҗо морихани. Элиwани дүркәл оҗачәни налагохани. Тй насални килтол тами уңкини: „Анда-а мәргә Гарбилдә! Арантаwа wәри чачәни wәро! Суҗи чачәни суиру! Аранта, мй хонтй осини, най муңгугузәни мулсигилиҗа-дә сәwәси, най монгогоани молсигилиҗа-дә сәwәси”. Туй уми, чакпала гәлтунгүхәни. Гәлтунгүхәни, баҗаҗәлала эҗасилни морини: „Анда-а, эҗәлдүәни эҗи wәра, Арантаwа! Бүә даогогопоwа”. Туй тамәри іланәҗари утунгиду тәгурә, даогохачи. „Анда-а, ноамбани wәҗа эруләми аҗа. Ноани-дә бумбиwә эруләхәни маҗа”. Туй умәри Арантачи ундйчи: „Тораwа чапчиру!” Арантаwа чапчүән-дә, ноамбани хоасими – эwуңкичи, Тй моҗи хуҗу хадамба аңгохачи. Тотарә, Аранта нуктәwәни җапарә, тй хаданчи тидак-тиак ухәчи. Бәҗиләни дәи җолоwа ухәчи. Тотарә, музчи налахачи, аҗмани арбичиҗәни. Тотарә, утунгиду тәгурә, даогохачи. Аранта долбоа, иңе морини. Туй морамә ундйни: „Балана баләидүҗи сәwә амбә уләсидүәни, эҗәчи билә хай чуки бичи! Хә-әи!” – Морансими җалаҗи хәсә-хәсә тахани. Хәсәриә-ә боа ба-рони дәгдәхәни.

Тй хамҗалани Томәи пуҗй бобой лохомби җапарә, хәсә-хәсә тами, тәсәриә-ә дәгдәхәни. Боа саңгардолани йхәни. Аранта соли холіҗинчиани хопалахәни.

Пуҗй хамҗалани энәмә, әм җогба бахани. Тй җо долани тыас солй маҗа. Тй удәwәни ичәмә, ичәхәни, Аранта тахи пәгизләни тәсйwәни. Энәмй, Аранта хуҗгуwәни мокто чапчилахәни. Аранта олгаллигда тугүхәни. Пуҗй хамҗалани эугүхәни.

җогби ісіҗоини – Арантаwа ба-алана wәхачи. Тотарә, сјарә, таха. Хәҗичи, Маҗбу токондолани колә гогдаләҗәни муз посокпиңкини. Тотапи-мәт Исәки арбиңгохани. Хәи ичә, соли ичә тахани. „Гарилдә, Гарбилдә тәә маҗа хаха гуру. Най тотәсидуҗи ундй-нү? Бјаду дусуәчими пулсиурәм. Әмүчә очоҳан-дә, хоҗасимби. Эй Гарилдә, Гарбилдә мапариwәни манаха, сәгәлбани сәоталіха, байгоҗа бартанчи – Доркй долани баләи Досогда умбури. Әмәиз сјани майма котолани дайлани, әмәиз сјани пимукә сјани дайлани. Мй бәҗә аҗпаҗи, камә җочоwа бакаҗи. Тургә хәдунәи тундәру!” Туй уми хоҗини, музwә колә гогдаләҗәни посокпими әмү пуймур арбиңкини. Аҗмани сә-әгә хәрини. Сәпси кјралани хәмй, пачиҗи дуйси анахани. Аҗбани кочкаларә, мәнә бәроҗи татагоҗини. Аҗни турикәчим, турикәчим эурини. Элә пуймур аҗмаwәни ісјдоани мәр-гә туңгәндүәни би сәлэм аҗами лопто-о энәхәни. Тй пуймур насалбани хәуңи тоҗкохани. Пуймур насаләиҗи ичәси очини. Оңәи қрата-тах тухәни. Арбиңгуй, йгуй тами хәмдәни чәро-у хәҗәпсиңкини. Хәҗиләни әмү хоҗко. Тәң долиндоли дапсјкалахәни. Сәҗиләни сә-әгә хәҗәсүрини. Таҗачи-дә дабдәси, эҗәчи-дә дабдәси. Туй хә-

җәсүрини. Чадомәт Исәки ундйни: „Най туй биәсиләни най мјандй-нү? Әмукә маҗгоҗи хәсигүхә осини, балуаңкичи.

Тотапи-мәт тй ілә гурунәи Исәки сорини. Тй Томәи пуҗй тул-тул боала ілсими ичәҗини. Туй тамә ундйни: „Заргуй пуҗй, Кә-куҗ пуҗй, Исәки эргәмбәни җаимәри әнүсу. Эй доркй досолани пик-тәдүни биҗи эргәни. Тй пуҗнүсәл элиҗари хоҗсјпарә, паландола сјмтохачи. җуэлтә бипәрә эйзүхәчи. Исәки эргәмбәни гәҗохачи. Тотарә, Исәкиwа wәхачи.

Wәпәри, ичәгүҗ: тй пуймур аҗмани сәйгә солгоҗини. Туй тами сәпси кјралани хәкоҗини: „Амм! Ичәгүсу! Мй сунәи туй биҗиҗи хәни сорјори! Дәң-дәң туриндусу. Мй пачиҗиҗи пачјлагоҗаwа”. Мәргә уйкә дадоани ичәҗини. Тй ілә гуру дарй-дарй туриңкичи. Тй пуймур пачиҗи тә-ә чала музкәп, тй гурумбә пачилахәни. Про-наҗи җуә бәҗизизәри җуләси энәхәни. Проанаҗи әм бәҗизизәри җулә-си энәхәчи. Чадомәт тй пуймур әмү мапа очоҳани. Долй сјмә би мапачә очоҗохани. Чадомәт гучи сорисингохачи. Туй сорјдоанә Томәи пуҗй ундйни: „Анда мәргә, тй мапаwа сокам әнүҗизәни сјантолаҗамби-нүм пәргәру!” Мәргә зурә, тй мапа сорјwәни тәң қусунди сјантолахәни. Мапа хайwа-дә сәраси. Мәнә-гдәл сорини. Пуҗй аңҗа җалаҗи пјсаҗдолаҗи қоап татарә, таwачи далгахәни. Тотарә, эҗидүҗи бүхәни. „Анда-а мәргә, нәзи пәргәгуй пачјлару”. Мәргә җапарә, пачилахәни. Тй мапа оңбони сокаҗгә тухәни. Тотапә тәгүхәни. „Ам, эҗи әрдәнсу тәң оркй!” Чадомәт кәчәригуми, нәуҗи җаладоани би җалаwа лопто-лопто җапарәхәни. Тотарә, тй мапачи энурә, мапаwа пачилахәни. Оңбони кјчойгә тугүхәни.

Чадомәт Томәи пуҗй ундйни: „Анда-а мәргә, амјмби, әнимби хәни-дә ноани wәхамбани мәдәсими пачјларо!” Тй мәргә пачјлидүҗи мәдәсйни: „Мй әнимбиwә, амјмбиwә әмәчә әрдәнәи wәкаси-нү? Тй мапа ундйни: „Аба!” Аба ундыҗизәни гәсә, пачилахәни. Гучи оңбони кјчойгә тугүхәни. „Амм, эй әрдәмбәри хоҗјосо! Сорим-дә отолиwәси”. Гучи модә пачјлаҗойдоани Томәи пуҗй мәндуҗи бичй мапа эргәмбәни нәчи налахәни, лала-кач энәхәни. Мапа-дә лала-кач буйкини.

Чадомәт тоқорә, мапаҗи, мамаҗи амјлагорә, әнеләгурә, тй җогду гәсә бичи. Бунәиз мәргә аҗни Гарилдә Кәкуи пуҗинәи асјла-хани. Дәргусиә нәуни Заргуй пуҗинәи асјлагани, Сәргусиә, тй-та-ни доркй досолани пиктәҗизәни асјлахәни. Әмунй асјни әмү-әмү.

Туй бимәрә Заргуй пуҗин-тәни әнүлүхәни. Элә-ә сактә сирмәл-тәләни ймулә очини. Чадомәт Томәи пуҗй ундйни: „Анда-а мәр-гә, зукәмби панамбани җаиро! Эй дүҗәлә биҗи”. Мәргә эҗа чімана әрдә-ә тәхәни. Таңго да мәтоwа омондоҗи сјлпјра, тоҳани. Хуҗу хурәмбә хуәлихәни, надә нәромба даохани. Тй таҗалани бичини әм нәро. Таҗа калтаwәни таҗдаwәси. Сјмбәни сирәхәчә ичүри. Кјраwәни кјталтачә ичүри. Тй токондоани әм хурәкә – нәңиә аңгоҳа җәмсику, боло аңгоҳа боңко, кампим аңгоҳа калача, хупим аңгоҳа хурәчә. Тй порондоани хуҗу пјари. Тй даҗамбани боани орони боритонко, ақпани орони айсинга. Дәрәгдүәни дәхи қонгокто, сәгліндәни сәсј қонгокто, гјандәни гјом қонгокто, сәсхәдүәни сәләм қонгокто. Тй гәрбуни Гурмә токса.

Мэргэ ичэмй, бэйчйни. Хаумахъ пајактава хасор анъзи, китахъ пајактава китар-р анъзи, дун да арга wonelané осини, — чадо-мат лэуэтэк ичэхэни. „Этэ-тэ, мэргэмбэ! Оркй мэргэмбэ зогдо, и хэсагдойдоане сарамби. Улэ мэргэмбэ надъ наромба даоридоанъа сарамби. Симбэ-мэт бэгэйдуй западала биухэ. Туй-дэ тамбим-дэ эй хуу пиарингу, дачамбани хуу модъ кэндэлимй, боа бароани дэгдэгуйдуэ, чадо запасы осини, зукэмби хоксидо вазачи“. Туй умй, пагэдалахани. Хуу модъ кэндэлимй, уйсй дэгдэгуйдуэни, мэргэ тагго да матова хусуми уйсй налахани. Бэктэ бимй, заклани тыэсс тугухэни. Бэгэини куил-куил боккпини.

Мэргэ тотаръ, пиналагора, зугухэни. Сэгэ сэнкурэлэ эмъ хаполдоа гэрбэгухэни. Нонгъ сэнкурэлэ эмъ хаполдоа гэрбэгухэни. Эугуми зогба исгохани. Экэсэл ба-алана унзихэчи.

Ани-таний тй гормахомба запара, пуухэни. Уликсэвэни хихо пуучихэни. Сэксэвэни пазика нэхэни. Сиксэңгилэ зйзухэчи. Тотати-мат сиксэ эринду хоричигой очичи. Заргой пузй ундыни: „Анда-а Томэй пузй, илро!“ Эмбэ сэвэмби йвэнду! Томэй пузй ундыни: „Мй илгојава Ибахъ арй појагтовани тугбуру“. Заргой пузй ундыни: „Анда-а пузй, мй-кэ ачъси“. Туй таръ, хоёихани. Тй пузй тотаръ, хоричигохани. Таваңки-мат энү-дэ анъ очохани. Таваңки хадолтэ бипэрё, энуйни эрй очогохани. Тй хоңко иргэ манъа очогохани. Таваңки далгомари зйзупухэчи. Зйзүмэрё, зйзүмэрё, Гариладъ, Гариладъ балзихачи боала исгочахи. Тотаръ, чадо очогочахи. Хэмтуэйэри эмъ зогдо гэсэ очохачи. Тотати-мат дэгдэм пулсй Дэргусизнай, сэгдэм пулсй Сэргусизнэй иргэмбэри цанигомари энухэчи. Илалтэ бипэри, зйзухэчи. Тотаръ иргэмбэри тэвэукичи. Ваја моданзи дужэ модамбани ичэвэси, хэји ичэхэн-дэ, хэзиз модамбани ичэвэси. Соли ичэхэн-дэ солиз модамбани ичэвэси.

Тотаръ, чадо туй бимэрё, балзймэрё, эмъ модъ зомбоини Гариладъ. Гариладъ ундыни: „Ага-а, буэ чимана пэрхиэз бароани энэгүэри“. Чадо Гариладъ ундыни: „Апангу, буэ зунэй асипу саман-дэ биэси. Буэ зүэр най чимана зүлэхизэ бароани энэгүэри. Маңгъ бари осини, та-а мй ормби налан ихэсигуй осини, элэ“. Туй гүсэрэндуэрэ, апсигохачи. Зйа чиманјава тэмэри, Гариладънэй, Дэргусизнэй пэрхиэз бароани энэхэчи. Тй зүэр гурӯ (Гариладъ, Сэргусиз) зүлэхизэ бароани энэхэчи.

Зүлэхизэ бароани энэхэ гурӯ энэмэрё, энэмэрё эм боадо най сикунэй пулсихэни поктоани бахачи. Тэң симата хэрэңсэни (пурэмсэни?) пулсихэни. Тй поктоани энйчи нонанчи, пйңэндүлэ онойчи. Хонъ-дэ энэсилэри, эм това вэхачи. Тотаръ, сарагоръ, иричймари энухэчи. Тй хамалани энйчи, эм боаду най пойңао ивачиуани ичэхэчи. Туй энэмэрё чава исхачи. Аонга бэунгүэни хулэрэ, сэгэйилэрэ, тоңгоари калтавани, нантавани калталирэ, сэкчизэхэчи. Зүэр сипомба тавадо сйлора, налагохани. Таваңкиэни энухэни. Хас поктони булзигуми очохани. Гариладъ ундыни: „Гэ, апангу, бумбиwэ нэду аонгами сйаро! — ундыни, — буэ эси энэпи, мэлэwэси. Исимй, кусунэйи wами аја“. Нэуни ундыни: „Гэ!“

Таваңки тй най энумё, энумё... залани чйриак — чйриак талохани. Тотаръ, хокпорава анаръ, тэхэни. Тэрэ, гаромби ачохани.

Кучэмби татаръ, чизакији пуктэхэни. Тй долани эмъ ээхэwэ бахани. Тй ээхэ ундыни: „Сй эйигуй гэлэми мэлэй осини, тургенэй эугурё, эктэдуи очогоңас-таний. Тотати тй гурсэл исгоичачи тэң улэнзи жохиңас-таний. Оркинэй тйси осини, симбиwэ wари-дэ бодоаси. Улэ очогойчи осини, улэнзи сйawan-дэ улэ жохира, таңас-таний. Сиксэ эринду мэдэсихэри: хавуйзима агэйма, хавуйзима нэузимэ тасоом — мэдэсихэри. Агэйма тамбём укинэйи чэйи эйилэңас-тэни. Тй мй эйији аңни. Оркинэй тй осини, симбиwэ wари-дэ бодоаси“.

Туй тамй тй ээхэ гэлтунгүхэни. Тотаръ, бэгэйи пуктэхэмби иноксази, зйлоксази модордохани. Сэрэ, нора хоғохани. Таваңки соктаји тэтугурё, зугухэни. Тй хамалани тй зүэ наји зурйчи. Туй зүмэрё, най мowa молсихандолани исхачи. Аңни, нэуни итэрэмэри зүмэри дэрүхэчи. Ээ хандолани исимари, сокта мэндэ наји зокчидани ихэчи. Бэсарэду тэрэ, пакпарйчи, бэсарэwэ куңкучимэри. Тй эктэ дамахива тэучйчйни. Тэучими дамахингоји запачйни. Дандуйи тэучирё, тэора, ирини. Гүпчй, тэогуи ирагуи тйни. Туй тамё дайвани запахани. Тотаръ, омйни. Туй тамари ајактачи муңгүхэни. „Анда-а мэргүсэл, соктари ачосү?“ Гариладъ ундыни: „Апангу, буэ-дэмэ хайрипу? Най зогдоани сокта мэндэ тэсиур-дэ оркй гоани“. Чадо-мат соктари ачора, наканчи тэндэгүхэчи. Тй пузй соктаwачё запара, боачи ирачахани. Соглиндо (Пэулэнду) хэм локтахани. Чадо-мат хајал-хајал мэдэwэ гэлйчи.

Тй пузй нйзучиэни Гариладъ ундыни: „Эй эктэ эйигуйи гэлэми бунзи мэлэйчэхэни биээрэ“.

Сйара тапари хоёлочичи мэдэсини: „Хавоуэйима агэйма, хавоуэйима нэузимэ тасо?“ Гариладъ ундыни: „Мй агэйма тамби“. Тй пузй Гариладънэй эйилэхэни.

Пэрхиэз бароани энй гурсэл эм боадо аонгйчи. Гиуwэ wара, тавава iwанда, сйлохачи. Элэ сйлоңгочи хуруйдуэни най нрамбачи хэсини: „Эй Гариладъ, Гариладъ умбури найсал хай калиндоани хамарихамби, хай чоңдовани чоёхамби. Нэлэ энйчи покточи биээрэм, этүри-дэ, хаси баwаси“.

Чаду Гариладъ ундыни: „Ага-а, бумбиwэ най хэсискэ. Энэгүэри!“ — „Аңни ундыни: „Гэ!“ Тотамари хэзомбэри хэм тэтугүмэри, соктаwари тэтугүмэри тй хурэмбэ пёси сусуэңкичи. Хонъ-дэ зүрэсилэри эмъ зб пазрандолани соктаwари түэх тойкочини-мат ичэгүхэчи. Ихэрэ анъ, пакчи-пакчи бй. Гариладъ ундыни: „Анда-а пузй, бумбиwэ морара, хайми аориси? Ихэрэји таогоро! Тй пузй ундыни: „Мимбекучи хали морандисү?“ Тй гурсэл ихэчи. Ихэрэwэ таогора, сйгогачи баргихани. Сйамари хоёипари, Гариладъ ундыни: „Анда-а пузй, мёпи галојам эйи мурчирэ. Та-а тй мй агэйјава зйилэхэс-дэ эмуту, хаси бунзи гэсэ биээчимэ“. Тй эктэ ундыни: „Мй хай найwа галојамби!“

Тотаръ, агэйма мэргэнэйи эйилэхэни. Зйа чиманјава эрдэ-э тэмэри, таваңки сусухэчи. Туй энэмё... Наму кйрачидани зухэчи. Намо багйалани най саңиани эмуту тамна-мат бй. Таоси даохачи. Таја кйрала хайричи. Хайлаwадас дэји иргэ! Тёјиду элчюсэл, ахосал огдавани бојачимари iwаңкичи. Тотаръ, морйчи: „Гэ, Зйрэгэйи“

ээни, бэжээни эуру! Элчиwэ эңэжи, ахаwа адада! Тэң бэжээни эуру!"

Ты Зйрэгэиэ эуруни. Ичйи - нау бими, элланэ, мүйрэлэи амако, кумби уулэни насалко. Ты гурсэл н'оранэиачи инэктйни: „Элгиди, хаус бйни? Ама осигиллани нэндэкүкэ. Уулэни дэжи заңга-заңга бй. Хаус бй нажи? Ты-тэни инэктэмэри дэрүхэчи. Ты эури гурсэл дулу-дулу очичи. Хон-дэ там-дэ ачэси. Туй тайдоани бэгэни эулиэлэни тысэс тухэни. Гарбилдэ ичэгүхэни - асйни н'алани. Чава запамй, ты гурсэлбэ тойками дэрүхэни. Поанй микуй, поани чавуи тамари хэм чочагохачи.

Ты хамилани-мат Зйрэгэиэ ээни эухэни. Ты-кэ эмуту най. Эумй, ундйни: „Эй, Гарилдэ, Гарбилдэ, уйду исигдари эйчису эй боачи? Мй элэсйлби хэм эйдычи осини, уйду-дэ исигдари. Гарбилдэ байгоани доркй досолайни. Эм б'адо най сэксэни мүнгу-эм омй, эм б'адо най уликсэни огасго-эм с'арй ты-дэ хай бирэ! Гучи бй Аранта, Базарга баттор, Исаки, гэ, ты гурү-мэт най будбизани, хуктэри холгойзани инэктй. Ты Исаки хайлаwадас дэжи самэ. Н'орани эси бэ-алан с'ахэ".

Гарбилдэ ундйни: „Бүэ бэ-алан хэм wакану. Эси симбизwэ wандагомари эйчипу". Зйрэгэиэ ээни ундйни: „Суэ хонивари ты гурсэлбэ? Ты Зйрэгэиэ ээни н'алажи лулгүмэи нэрэ, ичэкүлэми дэрүхэни. Пархи тэниндулэни дэрүхэни, эулэхи эулдүлэни кэндэлигуми ичэми дэрүхэни. „Хай эрдэңгэни бэра, туй хэм мэйэри манбамари хаймари хэсичичи мимбивэ? Хон-дэ элэсйлбивэ манаканомарй-дэ мй н'аладо-а буэасу".

Тотати-мат соримари дэрүхэчи. Н'аңга сорими, л'ихани. „Анданэ, суэ сэwэмбэри хэсигүсу!" Гарбилдэ ундйни: „Бүэ сэwэн-дэ анану. Сй эбмбохэ най, сй сэwэмби хэсигуру!" Зйрэгэиэ ээни ундйни: „Гэ, мй хэсигү-тэни. Апангу-у, маңга боадо, ч'ра боадо л'икажи. Wawой эбдо бй эргэ бэдо-а дуwуй эбкчи тобогоро! Гэ, анданэ, элэни. Гэ, суэ сэwэмбэри хэсигүсу".

Гарбилдэ ундйни: „Анда-а пуэй, тээмэнду! Най эргэмби тобогидани тээмэнду. Гэ, элэни". Туй тамари, гучи соримари дэрүхэчи. Хон-дэ сорисилачи асйи элгамбани дблэхани. „Анда-а мэргэ, тээмэнду! Мй тутбу-эwэ ээи нэчи түwэндэ. Уйлэ-бэки за-пахари". Туй уми, бэгэику, н'алако закаwа лачар-о тутбухэни. Мэргэ уйлэ-бэки запахани. Тотамй, Зйрэгэиэ эээмбэни wахачи.

Хэжи, соли морамари, далігомари дэрүхэчи. Мэнэ энэхэмбэри поктола чүл хуэлигүмэри дэрүхэчи. Сукуи пуэймбэ-дэ чава-дэ гэсэ габэхачи. Туй эйзүмэрэ, эб - боалари исигхачи. Аңнани бэлан эйзүхэчи. Аңни ундйни: „Апангу, мй асиги б'акажи, та-а ты эукэнси". Мэргэ ичйни - хай-дэ улэ эктэ! Зйрэгэиэ пондаwовани габэхамби Дэргусиэ нэуни Сэргусиэ асигдани бугүхэни. Н'орачи асйи эмуинги эуэр-эуэр. Гарбилдэ асйни эму.

Туй бимэ, балэимэ, асини энулухэ. Элэ сактэ сирмэлтэлэни ймулэ очини. Мэргэ мэнэ-гдэл боалпа пулсйи пулсй. Гасаwа гарпй-эй гарпй. Асйи хайэи энусиэчизм эчиз мэдэсирэ. Кол-кол бйни. Туй тамэ эм сиксэ апсигопари дэгдэм пулси Дэргусиэ асйни Заргуй пуэй ундйни: „Анда-а мэргэ, сй-дэ најачэ бй осини, нэуји

асйни каламбани н'ахаси осин'-дэ аја гоани. Эwэнкэ том'э бији надэ н'арб к'арадоани хују с'ис'иwa кап пэјуwэ аңгхани. Ты ојалани токондолани алха олгома бији. Чава запамй, таwаңки том'э хују хурэмбэ хуэлипи чачи бй сазала арбимбури. Ты токондолани эму дэ бирэ. Ты дэду этху эңку, боро айда умбури. Гојани чэричэ-чэричэ оңкора. Токондолани алха, насални чакй. Чава калару".

Тотарэ, эја ч'манавэ дэгдэм пулси Дэргусиэ таңго дэ матоји омондолаји сипим'э, тохани. Гороз томи, эйзэ томи, надэ н'арб к'аралани исихани. Тэээ-дэ бичини. Хују с'ис'иwa камор пэјуwэ аңгхани.

Ты ојалани эму олгома бйни. Токондолани алха. Н'орамбани ичэ-мй, к'ангйа бок, к'ангйа бок этүрйни. Лаң энйни, н'укпуэлэхэни. Мэргэ токондолани лап запахани, запамй, матоји куйл-куил боки-хани. Таwаңки том'э хују хурэмбэ хуэлипи, ты ч'алани эухэни. Чачи бй сазала арбикйни. Токондолани эму дэ бичини. Тэээ-дэ чадэ этху эңку, боро айда оңкоми бйни. Гојани чэричэ, чэричэ оңкойни. Мэргэмбэ ичэми, хукчүхэни. Мэргэ аңчи эм модэ, ээунчи эм модэ с'антолахани. Хумэси кубдурэмэи тухэни. Түрйни - таңго дэ матоји запагорэ, бокйхани. Тотарэ, п'аналагорэ, эугуми дэрүхэни. Олгомангоји, чава-дэ п'аналхани. Н'онгэ сэңкурэ, сэгэс сэңкурэ эму каполдоа каполдоа гэрбэгүхэни. Таwаңки эугуми эбгби ис'охани.

Экэсэл бэлан хэм үнэхэчи.

Тулиэду нэwэн-дэ, Гарилдэ нэрэ, хэм пуихэни. Уликсэни пују-чимй эму бэсэрэду тыас нэхэни, Сэксэwэни пазй нэхэни. Сиксэ экэсэл хэм ис'огхачи. Тотати-мат долбо эринду хоричигомари дэрүхэчи. Томэи пуэй ундйни: „Эгэ-э, Заргуйни пуэй, Ибахэ ари поја-аңгони тутбучэру!" Заргуйни пуэй ундйни: „Мй-кэ ачэси". Ты пуэй хоричира, хоёхэни. Томэи пуэй л'ихани. Илэ модэ бэсэрэwэ кэндэлими мэхэни. Тотарэ, уйкэwэ нихэлирэ, морахани: „Ибахэ ари појааңгони, эпаңгу, түру! Элчиусэл, ахосал пуригбэни хоричи-хамби. Чала к'октон дэилани олг'акамба б'ахамби. Ты сугдимбивэ амталандами түру!" Туй уми хоёни - тулиэлэ тыэсс тухэни. Тэни бэјегуу бэри арчока. Ихэ, голзондо тэхэни. „Эпаңгу, мэуру!" - ундйни. Ты арчока мэхэни. Мэупи хоёро-а, Томэи пуэй ундйни: „Эпаңгу, мй хор'аңго-аwа ос'иро! Най-дэ хэм эуэр-эуэр, мй-рэгдэ эмүчэ. Мй хор'аңго-аwа ос'иро!" Ты арчока ундйни: „Эгэ, мй бай сэwэ тамби. Хай-дэ маңгавани бапи, хэсигүйси осини, эй-эуэмби. Мй бай сэwэндулэи хони сй хор'аңгоаси ос'ири?" Томэи пуэй ундйни: „Сй эси нэзүхэн-дэ дэгдэгуми мутэсиси. Хасар-дэ анэ очаси". Туй тамэ ты арчока л'игора, нэзүхэни. Пуэй хамилани уйкэwэ нихэлирэ, ичэзйни. Ты арчока хэсэ-хэсэ тахан-дэ дэгдэгүчэми ч'лахани. Пују-нэсихэн-дэ, ачэси осонкйни. Хон-хон' тамй ч'лам'э, сонголохани. „Ибахэ ари акпалони, эндур жоңтоңгоји тутбуру". Пуэй ичэзйни - сэрэу-у тутбуни, ты арчока эл'и-wани элэ-э-э исй. Чадэ пуэй пу-у пүрйни, хаңс'о хуэдүри. Гучи модэ хусугурэ, тутбугуйни. Элэ-э-э эл'и-аwа исй. Пу-у пүрйни, хаңс'о хуэдүгуй. Эпаңго, „Ибахэ ари појааңгони, най осими найлчинкасэ. Хон-дэ токоми мутэсиси. Аја, най улэңэи нэучийни осини, гэсэ ос'ира, биру. Най оркинэи тыини осини, мй мэнэ н'аигоамби".

Ты арчока сонгоме йгухэни. Тотара, ты долбонава хоричигоха хоиха. Томэи пуйи ты Ибаха ари по-янготэиани хорламоля очичи. Эмунь асэни зүэр-зүэр очичи.

Таваңки балзимари, бимэри, хамача-да мутэсизэни балзимари дэрухэчи. Хэ-и эныни-да н'оачи бйлэни исэни, поктони элэни. Соли эныни-да н'оамбаче исиха - элэни. Таваңки тауси хали-да энэм-дэ мутэсичи. Боя-мат бајачира, боя-мат элгизчирэ, гаса, бэју сонгойэиани манамаи бајачимари балзихачи. Н'оачи порондоани то дангаэиани аңгохачи коробочи, ты-рэгдэ бйни. Гэ, элэни.

Перевод

№ 29. Гарилдан и Гарбилдан

Жили (братья) Гарилдан и Гарбилдан. Так жили, а старший брат с младшим не разговаривает, младший брат со старшим не разговаривает. Ни из чьей воды никто не берет, ни из чьих дров никто не берет. Вечером, возвращаясь из тайги домой, каждый сам себе приготовит пищу и ест. Как бы ни устали, все равно друг с другом не разговаривают.

Так жили, и однажды младший брат Гарбилдан говорит: „Ну, старший брат, почему же мы не разговариваем? Когда мы родились, разве отец с матерью нам сказали: вы двое, мол, не разговаривайте?“ Тогда только старший брат сказал: „Я давно уже думал, что надо заговорить с тобой, уже года три-четыре, как стал об этом думать“. Тогда младший сказал: „Старший брат, нет у нас ни жен, ни детей, зачем нам так без устали охотиться, кого кормить? Давай мы теперь так делать: один день один из нас идет в тайгу, на другой день - другой пойдет. Давай так охотиться, нам устали не будет. Хотя и вечером придешь, устали не будет. Ну, завтра ты иди, а я буду отдыхать дома“, - сказал младший брат.

Старший брат ушел в тайгу. Младший брат в тот день заготовил и принес дрова, сходил за водой, пищу приготовил и стал дожидаться старшего брата. Поздно ночью старший брат пришел. Младший брат вышел из дома, взял его котомку, мясо (добычу) и внес в дом. Затем вошел старший брат. Стал снимать свое (охотничье) снаряжение. Младший брат взял и все развесил по местам. Потом для старшего брата набил трубку. Старший брат взял трубку и закурил. „Братец, хо-ро-шее дело! Очень хорошо мы придумали! Даже усталости нет“. Потом старший брат кончил курить и младший брат дал ему поесть. Старший брат поел. „Очень хороший способ!“ - сказал.

Дальше так и начали жить: один ходит на охоту, другой остается дома.

Однажды старший брат говорит: „Младший брат, сегодня ты оставайся дома. Этой ночью я видел очень плохой сон“. Младший брат говорит: „Старший брат, хорошо поешь - хорошее увидишь во сне, плохо поешь - плохое увидишь. Мы ведь до этого видели же,

как нас медведь задирает, как кабан-секач поднимает нас на клыки. Ничего этого на самом деле ведь нет“. Старший брат говорит: „Ну, братец, так-то оно так, но то, что я видел во сне, необычно. Очень уж плохое“.

Младший брат все же пошел на охоту. В этот день он шел по своему прежнему пути, дошел до самого его конца, никакого зверя не встретил. В конце своего пути сел и отдыхает. Только тут услышал, что долетает какой-то звук: не то ветер, не то вихрь, не то ураган. Сражения людей он никогда не видел. Но тут как-то подумал: наверное, люди сражаются. Встал, надел свои лыжи и пошел обратно по своему следу. Спустился немного вниз и слушает: шум от сражения людей доносится со стороны его дома. Тогда мерген закричал: „Эй, пока я спускаюсь к дому, хоть будь ты пришлый человек сильнее, не убивай моего брата! Брат, хотя бы ты оказался сильнее того человека, не убивай его, пока я к вам иду!“ Если согнется (мерген), то под ветками дерева промчится, если выпрямится, то над вершинами кедра пролетит. Так он спешил, спускаясь с горы. Только когда миновал середину своего пути, звук от сражения людей исчез. Тут сказал: „Вот беда-то! Если бы вместе, вдвоем были, ведь хорошо было бы. Хотя и силен, а в одиночку против многих людей как устоишь!“

Дальше стал спускаться; когда вот-вот уже стал подходить к дому, услышал крик человека. Крик был слышен прямо по направлению к изгибу реки. Голос старшего брата: „Эй, братец, ты оставайся, живи, поддерживая дым очага наших отца и матери. Раз уж меня захватили, то что поделаешь! Коли быть рабом, то придется им быть, коли быть старшим слугой, придется им быть“. Так кричащий голос его старшего брата удалялся и замолкал. Младший брат стал дальше спускаться, еще больше приналег на лыжи. Дошел до дома. Деревянная загородка около очага разнесена, печь разрушена, жарницы на двери отодраны. Дверь во-он там упала. Начиная от входа в дом до самого берега реки лежат покойники. Лежащих вверх лицом он стал переворачивать вниз лицом. Лежащих на животе людей на спину переворачивает, но найти старшего брата не смог. Волосы старшего брата на землю попадали, здесь один клочок, там один клочок. Лодка отошла от берега, оставив лунки-следы от со-рока шестов. Все это младший брат видит. „Наверное, моего старшего брата эти люди забрали себе“.

Потом поднялся домой. Сел на свои нары, закурил и стал думать. „Кому до меня какое дело! Все равно где ни умереть, где ни жить. Раз уж угнали моего брата, стоит ли беречь себя ради нескольких лет жизни?“

Сказал так, взял рукавицы и вышел на улицу. Взял лыжи, надел и пошел. Отошел немного, оглянулся: его амбар, его вещи, все равно как стоянка воинов осталась, все открыто. Обернувшись назад сказал: „После меня идущие вниз по реке и идущие вверх по реке пусть не минуют селения, они будут желанными гостями, что захотят взять, пусть то и возьмут“.

Хлопнул в ладони, появилось горбатое возвышение и кудрявый бутор на лугу от одного берега реки до другого. Побежал (Мерген) по нему напрямик на другую сторону реки. Далеко ли шел, близко ли, спустился к реке. Та река красивая, широкая, с одного берега другой еле виден. Пошел вниз по течению той реки. Шел, шел, в одном месте утес прямо в воду спустился. На вершине утеса дом стоит. Мерген снял свои лыжи и поднялся к дому. Лыжи сунул на вешалку. Потом взялся за дверь и вошел. В этом доме сидит старик и при помощи вертушки вьет матаус.² Мерген подошел к старику и поклонился ему, став на одно колено. Старик поцеловал его. „Ну, дорогой, чей ты сын, что пришел к нам кланяться?“ Мерген ответил: „Старик, старому человеку нужно кланяться“. Потом пошел, чтобы сесть на нары против двери. Когда сел, спросил у старика: „Старик, ты не один?“ Старик ответил: „У меня лишь двое – старуха и дочь. Они за дровами пошли, вон там на горе собраны“. О том, о сем разговаривают. И тут на улице слышался стук сгружаемых дров.

Мерген думает: по стуку – это собраны разные мелкие дрова. Когда он так сидел и раздумывал, вошла старуха средних лет, а за ней девушка, только входящая в возраст. Девушка, увидев мергена, сказала ему: „Ну, друг мерген, пришел, что ли?“ Мерген отвечает: „Друг пуди, я добрался к вам“. – „Друг мерген, если бы не было никакого важного дела, то ты сюда никогда бы не зашел“. Мерген отвечает: „Дорогая пуди, невероятно важное дело. Жили мы в одном месте только вдвоем со старшим братом. Когда мы так жили, пришли захватчики-победители и заполонили моего старшего брата. После этого я и пришел сюда“. Та пуди говорит: „Ну, дорогой мерген, из карканья вороны, из стрекота сороки слышно было, что в истоке этой реки живут два брата мергена. Старший брат жил, жил, и его выбрала в мужья пуди Дяргуйни. Та пуди, выбрав его, поет по-шамански, прося помощи у Ибахан арина. После того как она выбрала его, он на ней женился и во всех тех местах живущих силачей и богатырей побеждает и держит в подчинении. Наверное, этот и есть“. Сказав так, дала мергену испить теплого напитка. Мерген ее спрашивает: „Друг пуди, если ты считаешь, что можешь предсказать мой путь, предскажи“. Пуди отвечает: „Хорошо. Конечно, можно. Если хочешь предсказаний, вон там в углу есть шаманский бубен и колотушка“.

Мерген поднялся и ищет. Пуди, посидев, увидела, что из очага дым, клубясь, выходит, а в трубу не идет. Тут она сказала: „Друг мерген, это не бубен, а камень, один круглый (бубен), другой длинный, узкий и гладкий (колотушка). Возьми их и принеси“. „Друг пуди, давно бы так сказала!“ Тогда только он взял и принес их (камни). Очень сильно разжег огонь и, вращая их руками, стал нагревать (бубен для камлания). От этого стало невыносимо жарко.

„Друг мерген, нельзя греть бубен, крутя его перед огнем. Возьми оба камня и брось их в огонь“. Мерген оба камня бросил в огонь. Потом пошел на свое место и сел. Курит табак; разговаривают. „Ну и беда! Бубен наверно так накалился, что вот-вот

загорится“, – подумал он. Мерген подошел и увидел, что камни нагрелись докрасна. Взять их руками невозможно. „Друг пуди, что делать?“ Пуди подошла, взяла палку, подгребла камни к себе. Немного постукала их об пол – круглый камень стал новым шаманским бубном, а другой камень – новой шаманской колотушкой. „Друг мерген, говори: таре, таре“. Мерген говорит: „Ладно“. Стал выкрикивать: „Таре! Таре!“ Говорит так, а пуди: „Погромче, громче!“ Ударил в свой бубен. Мерген потерял сознание. Потом пришел в себя и видит, что он вырывает бубен из рук пуди. „Друг мерген, зачем ты вырываешь у меня бубен?“ Мерген говорит: „Дай я попробую, не отсырел ли, не нагрел ли твой бубен“. Потом сел на свое место. Пуди еще раз закричала: „Громче, громче!“ Мерген опять потерял сознание. Через некоторое время пришел в себя. Увидел, что он раздувает угли в жаровне с багульником. Пуди говорит: „Друг мерген, зачем трогаешь жаровню с углями?“ „Я просто попробую, потухла она или с огнем“. Потом опять сел на свое место. Та пуди во время камлания и внизу по реке и в верховьях, в близких местах и отдаленных, разыскивала тех, кто увез ее брата. Кончила свои поиски. „Ну, друг мерген, враг-то твой очень сильный человек. Я недавно с ним разговаривала. В истоке этой реки живет летающий Дяргусен, и словно птица, несущаяся над водой, Сяргусен. И их полонили те трое людей. В большом черпаке для большой лодки, где до половины вода, их заставляют лежать. Твоего же брата поверх их нет. Наверное, он в шатре. Очень сильные люди, их физическая сила равна их шаманской силе. Имя старшего брата Аранта, имя среднего брата богатырь Бадярга, имя младшего – Исаки. Тот Исаки самый большой шаман. То, о чем мы здесь с тобой разговаривали, он давно узнал. И тот Аранта тоже большой шаман. Их средний брат Бадярга-богатырь крепок лишь своей силой. Никаких приемов у него нет, и души он не имеет. Сестра летающего Дяргусена и страшно несущегося Сяргусена сюда идет и скоро придет. Ну, друг мерген, из того утеса, что выше нас по течению, надо что-то сделать. Сделаю-ка я затор из камней“. Мерген говорит: „Ладно“. Пуди хлопнула в ладоши – утес рухнул и перегордил реку. На реке образовалось течение, чуть-чуть покрывающее его вершину, камни лишь едва высывались из воды. Пуди рот и щеки одну к другой внутрь втянула, вбирая в себя воздух, затем подула: пу-у-у. Появился южный ветер. Барашки пошли по волнам. Потом увидели: с верховьев реки из-за утеса идет одно парусное судно о трех мачтах. За ним еще одно появилось, а позади их еще судно. Всего три судна. С судна, находящегося впереди, кричат: „Братец, при этом южном ветре далеко поведем, давайте натянем паруса до самых макушек мачт“. По обоим берегам идут их суда, летят по воде, как гуси – крохальки несутся над водой. С самого заднего судна Исаки кричит: „Братья, вы видите, что что-то сделал затор из камней?“ – „Где сделали? Где ты видишь?“ – спрашивает Аранта. „Человек сделал. Доедете до затора, и ваши суда разобьются“, – говорит Исаки. Сказав это, Исаки стал причаливать к берегу. Другие же двое едут по середине реки, доплыли до каменного затора,

одно судно — трах — и шлепнулось об него, затем хряснуло другое судно. Тут увидели, что их суда начали тонуть. Те двое: один скок, другой скок, прыгнули и упали на землю.

Гарбилдан взял стрелы и лук. Побежал к берегу. Когда уже подбежал, Исаки закричал: „Старшие братья, прыгайте сюда!“ Этот скок, тот скок, прыгнули и упали в судно своего младшего брата. Гарбилдан дошел до того места, где стояли эти люди. Там сидит одна женщина, прислонившись спиной к камню. Гарбилдан взял свои стрелы, выпустил их в камень, пробил женщину вместе с камнем. Потом побежал дальше. Приближается к судну тех людей. Его брат Гарилдан кричит ему: „Братец, не подходи сюда близко. Дашь себя поймать! Издали бей стрелами“.

Гарбилдан остановился. Взял свой лук, стрелу на лук положил. Посмотрел на Исаки, прицелился и выстрелил. Стрела его летела, летела, попала в грудь Аранта так, что застряла и шевелится там при дыхании. Аранта хотел взять стрелу с заднего конца, стрела пробила его насквозь, так что спина покраснела от крови. Аранта, потеряв силы, сел. „В прежней жизни, когда я призывал Ибахан арина, этакие раны что за беда были!“ Закричал: „Хэ-э-и“, — прыгнул длинным прыжком. Никакой боли, никакой раны не стало. Затем Гарбилдан взял еще одну стрелу и выпустил. Попал в грудь богатыря Бадярга. Тот навсегда замер. Затем (Гарбилдан) опять достает стрелу. Стрела говорит: „Ну, ты покажи себя, вылезай из колчана!“ Другая же стрела говорит: „Нет, ты вылезай!“ Так они начали спорить между собой. Ни одна не хочет показать себя. Тут Гарбилдан рассердился: „Одна из вас попала в затруднение, и теперь трусите?“ Запустил свою руку в колчан и потянул. Вытащил старую стрелу с кое-где стретыми перьями. Тогда, говоря: „Хоть и железо, а имеет поры, хоть и камень, а имеет трещины“, — выпустил ее. Исаки вверх вытянется, стрела его вверх догоняет, вниз пригнется — внизу догоняет. Так и попала ему в грудь и, дрожа, застряла. Исаки хотел схватить ее за задний конец, но промахнулся. Тогда Исаки говорит: „Ну, по всему Амуру расхваливали Гарбилдана. Подняли так, будто он властелин по всей реке. Людей, называемых Гарилдан и Гарбилдан, полмесяца нужно обходить (такие они страшные). Люди так говорили: отчего, мол, им быть слабыми, ничего слабого у них нет и быть не может, они очень сильные. Друг, теперь я пойду в свое шаманское место для лечения, чтобы вылечить себя. Самое большое: два-три дня пробуду и вернусь“. Сказав так, он бултых в воду.

Гарбилдан, потихоньку идя, подошел к кормовому сидению судна. Аранта вышел, неся две охапки стрел. Начал стрелять в Гарбилдана. Гарбилдан побежал обратно. Ему стрела, со звуком тур-р-р, в спину попала. Попало в него еще несколько стрел, пока он успел скрыться в чаще леса. В лесу он снял свою короткую охотничью куртку из меха с головы лося, посмотрел. Нигде не было вздыбленной шерсти от прошедшей стрелы, не было и мест, зацепленных стрелами. Потом пошел к тому домику. Поднимается по берегу. Старик сидит в дверях. Стрелу на лук положил. Дальше уха (очень

сильно) тетиву натянул. Дочь говорит ему: „Отец, это наш человек!“ Сказав так, та пуди взяла отца за плечи и так потянула, что он навзничь плашмя упал. Стрела из рук старика впустую полетела. Попала в верхнюю перекладину дверной рамы. До середины дровка пошла. Дочь опять ему говорит: „Отец, он наш!“ Старик: „Вот беда! Чуть не ошибся. Я подумал про себя, что это, наверное, чужие люди“.

Мерген вошел; как только он кончил курить табак и есть пищу, Исаки вернулся. Кончили братья чинить свои суда и оттолкнули их от берега. Та пуди говорит: „Друг мерген, пойду-ка я посмотрю своими глазами“. — „Ну, если хочешь, посмотри“. Пуди стала смотреть: ее глаза так скосились, что стали видны только белки глаз. Увидела. Аранта кричит братьям: „Братья, давайте пристанем к берегу. С юго-запада мощная гроза движется, с северо-востока сильная гроза надвигается. Сильный ветер, ураган, смерч идет. Если он захватит нас на середине этой реки, зря умрем! Пристанем-те к берегу!“ Говоря так, начал причаливать к берегу. Исаки говорит старшему брату: „Человечьи глаза, это они сглазили нас. Чей-то глаз, кто-то нас увидел“. Аранта говорит: „Где ты увидел человеческие глаза?“ Еще ближе стал причаливать к берегу. Исаки на среднем судне меж двух едет. У берега около этого дома причалили. Затем взял две охапки стрел и на берег вышел. Потом с берега вверх начал стрелять.

Пуди встала у загородки очага. Мерген стал в дверях. Старик встал напротив большого глиняного кувшина для хранения воды. А тот с берега стреляет. Стрела вслед за стрелой летит. Гарбилдан стрелы за их задний конец: хват, хват — ловит. Исаки стрелял, пока не израсходовал все стрелы. Ни одна стрела не задела тела Гарбилдана. Гарбилдан, захватив стрелы Исаки, стал стрелять в него. Исаки ловит их за задний конец: хват, хват хват. Все стрелы Гарбилдан израсходовал. Старик достал колчан со стрелами и мергену дал. Мерген начал ими стрелять. Осталась только одна стрела. Тогда Гарбилдан говорит: „Ну, стрела, ты не стариком сделанная, а три поколения пережившая. Люди говорят о тебе, что ты стрела человека, имеющего духа-помощника, и обладаешь адской силой“. Сказав так, выпустил эту стрелу. Когда она подлетала, Исаки хотел ее схватить, но она вошла ему под мышку, вонзилась и застряла, дрожа. Дальше не пошла. Когда вот-вот уже должна была пройти насквозь, остановилась.

Исаки сказал: „Действительно, могучие люди. Как властелина возвышая, восторженно шумя, люди по городам разносили слух, что это действительно сильные люди. И все-таки, пока сам не испытаю его силу, пока в поединке не уступлю, не уйду“. Говоря так, взял пояс и, подпоясываясь, сошел с судна на землю. Мерген с горы спускается, а Исаки с берега в гору поднимается, на середине тропы схватились. Так борются, что сами собой вверх взлетают. Та пуди подошла и так их за ноги потянула, что они на землю плашмя упали. Опять борются так, что каким-то чудом во-он вверх взлетели. Исаки нижним упал. Гарбилдан верхним. Стрела вонзилась в ка-

мень. Пробив камень, глубоко вошла под мышку Гарбилдана. Теперь двое оказались пронзенными одной стрелой. Встают вместе, садятся вместе.

Затем пришла та пуди, так поддала Исаки ногой, что он отлетел на десять саженей. Тогда Исаки говорит: „Друг Гарбилдан, ты иди лечиться в свое место для лечения. Я тоже пойду лечиться в свое место лечения. Пуди Томди, родившаяся у комя священного дерева, выслушай хорошенько, что я тебе скажу. Ты ждешь времени, когда сможешь спать с Гарилданом и Гарбилданом: жарко — отодвинуся, холодно — прижмись. Долго будешь ждать. Когда-нибудь да умрешь от моей руки“. Проговорив это, Исаки прыгнул в воду.

Пуди взяла Гарбилдана за руку и, ведя за собой, ввела его в дом. Гарбилдан временами терял сознание, временами приходил в себя.

Пуди наполнила водой котел и начала его кипятить. Прокипятив хорошенько воду, стала говорит: „Друг мерген, прыгай в котел“. Гарбилдан говорит: „Ладно, пусть уж лучше сам Исаки меня убьет“. Та пуди отвечает: „Не все ли равно тебе, Исаки тебя убьет или я тебя убью“. — „Пусть уж лучше меня сам Исаки убьет“, — говорит Гарбилдан. Пуди, поднатужившись, кое-как подтолкнула его к котлу. Мерген, освободившись, на свое место пошел. Пуди растерялась, но потом подошла к своему очагу и села. „У человека не должно быть такого поведения, чтобы он не смог что-либо сделать. Раньше, когда я ходила играть к своему утесу, мною была найдена крыса величиной с большого барсука. Крыса, появись!“ Из угла, где лежали дрова, пища, появилась крыса. „Хозяйка, зачем позвала?“ Пуди, хозяйка крысы, говорит: „Проглоти целиком вот этого мергена и нырни в котел“. Крыса целиком проглотила мергена и прыгнула в котел. Тогда пуди закрыла котел крышкой и плотно-плотно придавила камнем. Потом долго варила и только затем вышла на улицу и внесла большую корзинку. Поставила ее около котла, взяла две большие деревянные мешалки, которыми мешают в котле пищу, зачерпнула ими все, что было в котле, и положила в корзину. Потом отнесла мергена на его место и ударила по голове. Гарбилдан сразу открыл глаза, и они заблестели. „Друг пуди, никакой боли, я поправился“. — „Я варила тебя в том котле“, — сказала пуди. Затем дала мергену поест. „Друг мерген, возьми нож и попробуй себя уколоть“. — „Нет ножа, который бы не порезал человека!“ — сказал мерген. Пуди ответила: „Твой нож никогда не порежет тебя“. Улучив какой-то момент в движениях мергена, пуди взяла нож и ударила им. Мерген мгновенно вскочил на ноги. „Что ты за женщина? Этак ведь убьешь человека“. Пуди отдала ему нож. Мерген взял свой нож и увидел, что конец его загнулся как рыболовный крючок от удара по его телу. Потом стал тем ножом слегка-слегка колоть себя в грудь. Убедился, что его внутренности стали сплошь железными.

Поел, что-то поделал, потом сел в оморочку и переправился на противоположный берег реки. На том берегу причалил оморочку и пошел по берегу. Аранта стоит в своей лодке. Мерген подошел, за-

лез в его лодку, идет к середине лодки, где стоит шатер. Разрушил шатер, взял своего старшего брата (Гарилдана) за руку и потянул за собой. Аранта пошел за ним и схватил его за заднее место. Мерген стал извиваться как змея и упал плашмя на корму оморочки. „Ой-ой-ой!“ — закричал он. Мерген Гарбилдан снял со своего брата все путы. „Брат, садись в ту оморочку и переправляйся через реку“. Старший брат сел в оморочку и переправился на противоположную сторону реки. Потом смотрит: черпак, а в нем два мергена и одна пуди. Взял их за ноги и вытащил из черпака. Кричит своему старшему брату: „Брат, попроси у старика (живущего в доме) клин, который употребляют для колки дров, и освободи этих людей, заклинивая от колодок“.

Мерген взял этих трех людей и переправил их на противоположный берег реки. Только после этого стал сражаться с Арантой.

Не очень долго сражались, а у Аранты стало видно, как забелели грудные кости. „Братец, погоди, — говорит Аранта, — я пойду надену свою железную кольчугу“. Аранта залез на судно, вошел в шатер. Немного погода вышел. Вышел одетый в кольчугу. Встал на кормовом сиденье и говорит: „Братец, ты позови своего духа-помощника“. Мерген говорит: „У меня нет духа-помощника. Ты придумал, ты и зови!“ Аранта говорит: „Друг пуди, найди мою душу и подай ее запрячь! Ну, все“. Мерген говорит: „Как же будем сражаться, если будем прятать свои души? Попробую-ка и я позвать своего духа-помощника! Выкормивший нас, тот, кого мы храним под полкой, железный мой аями, быстро встань рядом со мной!“

Как только мерген кончил говорить, прямо в живот ему угодила один железный аями. Широко раскрыв зеленые глаза, вытаращил их на мергена. Мерген от этого покатился по скале, переворачиваясь со спины на живот, с живота на спину. С четверть³ толщиной камня вонзались ему в тело. И только тогда сошел на землю с судна Аранта. Опять стал сражаться с мергеном. Недолго сражались, его кольчуга по зажимам рассыпалась, кожа по частям ключьями разлеталась. На груди у него кости белеют. Тогда-то из шатра Аранты появилась одна пуди. „Друг мерген Аранта, хоть мне тебя и жаль, но что поделаешь! Чего не можешь, того никак нельзя сделать. Недавно, когда Гарбилдан призывал своего железного аями, я совсем обомлела. Твоя душа-жизнь находится в горсти у железного аями“.

Аранта, оставив сражение, сказал: „Женское правило — если увидят понравившегося им человека, отдают жизнь другого человека. С Гарилданом и Гарбилданом не будешь спать: жарко — отодвинься, холодно — прижмись“. Сказав это, Аранта опять залез на свое судно. Волоча за волосы, вытащил пуди Сукуй на кормовое сиденье судна. Наступил ей на спину и отвернул напрочь голову. Просил голову на кормовое сиденье. Пуди, поблескивая глазами, сказала: „Друг мерген Гарбилдан, Аранту добей до смерти и за судно отбрось! Аранта, я может быть людям воду носила бы, может быть дрова носила бы“. Сказав так, в тот же момент исчезла. Исчезла она, а с противоположного берега его товарищи кричат:

„Друг, раньше времени не убивай Аранту. Дай нам переплыть!“ Затем втроем сели в оморочку и переплыли. „Друг, его надо немного помучить. Он нас сильно мучил“. Затем говорят Аранте: „Руби столб!“ Заставили Аранту рубить столб, его же заставили нести столб на плече к берегу. Из этого столба сделали девять плах и девять брусьев. Потом взяла Аранта за волосы и к тем плахам крепко-накрепко привязали. К ногам Аранты привязали большой камень, а потом бросили в воду так, чтобы из воды высовывался один его рот. Потом сели в оморочку и переправились через реку. Аранта кричит день и ночь. Крича, он выговаривает: „Когда раньше савэны достаточно любили меня, такое дело было пустяком“. Крикнув: „Хэ-эй!“ — Аранта стал махать руками как крыльями. Взмахивая руками как крыльями, взлетел к небу.

После этого пуди Томди взяла волшебный меч, взмахнула руками как крыльями и тоже взлетела к небу. Прошла через небесное отверстие. Аранта же присоединился к преобразившимся в чертей лисицам.

Пуди Томди, летя следом за Арантой, на пути встретила один дом. В том доме было полно одних лисиц. Разглядывая этот дом, увидела, что Аранта сидит под полкой. Вошла в дом и отрубила напроць у Аранты хвост. Аранта, падая вниз, мигом исчез. Пуди спустилась за ним.

Приходит домой, а Аранту давно уже убили. Потом поели. Кончили есть. Как только кончили еду, посреди реки поднялась фонтаном, высотой с трубу дома вода. Потом появился Исаки. Посмотрел вниз по реке на восток, посмотрел вверх по реке на запад. „Гарилдан и Гарбилдан действительно очень храбрые люди. Если бы это было не так, разве люди стали бы такое говорить: лишь при луне, мол, когда еле-еле видно, можно ходить. Хотя и остался я один, но не перестану с ними сражаться. Враг Гарилдана и Гарбилдана, истребивший их стариков, называется: живущий в преисподней Досогда. Одно ухо у него величиной с парус большой лодки, другое ухо величиной с ухо рябчика. Мой родной тесть, попал я в большую беду. Торопись, быстрее приходи!“ Когда Исаки кончил так вот говорить, вода, фонтанируя, высотой с трубу дома поднялась над рекой и появился на ее поверхности один дракон. Плышет к берегу, раскрыв красную пасть. Забрался на берег, свой хвост вытолкнул по направлению к дому, старшего брата Гарбилдана зацепил хвостом и к себе тянет. Старший брат, упираясь, спускается к реке. Когда вот-вот он уже дойдет до пасти дракона, железный аями, находящийся за пазухой у мергена, высочил. Так ударил по глазам того дракона, что заклинился поперек реки своим телом. Дракон не стал ничего видеть глазами, с грохотом упал на спину. То появляясь из воды, то скрываясь, белея, брюхом вверх поплыл вниз по течению реки. Ниже один утес был. Дракон самой серединой тела ударился об утес. Ни у головной части его тела, ни у хвостовой течение не ослабевает. Так и захлестывает его течением с обеих сторон с одинаковой силой. Тогда Исаки говорит: „Если бы эти люди не были такими сильными, разве бы стали это-

му удивляться? Вызвал я единственного могучего помощника, и того ослепил!“

После этого Исаки стал стражаться с теми тремя людьми. Пуди Томди все это время стоит на улице и смотрит. Затем заговорила: „Пуди Дяргуй, пуди Кэкуй, идите принесите душу Исаки. Его душа находится у дочери владыки преисподней“. Те пуди почесали свои головы и провалились сквозь пол. Через два дня вернулись, принесли душу Исаки. Тогда только убили Исаки.

Убили, смотрят, а тот дракон с красной пастью плывет вверх по реке. Подплыл к берегу и заговорил: „Дорогие, посмотрите! Как я могу с вами сражаться, будучи вот таким? Крепко-крепко упритесь ногами, чтобы я мог ударить вас своим плавником“. Мерген Гарбилдан, стоя в дверях, смотрит. Те трое людей (Гарилдан, Дэргусен и Сэргусен) стали рядом и уперлись ногами. Дракон свой плавник во-он туда занес и ударил их. Один из них на расстояние двух ступней, другие на одну ступню сдвинулись со своих мест. Затем тот дракон превратился в какого-то старика. Стал стариком среднего возраста. Тут они начали сражаться. Когда они сражаются, пуди Томди говорит: „Друг мерген Гарбилдан, попробуй ударить его насмерть кулаком“. Мерген спустился к берегу и изо всех сил ударил кулаком того сражающегося старика. Старик даже ничего не заметил — сражается себе и сражается. Пуди выдернула из плеча свою правую руку и подпалаила ее на огне. Потом дала ее своему мужу Гарбилдану. „Друг мерген, попробуй ударить вот этим“. Тот старик так шлепнулся о землю, что задрал вверх свой зад. Немного погодя сел. „Дорогой, это ваше средство очень плохое“. Затем старший брат повернулся к младшему брату и вырвал руку, которую тот держал. Подошел к тому старику и ударил его. Старик опять упал так, что поднялась его задняя часть.

Тут пуди Томди говорит: „Друг мерген, спроси у старика, каким образом он убил твоих отца и мать, и ударь его“. Мерген, избивая старика, стал спрашивать: „Каким способом ты убил моих отца и мать?“ Когда старик говорит: „Нет, не скажу!“ — (мерген) бьет его рукой. Старик опять падает, так что поднимается его зад. „Дорогие, вы эту свою затею бросьте! Не поймешь, как и бороться“. Когда мерген ударил старика еще раз, пуди Томди бросила на землю находившуюся у нее душу старика. Его душа кашицей штепнулась на землю и старик, сам сделавшись кашицей, умер.

Только после этого поднялись с берега. Стали там жить в одном доме вместе со стариком и старухой как с отцом и матерью. Старший брат нашего мергена, Гарилдан, женился на пуди по имени Кэкуй, Дэргусен — на пуди по имени Дяргой, а Сэргусен, младший брат Дэргусена, женился на дочери владыки преисподней. У каждого по одной жене.

Так живут. Вдруг пуди Дяргой заболела. Так похудела, что может пройти в расщелинку камышевой циновки. Пуди Томди говорит: „Друг мерген, пойди принеси кастрюлю своей старшей невестки. Она (кастрюля) находится в тайге, повыше от этого нашего места“. На следующее утро мерген Гарбилдан встал, заткнул сзади за пояс

стосаженный ремень и поднялся в тайгу. Девять гор перевалил, семь болот перешел, за ними было еще одно болото. Той стороны его не видно: речушка словно нитка виднеется, края ее словно иголки видны. Посреди ее сопочка, как весною сложенная горка, как осенью из валунов сложенный холмик, как сложенный из камня утесик, — играючи сложенная сопочка. На вершине ее девять берез. Под ними принадлежащее небесному человеку золотистое домашнее животное. На морде у него сорок колокольчиков, на загривке — пятьдесят колокольчиков, на челюсти — медный колокольчик, на подбородке железный колокольчик. Его имя — заяц Гурмэ.

Мерген увидел его и стал подкрадываться. Так тихо подкрадывается, что завявшая трава не шуршит, засохшая трава не хрустит. Только когда до зайца осталось всего четыре маховых сажени, он заметил мергена. „Э-э, вот это мерген! Плохого мергена я узнаю, когда он еще дома разговаривает, собираясь на охоту. Хорошего мергена узнаю, когда он переходит через семь болот. Только с тобой так получилось, что чуть не дал поймать себя за ноги. Ну, хоть и так, а если ты не схватишь меня, когда я девять раз обегу вокруг комлей этих моих девяти берез и буду взлетать на небо, то этим ты свою старшую невестку в Хоксиане убьешь“. Сказав так, заяц побежал. Когда он девять раз обернулся вокруг берез и взлетел вверх, мерген, собрав кольцами свой стосаженный ремень, бросил его вверх. Вскоре прямо перед ним упал заяц Гурмэ. Ноги его сплошь были опутаны ремнем.

Мерген взвалил зайца на спину и пошел вниз обратно к дому. По пути набрал одну связку красного багульника, затем одну связку зеленого. Спускаясь из тайги к берегу, дошел до дома. Женщины да-авно уж ушли, они обходили дома, чтобы шаманить у людей.

Старший брат мергена взял зайца и снял с него шкуру. Все его мясо сварил, а кровь слил отдельно. Когда свечерело, после камлания возвратились женщины. Вечером стали лечить Дяргой. Пуди Дяргой говорит: „Друг пуди Томди, встань!“ Вносит одного своего сэвэна. Пуди Томди говорит: „Спусти младшую дочь Ибахан арина, чтобы я могла встать“. Пуди Дяргой говорит: „Друг пуди, я того не могу“. Потом пуди Томди и ее сэвэны стали лечить Дяргой. И только после этого болезни у пуди Дяргой не стало. Через несколько дней после этого наступило время им уезжать. Тот утес сплошь покрылся сеньем. С этого места стали двигаться обратно домой, перегоняя сенья. Двигались, двигались... Доехали до места, где родились Гарилдан и Гарбилдан. Там и остановились. Стали жить все вместе в одном селенье. После этого летающий Дэргусен и начинающий летать Сэргусен уехали, чтобы привести свое селенье. Через три дня они возвратились. После чего там же поселили людей своего селенья. С прибрежного края не было видно таежного края селенья; вниз по течению на восток посмотришь — нижнего восточного края не видно; вверх по течению реки посмотришь — верхнего западного края не видно.

Там так жили, жили... И однажды Гарбилдан придумал: „Брат, пойдем-ка мы завтра на запад“. Гарилдан отвечает: „Братец, у

нас у двоих жены не шаманки у Гарбилдана и Сэргусена. Мы двое завтра пойдем на восток. Если встретятся трудности, то достаточно будет позвать руку вон той моей младшей невестки“. Поговорили так и легли спать. На следующее утро встали. Гарбилдан с Дэргусеном отправились на запад, а двое других, Гарилдан с Сэргусеном, отправились на восток.

Люди, отправившиеся на восток, идут, идут... В одном месте нашли след, по которому кто-то только что шел. Шел по совсем нехоженному следу. Идут по его следу, проваливаются (в снегу) по колено. Сколько-то прошли по его следу и видят: шел и убил одного лося. Потом поволок его так, что лосяная туша стала разваливаться. Идут дальше, в одном месте увидели, что от его костра поднимается дым. Идут и дошли до того места, где горел костер. Видно, что был расчищен снег для шалаша, (тот человек) постелил травы, отвалил половину лося, разрезав пополам шкуру, расстелил ее.

На двух вертелех поджарил на костре мясо на вертеле, все оставил и ушел. След его заровнялся и чуть успел затвердеть. (След в снегу скоро затвердевает). „Ну, братец, это наше. Здесь заночуем. Поешь! — говорит Гарилдан. — Мы пойдем по его следам, состязаться с ним не будем. Дойдем и своими силами убьем“. Младший брат отвечает: „Ладно!“

А тот человек все идет. В суставе ноги у него зашекатало. Тогда он свалил сухое дерево и сел. Сел и снял наголенники.⁴ Вынул свой нож, потом вспорол икру на своей ноге, нашел там одного эдехэ. Тот эдехэ говорит: „Если ты хочешь состязаться, ища себе мужа, быстро спустись с горы и опять стань женщиной. Потом, когда придут эти люди, встретить их самым лучшим образом. Если будешь плохо встречать, они тебя могут даже убить. Если хорошо к тебе отнесутся, как следует угости, хорошенько за ними поухаживай. Вечером спроси: который, мол, из вас старший брат и который младший. За человека, который скажет: я мол, старший, выходи замуж. Этот — старший брат моего мужа. Если будешь неучтиво поступать, то возможно, что он тебя даже убьет“. Вот так сказав, тот эдехэ тут же исчез.

Свою вспоротую ногу (тот человек) помазала соплями и слюной. Рана зажила, оставив красноватые и синеватые следы. Затем девушка одела свои лыжи и спустилась с горы. Позади нее спускаются (на лыжах) те двое мужчин. Так спускаясь, дошли до такого места, где люди готовили дрова. Братья, обеспокоенные, спускаются к жилью. Подходя к дому главы селенья, не сняв лыж, вошли в чей-то дом. Сели на настил посреди дома и ругаются, стуча по настилу. Та женщина набивает в трубки табак и угощает их. Табак, приготовленный для них, не взяли. Женщина зажгла и поднесла им. Табак потушили. Она опять зажигает и опять подносит — вот так ухаживает. Наконец, взяли у нее трубки и стали курить. Покурили, и злость у них улеглась. Женщина говорит: „Друзья мергены, снимите ваши лыжи!“ Гарилдан говорит: „Братец, что же это мы делаем? Сидеть в чужом доме с лыжами — ведь это плохо!“ Тут только сняли свои лыжи и перешли сесть на нары. Та пуди взяла

у них лыжи, вынесла их на улицу и на вешалах повесила. Только тогда стали спрашивать о кое-каких новостях.

Когда та пуди отсутствовала, Гарибдан сказал ее сестре: „Эта женщина состязалась с нами, по-видимому, потому, что ищет себе мужа“.

Когда кончили есть, пуди спросила: „Кто из вас старший брат, кто младший?“ — „Я старший брат“, — сказал Гарибдан. Пуди вышла замуж за Гарибдана.

А те, на запад ушедшие люди в одном месте остановились ночевать. Убили козулю, разложили костер и стали на вертеле жарить мясо. Когда их мясо вот-вот уже должно изжариться, услышали: их кто-то зовет. „Эй-й, именуемые людьми Гарибдан, Гарибдан, к вашему пристанищу для отдыха запаздываю, по рытвинным местам на своем пути прячась, дожидаясь вас и не могу встретить“.

Гарибдан говорит (Дэргусену): „Старший брат, нас кто-то зовет. Пойдем!“ — „Ладно!“ — сказал (Дэргусен). Надели всю свою одежду, надели лыжи и пошли с той горы вниз. Не прошли даже немного, как лыжи их стукнулись об стену какого-то дома. Тогда только увидели дом. Свет не горит, в доме темно-темно. Гарибдан говорит: „Друг пуди, почему же ты, позвав нас, спишь? Зажги лампу!“ Та пуди говорит: „И придумали же — будто я их звала“. Они вошли. Пуди зажгла лампу и приготовила им поесть. Кончив есть, Гарибдан сказал: „Друг пуди, не думай, что ты мне не нравишься. Хотя ты и выйдешь замуж за моего старшего брата, все-равно будешь жить вместе с нами“. Женщина ответила: „Я не думала об этом, вы мне нравитесь“.

Эта пуди вышла замуж за старшего мергена (Дэргусена). На следующий день встали рано-рано и отправились в путь. Так идут... Спустились к берегу моря. На противоположном берегу моря дым от жилья все равно как туман. Переправились туда. Подплывают к тому берегу. Невероятно большое селенье! На берегу разломали рабочую лодку рабов и слуг и разожгли костер. Потом стали кричать: „Эй, хозяин Дирэгден, спустись к нам сам. Слугу не нужно посылать, рабом мы брезгуем! Только лично сам спустись на берег!“

Спускается человек Дирэгдена. Смотрят: хоть и человек, а головы нет, рот на плече, глаза под грудными сосками. Стали смеяться над ним. На месте рта что-то узенькое, надо ртом что-то большое круглое болтается. Что за человек! Так смеялись, что одурели от смеха, остановиться не могут. И тут прямо к ногам Гарибдана что-то упало. Посмотрел: рука его жены. Взял (руку) и начал бить всех этих людей. Кто ползком, кто, стеной от боли, удрали.

Только после этого спустился сам властитель селенья Дирэгден. А он человек как человек. Спустился, сказал: „Гарибдан и Гарибдан и до нашего места добрались. Если придут все мои люди, у вас не хватит сил их одолеть. Враг — это страж преисподней, способный слышать все, что делается вокруг в мире. Он месит человеческую кровь, месит человеческое мясо, слов-

но юколу, и все равно это не страшный враг. А вот Аранта, богатырь Бадярга и Исаки, — они-то над смертью смеются, так что у них отсыхают зубы. Тот Исаки необыкновенно сильный шаман, он теперь уже да-авно все узнал“.

Гарибдан говорит: „Мы давно уже всех троих убили. Теперь пришли убивать тебя“. Властитель Дирэгден говорит: „Как же вы смогли их убить?“ Затем, согнув трубкой пальцы рук, поднес их к глазам и стал смотреть как в подзорную трубу. Начал осмотр с западной стороны, перешел к восточной — осмотрел все вокруг, кончая там, где начал. „Вот странно: все они, погибая, не смогли позвать меня. Хотя вы и прикончили моих друзей, все рано погибнете от моих рук“.

Потом начали сражаться. Немного посражавшись, Дирэгден сказал: „Друзья, позовите своих сэвэнов“. Гарибдан отвечает: „У нас нет сэвэнов. Ты придумал, ты и зови своих сэвэнов“. Властитель Дирэгден сказал: „Ну, я позову. Братец (обращаясь к сэвэну), я попал в большую беду, на трудное дело поднялся. Мою душу, находящуюся в прибрежном доме, отнеси в дом, стоящий выше на горе!“ Ну, друзья, все теперь зовите своих сэвэнов“.

Гарибдан стал звать: „Друг пуди, постарайся! Постарайся, когда человек будет нести в гору его душу! Ну, всё!“ Тут опять начали сражаться. Недолго сражались. Мерген услышал голос своей жены: „Друг мерген, постарайся! Не дай упасть на землю тому, что я тебе брошу. Еще на лету поймай!“ Говоря так, бросила что-то с ногами и руками. Мерген еще в воздухе схватил. Потом убил властителя Дирэгдена.

Криком стали сзывать людей, живших вверх и вниз по реке, а затем стали их угонять к себе. Гнали прямо по тому пути, по которому они (сами) пришли, стали переваливать через гору. Пуди Сукуй взяли вместе со всеми. Так едут... Доехали до мест, где был их дом. Те, кто уходил с его старшим братом Гарибданом, давно уже возвратились. Старший брат говорит: „Братец, я женился, вон та твоя старшая невестка“. Мерген посмотрел: какая красивая женщина! Привезенную им сестру Дирэгдена отдал в жены Сэргусену, младшему брату Дэргусена. Жен у каждого стало по две. У Гарибдана же одна жена.

Так живут, поживают, жена Гарибдана заболела. Стала такой худой, что вот-вот может пройти через шель в циночке. А мерген как ходил на охоту, так и ходит. Даже не спросит, чем больна жена. Молчит и молчит. Однажды вечером, когда легли спать, жена летающего Дэргусена, пуди Дяргой, говорит: „Друг мерген, если ты человек, то хорошо бы тебе пойти за тем, что нужно жене твоего младшего брата. Поднимешься отсюда в гору, там на берегу семи болот есть девять листовенниц. Они скреплены настилом из бревен. На середине настила есть пестрая змея. Взяв ее, пойдешь, оттуда, перевалишь через девять гор и выйдешь на прогалину. По середине ее кусты. В тех кустах живет огромный кабан-секач. Сверкая клыками, пасется. Посредине он пестрый, глаза с бельмом. Вот что нужно жене Гарибдана“.

На следующий день летающий Дэргусен привязал себе сзади к поясу стосаженный аркан и пошел. Далеко ли шел, близко ли, дошел до края семи болот. И правда, так: стоят девять листовенниц, соединены настилом из бревен (где хранят вещи и охотничью добычу).

На настиле лежит змея, посреди пестрая. Завидя его, змея то вытянет шею, то пригнет, то вытянет шею, то пригнет — подкарауливает его. Когда Дэргусен подошел близко, змея стрелой метнулась к нему. Мерген хватил ее посредине. Схватил и замотал своим арканом. С этого места дальше пошел. Перевалил через девять гор, спустился с противоположной стороны, вышел на ровное место. По середине кусты, там, сверкая клыками ласется кабан-секач. Увидев мергена, напал на него. Мерген справа раз, слева раз ударил его, тот и уткнулся носом в землю. Кабан упал, а мерген взял стосаженный аркан и связал его. Потом взвалил на спину и стал возвращаться. Змею тоже положил за спину. По пути зеленого багульника и красного багульника нарвал по одному пучку. Спустился с этих гор, дошел до своего дома.

Женщины давно уж ушли из дома, чтобы обойти все дома и в каждом покамлать.

Кабана заставили на дворе положить. Гарилдан вышел и всего освежевал. Мясо сварил, мяса оказался один полный настил (для сушки мяса). Кровь слил отдельно. Вечером все женщины вернулись. Ночью стали лечить больную. Пуди Томди (жена Гарбилдана) говорит: „Старшая сестра, пуди Дяргой, младшую сестру Ибаху попроси спуститься“. Пуди Дяргой говорит: „Я же не могу!“ Пуди Дяргой кончила лечение. Тогда пуди Томди встала, три раза протанцевала по-шамански вокруг настила и крикнула: „Младшая сестра Ибаха, сестреночка, спустись вниз! Я лечила детей, слуг и рабов, за это получила поросенка величиной с поплавок для невода. Это мне торжественное угощение. Спустись попробовать!“ Когда она кончила это говорить, во дворе послышался звук прыжка. Затем в дом вошла только начинающая входить в возраст девочка. Вошла, села у очага. „Сестренка, покамлай!“ — говорит пуди Томди. Девочка начала камлать. Когда она кончила камлать, пуди Томди говорит: „Сестренка, будь второй женой моего мужа. Все жены имеют пару, только я одна. Будь же второй женой моего мужа!“ Прилетевшая девочка говорит: „Старшая сестра, я просто дух-покровитель. Если ты встретишь какую-либо трудность и позовешь меня, я вернусь. Раз я просто дух-помощник, как же я могу стать второй женой твоего мужа?“ Пуди Томди говорит: „Теперь ты хоть и выйдешь из дома, а улететь не сможешь. Ты стала бескрылой“. Девочка встала и вышла. Помахала руками как крыльями, но взлететь не смогла. Как ни прыгала, а взлететь не сумела. Как ни старалась, не взлетела и заплакала. „Старший брат Ибаха, спусти мне с неба божественную нить!“ Смотрит пуди Томди: спускается веревочка, красная, вот-вот дойдет до головы девочки. Тогда она подула: „Пу-у!“ И нить стало относить в сторону. Втянул и еще раз опустил нить. Вот-вот дойдет она до головы девочки. Пуди

опять дует: „Пу-у!“ Нить опять относит ветром в сторону. „Сестренка Ибаха, моя младшая сестра, — говорит брат, — ты уже стала человеком, ну, и будь им. Ты уже никак не сможешь подняться на небо, но это ничего. Если муж будет тебя хорошо держать, живи с ним вместе. Если же он будет плохо поступать, я сам увезу тебя“.

Девочка с плачем вошла в дом. Ночью лечила пуди Томди, вылечила. Ибаха стала второй женой мергена при пуди Томди. У всех стало по две жены.

После этого стали жить-поживать, так что ничто им не могло повредить. И вниз едущий человек, когда доезжает до того места, где они живут, — пути его конец, и вверх едущий человек до них если доехал, — конец. Оттуда дальше никуда ехать не может. Как небо, богатея, богатели, добывали так много птиц и зверей, что звери и птицы плачут. Жили они привольно. Над ними лишь охотничья шапочка, сшитая из лосиного камуса (шкурки с ноги), только она и была. Ну, всё!

¹ Так в тексте у переводчика.

² Материал, пряжа для изготовления рыболовных снастей.

³ Мера длины — расстояние между вытянутыми пальцами, большим и указательным.

⁴ От: голень.

⁵ Здесь и в других аналогичных эпизодах герой стремится понадежней „спрятать“ свою душу. Пока его душа находится в недосыгаемом для врага месте, сам он непобедим. Промах Дирэгдена заключается в том, что он в своей просьбе к духу-помощнику указал, куда нужно перенести его душу. Узнав об этом, Гарбилдан обратился с просьбой к своей жене-шаманке, чтобы она перехватила душу Дирэгдена в тот момент, когда ее будут переносить с одного места на другое. Что она и сделала, а затем бросила вместе с душой Аранта своему мужу. Последнее предопределило победу Гарбилдана.

№ 30. Соли

Эм боду эму соли бэлэихани. Туй бим'ё, н'гани мурч'ни: энур! Тотарā, мāнбоа хэји кīрāwa гīарими энэми дэрүхэни. Горра, зīа энэм'ё, эм бодла дуйси тōхани. Чадобāхани, мō бими, мōдой wāми. Тб мō дāчандоани наj нуктэни чō-окчойгā бй. Наj гīрмаксани чō-окчойгā бй. Чадонaj нуктэwэни зāпарā, чāзи сэг-зилэрэ, апсиңкини. Сиксэ эринду зүлэхизизэи эм гаса даггохани.

Пэрхизэи гучи эмү гаса даргохани. ТЫ зуэри гаса тЫ модо до-
гохачи. Зулилэ даргохэ гаса мэдэсйни: „Эгэ-э, сй эйниwэ гороwa
пулсикэси-нү?“ Эйкэви ундЫни: „Гороwa пулсим-дэ аба. Эпэңгу,
сй эйниwэ гороwa пулсикэси-нү? Нэуни ундЫни: Мй гороwa пулсим-
дэ аба. Мэңгулдэ мэргэ пондаэони куклүчүwэни чокідој и долэи-
хамби: эй Маңбо хэзэилэни эм иргэ бй. ТЫ иргэ ээни Хончй ба-
тор. ТЫ пиктэни эм паталэ. Түэ ниеучизни, турексэлэ бй сімата
унды. Эда ниеучизни, турексэлэ бй нэаха хаңми. Чаwa надэ нэ-
wэ асігори запічамэри мэлэйчи. ТЫ мапа дэрээй осіни, эолома
огдаwa ангуй. Тойңгази кōјолко. Пиктэwэни тори, тамэ анаэи За-
ни. Надэ нэwэ дэрээй осіни, тЫ мапа пиктэни сурукугүэни осі.
Чімана дэрүри тЫ гурү мэлээмэри“.

Соліка чаwa досоэарэ, ілігорэ, энэми дэрүхэни. Туй энэмэ,
тЫ иргэндүлэ ісіхэни. Эээ хандолани тōрйни. Інда-дэ wэх-дэ та-
си. Туй тōмца, эээ хани дүјэлэни эм эб. ТЫ тулэдуэни лүгэи лу-
зури сэктэпү, айсй аwата полта – най лōхэни. Чала соліка энэрэ,
айсй аwата полтаwa тугбурэ, мэпи боңгал-боңгал хукурэ, апсің-
кини. Тотапэ эмү кэкэчэ ниехэни. Эмэймэ насални пэјэдүэни бй.
Эмэймэ насални сэхэхэдүэни бй. ТЫ кэкэ чіэчирэ, йгүхэни. Йгүпи
ундЫни: „Эгэ-э, полтаси түхэни бичй. Чаwa запігілаји оңбохам-
би“. – „Кэкэ коліни – мй хаэомби тōрйни осіни, хали-дэ йwутүэ-
си“. Пуэй ілірэ, лэмији тэтугурэ, ниехэни. Ниерэ, полтаји Запа-
горэ, зуриухэни. ТЫ долани эмү соліка арбиңкини. Пуэй тЫ солі-
каwa полтази камор хукугурэ, сэктэпүмби Запагорэ, йwугүхэни.
Накандо чікчами ніхэни. Кэкэ ундЫни: „Эгэ, хайми эсэлігүэсиси?
Пуэй ундЫни: „Элэ апсіңгōри!“ Кэкэ, туй уми ілірэ, даргохани. То-
тарэ, полтаwани Запарэ, татахэни. Соліка болэіар арбіңгохани.
„Эгэ-э, хāгуји йwүхэси солікаwa?“ Пуэй ундЫни: „Чіре, хэмэ,
хэмэ биру!“ Кэкэ татарэ’ даргохани.

Сиксэ эринду сіаориwa тарэ, сіамари дэрүхэчи. Солікадо-дэ
сіагоани бүхэчи. Кэкэ ичээйни – соліка сарбйзи сарбйчими сіарй-
ни. „Эгэ-э, солікачи ичегуру. Сарбйзи сарбйчими сіами-дэ ото-
лији“. – „Кэкэ-э, хай чірегбани бāра, хэмэ биру!“

ТЫ долбон’аwa аоңгарэ, эіа чіман’а тЫ пуэй бāраэігорэ, даји
Запагорэ, боачи ниехэни. ТЫ хаміалани бэктэ бимй, соліка ундЫ-
ни: „Кэкэ, дарро мй бāрујаwa. Мй сији эіліwаса гэлэгүэwэ,
чиктэwэни“. Кэкэ ундЫни: „Хэсэрэмэе, соліка, най хэсээизни хэ-
сэку“. – „Гэ, дарро, бала!“ Кэкэ ілірэ, даргохани. Тотарэ, соліка
кэкэ эіліwани гэлэми дэрүхэни. Кэкэ эілілани соліка тасс кіткэ-
лэхэни. Кэкэ котаригда оңасахэни. ТЫ хаміалани соліка эіліји
тасс пāчілахэни. Эм элчи очини. Гогдо-о элчи очини. Тотарэ, боа-
чи ниерэ, вайси эүхэни. Эй най эбгдолани йгуй, ниегуй, тЫ най
эбгдолани йгуй, ниегуй. Туй энэмэ, эээ хандулани чу-ул йхэни.
ТЫ пуэй канідо тэсй. Эм мапа дэрэ ојалани сэлэмэ урэктээи би-
рекучими тэсй. Надэ нэwэ эбwa кэндэли тэсй. Элчи аксоңдо тэ-
хэни.

Надэ нэwэ ундЫни: „Гэ, мапа, мэлээми аја! Бүэ дэрээй осіни,
сй пиктэси сурукугүэни осіори. Сй дэрээй осіни, эолома огдаwa
ангоэачи тойңгази кōјолкози. Пиктэwэсэ тори, тамэ анаэи Запōри.
Гэ, пэргэми аја!“

Надэ нэwэ эмү таңго мэңгү алчоамба арбімбохачи. Поанаји
токтōми тойңга, нунгү алчоамба губуй. Поанаји токтōми ілэ, дүј
тугбуй. Појангочи поалдоани коп токтōри. Поалдоани эмумбэ туг-
буй.

Мапа Запарэ токтōрини. Ілэ, дуй алчоамба тугбуй. Ілэ модэ
Запагоми токтōрини, хэм эмуту. Элчи ундЫни: „Эээ-э, мапа, мй
пэргэми аја-нү?“ Мапа ундЫни: „Аја гōани!“ Элчи Запарэ, ілэ мо-
дэ токтōрини. Кōп-кōп. Мапа ундЫни: „Элчидуй-дэ пэгүи осіори-
нү?“ Мапа Запагорэ, іла модэ токтōрини. Хас эмуту. Ілэ, дуй
түрй.

Надэ нэwэ ундЫни: „Чімана тамй хоэіори“. Туй умэри, хэм
ілігорэ, ниегүхэчи.

ТЫ хаміалани элчи ундЫни: „Эээ-э мапа, бүэ сй аминāwасэ ка-
лами дāдāполами биухэ. Бунду кайрэ. Сй мй орондолајаwa элчи
осіори! Мй сй орондоласи мапа осігōјаwa. Мапа ундЫни: „Ам, хбни
калбри?“ Элчи ундЫни: „Хай чукй?“ Элчи ілірэ, мапа апілани пā-
чілахэни. Мапа элчи очини. Мэнэ эілілаји пāчілахэни – мапа очі-
ни. Мапа дэрэдүэни элчи тэхэни. Мапа друни эмуту очини. Мапа
элчи бэундүэни тэхэни. Эмуту элчи очини. „Гэ, чімана туй зуэчи-
ми аја“. Мапа ундЫни: „Гэ!“

Элчи ілігорэ, мапа эілілани пāчілахэни. Мапа мэнэ мападои
очōхани. Элчи эілілаји пāчілахэни. Мэнэ элчидуй очогохани. Тота-
рэ, боачи ниегүхэни. ТЫ пуэй хаміалани ниегүрэ, ичээйни – элчи
хауси-ка энүй-нү! Элчи иргэмбэ соліа энүйни. Пуэй мэнэ эбкчији
тутулүхэни. Уйкэдүји Запагорэ, йгүхэни. Йгүмй, солікачи ичини –
тэмй бй. Кэкэ дори. „Эй кэкэ, хайwa тамй дорйси? Чадо-мāt кэкэ
эіліји хосісіми тэгүхэни. „Эгэ, солікангүси най эіліwани гэлйни
мочэ улэ“. Тотарэ, кэкэ бэунчији даргохани. „Эгэ-э, хбни тахэ?“
Пуэй ундЫни: „Чірэ, хайwa-дэ хэм мэдэсй. Хэмэ биру!“

ТЫ долбон’аwa аоңгачи, эіа чіманіwаты пуэй эрдэ-э эүгүхэни.
Соліка ундЫни: „Кэкэ-э, эіліаси гэлэгүэwэ дарро!“ Кэкэ гучи
даргохани. Тотарэ, соліка гэлэми, эілілани тасс пāчілахэни. Кэ-
кэ котаригда оңасахэни. Мэнэ эілілаји пāчілахэни. Гогдо-о элчи-
лүй осбхани. Тотарэ, вайси эүгүми дэрүхэни. ТЫ эээ хандолани
йгүни. Надэ нэwэ аба. „Гэ, эээ мапа, калагогори бэјэwэри!“
Мапа ундЫни: „Гэ!“ Элчи ілігорэ, мапачи энэрэ, эілілани пāчилй-
ни. Мапа элчи очōхани. Элчи эілілй пāчілахэни. Мапа очōхани.
Мапа бэундүэни элчи тэхэни. Элчи бэундүэни мапа тэхэни. Тотапэ
надэ нэwэ эілүхэни. Хэм йгүмэри мэнэ-мэнэ бэундүэри тэгүхэчи.
Мапа ундЫни: „Надэ нэwэ, дāнэији хэтэээ, йwүзэ, сүэ хали-дэ
галіасисо. Мй эй долбоніwa гочй гōраји готогохамби, дэхй дэрсүэм-
би дээиухэмби. Амбāро, сэwэру, нэwэру боаји мэуэиухэмби. Эси
хали-дэ галіасісу!“

Надэ нэwэ чау-у инэктычи. „Хбни туй осі? Эйниwэ борты хо-
іори ини.“

Мапа алчоамба хэм арбімбохани. „Надэ нэwэ, улэнэи ичээіусу!“
Ілэ модэ Запагоми кōп-кōп токтōхани. „Гэ, мй хай уңкэји?“

Надэ нэwэ Запарэ, токтōгōйчи, хас эмуту. Мапа ундЫни: „Ам,
лчи, си-кучи пэргэру!“ Элчи ундЫни: „Эээ-э, бүэ элчинэји бай

затōхā. Поалдолани коп тарри. Поалдоани хас эмуту – тутбурѝ. Элчи запарѝ, токтѝрини. Хас ілā, дуй тутбурѝ.

Надā нэвэ ундыни: „Хай–дā осѝ–дā осѝхани. Буды–дē эи долбо; хорѝ–дā, эѝ долбо“. Туй умэрѝ, хэм боачи нѝгухэчи. Тѝ хамѝалани элчи мапа зѝлѝлани пачѝлѝхани, мападоѝи очѝхани. Мэнэ зѝлѝлаѝи пачѝлѝхани, элчидуй очѝхани.

„Ээ–э мапа, хѝни тарри? Буды–дē эѝ долбо, турѝ–дē эѝ долбо“. Мапа ундыни: „Чѝхани, ам, буды–дē туй бузѝпу–мā“. Тѝтами элчи боачи нѝгухэчи. Пузѝ хамѝалани нѝгурѝ, элчѝвэ ичини – хас эмуту иргѝмбѝ солѝ–е дуэрѝгуми энѝни. Чава ичѝээрѝ, тѝ тургѝнѝи зѝкчѝи пачѝлѝлѝхани, Уйкѝдуи запарѝи, игухэчи. Солѝкачи ичѝгуйни – тѝсимѝ бѝни. Кѝкѝчи ичѝгуйни – хас аорѝни. „Эѝ, кѝкѝ–э, хай аорѝни ичѝани бāхасѝ?“ Кѝкѝ чадѝ–мāt тѝгухэчи. „Эгѝ–э, тѝ солѝ–ка гѝлѝдуэни туй аорѝ. Эгѝ, амā хѝни таха? „Пузѝ ундыни: „Эѝ долбо бурбурѝ“. Кѝкѝ ундыни: „Эгѝ–э, солѝка–лā нѝанила хѝразѝма“. Чадѝ солѝка заралѝни: „Кѝкѝ, сѝ чѝмана мѝ оѝлалѝи тѝнѝси–тѝнѝ, Мѝ пāгѝлалѝагѝа“. Кѝкѝ ундыни: „Сѝ хѝни мутѝ?“ Солѝка ундыни: „Аѝа–а! Мутѝмбѝ!“ Туй тарā, апсѝнѝгѝохачи. Долбо пуксѝ, пāндѝ сѝнка тогѝлалѝхани. Зѝ мулѝлѝни гарби хѝсакѝа гарпалѝхани. Пузѝ хар–дā бѝм–дē токтѝрасѝ очѝни. Солѝканѝгѝочѝи ичѝгуйни – солѝка тѝмѝ бѝни. Энѝрѝ, солѝкава тогѝгалѝни. Хай–дā аба. Тѝ нанѝа манā бѝни. Пузѝ тѝ солѝка нанѝаѝани запарā, заѝахани.

Туй тапѝ сѝу токондо тѝсс гарпалѝхани. Бѝктѝ бѝпѝ эм мѝргѝ чу–ул игухэчи. Мѝргѝ аѝакѝалалѝани эмуту энѝу пѝрѝнѝи–мѝт бѝни. Пакѝа–пакѝа бѝи, игумѝ, малѝдо тѝхэни. Дамаѝа най тѝучѝ–дē запарѝи. Туй тамѝ ілѝгомѝ, нѝгуйни. Хамѝалани пузѝ ілѝрā, пāгѝлалѝами нѝзѝи, мѝргѝ оѝбѝдѝани запарѝани. „Андā–а мѝргѝ, мѝ симбѝвэ хѝн–дā там–дā абāѝи. Дамаѝиѝа омѝндагумѝ байбаѝ токорѝ!“ Мѝргѝ кол–кол энѝмѝ дѝрѝхэчи. Ачѝаѝкорѝ, сѝпѝрѝзѝктѝ, сѝрѝ дѝвѝани энѝмѝ дѝрѝхэчи. Туй энѝмѝ, пузѝ ундыни: „Андā–а мѝргѝ, бѝгѝи, нāла анā очāѝи. Мѝмбѝвэ гāки–мāt галѝхамбѝ, саксѝи–мāt сарѝахамбѝ, эѝ мѝ покѝоѝаѝа хасѝсѝра“. Туй умѝ, олгалѝлѝа дѝрѝзѝхэчи.

Тавāнѝ мѝргѝ хѝнѝ–дā энѝсилѝѝи, эмѝ бѝадо хокѝпѝрāѝа анāрā, тѝхэни. Чадѝ–мāt мурчѝни: „Хāгѝѝи туй тахамбѝ? Бай нāѝи зѝп–томбā заѝахани–дā, хāѝни орѝѝи? Хāѝи гѝзѝлѝлѝгѝани бāрā? Тѝтапи дамаѝиѝа омѝрā, тавāнѝи энѝмѝ сѝксѝ эринду эм зѝгѝба бāхани. „Нѝду–кѝ нāр аорѝгѝри“, – мурчѝни мѝргѝ. Тѝилани тѝрā, пѝулѝнѝдуэ–ни сокѝаѝи нѝрѝ, ихэни. Эм пузѝ тѝмѝ бѝни. Дамаѝиѝа тѝучѝхѝ. Омѝнасѝи тѝсѝидѝуэни, тѝ пузѝ ундыни: „Андā мѝргѝ, эѝ аорѝгѝарѝ. Сѝуѝгѝусѝи–дē элѝ тѝгѝусѝи–кѝ. Балā тургѝнѝи энѝу!“

Мѝргѝ аорѝгѝаѝи ачāсѝ осѝаѝѝи. Ілѝгѝар, нѝгухэчи. Тавāнѝи хѝнā–дā энѝсилѝѝи эм гѝуѝвэ вāрā, тѝ хурѝ зѝгѝдѝуэни аорѝгѝаѝи дѝрѝхэчи. Сѝамѝи хѝзѝмѝи, апсѝнѝѝи. Тѝтапѝ, чукѝтѝ сѝнѝхэчи. Гāл–гал. Тѝ хурѝ зѝгѝбѝни дахаѝи эм олѝгома зѝдѝни. Нѝамбани лāн осѝмѝ, нѝкѝулѝлѝхэчи. Тѝнѝгѝнѝдѝуэни лѝкѝтѝу энѝхэчи. Запѝчаѝи хамар энѝуѝѝи.

Туй тѝидѝоанā, инѝхэни. Тавāнѝи энѝмѝ сѝу токѝ эринду бадѝсали иргѝмбѝ бāхани. Пѝрѝхѝзѝ калѝтāѝѝа эм нāнѝзѝока. Пѝрѝхѝ сѝпѝзѝи кѝргѝикѝтѝуѝу. Зѝлѝхѝзѝ калѝтāѝѝа эм нāнѝзѝока. Зѝлѝхѝ

сѝпѝзѝи кѝргѝикѝтѝуѝу. „Гѝ, андā, бѝзѝ эѝ нāѝи уѝ зѝулѝ ісѝи осѝни, тѝ мѝргѝнѝи аорѝи. Гѝ, гѝ! Туй тамѝ пāгѝлалѝахачи“. Пѝрѝхѝзѝлѝ бѝ нāнѝзѝока зѝулѝси чѝп – мѝзѝрѝни. Зѝлѝхѝзѝлѝ бѝ нāнѝзѝока дѝрѝзѝи. Зѝулѝ ісѝиханѝма мѝргѝмбѝ зѝулѝзѝнѝи. „Мѝ агѝи“, – уѝѝи, хамѝорѝѝи ісѝи, хамѝаѝѝаѝѝани нāмаѝѝи. „Мѝ аорѝи“. Эсѝи тѝ зѝуѝри гурѝ мѝргѝмбѝ чѝтѝмѝзѝимѝри дѝрѝхэчи. Эмѝнѝ зѝулѝхѝ бāрѝни тѝбѝгѝѝи. Эмѝнѝ пѝрѝхѝ бāрѝани тѝбѝгѝѝи. Мѝргѝ алѝа–алѝа очѝни. „Гѝ, апāнѝу, аѝа, эмѝзѝ бāрѝани тѝкоѝи аѝа хѝмѝтѝ–зѝѝри“. Тѝ зѝуѝтѝуѝсѝ чѝхалалѝахачи. Пѝрѝхѝзѝ аргѝнѝи тѝкохачи. Тѝтарā, чадѝ сарѝлѝмбā бāргѝхачи. Чадѝ–мāt тѝ нāнѝзѝока гѝсѝрѝни: „Агā–а, бѝзѝ амāѝа вāхā байгѝанѝи тѝйѝтѝулѝ пулсѝзѝу. Хай–дā маѝ–га–дā анā вāрѝи. Бай симбѝвэ халачѝпѝ“. Чадѝ–мāt мѝргѝ сāгѝохани – бѝзѝ нѝуни. „Бѝмбѝвэ най долѝгѝорѝдѝани акпалѝо эгѝ хѝни эрѝдѝлѝмѝи эѝду дѝрѝзѝихани, сāѝѝасѝи“. Туй тѝидѝуэчѝи, акпалѝо эѝкѝ–чи зѝнѝи. Мѝргѝ ундыни: „Хѝни оѝбѝхасѝо мѝмбѝ–дē?“ Энѝни ундыни: „Энѝи, ичѝерѝ, хайѝа–дā запарѝи–дā корѝѝѝасѝи бѝчѝи“. Тѝтарā, энѝнѝзѝи, эѝкѝзѝи улѝ очѝгѝохачи.

Зѝа чѝманāѝа тавāнѝи іланѝѝари гѝсѝ энѝмѝри, дѝрѝхэчи. Анѝни ундыни: „Мѝнѝи пулсѝмѝи найдо аорѝгѝаѝи ачасѝи“. – „Агā–э, аѝа!“ Тѝ иѝнѝвэ энѝмѝри эм иргѝмбѝ ісѝихачи, аѝ эринѝуэни. Анѝни ундыни: „Найдо аорѝгѝаѝасѝи“. Нѝуни ундыни: „Аѝа–а! Бузѝ сѝ асѝгѝоасѝи нѝхѝпу эѝду эм пузѝ бѝ“. Хāулѝ аѝандамѝри тѝхачи. Чадѝ тѝ мапа пѝктѝни бѝи, чалā агѝбāри тѝѝѝаѝѝи. Мѝргѝ сѝксѝ тѝхани. Тѝ пузѝ ѝаѝѝи. Сѝаѝан–дā, сѝксѝ эринду апсѝнѝгѝѝи. Мѝргѝ ундыни: „Андā пузѝ, эѝи туй турчѝрѝ мѝпѝи галѝѝам. Мѝ бѝлѝпа пулсѝѝѝвэ пѝ–намбѝ, пуѝзѝи эчѝ хѝра. Мападо манѝхамбѝ, эѝкѝду эурѝмбѝ бāхамбѝ. Аѝа, заѝпадоѝа аѝхасѝи–дā эмуту эѝи, асѝи осѝрѝхā. Тѝ пузѝ заѝпадоѝани апсѝнѝгѝохани. Мѝргѝ долбо–о сѝнѝгѝуйни. Хас тѝ олѝгома зѝи–зѝуни. Элѝ ісѝгѝорѝдѝи, нѝамбани нѝкѝулѝлѝхэчи. Кѝуни пѝгѝзѝлѝни лѝкѝтѝу тѝкохани. Мѝргѝ запѝчѝахачи, бай хамар. Пуѝѝи іноксѝзѝи, зѝлѝоксѝзѝи модѝрѝохани. Сѝрѝ, нѝбра хѝгѝохани. Туй тамѝ, тѝгѝурѝ, зѝгѝухэчи. Нѝѝилѝи ундыни: Гѝ, балā, энѝзѝуѝри! Нѝѝилѝи сѝрѝуѝчѝигѝурѝ, хѝм бāрѝзѝгѝорā, тавāнѝи сѝсѝхэчи. Тѝ иѝнѝвэ энѝмѝри, сѝксѝ эринду эм иргѝнѝдулѝ ісѝихачи. „Гѝ, агā, бѝзѝ асѝпѝу эѝду бѝи. Чалā тѝхā. Чадѝу мѝргѝ ундыни: „Чѝмана эрѝдѝ–э зѝгѝухѝрсѝу! Тѝ зѝуѝри гурѝ тѝхачи“. Мѝргѝ мапа зѝгѝдѝани аорѝгѝи. Долбо мѝргѝ долѝнѝдолā бѝа–чи гѝлѝгон–дā аорѝни. Долбо–о тѝ олѝгома гѝчи зѝиѝуни. Элѝ зѝиѝан–дѝидѝуи, гѝчи нѝкѝулѝлѝхэчи. Мѝргѝ тѝ олѝгома токонѝдолани лāп за–парѝани. Тѝтарā, кѝчѝмбѝи тѝтарā, тѝ олѝгомаѝа зѝу нѝѝи даралāѝѝа–ни сā–ар кѝрѝчѝхэчи. Пачѝѝѝани запарѝани, зѝлѝѝѝани запарѝани. Хуй–музѝи запѝчѝидѝани, гѝл гѝлѝтѝуѝгѝухэчи. Тѝ зѝуѝри пасѝѝа сѝлѝчѝѝи долани нѝхэчи. Туй тѝидѝоанā, нѝѝилѝи зѝгѝухэчи. Тѝтарā, тавāнѝи сѝсѝгѝухэчи. Туй энѝмѝрѝ сѝу токондо амѝмбāри вāхā байгѝан–долари ісѝихачи. Вāѝлā тавāѝа іѝаѝѝи. Тѝтарā, тѝ тавāѝа зѝусѝи хѝул, таѝси хѝу–эл пѝйкѝунѝсѝмѝри морамѝри дѝрѝхэчи. Пѝѝаѝгѝонѝи ундыни: „Агѝ–э, эѝ долѝи эсѝи элѝ будѝи нāѝи осѝѝи. Уйкѝ алѝдāн–долани амбāкā дѝрѝѝни арѝбѝнѝѝи, будѝнѝи осѝѝи“. Туй тѝидѝоанā уйкѝ алѝдāнѝолани амбāкā дѝрѝѝни арѝбѝѝи. Долѝни нāсѝлѝни чā–аѝгѝа тѝми дѝрѝхэчи. Пѝѝаѝгѝонѝи энѝрѝ, тѝхѝлѝрѝ, халѝко чѝдѝчѝани ірѝахани.

гусилту симбиwэ элэ wāриji! Эргэмбэсэ най эхэрни балана ʒаpа-хā". Чадо-мāt Заолдā мэргэ ундыни: „Гучкэ, эргэндулэjэwэ ээи ʒсiрa. Аjа, иргэ тэхуэи ирэ, дājй тэхуэи дахарā тамби. Пуэjй, дэдү пондазоjи тори, мамā анāэи бүрэмби". Тотaпи-мāt мэргэ хо-ʒixā, пуэи иргэмбэни тawауки далгуми дэрүхэни. Туй ʒиэумē, мэнэ балэiхамби боалаjи ʒсiгохани. Нэjилни балана ʒсiгохачи. Ир-гэмби хэjи, соли суwурэ тэwэңкини. Тотарā, тawауки балэiмāри дэрүхэчи. Хэи энийни поктони-дā чалā би, соли энийни поктони-дā чалā би. Бай пулсi гурү калтā бiаэи дусуэчим пулси. Гасawа, бэjу-мбэ манамāри балэiлохачи. Боa-мāt баjачи, боa-мāt элчиэчи та-мари балэiлохачи. Нiоанчи уjэлэчи тō дāн аʒiани аңгохачи корбо-чичи тй-рэгдэ бини. Элэни.

Перевод

№ 30. Лиса

В одном месте жила лиса. Так жила, жила и подумала: надо идти! Потом засемила вниз по берегу реки. Далеко ли, близко ли шла... В одном месте поднялась на гору. Там встретила дерево невиданной толщины. А под деревом у корней кучками лежат человечесьи волосы и человечесьи кости. Лиса взяла человечесьи волосы, постелила и легла на них. Вечером с востока прилетела одна птица, а затем с запада другая. Сели эти две птицы на дерево. Прилетевшая первой птица спрашивает: „Старшая сестра, далеко ли ты сегодня летала?" Старшая сестра отвечает: „Я далеко летала. Когда клевала мусор во дворе младшей сестры Мэнгулдэна (Серебряного мергена), услышала, что в низовьях этой реки есть одно селенье. Властитель этого селенья богатырь Хончиа. У него дочь – девушка. Как выйдет она на улицу зимой, снег глубокий с голенише тает, как выйдет летом, трава высотой с голенише вянет. Семь горных духов состязаются, чтобы взять ее в жены. Если тот старик (богатырь Хончиа) уступит в состязании, то будет делать каменную лодку о пяти мачтах, а дочь его они без калыма, бесплатно возьмут. Если же уступят в состязании семь горных духов, то они станут слугами у дочери старика. Завтра они начинают состязаться".

Лисица выслушала все это, встала и пошла. Долго шла до того селенья (где жили старик с дочерью). Стала подниматься от берега ко дворцу властителя. Даже собаки не лаяли. Так, когда поднималась, увидела: выше дворца властителя еще один дом стоит. Перед домом кто-то повесил постель из меха темного соболя и одеяло из меха чернубурой лисы с золотой оторочкой. Лиса пошла туда, сняла одеяло из чернубурой лисы, завернулась в одеяло и клубком легла. Тут вошла одна служанка. Один глаз у нее на лбу, другой на подбородке. Служанка помочилась и пошла обратно в дом. Войдя сказала: „Госпожа, твое одеяло упало. Я забыла, что мне нужно было его взять". – „Ты взяла за правило, служанка, мою упавшую

вещь не заносить в дом". Пуди (хозяйка) встала, обула штепанцы из рыбьей кожи и вышла из дому. Стала поднимать свое одеяло, а когда подняла, из него вывалилась лисица. Пуди завернула лисицу в одеяло, взяла постель и внесла их в дом. Укутав лисицу, положила ее на нары. Служанка спросила: „Госпожа, почему ты не убираешь вещи?" Пуди сказала: „Скоро будем ложиться спать". Служанка встала, подошла к нарам, взяла одеяло и потянула его. Тут из одеяла выскользнула лисица. „Госпожа, зачем ты внесла лисицу?" – „Отстань, помолчи!" – говорит пуди. Служанка перешла обратно на свои нары.

Вечером они приготовили пищу и стали ужинать. Служанка смотрит: лисица ест палочками. „Госпожа, посмотри на лисицу. Она умеет есть палочками". – „Отстань, служанка, молчи!"

Переночевав, утром пуди оделась, взяла свою трубку для курения и вышла на улицу. После этого через некоторое время лиса говорит: „Служанка, переходи ко мне. Дай-ка я поищу в твоей голове". Служанка сказала: „Удивительная лиса! Умеет говорить по-человечески". – „Ну, переходи скорее!" Служанка встала и перешла на нары к лисе. Лиса стала искать в голове у служанки. Потом звонко шелкнула служанку по голове, и служанка крепко заснула. Затем лиса шлепнула себя по голове и стала слугой. Превратилась в высокопоставленного слугу. Слуга вышел на улицу и стал спускаться к берегу реки. В один дом войдет – выйдет, в другой дом войдет – выйдет. Переходя так из дома в дом, пришел во дворец. Та пуди сидит там на кане. Старик сидит на возвышенном месте, перекатывая железные прутья. Вокруг него сидят семь горных духов. Слуга вошел и сел около входа на том месте, где складывают дрова, ведра и другую утварь.

„Ну, старик, – (говорят горные духи), – давай состязаться! Если мы уступим, быть нам слугами твоей дочери. Если ты проиграешь, сделаешь нам каменную лодку о пяти мачтах, и мы увезем твою дочь без калыма. Ну, давай попробуем!"

Семь горных духов вынули сто серебряных игральные кости. Некоторые из них во время игры¹ пять-шесть костей роняют, некоторые из духов три-четыре. Самый младший из них иногда все кости разом ловит, иногда одна кость падает.

Взялся играть старик. У него три-четыре кости падают. Три раза пробовал – тот же результат. Слуга говорит: „Старик-властитель, можно мне попробовать поиграть?" Старик отвечает: „Конечно можно!" Слуга взял кости, подбросил их три раза и три раза поймал все кости. Старик говорит: „Неужели же мне быть ниже слуги!" Опять взял кости, три раза подбросил. Так же, как и раньше, все равно у него три-четыре кости падают.

Семь горных духов сказали: „Завтра закончим дело". После этого встали и ушли.

Тут слуга говорит: „Старик-властитель, мы еще у твоих предков были большими и малыми слугами. Нам жалко тебя. Стань ты вместо меня слугой, а мне дай стать вместо тебя стариком-властителем". Старик говорит: „Дорогой мой, как же мы можем изме-

нить свой вид?" — "Пустяки, это ничего не стоит". Слуга встал, ударил старика по затылку — старик стал слугой. Ударил себя по голове и стал стариком. Слуга сел за стол старика, старик сел на место слуги. Стал как слуга. "Ну, завтра давай так вот и обменяемся внешним видом". — "Ладно", — говорит старик.

Слуга встал и стукнул старика по голове, он превратился в прежнего старика-владельца. Ударил себя по голове и превратился в прежнего слугу. Потом вышел на улицу, а пуди (дочь старика) за ним вышла и смотрит: куда же слуга пойдет? Слуга пошел по селению, поднимаясь вверх. Пуди побежала в свой дом. Взялась за свою дверь, вошла, видит: лиса сидит, служанка спит. "Эй, служанка, ты почему здесь спишь?" Только тут служанка проснулась и встала, почесывая свою голову. "Госпожа, твоя лисица очень хорошо ищет в чужой голове". Затем служанка перешла на свое место. "Госпожа, как у отца дела?" Пуди говорит: "Надоеда ты мне, обо всем-то спрашиваешь. Замолчи!"

Переночевав ночь, пуди рано-рано утром спустилась к берегу реки. Лиса говорит: "Служанка, переходи ко мне, я у тебя в голове поищу!" Служанка опять перешла на нары к лисе. Лиса, ища в голове, опять ее шлепнула. Служанка с храпом заснула. Лиса себя стукнула по голове и опять стала высоченным слугой. Потом слуга стал спускаться к берегу. Вошел во дворец владельца селения. Семь горных духов еще нет. "Ну, владелец, давай меняться телами!" Старик говорит: "Давай!" Слуга встал, подошел к старику и ударил его по голове. Старик стал слугой. Себя ударил по голове — стал стариком. Слуга сел на место старика, на место слуги — старик. Тут опять пришли семь горных духов. Старик сказал: "Семь горных духов, всем вам не одолеть меня, я вобрал в себя победную силу. Этой ночью я камлал, тридцать ретивых идолов уготовил для вас, сорок верных мне духов-помощников подготовил (к борьбе) после того, как их угостил. Места злых духов и бурханов горных духов, камлая, все облетел. Теперь вы против меня никогда не устоите".

Семь горных духов засмеялись. "Почему же так должно случиться? Сегодня же настал день, когда нужно кончать все это дело".

Старик вынул все кости. "Семь горных духов, смотрите хорошенько!" Взял и все три раза поймал все кости. "Ну, что я говорил?"

Семь горных духов подбросили. Подбросили и поймали, как и вчера. "Дорогой слуга, и ты попробуй!" Слуга говорит: "Владелец, мы твои слуги, просто так бывает, иногдаймаешь полностью, иногда же роняешь." Слуга взял и подбросил кости, как обычно, три-четыре уронил.

Семь горных духов стали говорить: "Что-то случилось. В эту ночь мы или умрем, или же спасемся". Сказав так, все вышли на улицу. Тут слуга опять стукнул старика по голове, и тот превратился в старика-владельца. Себя ударил по голове — превратился в слугу.

"Старик-владелец, что будем делать? Если умирать в эту ночь — умрем, если погибать в эту ночь — погибнем". Старик отвечает:

"Ну, дорогой, умирать — так умрем!" Затем слуга вышел на улицу. Пуди вышла за ним и смотрит на него: опять так же идет, шагая, вверх по селению. Посмотрела на слугу и очень быстро побежала домой. Открыла дверь, вошла. Смотрит: лисица сидит. Смотрит на служанку: опять спит. "Эй, служанка, нашла время спать!" Служанка тогда только встала. "Госпожа, так хорошо спится, когда лиса ищет в голове. Госпожа, как дела у отца?" Пуди сказала: "Этой ночью умрем". Служанка говорит: "Госпожа, а лиса-то спасется". Тут лиса заговорила: "Служанка, завтра ты сядешь на меня, а я побегу". — "А как же ты сможешь?" — спросила служанка. "Ничего, смогу", — отвечает лиса. Потом легли спать. Ночью зашумел сильный ветер, заревел ураган, забил по крыше проливной дождь. Конек крыши дома загорелся яркой звездой. Пуди не находит себе места. Посмотрела на свою лису: лиса сидит. Подошла к ней, потрогала: оказывается, ничего нет, только лишь шкура. Пуди взяла лисью шкуру и спрятала.

В полдень ярко засветило солнце. Немного погода в дом один мерген вошел. Сильно рассердился мерген, стал от гнева весь темный, как дно котла. Вошел и сел на средние нары. Набивает (пуди) ему табак — не берет. Потом он встал и вышел. Пуди за ним побежала, ухватила его сзади. "Друг мой, я тебе ничего не сделала. Поднимись ненадолго в мой дом, чтобы покурить табаку". Мерген молча пошел от нее. Идет по зарослям орешника и колючего кустарника. Пуди, идя за ним следом, говорит: "Друг мерген, я без рук, без ног осталась. Меня, как ворону, не терпишь, как сороку, презираешь. Не ходи же по моему следу". Не успел затихнуть звук ее слов, как пуди исчезла.

Мерген немного отошел от этого места, свалил гнилое дерево и сел на него. Тут стал думать: "Зачем я так сделал, что плохого в том, что она спрятала мою оболочку? Ничего плохого! Ведь жалко ее". Потом покурил и пошел. Вечером увидел один дом. "Вот здесь удобно переночевать", — думает мерген. Поднялся, положил перед домом на одноярусные вешала свои лыжи и вошел в дом. Сидит одна пуди. Набила для него в трубку табак. Он сидит, покуривая, а пуди говорит: "Друг мерген, не ночуй. Ведь твое солнце скоро зайдет! Уходи побыстрее!"

Мерген решил, что тут ночевать ему нельзя. Встал и вышел. Не прошел и нескольких шагов от этого дома, как убил одну козую и решил там заночевать. На ночь расположился на самой вершине горы. Поел и лег спать. Вдруг неожиданно проснулся, словно совсем выспался. Видит: по вершине горы ползет большая змея. Подползла к нему, как стрела метнулась и прошла сквозь его грудь. Хотел схватить, но не успел, упустил ее.

Пока все это происходило, наступило утро. С этого места мерген опять отправился в путь и в полдень увидел два селения, расположенные одно против другого. На западной стороне один мальчик стоит в одежде из западного соболя. На восточной стороне тоже один мальчик стоит в одежде из восточного соболя. "Ну, друг, кто из нас двоих быстрее добежит, чтобы побрататься с этим мер-

геном. Ладно, ладно! Побежали!" Западный мальчик далеко впереди бежит. Восточный мальчик отстает. Добежавший первым мергена спереди обнял. „Мой старший брат“, – говорит. Отстававший добежал и обнял его сзади. „Я побратался“, – говорит. Потом эти два мальчика стали тащить мергена в разные стороны. Один тянет не восток, другой на запад. Мергену это надоело, стало не в мочь. „Ну, братцы, давайте пойдем все вместе в одном направлении“. Они оба согласились. Поднялись к западному селению. Затем приготовили там угощение. Вот тот мальчик начал рассказывать: „Старший брат, мы все время ходили к врагу, убившему нашего отца. Убить его – ничего трудного нет. Просто мы тебя ждали“. Тогда только мерген узнал, что это его родной младший брат. „Когда нас переселяли, старшая сестра может быть тоже как-то оказалась здесь“. В это время пришла и их старшая сестра. Мерген спрашивает: „Как же вы меня забыли?“ Его мать (она была там же) говорит: „Ой, пойми, дорогой, подумай, не успеть было что-либо взять“.² Тут мерген помирился с матерью и старшей сестрой.

На следующее утро из этого селения братья пошли втроем. Старший брат говорит: „Со мной ходить – у людей ночевать нельзя“. – „Ничего, старший брат!“ Весь день они шли и дошли до одного селенья к ночи, когда уже было время ночевать. Старший брат говорит: „У людей ночевать нельзя“. – „Ничего! Мы здесь наметили в жены одну пуди“, – говорит младший брат. Заставили все-таки старшего брата подняться вверх, в селенье, чтобы там переночевать. Когда расположились на ночлег, старшего брата послали к дочери старика (предназначенной ему в жены). Вечером мерген поднялся в дом, где жила пуди. Пуди встретила его приветливо (это оказалась дочь того властителя). Мерген говорит: „Друг пуди, не думай так, будто ты мне не нравишься. Хожу по свету с болью. Мои раны еще не зажили. В борьбе с медведем утратил силу и от этого сильно страдаю. Хорошо было бы, чтобы ты хоть спала около меня, все равно стали бы мужем и женой“. Пуди легла спать около него. Поздно ночью мерген проснулся. Опять пришла та змея. Уже вот-вот подойдет. Опять метнулась на него и прошла сквозь грудь ниже соска. Мерген хотел ее схватить и опять упустил. Мерген помазал свою рану слюной и соплями, красная и зеленая рана зажила. Потом встал и спустился к берегу. Говорит своим младшим братьям: „Ну, живо, пойдемте!“ Разбудил своих младших братьев, все оделись и пошли от того места. Шли весь день и к вечеру дошли еще до одного селения. „Ну, старший брат, здесь живут наши жены“. Двое братьев поднялись к себе в селение. Мерген говорит им: „Завтра рано утром приходите“. Сам мерген остался ночевать в доме одного старика. Ночью мерген, до половины высунувшись из дома, заснул. А поздней ночью к нему опять пришла змея. Когда она вот-вот уже приблизится, чтобы метнуться к нему, мерген схватил эту змею за середину туловища. Потом вытащил нож и разрезал ее на куски толщиной в два пальца. Взял ее хвост, взял голову, хотел взять пупок, но

он выскользнул из его руки и исчез. А те два куска змеи (мерген) положил в свою поясную сумочку. Когда он это делал, спустились из своих домов его младшие братья. Затем пошли из этих мест. Шли, пока солнце было в зените, дошли до дома врага, убившего их отца. Разожгли на берегу реки костер, потом стали через тот костер туда-сюда прыгать и кричать. Самый младший брат говорит: „Старший брат, наш средний брат вот-вот умрет. Как появится в щели двери лицо черта, он умрет“. В это время в щели двери, закатывая белки глаза, показалось лицо черта. Средний брат стал падать. Младший брат подошел, взял брата в охапку и отнес за большую лодку халико.

Когда братья так вот кричали, к ним стал спускаться их лютый враг. Тут они схватились бороться. И день и ночь идет борьба. Убивают врага, а он все равно встает. Тогда от досады старший брат откусил напрочь свои пальцы и туда-сюда разбросал. Пальцы же по одному к нему возвращаются. Видит: сестра-мизинец тащит на себе клубок ниток. „Дорогой повелитель, поторопись, а то увидят“. Мерген подбежал к ней, схватил клубок, повыврывал застешки клубка, а внутри клубка оказался золотисто-серебряный кубок, а внутри кубка душа старика в виде черного яйца с руками и ногами. Взял (мерген) яйцо, выдергал из него руки и ноги и разбросал их в разные стороны. Старик тут же стал безруким и безногим, словно чурбан. „Ну, старик, увидишь ты кроильную доску, сделанную твоим отцом“. – „Дорогой, если заставишь увидеть, наверно увижу“. Мерген пригнул голову старика к подшейной ямочке. „Ну, старик, увидел?“ – „Увидел“, – говорит старик. После этого (мерген) взял и напрочь свернул ему шею. Старик умер.

Стали подниматься вверх. Навстречу им спускается жена убитого старика. „Дети, идите, я вас поцелую“, – говорит старуха. Мерген приблизился к ней. Старуха замахнулась на мергена своей железной скалкой, которой она чистит рыбью кожу, но мерген схватил скалку. Забрал у старухи скалку и ударил ее по спине так, что старуха скорчилась назад, так что ее голова сошлась с задом. Тут старуха умерла. Поднялся (мерген) еще выше, вошел в дом дочери старика – в дом, который стоял выше стариковых хором. Дочь старика рассердилась до того, что вся покраснела и посинела. Мерген говорит: „Сердишься, так сердись. Я заодно все, что угодно, сделаю“. Пуди пересилила свой гнев, цвет лица стал прежним. „Друг мерген, все одинаковы. Где ты найдешь человека, который не сердился бы на того, кто убил его отца и мать?“ Сказав так, набила для мергена в трубку табак и стала готовить еду.

Мерген говорит своим младшим братьям: „Поезжайте и переведите все селения, находящиеся на том пути, по которому я прошел. Местность, где родился наш отец, конечно, узнаете“.

Отправив обратно своих младших братьев, мерген пошел дальше. Далеко идет, близко ли идет... Показался исток реки. Там не размахаться паре оморочек, не взмахнуть веслами. Крутится и шумит вода. Самая вершина реки, где сопки обоих берегов сходятся. У самого корня дерева Гояла (Клыкастый) и Сояла (Рогатый). Мер-

ген зажег перед ними лучину, вытащил из поясной сумки голову и хвост змеи, засунув в рты Гояла и Сояла. „Отец и мать, помогите мне“, Гояла и Сояла засопели, затряслись, потом заговорили: „Дорогой, слушай! Мы твоим отцом воспетые его духи-помощники – бурханы. Он почитал нас, своих верных помощников. После его смерти мы вот здесь и скоронились“. Затем, обращаясь к мергену, сказали: „Дорогой, ну-ка, посторонись немного“. Тут дух-помощник пошевелился, и вздрогнула земля. Свои косматые рога стал поднимать вверх. Мигом их поднял до самого неба. Мерген стал подниматься по их рогам. Так поднимаясь, прямо через небесное отверстие вышел на небо. На поверхности неба также есть места, где есть земля, вода, горы, деревья. Пошел по этой небесной земле. Шел, шел и встретил одно селенье. Подходя к нижнему концу селенья, шлепнул себя по голове и стал высоченным слугой. Потом пошел по краю селения, удаленному от берега реки. Выше хором владельца селения стоит один дом. Взявшись за дверь, (мерген) вошел в него. На одной из боковых сторон кана сидит одна пуди. Видит, что входит мерген. Лишь блеснув краешком белка глаза, взглянула. После же не смотрит на него. На средних нарах один слуга крутит вертушку для вития веревок – веревки вьет. Сел мерген около него. „Ну, друг, здравствуй!“ Сколько же ты свил веревок?“ – „Только три поперечных мотка кончил“, – говорит слуга. „А я на семь сетей свил и успел связать весь невод“, – сказал мерген. Слуга думает: обманывает! Разговаривая таким образом со слугой, поглядывает через плечо той пуди. Пуди не шьет. Исчертила всю свою кроильную доску концом кроильного ножа. Мерген сидит и разговаривает со слугой. Перед самым заходом солнца мерген взял свои рукавицы и встал. Только тогда пуди повернулась к двери: „Сядь, мерген!“ „Красавица-хозяйка, зачем садиться?“ – говорит мерген. „Ладно, сяду!“ Мерген нехотя сел. Только тогда пуди набила табаком его трубку, зажгла ее и поднесла слуге. „Красавица-хозяйка, я курил свою трубку. После меня как же ты будешь курить эту трубку?“ – „Слуга, что плохого может быть во рту человека? Ничего!“ Сказав так, пуди начала готовить разные кушанья. Целый стол наготовила. На слугу поглядывает. Пуди говорит: „Почему ты сейчас же не ложишься спать?“ Взяла свою скалку для чистки рыбьей кожи и бросила в него. Попала в голову слуги и ранила его. Слуга замотал рану своим полотенцем и лег спать. Когда он заснул (она говорит): „Слуга, иди, садись сюда. Иди же садись около этого стола!“ Слуга говорит: „Красавица-хозяйка, как же ты будешь есть после меня?“ Пуди говорит: „Ничего!“ Слуга ей кладет в рот еду, она же слуге в рот кладет – так они начали пировать. И пуди опьянела, и мерген опьянел. Поздно ночью мерген проснулся – лежит прямо посреди неба, над ним пестрая птица летит. Долетела до усадьбы того дома, где он был. Встряхнулась, встряхивая свое тело, покачивалась и стала красавицей (которая раньше была змеей). Мерген думает: красивей моей жены. Та красавица-пуди вошла в дом. Войдя, села у огня. – „Подруга, давнo ли ты пришла?“ – „Сегодня пришла“, – ответила. Пришедшая

пуди зажгла лампу и спустилась поближе к своей подруге. О том, о сем разговаривают. Наш мерген встал, вынул нож, повалил наизусть чужую пуди и полоснул ножом. Всадил нож в сердце на глубину одного пальца, колет ножом – не кричит: „Больно!“ Всадил нож в ее сердце на глубину двух пальцев, колет ножом – не кричит: „Больно!“ Когда, отмерив четверть, хотел заколоть ее, жена встала и взяла его за руку. „Друг мерген, если ты убьешь эту пуди, то и меня убьешь. Что толку в том, что я останусь здесь одна?“ Другая пуди говорит: „Друг мерген, то, что ты сделал с человеком, нехорошо! Что в том хорошего, что ты на глубину в два пальца разрезал меня!“

Пуди и мерген помирились. На следующее утро все встали и спустились с неба, переводя селения пуди. Так спускаясь, попали на ту речку, где мерген влезал на небо. Приготовили себе лодку и стали оттуда плыть по течению. Едут так, едут и доехали до селения мергена Мэнгулдэна. Пристали к его берегу и стали звать. Мерген Мэнгулдэн спустился. Тут начали они с нашим мергеном сражаться. Во время сражения убили его. Отправились дальше, гоня с собой людей его селения.

Едут, возвращаясь домой, доехали до места, где на вершине утеса жил мерген Хомия (Голодный). Стал кликать его. Тот спустился, и его убили. Дальше едут, угоняя с собой людей его селения. Доехали до места мергена Пуимулде (Дракон). Того тоже позвал и убил. Тронулись дальше, угоняя людей его селения.

Доехал до места слияния этой речки с его рекой. Мерген Дяолдан говорит: „Откуда это и что за силачи подъезжают сюда? Ты, силач, приставай, будем сражаться!“ Мерген стал приставать к берегу, а Дяолдан стал спускаться с горы. Начали сражаться. Когда они сражались, спустилась сестра мергена Дяолдана. „Старший брат, каким образом ты хочешь убить человека, которого не могли победить столько богатырей? Наш родной дядя (младший брат матери) тебя скоро убьет. Душу твою его жены уже давно взяли“. Тогда Дяолдан сказал: „Дядя, не добивайся до моей души. Хорошо, вместе со своим селеньем я подчинюсь тебе, со всеми моими владениями я последую за тобой. Пуди, любимую свою сестру, без калыма, бесплатно тебе отдам“. После этого мерген перестал сражаться. Начал переводить его селение к себе. Двигаясь так, доехали до своих родных мест. Его младшие братья давно уже переехали. Свои селения вверх и вниз по реке разместил. После этого начали жить. Пути-дороги едущих вниз, пути-дороги едущих вверх ведут к этому месту. А простой люд серой тенью, словно от света полумесяца, мельтешит. Люди проходят этим местом через каждые подмесеца. Добывая зверей и птиц, стали жить. Живут богато, как природа, щедро, как земля. Над ними лишь охотничья шапочка, сделанная из камуса лося. Только она и есть. Конец.

¹ Игра состоит в том, что игроки берут в горсть 100 костяных фишек, подкидывают вверх и тыльной стороной ладони, растопыряв

и выправив пальцы и, насколько можно, выгнув концы пальцев, лопчат подброшенные фишки. Нужно так поставить руку, чтобы как можно меньше фишек упало на землю. Выигрывает тот, кто меньше всех роняет фишек.

² Разговор связан с тем, что семья мергена ранее подверглась нападению и была насильственно переселена из родных мест победителями, в числе которых был и убийца их отца.

№ 31. Эм мэргэ

Эм иргэнду эм мэргэ эмучикэ бэлэйхэ. Туй бим'е, туй бим'е, эм мод'а туй най маңбоа хэи энэхэ. Туй энэм'е, туй энэм'е, эм зогдола ісіхэ. Туй зогба ісіхэ, туй зогдола йхэ. Туй зб долани тэу эм пуэй. Туй пуэй унэйни: „Гэ, мэргэ, бачигоану“.

Туй пуэй сіаор'а тахэ, мэргэ сіахэ, хоэйхэ. Туй долбон'а туй зогду аонгахэ, туй пуэймбэ асигуй бахэ. Чимй тэхэ, сіахэ, хоэйхэ, бараэйгохэ, таванки гучи энэй.

Туй энэм'е энэм'е эм иргэндулэ ісіхэ. Эзэ хандолани тохэ, отай гуихэ, йхэ. Туй зб долани эм мапа, эм мама, пиктэчи эм пуэй. Туй мапа унэйни: „Ам, сіаор'е тару, туй мэргэ сіагони!“

Мэргэ сіахэ, сиксэгухэ, апсіонгой сэктэпумбэ сэкчигэхэ. Полтади дасігохэ, чиптумбэ нэхэ, апсігохэ. Пуэйндэ мэргэнэи гэсэ апсігохэ. Туй долбон'а чаду аонгахэ. Зіал'а чіман'а тэхэ, мэргэ бараэйгохэ, сіахэ, хоэйхэ. Таванки мэргэ гучи энэй.

Туй энэм'е, энэм'е, хонго порондони эм зб'ва баха. Туй зогдола йхэ. Эм мама, пиктэчи эм пуэй. Туй долбон'а туй мама пиктэчи асигуй бахэ. Таванки зіал'ан чіман'а тэхэ, энэй. Энэхэ-э, туй энэм'е, туй энэм'е, гучи эм иргэндулэ ісіхэ, эзэ хандола тохэ, эзэ хандо эм мапа, эм мама, пиктэчи эм пуэй. Мэргэ туй долбон'а аонгахэ чаду. Туй пуэймбэ асигуй бахэ. Таванки зіал'ан чіман'а тэхэ, бараэйгохэ, туй пуэй сіаор'а тахэ, Чимй, сіахэ, хоэйхэ, таванки гучи энэй. Туй энэм'е, энэм'е. Уээр дүэнтэвэ энэй, соктако, гідакко, бурику, зобдоңко. Туй энэми, эм мапава бахэ, дэји мапа бичин. Туй мапа нэ долани хэгдоңко. Мэргэ морайни: „На ээни нэнги, хурэ ээни хуигулэ, агбиндо ичэгуйэ. Дурумбэси ичэгуйэ агбинду. Аміндоли ајактало“.

Туй там'е, мапа ајакталахэ, нээрідуні гідалахэ. Соріхэ, соріхэ, wахэ. Пуихэ, буйгу мапа! Хэм пуихэ. Піналахэ, таванки туй энэм'е, энэм'е, туй уликсэвэ сіари. Таванки туй энэхэ, энэхэ, энэхэ, энэхэ. Маңбочи эугухэ. Маңбоа туй энэй. Туй энэм'е-э, туй энэм'е энимби, амімби wахэ байгоамби ісіхэ. Хэрсихэ. Туй мапа эугухэ. Эуризији гэсэ, сорипсиңки. Соріхэ, соріхэ, wахэ. Туй иргэмбэни гэзои. Зиэухэ, зогби ісігохэ. Иргэмбэ хэм тэ-wэңки. Тотохэ, эи мапа, това, бочамба, гиувэ, нэктэвэ wами очогохэ. Тотарэ, туй очохэ. Элэ.

Перевод

№ 31. Мерген

В одном селении одиноко жил мерген. Так жил, жил... Однажды тот человек вниз по Амуру пошел. Так шел, шел, дошел до одного дома. Вошел в него. В том доме только одна пуди. Эта пуди ему говорит: „Ну, мерген, здравствуй!“

Пищу ему приготовила. Мерген поел, кончил есть. В эту ночь в том доме ночевал, ту пуди получил себе в жены. Утром встал, поел, кончил есть, оделся и оттуда опять пошел.

Так шел, шел, дошел до одного селения. На царскую площадь ко дворцу поднялся, обув от снега отряхнул и вошел. В том доме старик и старуха, дочь у них пуди. Тот старик говорит: „Дочка, пищу приготовь, чтобы этому мергену поесть“.

Мерген поел. Свечерело. Чтобы спать, подстилку постелили. Одеялом покрыли. Одеяло положили, подушку положили. Лег спать, и пуди вместе с ним легла спать. Эту ночь переночевал, на следующее утро мерген встал, оделся, поел, кончил есть. Оттуда опять пошел.

Так шел, шел, встретил на вершине утеса один дом. Вошел в тот дом. В доме одна старуха и дочь у нее пуди. Ночью дочь той старухи получила себе в жены. После этого на следующее утро встал и опять дальше пошел. Ше-ол... Так идет, идет и еще до одного селения доходит. Дошел до того селения и поднялся к царскому дворцу. В царском дворе старик, старуха и дочь у них пуди. Мерген эту ночь у них ночевал. Там эту пуди себе в жены получил. Потом на следующее утро встал, оделся, та пуди ему пищу приготовила. Утром поел, кончил есть и оттуда опять пошел. Так шел, шел... По Удерской тайге на лыжах идет, с копьем, с луком, со стрелами. Так шел и нашел медведя. Большой медведь. Тот медведь имел в земле берлогу. Мерген ему прокричал: „Земляной хозяин бурый медведь, горный владыка, появись, чтобы я мог на тебя посмотреть. Вид свой покажи мне. Как твой отец, рассердись“.

После этого медведь рассердился. Когда он выходил из берлоги, мерген ударил его копьем. Боролись, боролись, мерген убил медведя. Снял шкуру – жирный медведь! Всю шкуру снял, взвалил за спину. Оттуда так пошел. Шел и ел то мясо. С этого места так шел, шел, шел... Спустился к Амуру. По Амуру идет. Так шел и дошел до своего врага, убившего его отца и мать. Позвал. Тот старик спустился. Как только спустился, стали сражаться. Сражались, сражались (мерген) и убил его (старика). Селенье старика к себе повел. Вернулся, дошел до своего дома. Селение все расселил. Потом этот мерген стал медведей, лосей, изюбрей, косуль, кабанов промышлять. Так и стал жить. Всё.

Туй бим'ё, туй бим'ё туй мэргэ бэжумбэ, нэктэвэ, бочамба, гнувэ хэм wари. Туй бим'ё, туй мэргэ эм модā энэхэ, горо-о энэхэ. Иламба аонгахан-дā аба, эбкчији зидзүэси, ас'ини халачихā, хайс аба. Ас'ини унэйни: „Мй ээји гэлэндэгүри. Буткин-дэ сāwāси”.

Ас'ини барааг'ихохā, эмуту хусэни-мэт очй. Тотарā, энэхэ, ээји поктод'ни чул. Туй энэм'ё, туй энэм'ё, эм н'арончи агбинкй. Туй энэхэ, туй энэхэ, найwа-нү, хайwа-нү ичэхэ, горо-о. Туй энэм'ё, энэм'ё, лаң зидзала очйэз'ини. Ээји багохā. Ас'ини унэйни: „Сй хайм'и гойдахаси?” Ээини унэйни: „Мй хайм'и гойдами бирэ, аси, мй маңга пүжэ бāхамби. Мй эбкчи бунигүривэ муручихэмби. Мимбиwэ јэнгур, эм заргол кэтэлэ wāхā, мимбиwэ сiсiхā”.

Тотарā, унэйни: „Мй поктолаја ээи энэрэ, сй энэхэ осини – бузэчи, эбкчи энум аба. Мй эбкчи бунигугуй муручихэ. Эси мй једу бурбури”. Ээини буйкй.

Н'арондо корiwа аңгосихā. Ээји туй дблани нэхэ. Ас'ичи муруч'ини: мй ээји поктоwани чүл зүлэси энэури. Эбкчи мочогой аба.

Ас'ини туй зүлэси энэхэ, туй энэм'ё, энэм'ё, н'арб багидлани хāхā. Ас'ини туй н'арб багид калтāлани хāхā-долбогхā. Пакчи-пакчи очбхā. Туй сiсi маңга! Туй энэхэ, туй сiсiду энэм'ё, энэм'ё, зүэ хэлгэwэ бāхā. Ас'ини туй хэлгэwэ iсiхā, дабал пуйкухэ. Соктāи ачбхā, туй соктази тәнкулэхэ, тэхэ. Тэсй. Пакчи-пакчи бй. Заполй эм забдомба агбимбохā, бури хулиэмбэни чiрамбохā, забдомба сiлбiхā.

Туй тэсидун'ё, эм јэнгур, эм заргол н'оран' бāрони зйэи. Туй јэнгур, туй заргол н'элгэwэ туй хблими энйи. Пүзй туй јэнгурбэ гарпахā. Јэнгур буйкй. Пүзй wāхā, зугухэ, ээји корiwани iсiсiхā, Ээји корiwани ачогхā. Ээји гāзбми эбi бāрон' зугухэ. Ээји зогдуй хумухэ.

Пүзй таванкй маңбоа соли энйи. Туй энэм'ё, туй энэм'ё, эм эбгба бāхā. Туй эбгба сиксэ-э бāхā. Туй пүзй муруч'ини: „Эй эбгду аонгбри. Туй эбгду тэң эм мама, эм пүзй.

Зiдiлāн чiман'а пүзй хас зүлэси энйи. Туй энэм'ё, туй энэм'ё, эм iхондола iсiхā. Туй iхонду гучи аонгахā. Туй iхонду аонгидун'и. Туй эбгду бй пүзимбэ асiсiгi бāхā. Пүзй таванкй энэхэ. Туй энэм'ё, энэм'ё... Эм iхомба бāхā. Чаду аонгахā. Зiдiлā чiман'а таванкй туй энйи, энимби, амiмби wāхā, байгоандолаји iсiхā. Пүзй таванкй iwāңкй. Пүзй морй: „Энимбиwэ, амiмбиwа wāхā байгоа, зүру!”

Эм кэкэчэ н'иэхэ ичэндэм. „Эзэ мапа, эй тбиду най морйи, симбиwэ гэлэй. Зүру – унэй”.

Мапа омолагохā, зухэн, пүзинэй сорипсиңкй. Сорихā, сорихā, мапаwа wāхā туй пүзй. Пүзй чаду iламба аонгахā. Таванкй туй iхомба далигуй, мэн эбкчији энуй. Алдала бй. Зидзүхэ, хэм гāзохā? Туй iхомба, эмуту эй Найхи-мāt бй iхомба опованкй. Элэ.

Так жил, жил тот мерген. Зверей, кабанов, изюбрей, косуль – всех убивал. Так жил, жил тот мерген и однажды пошел, далеко пошел. Трое суток прошло, а мерген домой не возвращается. Жена его ждет, а его все нет. Жена говорит: „Надо мне идти искать мужа. Может быть он умер”.

Жена оделась и стала как мужчина. Потом пошла прямо по следу своего мужа. Так шла, шла... Вышла к одному болоту. Пошла дальше, так шла и увидела: человек там или что-то другое, далеко. Шла, шла и совсем близко подошла: муж. Мужа своего нашла. Жена спрашивает: „Почему ты так долго задержался?” „Потому, жена, я так долго был, – говорит, – что получил тяжелое ранение. Я думал домой умирать идти. Меня бурый волк и красный волк¹ чуть не убили. Изгрызли меня”.

Потом говорит: „По моему следу не ходи, пойдешь – умрешь, не придешь домой. Я думал идти домой умирать, теперь же мне здесь умереть придется”. Муж ее умер.

Жена сделала на болоте сруб. Положила в него своего мужа. Стала она думать: мне нужно идти прямо вперед по следу моего мужа. Домой не буду возвращаться.

Жена так и пошла вперед. Так идет, идет на лодке и причалила на противоположной стороне болота. Когда жена причалила к противоположной стороне того болота, уже наступила ночь. Стало темно-темно. Там кусты густые! По тем кустам шла, шла. Два дерева нашла, сваленных ветром, с вывороченными корневищами. Она дошла до тех корневиш и прыгнула через них. Лыжи сняла, из тех лыж сделала сиденье и села. Сидит, Темно-темно. Из своего колчана вынула стрелу, натянула тетиву лука и поставила стрелу наготове.

Когда она так сидела, идут к ней один волк и один шакал. Бурый волк и красный волк идут, обходя корневище. Пуди выстрелила в волка. Бурый и красный волк подошли. Пуди их убила. Убила и стала спускаться к берегу. Спускалась, спускалась и дошла до сруба своего мужа (его трупа). Сняла сруб своего мужа. Вместе с ним пришла домой. Дома мужа похоронила.

Из дома пуди вверх по Амуру пошла. Так идет, идет, встретила один дом. Тот дом вечером нашла. Пуди подумала: в этом доме надо переночевать. В доме только старуха и пуди ночевали.

На следующее утро пуди опять дальше пошла. Так шла, шли и дошла до одного селения. В этом селении еще раз переночевала. Когда ночевала в этом селенье, поела, а пуди, которая жила в этом доме, получила себе в жены. Пуди оттуда дальше пошла. Так идет, идет... До одного селения дошла. Там заночевала. На следующее утро еще дальше идет. Дошла до своего врага, убившего ее мать и отца. Пуди разожгла огонь. Стала кричать: „Враг, убивший мою мать и моего отца, спускайся!”

Вышла одна служанка посмотреть. „Старик-хозяин, здесь на берегу человек кричит, тебя зовет. Спускайся, говорит“.

Старик подпоясаясь, спустился. Сражались, сражались, и та пуди убила старика. Пуди пробыла там трое суток. Оттуда, перегоняя то селение, едет к себе домой. В пути находится. Вернулась. Все (селение) привела. То селение превратила в такое, как этот Найхин. Всё.

1 Согласно преданиям нанайцев, на землях, где они живут, когда-то водились волки с красной шерстью.

№ 33. Тури

Эм боаду эм наонзока бэлзихани. Туй бэлэим'а, бим'е хайва-да сјагуй-да бараси. Эм мод'а наонзока такточи тактомасинахани. Тактоду хай-да аба бичй. Тэу куппү-рэгэдэ эгэи бичини. Н'оани туй куппумбэ суйлими соңгоми, эм туривэ бахани. Тотар'а, туй туривэ нүчирэ, эпэмбэ, аңгохани. Эпэнгу'и тунгэлэрэ, маңбоа соли дүэрэхэни. Туй дүэрэм'э, энэм'е эм зова бахани. Туй зогду эм мама бичини, туй мама чү маңгази н'оамбани жаохихани.

Сиксэ эрй акпанг'ойдой мама уңкини: „Ам по'а, хамача-да хэзонси бй осини, зјаами нэхэри. Минду сйңэрэ кама эгэини. Кэркэлй-дэ сав'аси сй хэзомбаси“.

Наонзока долбо сэнэрэ, сйңэрэ омони д'адоани туривэ, эпэнгу'и нэхэни. Сйңэрэсэл туй эпэмбэ чйтумэчимэри сор'олохачи. Мамачакан-да сэнэхэни. Наонзока соңгоми дэрүхэни. „Эпэнгу'уэвэ сйңэрэнгу'си пукчүхэни. Энэру омони д'ачиани“.

Омони д'адоани элэ пуртунй-рэндэ бичини. Мамач'а тээхэни бичй. Наонзока таванки мамачамба соими дэрүхэни наңдасигоми. Мэнэ эпэнгу'и орондолани сйңэрэвэ гэлэхэни. Мамач'а алисар'а, эм сйңэрэвэ бүгүхэни.

Наонзока таванки сйңэрэвэ тунгэлэрэ, маңбоа соли энэхэни, эм зова бахани, зокчи йхэни: зогду хаси эм мама бичини. Гучи эм кэксэ.

Мамачак'а наонзокамба жаохими дэрүхэни. Сиксэ апсиңг'ойдо'и наонзока уңкини: „Минду сйңэрэ зја'и бй. Сй кэксэси хони тазану?“ Мамачак'а уңкини: „Сй чав'а эи агбимбора, кэксэ в'арйни ман'а“.

Наонзока апсиңгохани, долбо сйңэрэнгу'и кэксэчи нэхэни. Кэксэ сйңэрэвэ чаду-тул зйгдахани. Чойңидоани, мамачак'а сэнэхэни. „Сйңэрэнгу'уэсэ кэксэ'и в'арйни бизэрэ. Тэру тургэнзи!“ Наонзока тэми, мамачамба соими дэрүхэни, сйңэрэ орондолани кэксэвэ наңдасигоми. Мамачак'а алисар'а, кэксэ'и бүгүхэни.

Таванки туй энум'э, эм зова с'ихани. Туй зогду-да хаси эм мама бичини. Туй мамату эм алха инда бичини. Мамачак'а наонзокамба жаохич'илохани. Сиксэ акпанг'ойдо'и мамачак'а уңкини: „Сй кэксэ'и эи ч'ндара. Мй инда'и кэксэнгу'уэсэ в'ари“.

Долбо наонзока сэнэрэ, мамачак'а индавани с'имбол'ихани. Инданий кэксэчи хукчурэ, гудэчими в'ахани. Туй с'асиндоани мамачак'а сэнэхэни. Наонзока эси соңгоми папкар'илохани: „Кэксэ'е орондолани инда'и бүгуру!“ Туй туйдүэни, мамачак'а, алисар'а, инда'и бүхэни.

Таванки наонзока индава элгэпулэрэ, дүэрэ'и маңбоа соли. Туй энэм'е, эм зова бахани. Туй зогду-да хаси эм мама, эм мапа бичичи. Туй гуру'у тул'эдүэчи эм морй ил'с'ихани. Наонзока инда'и морй заклодоани уирэ, йхэни. Бай-гда йр'ий, мама, мапа, жаохилохачи. Мапа ундыни: „Сй эи моримба лаң инда'и уирэ. Морй инда-васи баңсалами в'азара“...

Сиксэ акпанг'охачи. Долбо наонзока тэрэ, инда'и морй бэгэич'иэни элгэхэни. Морй таду-тул индавани баңсалами в'ахани. Ч'имй эрдэ наонзока тэрэ, мап'ази гэсэ нэхэни. Индани морй пэгизлэни буйкини. Эси наонзока мап'ава элэ тойкамол'а соими дэрүхэни, наңдамасигоми моримбани инда орондолани. Мапа алисар'а, моримби бүгүхэни.

Таванки моринди н'амн'ами наонзока энэлүхэни. Туй энэм'е эм кэрэмбэ с'ихани. Туй кэрэнду эсй най нэхэни буйкин най бичини. Наонзока туй буйкин хэвурбэни дэгбэлихэни. Тотар'а, ичэхэни – кама улэ пуз'и буйкимбэни. Н'оани туй буйкин найва запар'а, гэсэ н'амн'ахани.

Туй энэмэриэ, эм и'ончи с'ихачи. Наонзока моримби сйи к'ирадоани уйхэни. Буйкин найва эмуту у'уни-мэт морй о'јалани тэвэңкини. Тотар'а, мэнэ ду'си т'охани. Эм зокчи йхэни. Туй зогду бичичи мапа, мама, эм патал'а. Мап'азй, мап'азй жаохичим'ари дэрүхэчи. Тотар'а, мэдэч'иэчи: „Сй эмучэкэнси-нү, з'јакоси-нү? З'јаку осини, хайми йвэндэсиси?“ Чаду наонзока уңкини: „Мй з'јак'и. Т'от'и сйи к'ирадоани моринду тэсй. Коңгони маңга, д'олз'аси“.

Мамач'а арчокамба такорахани, з'јавани хэсйгуэни. Арчока морам дэрүхэни. Хон'а моракан-да, н'анга-да кэчириэдэси, д'олз'аси. Туй морапи, арчока йгүхэни. „Эн'э морамй мй ч'ілахамби“. Чаду эини уңкини: „З'јани коңгони маңга, н'аниндару!“

Арчока таванки пагэц'алами эуми, морахани. Мор'ини хаси колкол тэсй. Арчока а'јакталар'а, туй тэс'инй'э анахани. Анаоч'иани, туй тэс'ихэни сйи'и ч'ул т'үхэни. Эси-тэни арчока н'элэми дабами, соңгоми зокчи пагэц'алагохани. Йгуми соңгоми, эини'и гисурэгу'уни: „Эн'э, мй ба'тава бакаи. Най ас'ивани сйи'и т'үвэңкимби ...“

Ба'игда туй умбуч'иэни, наонзокан-тани папкар'ими дэрүхэни. „Бүгүсу ас'ја орондолани мэнэ пиктэ эри“.

Туй соңгоидоани ам'ини арчокамба бүгү'ини очини. Эси наонзока арчока'нзи гэсэ н'амн'ам'ари, мэнэ сусуч'и энухэни. Зогду туй бимэр'э, балэим'ар'э, ас'ини пиктэгу'и бахани. Эм мо-да ас'ини м'ова м'олохани. Э'ини зогду дэрэ'ихэни пиктэ'и эмусими. Асини, элкэ зугурэ, д'ос'ізахани э'и'и эмусими јав'ани:

Тури́из, туң-туң
 сйңгэрэ гачим, туң-туң.
 Сингэрэ́зи, туң-туң,
 кэксэ гачим, туң-туң.
 Кэксэ́зи, туң-туң,
 ин'да гачим, туң-туң.
 Ин'да́зи, туң-туң,
 морим ба гачим, туң-туң.
 Морин'зи, туң-туң,
 буйки́нйэ гачим, туң-туң.
 Буйки́нйиз, туң-туң,
 энимбэ́си гачим, туң-туң.
 Энимбэ́сиси, туң-туң,
 симб'е ба́хам, туң-туң.

Бай-гда туй ундывэни долэими, н'дани асини мэпи такто пилан-
 доани пасихани.

П е р е в о д

№ 33. Боб

Жил в одном месте мальчик. Так жил, жил, а есть ему нечего. Один раз мальчик пошел в амбар поискать себе пищи. В амбаре ничего не было. Только лишь много мусора. Мальчик, плача, разгребал этот мусор и нашел один боб. Потом этот боб растолок, испек себе лепешку и пошел. Положил свою лепешку за пазуху и зашагал вверх по реке. Так шел, шел и нашел один дом. В том доме жила старуха. Та старуха его очень хорошо приняла, как доброго гостя.

Вечером, ложась спать, старуха сказала: „Милый малыш, если у тебя есть какие-либо вещи, то спрячь их. У меня очень много крыс. Они могут изгрызть твои вещи“.

Мальчик проснулся ночью и у отверстия крысиной норы положил свою бобовую лепешку. Крысы, отнимая друг у дружки эту лепешку, стали драться. Старушка проснулась. Мальчик заплакал: „Твои крысы утащили мою лепешку. Посмотри в отверстие их норы“.

У отверстия норы только крошки остались. Старушка поверила. После этого мальчик стал бранить старушку, прося за свою лепешку крысу. Старушке он надоел, и она дала ему крысу.

Мальчик сунул крысу за пазуху и зашагал вверх по реке. Шел, шел и встретил один дом. Вошел в дом. В доме опять одна старуха жила и еще одна кошка.

Старуха приняла мальчика как хорошего гостя. Вечером, ложась спать, мальчик ей сказал: „У меня товарищ есть – крыса. Твоя кошка не сделает ли ей чего?“ Старушка сказала: „Ты ее не вынимай, а то кошка убьет ее совсем“.

Мальчик лег спать, а ночью свою крысу подложил к кошке. Кошка крысу тут же задавила. Когда крыса запишала, старушка проснулась. „Твою крысу моя кошка, наверное, убивает. Вставай скорее!“ Мальчик встал и начал бранить старуху, требуя взамен крысы кошку. Старушке надоело слушать, и она отдала ему свою кошку.

Мальчик ушел, дошел до одного дома. А в том доме опять одна старуха жила. У той старухи была бедая с черными пятнами собака. Старушка стала принимать мальчика как хорошего гостя. Вечером, ложась спать, старушка сказала: „Ты свою кошку не выпускай. Моя собака твою кошку убьет“.

Ночью мальчик проснулся, старушкину собаку спустил с привязи. Собака бросилась на кошку и убила, разовав ее в клочья. Во время этого шума старушка проснулась. Мальчик, плача, стал поносить ее. „Взамен кошки давай свою собаку!“ Когда он так говорил, старушке надоело слушать и она отдала ему свою собаку.

Из этого дома мальчик, пустив на привязи впереди себя собаку, зашагал вверх по реке. Так идя, встретил один дом. Перед домом этих людей стояла лошадь. Мальчик свою собаку привязал около лошади и вошел в дом. Как только вошел, старуха и старик стали его принимать как хорошего гостя. Старик говорит: „Ты близко к лошади свою собаку не привязывай. Лошадь твою собаку лягнет и убьет“.

Вечером легли спать. Ночью мальчик встал и подвел свою собаку к ногам лошади. Лошадь тут же лягнула его собаку и убила.

Рано утром мальчик встал и вышел вместе со стариками. Собака его под лошадью околела. Тут мальчик, грозя кулаками, начал ругать старика, требуя взамен собаки его лошадь. Старику надоело это, и он отдал свою лошадь.

Мальчик сел в седло и поехал от этого дома на лошади. Так ехал и доехал до кэрэна. В нем был кем-то недавно положенный покойник. Мальчик открыл гроб и увидел очень красивую мертвую пуди. Он взял эту покойницу и сел вместе с ней на лошадь.

Так едет, едет и приехал в одно селенье. Мальчик привязал свою лошадь около проруби. Покойницу, как живого человека, посадил на лошадь. Потом сам вверх, в селенье поднялся. Вошел в один дом. В этом доме жили старик со старухой и одна пуди. Старик со старухой стали принимать его как хорошего гостя. Потом спросили: „Ты один или со спутником? Если со спутником, почему не пригласишь его?“ Тогда мальчик сказал: „Я со спутницей. Вот там у проруби на лошади она сидит. Очень глухая она, ничего не слышит“.

Старушка послала девушку позвать его спутницу. Девочка стала звать. Как ни кричала, та даже нисколько не повернулась – не слышит. Так покричав, девочка вернулась обратно. „Мать, я кричала и не смогла ее позвать“. Тогда мать говорит: „Спутница у него очень глухая, пойди приведи ее“.

Девочка побежала вниз к реке и закричала. Хотя и зовет, а та все сидит без движения. Девочка рассердилась и потихоньку

толкнула ту, сидевшую на лошади. Как только толкнула, та сидевшая верхом, женщина упала прямо в прорубь. Девочка страшно испугалась, все сильнее и сильнее начала плакать и побежала домой. Войдя в дом, с плачем рассказала матери: „Мать, я совершила преступление. Чужую жену столкнула в прорубь“.

Как только она так сказала, мальчик начал их поносить. „Взамен моей жены отдайте мне свою дочь!“

Когда он так бранился, отец решил отдать свою дочь.

После этого мальчик вместе с девушкой поскакал на лошади, вернулся в свое покинутое селение.

Так жили, жили дома, и жена родила ребенка.

Однажды его жена пошла по дрова. А муж остался дома качать ребенка. Жена его потихоньку спустилась с горы и прислушивается, что поет ее муж, качая люльку:

За боб, тун-тун,
крысу купил, тун-тун,
За крысу, тун-тун,
кошку купил, тун-тун,
За кошку, тун-тун,
собаку купил, тун-тун,
За собаку, тун-тун,
лошадь купил, тун-тун,
За лошадь, тун-тун,
покойника купил, тун-тун,
За покойника, тун-тун,
мать твою купил, тун-тун,
От матери твоей, тун-тун
тебя нашел, тун-тун.

Как только жена услышала, что он так говорит, она повесилась на наружном настиле амбара.

№ 34. Иланэи бэгэику гиу

Эм мэргэ балэихани эмучэкэн-дэ. Туй бимиз, туй бал-эймидэ эм модэ муэвэ муэлэхэни. Муэвэ сополайдоани татикэнчи иланди бэгэику гиу эичини. Муэлүди сополагора, илгочіани, гиу тб-о горочи энуйни. Гучи сополагордоани, тэтикэнчи эизуйни. Илгочіани, тб-о горочи энуйни. Мэргэ мурчйни: „Хай гиуни эичини иланди бэгэику?“

Гиу най эилганэиани ундйни: „А-а, симбиwэ эгэ гэлэји. Чімана эихэри“. Мэргэ ундйни: „Сиу бису горо-нү?“ - „Гиу ундйни: „Горо биэси“. - „Гэ, аја, чімана энэңи-тэни“.

Мэргэ чіми тэрэ, энэхэни. Эм эоwа бэхани. Йхэни - эм пуэй тэсини. „Анда пуэй, бачігопу!“ - „Анда мэргэ, бачігопу!“ - „Анда пуэй, сй сарачи-нү, иланди бэгэику гиу мимбиwэ гэлэндэ-чэхэни? Тыи гиу хайдү бйни?“ Пуэй ундйни: „Мй нэwуји тб. Мй нэwуји - амбэ. Туй нэwа гэлэндэсуми wайни. Гэ, анда мэргэ, буэ ээи, аси осігоари“. Мэргэ ундйни: „Сй чіхалйси осіни, мй-дэ галдасимби“.

Сйксэ эм наонэока эизухэни. Бэгэин' дохолочйни.

Наонэока ундйни: „Аоси, бачігопу. Мй симбиwэ гэлэндэчэкэји чисэниwэ эгэ ээигуэни. Гэ, ауси, чімана мйнэи хупиндэгүэри.

Пуэй долбо сэнэрэ, мэргэнчи гисурйни: „Чімана тбми, н'оани эулиэлэни тора, чаду бй муэсэмсэ анэ соктаэи сокталахари. Н'оани запагой-дэ, ээи бугурэ“.

Наонэока чіми тэхэни. „Гэ, аосіа, тургэн тохари“. Мэргэ наонэока хамалани тбми, н'оамбани хаппагдохани. „Аосіа, гэсэ тогари“. Мэргэ ундйни: „Мй туй элкээи тбрасимби“. Мэргэ эулэси тохани. Муэсэмсэ анэ соктаwа западэ, тэтухэни. Наонэока ісіхани, ундйни: „Аоси, тб соктаwа мйнду бугуру“. Мэргэ ундйни: „Сй улэ соктаwа тэтуру, минду оркин-дэ аја. Уй эулэ тэтухэ осіни, уйдү-дэ бугуwэси. Гэ, эс хбни хупиури?“ Наонэока ундйни: „Эй оніwа јап сусуэмбури“.

Мэргэ ичйни - тыи они хэени маңга.

Мэргэ тыи оніwа јап сусуэңкини. Тыи наонэока сусуэңкини, они муэчйэни тухэни. Олгалигда хэјэпсинкини. Мэргэ мурчйни: „Эси-кэ н'оани-ка буйкини“.

Мэргэ эмэиз бароани сусуэңкини. Соктаји ачогора, эутухэни. Пуэй мбwа чапчимй бйни. „Анда пуэй, нэуси буйки“. Пуэй унэи: „Анда мэргэ, хали-дэ будэси. Эбгду бй“.

Мэргэ йгуйдүэни тыи наонэока заріми бйни. „Гэ, аоси эизухэ-си-нү? Апандо, эизухэмби. Гэ, чімана хас хупиндэгүри“.

Долбо пуэй сэнэрэ, мэргэнчи гусэрини: „Чімана тбпи, эм мб бй. Тыи мб они барони бй гарадоани ээи тэрэ, дуйси бй гарадоани тэхэри. Н'оани мй тэгуй тамбэ ундйнэни ээи бугурэ“.

Чіми тэхэ. „Гэ, аоси, тургэн тогари“. Мэргэ ундйни: „Сй эулэси торо. Мй симбиwэ хаппагтоэамби“.

Мэргэ тбмэ н'оамбани хаппагдохани. „Гэсэ тогари“. Мэргэ ундйни: „Мй туй элкээи тбрасимби“. Мэргэ эулэси тохани. Тыи мб-гоани ісіхани. Мбнголани мокчара, дуйси бй гараду тэхэни. Нэу-ни ундйни: „Аоси, мй тэгуй тахамби гара, сй wайси бй гараду тэ-ру“. Мэргэ ундйни: „Уй эулэ тэхэ, эуэчигуwэси“.

Наонэока мокчара, wайси бй гараду тэхэни. Гара учурэм тухэни. Наонэока они муэчйэни тухэни, олгалигда хэјэпсинкини.

Мэргэ эутухэни. „Гэ, анда пуэй, нэуси бй-нү?“ - „Анда мэргэ, ба-алан эизухэни“.

Нэуни гучи ундйни: „Аосіе, чімана бујумбэ пуңнэндүри“.

Пуэй долбо сэнэрэ, унэини: „Анда мэргэ, н'оани пуңныи боаду тэури тэңку бй. Сй эулэ тора, тэхэри. Н'оамбани пуңнэгухэри. Н'оани пуңнэгуйдүэни, энинэ бујумбэ ээи гарпара. Хусэ бујумбэ ээи гарпара. Хусэ бујумбэ гарпй осіни, сй буээчи. Эктэ бујумбэ гар-

пй осини, мй бузэмби. Ылэ бэгэику гиџуэ гарпй осини, н'бани будыи".

Чимй эрдэ тэхэни. „Гэ, асси, тургенэи тохари, мй энэмби“. Н'бани энэхэ. Мэргэ энэм'е хаппагохани. „Гэ, гэсэ тогоари“. Мэргэ ундыни: „Мй туй элкэи торасимби“.

Мэргэ н'бани пуңыни боава ісіхани. Лэкэуэ, буриуэ жапахани. Н'бани ісіхани, ундыни: асси, мй тэгуй тахамби. Мэргэ ундыни: „Мй пуңэми отолидасимби. Сй пуңэми отоли нај, мэнэ пуңэру“. Н'бани бэсими энэхэни. Н'бани пуңындүэни, буңун' эидыни. Хүсэ буңун' зүлэ, эктэ буңун' хамила. Н'бани морйни: „Аос'е, гарпару!“

Мэргэ кол-кол тэсйни. Тыи хаміалани іланди бэгэику гиу эидыни. Н'бани морйни: „Аос'е ээи гарпара, чукй гиу!“ Мэргэ гарпахани. Гиу буйкини. Н'бани барони мэргэ ичэхэни – наонэокан-да буйкини.

Мэргэ наонэокамба сокта о'алани нэрэ, ірчігоми зугухэни. „Гэ, анда пуэй нуууэ си уақаи. Эс-кэ хорагоаси“. Пуэй ундыни: „Гэ, уакаси, н'бани хон'а эгэи найуа уаха!“

Зогдоари нэкурэ, пуэй мэнэ зогі таохани. Тотара, мэргэнэи гэсэ мэргэ зокчани энухэни. Гэ, чаду ээи-аси балзимари бйчи.

Перевод

№ 34. Трехногая косуля

Один мерген жил в одиночестве. Жил он так, поживал и однажды пошел по воду. Когда он начерпал ковшом воды, к нему близко подошла трехногая косуля. Когда он встал, зачерпнув ковшом воды, косуля далеко от него отошла. Когда он опять стал черпать ковшом воду, косуля опять совсем близко к нему подошла. Как только он встал, (косуля) опять далеко от него отошла. Мерген подумал: „Что это за трехногая косуля пришла?“

Косуля стала говорить: „Старший брат, тебя моя старшая сестра зовет. Приходи завтра!“ Мерген спросил: „Далеко ли вы живете?“ – „Не далеко“, – говорит косуля. „Ну, ладно, завтра приду“.

На другой день утром мерген встал и пошел. Встретил один дом. Вошел – сидит одна пуди. „Здравствуй, друг пуди! Знаешь ли ты, друг пуди, что меня пришла звать трехногая косуля? Где же живет эта косуля?“ Пуди говорит: „Эта косуля – мой младший брат. Мой младший брат – злой дух. Он зазывает людей и убивает их. Друг мерген, давай мы станем мужем и женой!“ – „Если ты согласна, то и я не против“, – отвечает мерген.

Вечером сюда пришел один мальчик. Нога у него хромая.

Мальчик сказал: „Здравствуй, зять! Я тебя вечером ходил звать в мужья своей старшей сестре. Ну, зять, завтра пойдем со мной состязаться“.

Проснувшись ночью, пуди говорит мергену: „Завтра, когда вы будете подниматься на гору, ты поднимись впереди младшего бра-

та и надень находящиеся там лыжи без завязок. Хотя младший брат и пожелает их взять, ты не отдавай“.

Утром мальчик встал. „Ну, зять, быстро поднимайся на гору!“ Мерген шел за мальчиком, потом догнал его. „Зять, давай подниматься вместе“. – „Я не буду так медленно подниматься“, – сказал мерген. Поднялся вперед мальчика. Взял лыжи без завязок и надел их. Пришел мальчик и говорит: „Зять, дай мне эти лыжи“. Мерген отвечает: „Ты надевай хорошие лыжи, а мне и плохие хороши. Если кто-нибудь первым надел, то никому не должен отдавать. Ну, как же теперь будем состязаться?“ – „Будем скатываться с горы поперек этой речки“, – сказал мальчик.

Смотрит мерген: эта речка быстро течет.

Мерген скатился через речку. А мальчик покатился и упал в воду. С криком пронесся мимо него вниз по течению. Мерген подумал: теперь погиб.

Мерген поехал на лыжах обратно. Снял лыжи и спустился с горы домой. Пуди дрова колет. „Друг пуди, твой младший брат погиб“. – „Друг мерген, он никогда не погибнет. Он дома сидит“, – говорит пуди.

Когда мерген вошел, мальчик песню пел. „Ну, зять вернулся, что ли?“ – „Вернулся, шуринок“. – „Завтра опять надо состязаться!“

Пуди ночью проснулась и стала говорить мергену: „Есть одно дерево. Завтра поднимешься на это дерево, на ту его ветвь, которая к реке, не садись. Сядь на ту, которая к горе тянется. При словах брата: я мол, здесь собираюсь сесть, – не уступай“.

Утром встали: „Ну, зять, давай быстро залезать на дерево“. – „Ты вперед поднимайся, а я тебя догоню“, – говорит мерген.

Мерген, забираясь на дерево, догнал мальчика. „Давай вместе подниматься“. – „Я не буду так медленно, как ты, подниматься“, – сказал мерген. Забрался на дерево и сел на ветку, которая росла в сторону горы. Мальчик говорит: „Зять, это та ветка, на которую я собирался сесть. Ты же садись на ту ветку, которая растет в сторону берега“. – „Кто вперед сел, тот не должен меняться“, – говорит мерген.

Мальчик сел на ветку, которая росла к берегу. Ветка отломилась и упала. Мальчик вместе с ней упал в реку. С криком пронесся он мимо вниз по течению.

Мерген спустился домой. „Эй, друг пуди, твой младший брат здесь ли?“ – „Друг мерген, давно он вернулся“.

Мальчик снова говорит ему: „Зять, завтра надо идти зверя гнать“.

Пуди проснулась ночью. „Друг мерген, – говорит она, – в том месте, где он гонит зверей, есть сидение. Ты поднимись в гору вперед его и сядь. Его заставь гнать зверей. В самку оленя не стреляй, в самца не стреляй. Если выстрелишь в самца, сам умрешь. Если выстрелишь в самку, я умру. Если выстрелишь в трехногую косулю, он умрет“.

Рано утром мальчик встал. „Ну, зять, быстрее поднимайся, я пошел“. Мальчик ушел. Мерген пошел следом и догнал его. „Да-

вай подниматься вместе". - "Я не буду подниматься так же медленно, как ты", - сказал мерген.

Дошел до того места, где мальчик охотился на зверей. Взял лук и стрелы. Потом пришел мальчик и сказал: "Зять, это я здесь собирался сесть". - "Я не умею гонять зверя, - говорит мерген. Ты человек, умеющий гнать зверя, ты сам и гони".

Мальчик пошел с неохотой. Потом он стал гнать зверей и они стали приближаться к мергену: впереди самец, а сзади самка. Мальчик кричит: "Зять, стреляй!"

Мерген сидит неподвижно. Тут стала приближаться трехногая косуля. Мальчик закричал: "Зять, не стреляй! Негодная косуля!"

Мерген выстрелил. Косуля умерла. Мерген посмотрел на мальчика: мальчик умер.

Мерген положил мальчика на лыжи и, везя его, спустился домой. "Ну, друг пуди, твоего младшего брата я убил. Теперь не воскреснет". Пуди отвечает: "Вот радость! Как много людей он убил!"

Пуди положила брата в своем доме и подожгла его. Потом вместе с мергеном ушла в его дом. Ну, там и живут как муж и жена.

Как можно полагать, древней основой сюжета послужило право младшего брата на старшую сестру как на жену. Произведение, видимо, сложилось в период перехода от эндогамных браков между младшими братьями и старшими сестрами к бракам, основанным на экзогамии родов. Этот переход, очевидно, происходил в драматической борьбе между братьями и мужьями из других родов. Утверждение прав мужа происходило в ожесточенном состязании между ними и братьями жены. В настоящем произведении женщина всецело на стороне мужа. Причина вражды между младшим братом и мужем давно забыта, вместо нее возникла новая мотивировка: противоестественное, с точки зрения современной морали, поведение младшего брата объясняется тем, что он злой дух; см.: А в р о р и н В.А., Л е б е д е в а Е.П. Иншест в фольклоре орочей и классификационная система родства. - Изв. Сибир. отделения АН СССР, серия обществ. наук, Новосибирск, 1979, вып. 1, № 1, с. 131-138.

Акиа эм модэ энэхэни. Энэм'е, энэм'е... Эм зёла ісіхани. Тэй зё уйкэдуэни запарэ, йхэни. Түй зё накандуэни кэндэди эгэй то аорйни. Пуксу кэркичэдуэни даи то аорйни. Элкэ тэрэ, боачи ниехэни. Мокансал пуртукэмбэчи тамарэ, сэкпэргурэ, йвугурэ, таваји іваңкэни. Бэсэрэ пэгиэлэни матаха бичини. Чавэ сэклэн-дэ, гайорэ, заклодоји нэрэ, тэгурэ, бэгэйји голзё дочјани гідаларэ, далгачи-ми дэрүхэни, симуксэни кайр-р-р түйни. Тотарэ, матаха дочјани сабдоаңкэни. Амбэ эгэйвэ сабдоаңкэни. Тотарэ, матахаји сэклэн-дэ, акиа барэни ірахани, заклодоани нэхэни. Акиа сіами дэрүхэни. Сіарэ, уээргучији гайогоји бэпиэйји хукүхэни. Тотарэ, зокчи зійүхэни. Йгурэ, Уээду бүхэни. Уээ унэйни: "Хайду бахаси?" Акиа унэйни: "Түй тамы бахамби". Уээ унэйни, "Мидэ энүри!" Тотарэ, Уээ энэлуми дэрүхэни. Даи зёла ісіхани. Уээ йхэни. Наканду кэндэди эгэй то аорйни. Даи то тэрэ, боачи ниехэни. Ниерэ, мо пуртукэмбэни тамарэ, сэкпэргурэ, йвүхэни. Таваји іваңгохани. Бэсэрэ пэгиэлэни би матахава сэкпэргурэ, заклодоји нэкүхэни. Бэгэйји голзё дочјани гідаларэ, далгачими дэрүхэни. Качи-р-р-р далгарэ, матахачи сабдоаңкэни. Уээ ілірэ, мучүмбэ запарэ, това тойкамы дэрүхэни. То пэкэ, то пэкэ тойкамы дэрүхэни. Наканду кэндэди аорі тосалба хэм пуңнэхэни. Нэлэхэчи тосал. Уйкэлэ ниегүйни ниегүй, павала ниегүйни ниегүй. Хэм пуңнэрэ, ичэгүхэни. Матаха пэрэгдуэни отоко симуксэ бичини. Чавэ сіами дэрүхэни. Матахава сар гудэчим сіахэни. Тотарэ, зокчи зійүхэни. Акиа унэйни: "Гэ, Уээ хони такаси?" Уээ унэйни: "Мй хэм пуңнэ-кэй". Акиа унэйни: "Эрдэгэ, хайгоји пуңнэхэси? Чала сіандасори бичй гоани".

Тотарэ, Акиа энэми дэрүхэни. Энэм'е, энэм'е... Эм зёла ісіхани. Тэй зёгду эм мама бичини. Түй мама симуксэвэ аңгоми, кэйи хуйкэвэни чіройни. Энүэду тыас бичини. Акиа чоңкоду тэсими ичээми, хурмэзи умэкэңгүји аңгосірэ, умэкэчими дэрүхэни. Түй мама хуйкэңгүвэни умэкэчихэни. Амбэ эгэймэ запахани. Поава-ни сіарэ, наңга Уээчи гайогоји бэпиэйји хукүхэни. Тотарэ, зокчи зійүхэни. Ісігорэ, Уээду бүхэни. "Акиа, хайду бахаси?" Акиа унэйни: "Түй тамы бахамби". Уээ унэйни: "Мидэ энүри!" Акиа унэйни: "Сй хон-дэ эйи тара. Аја-а, зон-дэ тасимби".

Уээ энэми дэрүхэни. Энэрэ, ісіхани. Мама тактовани піналагоми дэрүхэни. Уээ морами дэрүхэни: "Хосараки-э-э! Тактоваси піналагочамби. Бэлэчиндэгуру!" - "Эзизнэ, кэје-каја киуталби півэгүэмби". Тотарэ, Хосараки ниехэни. "Уээ-э, хайла бэлэчиури?" Уээ унэйни: "Зулиэйји эвэ бэлэчиру!" Хосараки Уээ хэмдэвэни хоёр хосакалахани. Пухими лур-р нэчи түхэни. Пухимби мэнэ запарэ, путулүхэни. Зокчи энүхэни. Уйкэй ісігохани. "Акиа-а, ние-ру!" - морахани. Акиа ниехэни. Акиа унэйни: "Хайва путулүхэси". - "Пухи, пухи". Акиа унэйни: "Хай пухими?" Запарэ, ичэхэни: пухимби путулүхэни. Акиа унэйни: "Хон' тахаси?" - "Мй Хосараки так-товани піналагочахамби. Бэлэчигуэни хэрсихэмби. Хэмдэјэвэ хосакалахани". Пухимбэни Акиа запарэ, хэмдэлэни тэучигүхэни.

Иноксазији, Ёлокоазији модоріохани. Сэрэ, нбра хбоххани.

Тотарэ, Акіа энэм'е, энэм'е... Эм ёбла ісіхани. Уйкэдуэни Запарэ, йхэни. Эм эктэ бичини. Эм наоёоканэи, арчоқанэи пиктэку. Дамахи́ва мэнэ оми, Акіаду бүрэси. Зиктэ́вэ Запарэ, лала́ва пу́јурэ, мэнэ сі́ара, э́зиду́и нэрэ, пиктэ́ји сі́аван-да, хо́йхани. Акіа-да хай́ва-да бүрэси. Сиксэ э́ини зугухэни. Асі́ни нیه́хэни. Э́ини унэй́ни: „Най́ зичин-ну” – „Акіа зичини”. – „Сіагоани бүкэ-си-ну?” – „Аба, хай́ва-да э́чиэ бүрэ́ји”. Йгурэ, бэ́јумбэ ва́хам-бани асі́ни пу́јучихэни. Урэктемиду ты́с хабора́, нэхэни. Мэнэ пу-ригбэ́ри сі́аван-да, акпа́нгохачи. Акіаду хай́ва-да бүрэси. Чі́мі тэрэ, Акіа бара́зигора́, э́окчи́и зизухэни. У́э э́и унэй́ни: „Гэ, Акіа, пу́лсикхэ́си хай́и мэдэ?” – „Туй-туй така́ји”, – Акіа унэй́ни. У́э э́и унэй́ни: „Ми э́нэ́эмби!” У́э э́нэлуми дэрүхэни. Энэм'е, энэм'е... ісіхани. Дамахи́ва-да тэу́чисси, тах́идоани да́и хуку́э дамахи́ни би-чини. У́э э́нэрэ, тэ́й хуку́эмбэ Запарэ, дамахи́вани хэм омі́хани. Лала́ва лала́мра́, мэнэ сі́ара, пиктэ́ји сі́аван-да, э́зиду́и нэхэ-ни. Ча́ва У́э бо́ачи нیه́вэчирэ́, игу́йду́ји котамба́ Запарэ, лала́н-гоани хэм сі́ахани.

Гэ́у котамба́ ірачагохани. Сиксэ э́ини зизухэни. Асі́ни нیه́рэ, гусэ́рэгү́ни: „У́э э́ичини. Дамахи́. хуку́эмбэни Запарэ, хэм омі́-хани. Лала́ва синду нэхэмбі́вэ хэм сі́ахани. Бэ́југуэ́ни йву-гурэ, пу́јучирэ́, урэктемиду нэхэни. У́э бо́ачи нیه́вэчирэ́, игу́йду-ји уликсэ́нгуэ́чи Запаго́ра, хэм сі́ахани. Асі́ни унэй́ни: „Ва́ліаха! Хай́ва сі́авори?” Туй хомі́чімари апсі́нгохачи. У́э сэ́рукэ́ аорі́-ни. Асі́ји тэрэ, та́вава і́вацго́ра, эпэмбэ́ эпэ́ми дэрүхэни. Эпэм-бэ́ ома о́јалани нэрэ́, э́ичи́ји у́чкини: „Мі́ такто́чи симуксэ́вэ на́-ніамби. Зіаго́јава э́нэхэ́ри!” Э́ини сэнэм-дэ́ аба. У́э тэрэ́, хамі́а-лани э́нэхэни. Ма, ма, – бүхэни. У́э симуксэ́вэ Запаго́ра, йву́гу-рэ, э́пэ́нгуэ́ни хэм сі́ахани. Асі́ни йгурэ́, э́пэ́нгу́ји гэлэгү́ми чі-лахани. Э́ји́и сэ́рүхэни. Э́пэ́, симсэ́ хай́хани? Э́ини унэй́ни: „Мі́ са́расимби”. У́э ба́ррани ичэгүхэни. Эпэмбэ́, симуксэ́вэ сі́ами, тэ́сйни. Тотарэ́, туй апсі́нгохачи. Чі́мі тэхэ́ни У́э: „Э́дэ-дэ́ хай-ма́ри туй го́йдама́ри аорі́су?” – у́чкини. Э́нэрэ́, анахани. „Хэм буй-ки́чи бичини”. Туй та́ра, э́окчи́и зизухэни. Акіа унэй́ни: „Хон́ така-си?” – „Хэм буйки́чи”, – унэй́ни. Туй та́ра, да́и то́ківа олбі́мари э́нэрэ́, сі́арі́вачи хэм тэу́чигурэ́, га́зохачи.

Перевод

№ 35. Уде и Акиа

Однажды Акиа шел, шел... Приходит к одному дому. Взялся за ручку двери и вошел. В доме полно лосей. Весь кан занят ими – спят. На кане с северной стороны спит большой лось. Вот он встал и вышел на улицу. Собрал щепки в качестве дров, несет, держа зубами. Разжег огонь, взял из-под настила берестяную посудину. Взял зубами и ее положил возле своих ног. Затем сел и сунул одну ногу в огонь, стал смолить копыто. Трещит на

огне жир от копыта. Оттаскивает (лось) ногу и держит над посудиной. Туда капает жир. Накапал он жиру, взял зубами посудину и понес Акиа, положил возле него. Начал Акиа есть. Поел, а остаток жира завернул передником для Уде. Пришел он домой. Входит и дает Уде. Тот спрашивает: „Откуда это?” Акиа отвечает: так-то, мол, и так. Уде говорит: „Я тоже пойду!” Сказал и засобирается. Дошел до большого дома, входит. Весь кан занят лосями – спят. Большой лось встал и вышел на улицу. Собрал щепки, схватил зубами, вошел. Разжег огонь, взял из-под настила берестяную посудину и положил возле своих ног. Засунул ногу в огонь и начал смолить копыто. Трещит жир на огне, капает в посудину. „Лось, горячо! Лось, сгоришь!” – начал кричать Уде и стал бить лося. Все лоси проснулись. Испугались. Кто через дверь, кто через окно выбежали. На дне посуды остался маленький сгусточек жира. Начал он его есть. Жир вместе с берестой разгрыз. Затем ушел домой. Акиа спрашивает: „Ну, Уде, что случилось?” Уде говорит: „Я всех их разогнал”. Акиа говорит: „Чудак, зачем это сделал? Туда ходили бы кормиться”.

Затем Акиа снова отправился. Шел он, шел и приходит к одной избушке. В избушке одна старуха, сидит и обжаривает брюшины сазанов на рыбьем жире. Полный котел. Акиа сел у лестницы избушки, сделал из иглы крючок и стал удить. Зацепит крючком брюшину сазана и тащит к себе. Много натаскал брюшин. Часть съел, а остальные завернул передником для Уде. Затем отправился к себе. Пришел и угощает Уде. „Акиа, где достал?” Акиа объясняет: так-то, мол, и так. Уде говорит: „И я пойду туда!” Акиа говорит: „Ничего там не выдумывай”. – „Ладно, – отвечает тот, – ничего такого не сделаю”.

Отправился Уде. Дошел до амбара старухи. Начал он взваливать на себя амбар. Позвал старуху: „Хосараки! Амбар твой хочу взвалить на себя. Иди помоги!” – „Погоди, крючки свои затачиваю”, – отвечает та. Вышла Хосараки: „Уде, откуда мне помочь?” Уде и сказал: „Спереди, помоги”. Хосараки провела крючком по животу Уде. У него кишки вывалились на землю. Собрал он свои кишки в передник и отправился к себе домой. Дошел до двери и зовет: „Акиа, выйди!” Вышел Акиа и спрашивает: „Что в переднике?” – „Кишки, кишки”, – отвечает Уде. Акиа спрашивает: „Чьи же?” Раскрыл он передник и видит: его кишки. Спрашивает Акиа: „Что случилось?” – „Я хотел взвалить амбар Хосараки на себя и унести. Стал звать ее на помощь. Вот она пришла и разрешила мой живот”. Акиа собрал кишки Уде, засунул их обратно в живот и зашил. Соплями и слюной помазал раны. Лишь остались красные и синие полосочки, зажили его раны.

Затем Акиа снова пошел. Идет, идет и приходит к одному дому. Взялся за ручку двери и вошел. В доме одна женщина. У нее дети, мальчик и девочка. Сама она курит, а его не угощает. Взяла она крупу и сварила кашу. Сама поела, оставила мужу, детей накормила, а ему ничего не дала. Вечером приходит муж. Женщина вышла встречать. Муж спрашивает: „Пришел человек?” – „Акиа

пришел", - отвечает она. „Накормила его?“ - спрашивает муж. „Нет, ничего не дала“. Вошли они в дом, стала она варить лосиное мясо, принесенное мужем. Наварила полную плетенку. Сами поели, детей накормили и легли спать. Ни одного кусочка не подали Акиа. Утром Акиа оделся и ушел к себе. Уде спрашивает: „Акиа, как сходил?“ - „Так-то и так“, - отвечает тот. Уде говорит: „Я пойду!“ и отправился. Пришел он в этот дом. Даже трубку жена не подала. А на полке большая сумка с табаком. Он пошел к полке, взял сумку с табаком и стал курить. Весь табак выкурил. Сварила хозяйка кашу, сама поела, детей накормила, оставила мужу. Уде сходил во двор, вернулся, взял посудину с кашей и всю съел. Съел, а пустую посудину отнес на место. Вечером приходит муж. Жена вышла встречать его и говорит: „Пришел Уде. Весь табак выкурил, оставила тебе кашу - всю съел“.

Затащили они в дом лосиное мясо. Полную плетенку сварили мяса. Уде выходил во двор, а вернувшись, взял мясо и все съел. Жена говорит: „Беда! Что будем есть?“ Так голодные и легли спать. Уде лежит - не спит. Жена охотника встает и начинает печь лепешки. Испекла лепешки, говорит мужу: „Пойду в амбар за жиром. Приходи за мной: боюсь одна идти“. Муж и не просыпается. Встал Уде и пошел за ней. „На, на“, - подает она ему жир. Уде взял жир и внес в дом. Взял лепешки и начал есть, закусывая жиром. Жена охотника вошла и не находит лепешек. Разбудила мужа и спрашивает: „Где лепешки и жир?“ Тот отвечает: „Я ничего не знаю“. Посмотрела она на Уде, а тот сидит и ест лепешку с жиром. Так они и уснули, не поев ничего.

Проснулся утром Уде и говорит: „Чего так долго спите?“ Пошел к ним и стал их будить. А они все умерли. Затем он ушел к себе. Акиа спрашивает: „Как сходил?“ Тот отвечает: „Все умерли“. Потом они взяли большую нарту, нагрузили на нее все припасы охотника и перевезли их к себе.

№ 36. Палим Падо

Эм боадо эм мэргэ балзичани. Бурумбэ буунты, гаса-
wa гәрйи. Туй мэргэн-тэни балзичани чү чуки ана бичини. Хото,
иноксако, укү-маня хэкпэ.

Туй бимэ, балзимэ н'оани мурчихэни: „Хама жэбэ эм боадо
эмчэкэ балзичори?“ Зигажи, будэргуи баорэ, эмбэ пузимбэ-дэ,
кэкэчэмбэ-дэ баор-дэ саwаси. Туй хото мэргэн-тэни таванкила
эогдизэ энэм дэрүхэни. Горо энэхэ, зига энэхэ. Маубоа сол туй
энэми, эм иргэндупэ исихани. Хотон г'ан токондолани төми дэрү-
хэни. Тотарэ, эээн докалани ихэни. Ипи, ичэхэни: эо долани эм
пуэй, эээн тэси. Пузимбэ-кэ ичэури эмутү сиун сирэндуну би пуэй-
кэчиз бичини.

Туй мэргэн-тэни йми, эээ бэгзичэни м'икорачим' дэрүхэни. „Гэ,
абка эндурн одо. Асигожа хаа айсилару. Элэрэ эугупи, паина диг-
з'ани эокчи эwугуэмби, уй эсигуэни эокчи эугуээмби, энин-дэ
анай, аси-дэ анай, эо-дэ анай. Хомичигопи, бай хоримба гаса-
ка с'арамби. Н'агожа, боагожа айсилару. Хон-дэ асигожа буру, мэнэ
пуэйгуи“.

Туй хото мэргэн-тэни, туй с'онгоми хотолани бай хойнги, инок-
сани л'ан даду, укуни урдуси-дэ мутэwэси.

Туй пуэй элкэ ичэгухэни хото мэргэнчи. Иноксагани, туй уку-
wэни, туй чипчамбани, ичэпи, ч'аси кэчэригухэни. Пуэй кэчэригу-
чэни, хото мэргэ бай лэргуэ эилганки. „Иносазига ээи илаз'ира,
хотожа-ка ээи хамарира, укуэ улэсиру“.

Туй умбучиэн-тэни, пуэй эилији пэйси г'далагохани, бокол-бо-
кол апсигуохани.

„Гэ, ажа Абка амэ, асигожа хон-дэ буру. Ми Палим Падо тэмби“.

Туй умбучиэни-лэ пуэй ам'ини-лэ пиктэн нэ бур'ини очини.

Туй пуэй-лэ туй галохан-дэ, хон тахачи амим бур'иwэни. Ээи-
лэс-дэ, ээилэур оды гоани амимби бур'индуэни. Ам'ини-лэ, ас'иwa-
ни-дэ, мар'ами бүхэни.

Гэ, Палим Падо мэргэн-тэни иргэ дүэлэн' мэн эдог'и аңгохани.
Таду асигуи гэсэ б'ини. Ас'ини улэсиwэни-дэ, абавани-дэ уй-дэ
с'араси. Уи-дэ хай улэси-рэ туй чипчамбани, туй бак'иwани? Пази-
пази аори бичичи. Туй бимэре, балз'имар'и, эм мода ч'ими эрдэ туй
пуэй аңнани мэргэнсэл боак'из'изэ морамари э'аласихачи. „Гэ, ан-
да мэргэ, Палим Падо, пэргэндэгуэри, уй-дэ масиwани, сампарба-
ни. Дүэлэси нэктэ тэбуни б'ини. Гэ, бала-бала баргичиру, буэ элэ
т'орапу“. - „Гэ, ажа, т'оросу, - Палим Падо ук'ини, - бак'ини хамила-
дэ баргичири. Сэчэни-мэт сэхурэи хон балз'ичори“.

Туй мэргэнсэл туй тохал мэлдэ-мэлдэ.

Сиун гарп'очан'а Палим Падо асини-ла ук'ини ээичији: „Гэ, ажа,
бак'ији баусаландаго. Сэчэм сэрутуру. Уи улэсигуэни эйду аор'иси,
хотони хогда. Иносазиги илаз'исисини-ну. Туй бэйији найзи ас'илан-
дахаси-тани“.

Палим Падола баигда асиги унд'ини, боачи нэгухэчи. Ап'или
тыас пачилара, ээwэндуну осигора, дэгдэпсикуни, эм гогда хурэн-
чиэ-дэ. Найдои осигора, морам дэрүхэни: „Боаз'иала бахамби, тол-
кичими бахамби К'акта асиги, мэргэмбэ бэлэчиру. Мауга бапи,
синчи-ман'а масилтоамбиа. З'ажа, будэrbэжэ бутуру. Актар морим-
бажа бутуру. Халим хаэумбажа тугбутур“.

Баигда туй унд'ини, боаз'изэ илгури с'асин туй дэрүхэни. Ак-
тар морини у'эwэни бай хэриэкэчими тугууни. Туй гучкулини, туй
улэни. Сэурэз'и-мэнэ сэукэчэку, гоксиз'и-ман'а гоиличаку. Туй
мэргэлэ эалим хаэом тэтугухэни. Морй ээунг'э с'андолани ирэ,
аңг'аз'иала агбиңгохани. Гэ, тй-кэ, гэ, мэргэ, тй-кэ гэ, пуэй, тэи
гучкулин - хото-дэ анэ, уку-дэ анэ, инкса-дэ анэ. Урдусигуи-дэ
хайwa-дэ баwаси. Туй хатани, туй балз'ирини най-ка, гэ най мэр-
гэн-дэ гэ мэргэ. Гусэрэми, хисаңгоми улэсиури, нируми нилтумбу-
ри, бай хэсэду, бай хаосанду хоэ'иwаси.

Мэргэ-дэ тавауки-ла үйси бай хорғими дэгдэхэни. Горо энэхэ, аїа энэхэ. Туй энэмэ, үйпэ дэгдэхими Палим Падо ассији най ичэхэни, зүкэ торивачи. Бурунгуэр-дэ эчиз ісїачи, Палим Падо н'оачи ујэвэчи бай хоргим дэгдэхэни. Дэгдэдүй-тэни н'оачи барочи чїзчихэни. Ассинаї-да ичэпэр'е уукичи: „Гэ, эндур дэгдүјэм-дэ. Мэргүмэ муэнгуи мэдүрїем-дэ. Абка эндур, буэ поктогопова айсілару“.

Палим Падо-тани н'оачи зүл'елэчи тэбум бичиэни ісїхани. Нэк-тэсэл гэ эгэйчи бичини. Туй мэргэн-тэни нэктэвэ хэм манахани. Ассинаї аїдїни зүлїэлэни, нэктээнгуи хэм эм боачи-ман'а н'аңко-гохани. Хэмдэвэни хэм пуктэгүхэни. Туй нэктэсэл хэмдэчїзчи-танї амчичї, чїзчичї тахани. Туй сори́ни, хонгорини. Зүэр нэктэ-вэ-тэни чу улэмбэни сонзор'а, морин дарамачиани сопснгохани. „Гэ, анда, Актар моримби, долэйро: мэдэрэндэгу, јаохичиндагу Па-лим Падо ункурэвэни. Эээнчији газу, үлэ бї асїчијава, Кїакта-ма пуэинчи“.

Туй ундїни-гэни морини-ла хасардолани бай хорғиша-да дэг-дэгүхэни. Тавауки-танї Палим Падо зокчи дүэрэгүхэни. Сиксэ зорї ісїгоха. Ісїгор'а, кумул-кумул апсїнгохани бэундүйни. Хаси эмуту-тыи іюксани, туй укуни, туй чипчани. Іюксани ілан дадо, укувэ-ни урдусим-дэ мутэвэси, хотони бай соїга, апснгохани.

Туй ассинаїни-танї туй гаїдохачи мэнэ хонгорси нэктэнгүэри, эмуту мэнэ в'ахамбари-мат, мэдүримэри хотомба хэкпэ.

Туй аїа чїмани-танї, хот'о ээени саолимба аңгори-ла зомбоха-ни. Уй даї, сэгэї, нүчи хэмуту гурумбэ, хотонду балэй гурусэлбэ, саолинчи гэлэхэни. Саолинду-танї хам'ача-да хэм сїаптангїни, ха-чин закази эрдэлэмэри чу улэ сїаори-ла аңгохачи. Най-да мїнган-зїани мїкор'ачї, таңгозїани таңкичи, ээз мэргэ саолинчїани. Хон-горсї-да, сорсї-да уй-дэ уйнэси, хайду сарї эчиз ичэчимбэри, тэң ассинаїни-рагда гучи Палим Падо-рагда сарї.

Чїмї эрдэ туй хасаландыдоачи Палим Падо асїни-да с'ахани мэ-нэ амимби саолимбани, мэнзїји забонсими кол-кол тэсїхэни, гучи ээїзїји іл'азими-да.

Палим Падолла іладими боалдадими бай лэргүэр зїлганкини. „Гэ, аја, эуру! Ичэндү амина'и саолимбачи. Най туји-дэ с'аґаси, си-лэкэмбэ омидрас-да аја, пуртукэмбэ пулсидүзсї-дэ, гїрмаксакам-ба-да гаїбо доаси-да аја г'ани. Гэ, ичэндү. Ээи забонс'а, ээи-дэ іл'азїра. Гэ, аја, эуру, хон'а-да.“

Туй тийдүэни пуэинлэ чїхалахани, амїнаїи саолинчїани зүхэни. Ирэ, ханиду тэхэни. Туй јаохичихачи, н'еулэмэри, мактачимэри, аң-нани мэнэ мэйэри уй-дэ хон'а-да нэктэвэ в'ахамбэри, зозахачи. Туй тийдүэчиз, элчиусэл, нэкэчиусэл боала-танї хоал'а-мэри дэрү-хэчи: „Ээз, мэргэ, абка дама! Боаг'ази эндур түрим-дэ“.

Поанї мїкор'ачї, поанї соңг'ой, поанї морї. „Гэ, бала сэкчиэру-су, эндур түгүэни“. Поанї сугэйчи, эндур ам'а кэсїлэни балэйг'ари.

Туй тийдоачи, ээз мэргэн-дэ долэйхани, боачи-ла паг'алаха-ни. Тотар'а, уңкини: „Гэ, бала, мэргэнсэл, пуэиусэл, сэкчиэрусу сээрэм сикэз'эвэ. Гоксїзїи ман'а гойлимбоуандусу, сэкчиэрусу, ба-лана даман'а тақорахачи чу даї касадо-рагда сэкчиэчїхэчи сэкте-пумбэ (по Пассару: септэху)“.

Поани гуруэ морайчи: „Галојам-да, үйпэ хэриэчїем-дэ. Суг'иу-су эндур түгүэни. Сайна, суг'зимбэ гэлини бїзэрэ“.

Туй кэсїз гэлїдүэчиз, туй эрдэлїдүэчиз эндур түхэни. Н'андо-а-чи эндур, Палим Падо түгүхэни. Тэй-кэ гэ мэргэ. Гоксїзїи ман'а гоїлиңаку, сээрэзїи мэнэ сэкүз'эку. Актар моринима бай іңг'їор-зїи элкэ н'ачи түгүхэчи. Туй мэргэ халим хазон доланила нада н'апори, н'азаха-да хаймай тї-кэ гэ тэтуэ, тї-кэ гэ хаз'о. Даңса-до дапоамби, бичхэду нїруэмби, мурунду мурчиур-нү, толкинду баор-нү. Гэ, эй-кэ гэ ілтарку, эй-кэ гэ мэргэ, Палим Падо.

Ээз мэргэн-тэни такорамзїсалчи, кэкэсэлчи, пуэиусэли босїами дэрүхэни. „Гэ, бала эндур сїаг'ани баргїусу улэңгүз'эвэ, амтаснгоја-ва. Амталаванг'ой тэмбэ. Боаду балэй эндур моха пиктэвэни сао-лиг'ой тэмбэ“. Пуэиусэл-дэ, кэкэсэл-дэ чу хатам-бачи, чу сасим-бачи сонзор'а, зэпүри закава баргїиванкини. Палим Падо-танї эг-зїивэ хайли сїари. Сори́си уликсэнгүвэчи-кэ эчиз сїара.

Хай сїарї мэнэ чипчангїхамби! Гэ, саолим-да хозїх'а, н'энулэ-мэри-дэ хозїх'а. Палим Падо дэгдэгүїни эрини ісїхани. Нїзгүичи-дүэн-тэни ээз мэргэн-тэни мэдэсїхэни: „Гэ, абка эндур, хон' тао-рэм сї сїахамбаси; пулэгүхэмбэни уйду бүгүриэмдэ?“ Палим Падо уң-кини: „Гэ, аја. Бүхэрсу Палим Падо асїдоани мї сїахамби хэмту пулэгүхэмбэни. Туй гуру хай эрунзїэни бїчи. Эзїни-эс укүмэн'е, чип-ч'а, хайва-да в'араси, б'аки. „Гэ, аја, хэм тї гурундүмэн'е бүктэгүсу“.

Туй умэ, Палим Падолла уйс хорғилигда дэгдэгүхэни. Тотар'а, эм боачи түгүхэни. Моримби-танї Кїакта пуэинчи энүвэңкини. Мэ-нэ-тэни зокчији энүхэни. Тотар'а, пуэин накандоани апснгохани ха-лим хазонзїи.

Туй пуэин-тэни саолинзїазїи токомї, уйкэвэ нїхэлїрэ, ігүидүји мэргэ аорївани ичэхэни. Эй-кэ гэ мэргэ бичини. Пуэин-тэни ичэ-мї, с'агохани боаг'ази эвэчїх'э мэргэмбэ. Тавауки-тол мэнэ до-ли мурчими, отолихани: эй, сайна, Палим Падо бїзэрэ. Туй мур-чими-тул, эчэ мутэгүэни мэйи түрүгүми, Палим Падо барони-ла намандахани. „Гэ, хайг'ой туй тахаси, мэйи ікпараме? Туй бївэ-си с'ах'а осїни, мї хали-да симбїз'эвэ галоасимби. Хай улэн бичини туй тахаси-да?“ Тавауки-ла мэргэ асїји наманкини. „Туй таси ач'аси бичинїем-дэ. Буэ Палим Падолла эмэчэлэ туй тапи-мат сэтү-риэм-дэ“.

Туй аја чїмани-ла саолимба аңгомэри дэрүхэчи. Эй-кэ, гэ сао-ли, эй-кэ, гэ торїлаори. Гїамата-да тэң гїандола гїаматалаван-кичи.

Палим Падо-танї асїзїари туй бїчи, бујумбэ бујинты, гасав'а гарпэ. Эм мод'а чїми эрдэ асїчији уңкини: „Гэ, ам пуэй, ичэрүм: сї эйду эмчэкэн бїси-дэ хама зэбэ! Зїаку, будэрку, хорїаңку биу-риwэ чїх'алачи-ну?“ Мї эй ич'эвэ боаду балэй Кїактама асїји н'анїгоамби. Сї чїх'алачи-нү? Мї тэң будэрби, хасарби, зїаји, н'анї-гоамби.

„Гэ, аја, н'анїгу. Хорїаңко биури-дэ улэң г'ани“.

Палим Падо-танї туй н'анїч'ах'а боаду балэй асїји. Тавауки зї-зүпи, н'оани эй иргэмбэ далачїни очї. Зүэр асїзїји туй бї, гаса-ва гарпї, бэјумбэ бэјунты, чоңдодоани чокчолї, нэјэндүэни нэри.

№ 36. Палим Подо¹

В одном месте жил мерген. На копытного зверя охотился, птиц стрелял из лука. Внешность у него была очень некрасивая. Плешивый, сопливый, сплошь весь в чирьях.

Так жил, жил и подумал: „Какой толк жить одному в одном месте? Надо себе пару в товарищи найти. Пуди или служанку, может найду.“ Потом этот плешивый мерген вышел из дома и отправился в путь. Далеко ли шел, близко ли шел, так шел вверх по реке и пришел к одному селению. Начал подниматься вверх к середине городской улицы. Потом вошел в царские ворота. Войдя, увидел: в доме одна пуди и царь сидят. На пуди если посмотреть – все равно, что красавица, живущая на солнечном шнуре.²

Мерген вошел и начал кланяться царю на ноги. „Ну, будь небесным богом! Подари мне, пожалуйста, жену! Наевшись, приду, кусок пиши с ладонь величиной принесу, никого нет у меня, чтобы кто-либо приготовил, когда домой вернусь, нет ни матери, ни жены, ни дома. Проголодаюсь, так сразу двадцать уток съем. Землю, место для меня подари! Уж как-нибудь дай мне свою пуди!“

Тот плешивый мерген, когда так плачет, от его плечи просто писк и шипенье исходит, сопли у него в три сажени, чирьи сравнить ни с чем невозможно.

Та пуди исподтишка взглянула на плешивого мергена. Сопли его, те чирьи и грязь увидела и в сторону отвернулась. Когда пуди отвернулась, плешивый мерген очень быстро ей сказал: „Соплей моих не стыдись, не проходи мимо моей плечи, полюби мои чирьи“.

Когда он так сказал, пуди опустила вниз голову, укуталась как комок (вроде ежа) и легла.

„Ну уж, небесный отец, дай все-таки жену. Я Палим Подо“.

Когда он так сказал, отец красавицы пуди сразу же решил отдать свою дочь.

А та пуди, хотя ей это и не понравилось, но что сделаешь, если отец отдает, хоть и не хочешь выйти замуж, а выйдешь, раз отец отдает. Отец ее, хоть она и не хотела, настоял на своем и отдал ее замуж.

Ну, а мерген Палим Подо на высокой стороне построил себе дом. Там вместе с женой стал жить. Любит его жена или нет, никому неизвестно. Разве кто полюбит такого грязного, такого ленивого? Порознь спали. Так живут и живут. Однажды рано утром старшие братья той пуди с улицы стали звать Палим Подо, приглашая его на охоту. „Эй, друг мерген Палим Подо, попробуем, кто сильнее и ловчее. Выше тебя в тайге есть табун кабанов. Ну, скорее, скорее собирайся, а мы пока пойдем“.³ – „Ну, ладно, идите, – сказал Палим Подо. – Ленивому человеку после других положено собираться. Разве можно мне быть всегда наготове подобно старательному человеку?“

Те мергены вразвалку, покачиваясь, пошли вперед.

Когда взошло солнце, жена Палим Подо сказала мужу: „Ну, ладно, пойди поддай ногой свою лень, разбуди свою старательность. Кому же это понравится, что ты здесь спишь до того, что даже плешь пожелтела. Разве ты не стыдишься своих соплей? Такой вот пришел на человеке жениться!“

Палим Подо сразу, как жена это сказала, вышел на улицу. Шлепнул себя по затылку, сделался пчелой и полетел на одну высокую гору. Там стал снова человеком и начал звать: „Полученная от неба, виденная во сне, жена моя Киакта (Морская Ракушка), помоги мне! Попал я в затруднительное положение, все надежды возлагаю на тебя. Моего товарища, моего напарника коня Актара дай мне. Лучшие одежды халим мне сбрось“.

Как только он это сказал, в небе греметь и звенеть стало. Его конь Актар, прямо над ним кружа, упал. Он красивый и хороший. Упала одежда с шелковыми бантами, с разноцветными вышивками. Мерген надел одежду халим. В левое ухо коня вошел, а из правого появился. Вот тут он действительно стал мергеном: такой белый, такой красивый, ни лысины, ни чирьев, ни соплей нет. Ничего не найти для сравнения его с прежним видом. Такой ловкий, на вид – настоящий человек, настоящий мерген. Рассказывать о нем приятно. Писать о нем – никак не остановишься. На словах не скажешь, так на бумаге все напишешь.

Мерген с этого места со свистом полетел. Далеко ли летел, близко ли летел. Так, повернувшись, Палим Подо увидел своих шуринов, еле-еле идущих. До зверей своих они еще не дошли. Палим Подо над ними со свистом пролетел. Когда летел, на них помочился. Шурины, увидев его, сказали: „Вот бог летит. Серебряной волдой нас оповещает. Небесный бог, подари нам на дорогу счастье!“

Палим Подо раньше их прибыл туда, где находился табун. Кабанов было очень много. Тот мерген всех кабанов истребил. Прежде чем пришли его шурины, всех своих кабанов стаскал в одно место. Животы всех кабанов выпотрошил. В животы этих кабанов оправился и помочился. Те кабаны пахнут псиной и поняют. Двух самых лучших кабанов отобрал и привязал к спине коня.⁴ „Ну, друг конь Актар, слушай. Пойди сообщи, пойди угости тем, что посылает Палим Подо. К своей хозяйке отвези, к живущей сверху моей жене пуди Киакта“.

Как только он так сказал, от взмахов засвистели крылья коня и он улетел. Оттуда Палим Подо зашагал домой. Вечером дошел до дома. Дойдя, свернувшись клубком, лег на свое место. Опять так же – те же сопли, те же чирьи, та же грязь. Сопли его в три сажени, чирьи – ни с чем сравнить невозможно, лысина у него прямо-таки желтая. Лег спать.

А его шурины принесли своих вонючих кабанов, оповещая всему городу, будто сами убили.

На следующее утро властитель города решил устроить пир. И больших, и старых, и малых – всех людей, живущих в городе, позвал на пир. А на пиру всякая еда из самых разных продуктов, разными способами приготовили самую лучшую пищу. Люди тысячами

кланяются, сотнями протоптали дорогу на пир властителя — мергена. Хотя и воняет, хоть и пахнет псиной, никто не чувствует, откуда узнаешь, если сам не видел. Только Палим Подо и его шурины знают.

Когда утром народ зашумел, жена Палим Подо узнала про пир своего отца. Стыдясь за себя, сидела, ничего не делая, а еще из-за своего мужа стеснялась.

Палим Подо очень быстро так ей сказал: „Ну, ладно, иди! Посмотри на пир своего отца. Может быть тебя угостят, хоть супцу поешь, хоть крошки соберешь, хоть костей принесешь, и то ладно. Не стыдись, не стесняйся. Ну уж, иди, пожалуйста“.

Тогда пуди согласилась. Пошла на пир своего отца. Войдя, у двери около очага села. Ее приветливо встречают, веселясь и хвастаясь. Ее старшие братья сами с собой обсуждают, кто сколько убил кабанов. Когда они так разговаривали, слуги и служанки на улице начали шуметь: „Властитель—мерген, небесный дедушка! С неба дух спускается“.

Кто кланяется, кто плачет, кто кричит. „Ну, подстелите скорее, чтобы духу было на что сесть“. Некоторые жертву приносят, чтобы жить в милости у бога-отца.

Когда они так вот делали, их властитель — мерген услышал, на улицу прибежал. Тут же сказал: „Ну, скорее, мергены, пуди, постелите мой шелковый ковер. Превратите его в парчу. Постелите подстилку, которую употребляли деды и стелили ее только на самых больших поминках“.

Некоторые люди кричат: „Не понравится ему, поверху парит. Принесите жертву, чтобы дух спустился. Наверное, он жертвы требует“.

Когда о счастье молились, когда всякие другие способы умилования применяли, дух спустился. Спустился Палим Подо, для них назвавшийся небесным духом.

Вот это мерген! Вот это белый красавец! Весь изукрашен парчей, шелковыми лентами. Конь его Актар со ржанием легко спустился на землю. Одежда этого мергена — халим. От нее земля потрескивает, лед и трава блекнет. Вот это одежда! Вот это вещи! В книгу пришиваю, в письмо пишу, не то в мыслях придумал, не то во сне видел. Вот это внешний вид! Вот так мерген Палим Подо!

А мерген — властитель города, слуг, служанок и пуди торопить начал: „Ну, скорее, готовьте духу есть, самое, что у меня есть. Лучшее, самое, что у меня есть вкусное. Собираюсь угостить живущего на небе духа-мергена“.

Отбрав самых проворных, самых аккуратных пуди и служанок, заставил их готовить кушанья. Палим Подо разве много съест! Вонючее мясо не ел. Как есть то, что сам испачкал?

Ну, пировать и веселиться кончили. Пришло время для Палим Подо улетать. Когда он стал уходить, властитель города спросил: „Ну, небесный дух, что делать с тем, что ты ел, кому отдать то, что осталось?“ Палим Подо сказал: „Отдайте все оставшееся от

моей еды жене Палим Подо. Эти люди так бедственно живут! Муж у нее весь в чирьях, грязный, ничего не убивает, ленивый. Вот все этим людям и отдайте“.

Сказал так Палим Подо и взлетел вверх, только шум от крыльев послышался. Потом в одном месте спустился, коня своего отправил к пуди Киакта, а сам пошел домой. Дома лег на нары в одежде халим.

Жена поднималась домой с пира, открыла дверь, когда входила, и увидела спящего мергена. Вот это был мерген! Пуди посмотрела и узнала в нем того мергена, который спускался с неба. Только тогда, размышляя про себя, поняла, что это, наверное, Палим Подо. Подумав так, не могла себя удержать и пошла к Палим Подо, чтобы обнять. „Ну, зачем же ты так делал, зачем довел себя до такого вида? Если бы я знала, что ты таков, я бы никогда не относилась к тебе плохо. Что хорошего было в твоих поступках!“

Мерген обнял свою жену и сказал: „Нельзя было не делать так. Мы, люди Палим Подо, переходим из плохого состояния в хорошее“.

На следующее утро стали готовить пир. Вот это пир! Вот это сговор (обряд уплаты калыма)! И свадьбу сыграли точно по обычаям. Палим Подо живут и живут со своей женой. Он охотится за копытным зверем, уток стреляет. Однажды рано утром он говорит жене: „Ну, дорогая пуди, смотри. В том, что ты живешь здесь одна, какой толк? Не хочешь ли ты жить в паре со второй женой? Я сегодня пойду приведу свою жену Морскую Раковину, живущую

¹ Подо — кисет из подстилки для сидения, из кетовой кожи; здесь имя собственное героя.

² Согласно поверьям нанайцев солнце и луна имеют шкуры, которые зажжены с одного конца в виде факела, отчего они и излучают свет; в этих шкурах живут пуди, которые руководят солнцем и луной; солнечная, Сиуликэ пуди, самая красивая из всех; лунная, Биалто пуди, немного менее красивая.

³ Состязание между братьями жены и ее мужем в удачливости и ловкости на охоте — один из пережитков материнского рода; муж должен был доказать свое преимущество перед братьями в выносливости и охотничьем искусстве, утверждая тем самым свое право на их сестру; в эпоху господства материнского рода братья имели больше прав на сестру, нежели ее муж — чужеродец; этот обычай на эвенкийском материале описан А.Ф. Анисимовым. „Между зятем и мужским населением чума его жены, — пишет А.Ф. Анисимов, — начинается настоящее состязание“. Автору неоднократно приходилось слышать рассказы мужчин о том, как они при жизни в чуме жены охотились „с темна и до темна“, „чтобы заслужить кличку хорошего охотника“; см.: А н и с и м о в А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, с. 52.

⁴ Положив на спину коня и обмотав груз вместе с конскою спиной под животом, подобно тому, как укрепляют груз на нарте.

на небе. Согласна ли ты? Моего лучшего друга Морскую Раковину и мое крыло, моего товарища коня пойду привести".

"Ну, ладно, иди приведи. Вдвоем со второй женой жить ведь лучше".

Палим Подо отправился за своей женой, живущей на небе. Вернувшись, он стал управлять этим селеньем. Живет с двумя женами, уток стреляет, на копытных зверей охотится, в ямы мясо складывает и на ровном месте кладет. Зажиточно, богато жили, все время еще зажиточнее становясь и богаче, жили.

Сіохор

№ 37. Пимэкэнэй, сиңгэрэкэнэй

Эм боаду балэйхачи сиңгэрэкэнэй, Пимэкэнэй. Туй балэймәрә, бимәрә, пазлаз! омоко, ачалимәри саңгарку. Гәсә хомичигомәри, әрүлэмәри балэйхачи. Сиңгэрәкә бәјәни дәи, маси. Пимэкәнэймә бәјәни ничкүкә, коткә даиләни бичини. Туй әрүлэмәри, пулсимәри, кәркәлимәри бичичи.

Эм модан Пимәкә бәхани поро буйкимбәни. Пимәкә чава гаҗойчәми мутәси. Эләдәлә кәркәлими сарә, сиңгэрәңгучији гисурәндәгүхәни: "Гә, апаңго, дөлзәру. Бајамбори, агданасјори закава гисурәмби".

Сиңгэрә насални болдо-болдо очіни. Сиулиә пукчизими дәрүхәни. "Гә, гисурәру, нәпәңго, хайду-дә бәхамби бајамбори бобойва? А-а хайду хамачә бобойни бирә, уи тугбүхәмбәни бәзәмби". - "Зә-мусиур-ду сјагори, зәпугуй гәләмәчими бәхамби поро буйкимбәни".

Байгдә туй ундәни, сиңгэрәкә. Нүчи Пимәкәмбә ірчими, ичә-вәмбүңкини. Сиңгэрә уңкини: "Гә, аја. Эси буә нәңгә пинасјори. Чімана чимй эрдә һәнигори. Эси јадахапу".

Туй би-нү? Пимәкә нүчи, дәни уңкиндүләни очіни. "Чімана-дә, а-а, аја. Эзи-кә долбо мй абадојава чочагора". Сиңгэрә уңкини: "Гә, аја. Хәни мй туй тазәмби, симбиәвә сиңгэрәми!" Пимәкәнэй, сиңгэрәэй мәнә-мәнә уликсәңгүгүвәри пинасјогомәри омочијари әнүхәчи. Байгдә әнуми, нәңга симчирәңгүни, сиңгэрә досзәхани - Пимәкә арйину. Оңасаха: мурчили, сиңгэрә чоландагоми пәңгәлагохани. Тотарә, мәнә омочији поро бәјәвәни хәм гаҗохани.

Пимәкә чимй эрдә тәрә, поронгоји ичәндәгүхәни. Чаду хамачә-дә порони-да аба очохани. Пимәкә дони камә оркинахани. Тотами-дә эчизә соңгора. Хәмту мәнә кусумби хонә бй осини, хонә агбимбо-гора, сиңгэрә омочијани хукчүхәни. Сиңгэрә оmoni дөлани туй соримәри, заморамәри дәрүхәчи. Эуси-таоси зја-зја-вари тойкамәри сорихачи. Пимәкә нүчийн дәи сиңгэрәэй хәни галидира! Нәвә-нәвә сәксәэй мәнә будудәхәни. Сиңгэрәэй тойкам барә, әнүхәни.

Нәгүйдүји эуси-таоси пакпаримәри зомбохачи. Чімана эрдә буә эуси хәсиури боа хәкпә дәи, нүчи бујунсәлбәни. Нәанчи зәзәгачи

эй буә байтапова. Сиңгэрә-дә чихалахани Пимәкә уңкимбәни.

Чимй эрдә гівана гівәнидәни хәли-нү, хәли-нү нәанчи элә-дә хәмту бујунсәлбә хәрсихәчи. Омо кирадоани эгәи хачин бујунсәл: мапа, пурә амбани, јәңгүрсәл, сәпәсәл, гучи гой-гой нүчи усәлтәсәл. Боңгоду сиңгэрә пакпарими гисурәми дәрүхәни: "Мй бәхамби эй сиксәнивә поро буйкимбәни. Буә Пимәкәнэй чава обологохапу. Эм пинаду. Тотати буә чихалахапу чімана эрдә эй порога һәнигори. Долбо уй-нү, уй-нү буә поронгопова чблагохани. Туй бичини". Эзи сиңгэрә гисурәми хәзихани. Пимәкә ајактапахани. Бәјәни ничкүкән, дәрәлнн хәм пујә мәнә бичини. Пимәкә гисурәми дәрүхәни: "Гә, дәи агәнә, ичәусу, уй-дә оркimbани, уләмбәни. Буә нүчийн хәни гализәпу мәндуји дәниийи. Эй туй бичини. Эм мо-дә буә сиңгэрәэй кәркәлимәри сјагори гәләктәмәри пулсихәпу. Туй пулсими, мй бәхамби поро буйкимбәни. Тотарә, мй сиңгэрәңгүји ичәвәңкимби мәнә бәхамби. Буә чава эм пинаду обологохапу. Эгәи калтәни чаду дәрәзигүхәни. Мй нүчийн хәи эгәи-вәни пиналагәзәмби, сүә-дә мәнә ичәмәри отопласу бундулә уй-дә эгәи-вә пиналагәи-вәни".

Эй зәзәндү туй пурә усәлтәсәлнн зәзәхачи. Нүчи Пимәкәмбә кән-зәмәри, сиңгэрәвә эйду-тул вәхачи.

"Гә, аја, нәку Пимәкә, сй нүчи тәчи. Хәи әрунзизни биәчи-тә-ни!" Туй уңкини, пурә амбани. Хәзигәйдәи нәани унзйни: "Гә, барианә, вәросу нәандәни будәлә ісјәјәни сјагори эм гүвә".

Байгдә туй унзйни, зәпамәри, эм дәи гүвә вәхачи. Тотарә, усәлтәсәл хәм мәнә боачиари, омочијари әнүхәчи. Эйду туй эй уликсәңгүји маночими Пимәкә бичини. Туй бимизә, балзими, Пимәкә наулчәңгохани. Пимәкә нүчи наонзәкә очогохани. Най осјора, омонду бими, чүки онә. Нәани тавәңки гирјана энәми дәрүхәни. Туй әнәмә, әнәмә, эм намо дәрәндүләни әүхәни. Намо дәрәмбәни хуә-липи, Пимәкә ичәхәни эм дәи иргәмбә. Товәңки туй иргәнчи Пимәкә әнәхәни. Нәани, хотон тојлани томи, эм зәңгәйва бәхани. Тй зәңгәи Пимәкәнчи уңкини: "Ам пиктә, сй хәзәзәзи тайси? Әнугүзәри минчи, оду мй пиктәгүјәвә". Пимәкә нәанчидәни уңкини: "Хәни мй одамби? Мй синду бими мутәсимби. Мй сиңгэрәкән тәмби". "Аја, сиңгэрәкән-дә аја, эйду мй пиктәгүјәвә. Сй хәйми сиңгэрәси?" Най биәсискә. Пимәкә туй чихаларә, бими балзими дәрүхәни туй зәңгон мападу.

Эм мода чимй эрдә соңголоханзйји сиксәгүдәлә соңгохани. Зәңгой амәни нәанчидәни мәдәсйни: "Ам пиктә, хәйми соңгоиси? Хәй-вә-дә гәләй осини, гә, поја, унду. Мй хәм мутәмби, аңгоктазәмби". Пимәкә зәңгой мапава амә ундй бичй. "Амә, мй эси синчи ләкәгүји, буригүји гәләмби".

Нәани амәни чү улән буригүзәни, ләкәгүзәни аңгосирә, бүхәни. Пимәкә тәң маңгази агдаханчи бичин. Чимй нигүгүи, биа дәгдәгүдәлә ләкәчй, гарпанаси бичй. Гасава манай, мандәзјани тугбугуй бичй. Нәани порони ујәвәни хәи-дә гасани-дә дәгдәи осини, хәли-дә ујунзй әнүеси. Туй мәргәнзй, паосбәи, сампарзй нүчи най Пимәкә урәхәни.

Эм модан Пимэкэ аmini мэдэсихэни: „Поја, хони сй туй гаса-
wa wактайси. Эмумбэ-дэ уjunэ чиндагасиси?“ – „Ама, эй хай
чукии? Ичэру то туй мандола лэкэji гарпажамби. Ичэруэс-тэни туй
богго олбиндуй гасава, гучи хаморой кудуй часава солгогозамби.
Хэм wами ачэси. Наонзокэ гасасал памажарал“. Туй умй, Пимэкэ
буриji сiандолаji таонгохэни. Тотарэ, гэ, ундэ, лэкэji чиндахэни.
Тэээ-дэ туй бичи.

Манду гасалани боггоwa, хаморойwa-рагда солгогохэни. Тавауки
хэм гасасал чикамопиа тугухэчи. Тавауки туй гасава манам Пим-
мэкэ балэихэни.

Туй бидуэнэ, урэгилэсэни эм модэ ээ такорамэни эй иргэнчи
эичини. „Чарха дэрүри, бари жангой, симбиwэ ээ чархачи гэлй“.
Элгинэ, бажанэ элгичимэри, бажачимэри балэихэчи. Эйwэ-дэ Пим-
мэкэ хэм долэихэни. Тотарэ Пимэкэ аминчэи эичини. „Гэ, ама,
мй сй орондоласи энэмби“. Аmini Пимэкэмбэ намаукини: „Ам пик-
тэ, ичэру, сй нучиси, урегилэсиси, балэигилайси хаси зүлэси бй.
Аја, мй мэнэ энэжэй-тэни, мэнэ орондоли“. Пимэкэ амимби туй
жарбалами дэрүхэни. „Ама, мй энэмби. Энэwэндэсиси осини, мй
эйду бизсимби. Мэнэ энэжэмби, пай гэлэси-дэ. Туй умбучиэни, аmini
тэээм мурчихэни. Тотарэ, чихалахэни“.

Тавауки Пимэкэ энэпсиукини. Горра энэхэ, эйжэ энэхэ, энэмэ,
энэмэ, эм иргэндүлэ icixa. Ноани мурчихэни: „Гэ, хайду эйду аун-
гори? Уйwэ-дэ такоwаси. Туй мурчидуэни, тэсидуэни ноанчичани
эм сагэи мапа эичини. „Гэ, бачигорау, ам мэргэ. Хажаэи сй тай-
си? Хай мэдэдуэни сй эуси дүэрэйси?“

Пимэкэ ноанчичани аji ичэээхэни. Туй мапа гогда, сахарака
бичини. Гогактани хуймулэ бичин. Хайwа-дэ Пимэкэ ум-дэ, эчиг
корпиани. Чаду-тул туй мапа гучи мэдэсилухэни. „Ичэру, ам пик-
тэ. Сй хаси нучиси. Сй оду мй пиктэгуэwэ“.

Пимэкэн-дэ эйwэ эчиг чiас-тэни, чихалахэни. Эси Пимэкэ гэсэ
туй мапаэи балэилохэни.

Эм модэ мапа Пимэкэнчи укини: „Ичэру, ам нэку, сй нүчи-дэ
бизсиси, най хэсэwэни-дэ хэм отолиачи-тэни. Ичү, сй эй эо чiа-
чичани ээи хопира. Таду амбэ бй. Сиксэ хэригуй. Ээи-дэ энэрэ“.

Пимэкэ эйwэ хэм отолй, сари. Ноандоани мауга эрдэнгэ очини.
Мурундуэни тул-тул ичэндүриwэ мурупсиукини. Эм модэ элэ симчэр
эңгүйдүэни эо чiачичани ноани хопихэни. Хопира, ичэхэни: чаду ха-
мача-дэ, амбани-дэ аба бичй. Тэу эм дэи мауэо мiони-рагда эокан-
до бичини. Туй жокэ жакпадоани урэктемиду дэрэ ожалани мантосал
бичичи. Пимэкэ долй мурчихэни: Гэ, эй-кэ кама улэ сiаптауги.
Мй-кэ эмумбэ-кэ пэргэури. Ноани эм мантоwa сiахэни. Тотарэ,
жүэричэ мантоwa жапайчакхэни. Таду-тул Пимэкэ харнчок энэхэни.
Хайду-дэ бй-дэ отолиаси. Туй тапи Пимэкэ найва сагохэни эм са-
харй моринду наман'ахандоли. Нападоани айсима бобой лохо бичини.
Ноани эм гучкупи паталанэи лохонэи думэчимэри сорихачи.
Ам пиктэ, ичэру, сй нучиси урегилэсиси балэигалайси хаси зүлэси
бй. Аја, мй мэнэ энэжэй-тэни, мэнэ орондоли“. Пимэкэ амимби
туй жарбалами дэрүхэни. „Ама, мй энэмби. Энэwэндэсиси осини“.

ни, мй эйду бизсимби. Мэнэ энэжэмби, най гэлэсидэ. Туй
умбучиэни, амини тэээм мурчихэни. Тотарэ, чихалахэни“.

Тавауки Пимэкэ энэпсиукини. Горра энэхэ, эйжэ энэхэ, энэмэ,
энэмэ, эм иргэндүлэ icixa. Ноани мурчихэни: гэ, хайду эйду аун-
гори? Уйwа-дэ такоwаси. Туй мурчидуэни тэсидуэни ноанитани эм
сагэи мапа эичини. „Гэ, бачигорау, ам мэргэ. Хажаэи сй тай-
си? Хай мэдэдуэни сй эуси дүэрэйси?“

Пимэкэ ноанчичани аji ичэээхэни. Туй мапа гогда, сахарака
бичини. Гогактани хуймулэ бичин. Хайwа-дэ Пимэкэ ум-дэ, эчиг
корпиани. Чаду-тул туй мапа гучи мэдэсилухэни. „Ичэру, ам пиктэ.
Сй хаси нучиси. Сй оду мй пиктэгуэwэ“.

Пимэкэн-дэ эйwэ эчиг чiас-тэни, чихалахэни. Эси Пимэкэ гэ-
сэ туй мапаэи балэилохэни.

Эм модэ мапа Пимэкэнчи укини: „Ичэру, ам нэку, сй нүчи-дэ
бизсиси, най хэсэwэни-дэ хэм отолиачи-тэни. Ичү, сй эй эо чiа-
чичани ээи хопира. Таду амбэ бй. Сиксэ хэригуй. Ээи-дэ энэрэ“.

Пимэкэ эйwэ хэм отолй, сари. Ноандоани мауга эрдэнгэ очини.
Мурундуэни тул-тул ичэндүриwэ мурупсиукини. Эм модэ элэ симчэр
эңгүйдүэни эо чiачичани ноани хопихэни. Хопира, ичэхэни: чаду ха-
мача-дэ, амбани-дэ аба бичй. Тэу эм дэи мауэо мiони-рагда эокан-
до бичини. Туй жокэ жакпадоани урэктемиду дэрэ ожалани манто-
сал бичичи. Пимэкэ долй мурчихэни: Гэ, эй-кэ кама улэ сiаптауги.
Мй-кэ эмумбэ-кэ пэргэури. Ноани эм мантоwa сiахэни. Тотарэ,
жүэричэ мантоwa жапайчакхэни. Таду-тул Пимэкэ харнчок энэхэни.
Хайду-дэ бй-дэ отолиаси. Туй тапи Пимэкэ найва сагохэни эм са-
харй моринду наман'ахандоли. Нападоани айсима бобой лохо бичини.
Ноани эм гучкупи паталанэи лохонэи думэчимэри сорихачи. Уй-дэ
уйwэ-дэ эймэси. Эктэни моринни чэгэан бичин. Ноалдоани ноачи мо-
ри хуйгулдуэни-дэ очогой, элидоани, хэмдэдуэни-дэ осигомэри со-
рихачи. Туй соридоачи ноамбани уэини мапа эичини. „Гэ, ам пуриу-
сэл, элэ сорихасу, тачичихасу. Эси сумбиwэ уй-дэ мутэси хэтэ-
гүмэри“.

Туй умбучини-мэт, жүэр соримэисал соримэри хопихачи. Тавау-
ки сагэи мапа жүэр нүчикэиэwэмбэ мэнчиэи хэсигухэни. „Гэ, ичэу-
су, ам пуриусэл. Эси бунчи най хукчухэ. Чава суэ бачиндосу, пэр-
гэндүсу, ичүсу най маугауговани, хатауговани“.

Тавауки Пимэкэ мэнэ паталаугоэи мориэиари наман'амэри
энэхэчи. Энэмэри ичэхэчи, ачаукичи най апайwани, эмуту пажакта
iлэсини-мат лугэйи. Пимэкэ паталауэи гэсэ бобой айсима лохом-
бэри агбимбогохачи. Тавауки хархилохачи, хадомэри эмуту пажак-
тава хадори-мат. Ноанчи гэсэ хэм чапчимэри пуктупихэчи най апай-
wани. Лохо лохонэи бачилочичани агэи-мат иңгурихэни. Уйси журиу-
чичи, сиксээи сойдаи тугдэ-мэт тугухэни. Лохондола эмуту гир-
мэчи-мэт тава посиндои бичин. Туй сорихачи паталанэи, Пимэкэнэи.
Тавауки наман'амэри гиндэ-гиндэ бй боачи icixa. Ноанчи ичэй-
чи: тажаэиэи зүэни ноанчи-мат мориуко, эктэ, хусэни ачапчи мо-
римбэри пукчиwэукичи. Эжэи-дэ буэңгисэл iлэхачи, бачигораи ха-
хэи. Туй ноанчи сорихачи инэ-долбо, хачин сiасинэи иңгуримэри.
Туй соримэри уй-дэ уйwэ-дэ wараси, чапчилэси, хэм эжэ, тажаэи

имдарку, хатаңку. Туй соримәри тајазгази Пимәкәнчи мэдәсичи:
„Суэ хажазгази тајсу? Хай голони тасу?“ Пимәкә уңкини: „Мй мән-
зо тамби, гәрбуји Пимәкә“. Тајазгази уңкини: „Буэ Гардо хала
тапу. Бумбизуэ эндур абка тачичихани“.

Тауаңки нбанчи эуси-таоси дэлхэлигүхэчи. Пимәкә мәнэ пата-
лағозији, нбанчи-да жуэзиэри гәсә әнүхэчи. Пимәкә жоји исигоха-
ни. Эй мо эээнчизени жиэухэни, тьи сагэи хүймулэ сапсохоңко ма-
пачи. Тый мапа нбанчизани мэдәсихэни: „Суэ ичәкәсу-нү, бәчикасу-
нү уйуэ-дә соримәри суэ-мәт бй гурусәлбә?“ Пимәкә уңкини: „Буэ-
кә ичәкәпу жуэ найуа: „Эм әктә, әм хусә найуа. Бәчимәри-дә
бәчикапу, пәргәмәри-дә пәргәкәпу. Туй таи-дә уй-дә уйуэ-дә әчиэ
туғбурә, әчиэ хәтәрә“.

Тауаңки Пимәкә мәнэ боңгопчи амичији әнүриуэ уңкини.

Эйду бй амичи нбандоани бүхэни пәгујәимә хотә иргәмбәни. Гу-
чи тый паталәнзи аслагохани. Тауаңки жоңки иргәмбә далигоми,
әнүпсијкини. Амимби хотомбани исигохани. Пимәкә әси дәрүхэни
хәји, соли тутуми. Дәйзи гираңкини-дәи жо очини, нүчији пираңкини -
нүчи жо очини. Эгзији пиктәкусәл дәи жоғду одыичи. Ойзи пиктәку-
ни нүчи жоңки ихэчи. Пимәкә әи жуэр дәи иргәмбә дәлачими балзи-
ми дәрүхэни.

Солој гурун-дә әйду солды поктодоари, мәргән биуәни сағдари.
Хәи әни гурусәл хәм хәйкуј бичичи. Бајанзи, әлгизәнзи бими, бал-
зимби бичини. Сиксә сәхамбәри пупәуәни хәм синәзи найду бүри
бичй.

Перевод

№ 37. Пимәкән и крыса

В одном месте жили крыса и Пимәкән. Так жили, жили
у каждого отдельное гнездо с одним общим отверстием – выходом.
Голодая и мучаясь, вместе жили. У крысы тело большое, сильное,
а у Пимәкәна малюсенькое, величиной с чашечку китайской трубки.
Так, бедствуя, бродя и грызя что попало, жили.

Однажды Пимәкән нашел мертвого тетерева. Пимәкән принести
его не мог. Досыта погрыз, поел и пошел рассказывать своей кры-
се. „Ну, старший брат, слушай. Я расскажу тебе вещь, от которой
можно разбогатеть и обрадоваться“.

Глаза у крысы от радости стали большие и забегали. Смотря на
все вокруг, она забегала. „Ну, Расскажи, младший брат, где ты
нашел обогащающую волшебную вещь“. – „А-а, где, какая там вол-
шебная вещь! Кто ее уронил, чтобы я нашел? Когда мне было го-
лодно, я разыскивал, чего поесть, и нашел мертвого тетерева“.

Как только он так сказал, крыса потащила маленького Пимәкәна
и заставила показать ей. Крыса сказала: „Ну, ладно, сейчас мы
немного принесем за спиной. А завтра рано утром пойдем, чтобы
перенести все. Сейчас мы уже устали. Так, что ли?“

Пимәкән, маленький, согласился с тем, что говорит большой че-
ловек. „И завтра, брат, ладно! Только ты ничего в мое отсутствие

не укради“. Крыса сказала: „Ну, разве я могу так сделать и обидеть
тебя?“ Пимәкән и крыса, каждый таща за спиной свое мясо, пошли
в свои гнезда. Пришли, и когда слегка свечерело, крыса стала слу-
шать, спит ли Пимәкән. Подумав, что Пимәкән заснул, крыса побе-
жала воровать. Перетасила в свое гнездо всю тушу тетерева.

Пимәкән рано утром встал и пошел посмотреть своего тетерева.
А там никакого тетерева нет. Крыса давно уже все перетасила. Пи-
мәкән очень обиделся, но не заплакал. Напрягая все свои силы,
сколько их было, напал на гнездо крысы. В гнезде крысы начали
они драться и ругать друг друга. Так и сяк, колотя друг друга, сра-
жались. Пимәкән маленький, как он мог устоять против большой кры-
сы? Он весь сплошь был в крови. Получив от крысы побои, Пимә-
кән ушел.

Когда он выходил, то, ругая друг друга, они решили: завтра ра-
но утром мы позовем со всей местности больших и маленьких зве-
рей, чтобы они рассудили наше дело. Крыса тоже согласилась с тем,
что сказал Пимәкән.

Рано утром, когда только занялась заря, они уже незаметно друг
для друга успели позвать всех зверей. Около их норы собралось
много разных зверей: медведь, тигр, волки, львы, еще разные ма-
ленькие звери. Сначала крыса, понося Пимәкәна, начала рассказы-
вать: „Я нашла вчера мертвого тетерева. Мы с Пимәкәном раздели-
ли его каждому по одной котомке. Потом мы согласились на другой
день рано утром этого тетерева перенести к себе. Ночью кто-то
нашего тетерева украл. Так было“. На этом крыса кончила свой рас-
сказ. Пимәкән рассердился. Тело у него маленькое, лицо сплошь в
крови и в ранах. Пимәкән начал рассказывать: „Ну, большие братья,
смотрите, кто плох, кто хорош. Мы, маленькие люди, как устоим
против людей, которые больше нас? Это было так. Однажды мы с
крысой ходили искать еду. Так бродя, я нашел мертвого тетерева.
Потом я показал крысе находку. Мы его разделили по одной котом-
ке. Большая часть там осталась. Я, маленький человек, разве мно-
го унесу на спине, вы и сами, глядя на нас поймете, кто из нас
больше унесет“.

На этом судилище таежные звери так решили: защитить малень-
кого Пимәкәна, а крысу тут же убить. Крысу тут же и убили.

„Ну, младший брат Пимәкән, ты маленький и очень бедно живешь“,
сказал тигр. Кончил свою речь так: „Друзья, убейте одну косулю,
чтобы Пимәкәну до смерти было что есть“.

Как только он сказал, убили одну большую косулю. Потом все
звери ушли по своим местам в свои норы. Так, поедая свое мясо,
Пимәкән и жил. Так жил, жил Пимәкән и превратился в человека.
Пимәкән стал маленьким мальчиком. После того, как стал челове-
ком, в норе стало жить плохо. Он ушел из норы в лес. Так шел, шел,
спустился к мысу одного моря. Перевалив морской мыс, Пимәкән
увидел одно большое селение. Пошел к тому селению. Поднимаясь с
берега к городу, он встретил одного начальника. Тот начальник ска-
зал Пимәкәну: „Дорогое дитя, ты откуда идешь? Пойдем ко мне,
стань моим сыном“. Пимәкән ответил: „Как же так? Я у вас жить

не могу. Я ведь мышонок". — "Ничего, хоть и мышонок, иди ко мне в сыновья. Почему же ты мыш? Ты ведь человек!" Пимэкэн согласился и стал жить у того старика-начальника.

Однажды, начав плакать еще рано утром, он проплакал до вечера. Начальник, его отец, спрашивает: "Дорогое дитя, почему ты плачешь? Если чего-нибудь хочешь, ну, скажи, сынок. Я все могу, все сделаю". Пимэкэн старика-начальника называл отцом. "Отец, я сейчас у тебя стрелы и лук для себя прошу".

Его отец самый лучший лук и стрелы сделал, дал ему. Пимэкэн очень обрадовался. Утром выйдя из дома, до восхода луны стрелял из лука. Истребляя уток, стаями их сбивал. Если над ним какая-нибудь птица летит, никогда живой не уходила. Так богатырем, стрелком и ловкачом рос маленький человек Пимэкэн.

Однажды отец спросил Пимэкэна: "Сынок, как это ты так много птиц убиваешь, ни одной живьем не отпускаешь?" — "Ну, отец, это пустяки. Смотри, вон там стая гусей летит к верховьям реки. Сейчас я в эту стаю пушу стрелу свою. Посмотри: ту головную ведущую птицу и еще хвостовую, рулящую птицу я оставлю живыми. Всех убивать нельзя. Молодые птицы заблудятся". Говоря так, Пимэкэн натянул свой лук до уха, потом, "Ну!" — сказав, пустил стрелу. И правда, так было. Из стаи птиц головную и хвостовую оставил. Все другие птицы, кувыряясь, упали. Истребляя птиц, Пимэкэн так и жил.

Когда он так жил, когда рос, однажды в это селение пришел сильный царь. "Война начинается, друг начальник, тебя царь зовет в войско". Все это слышал Пимэкэн. После этого Пимэкэн пришел к своему отцу: "Ну, отец, я вместо тебя пойду". Отец обнял Пимэкэна: "Дорогое дитя, ты еще маленький, рост и жизнь твои еще впереди. Я сам пойду, на своем месте". Пимэкэн так начал уговаривать своего отца: "Отец, я пойду. Если ты непустишь, я все равно не останусь здесь жить. Сам пойду, хоть меня и не зовут". Когда он сказал так, отец подумал: правда. Потом согласился.

Пимэкэн пошел. Далеко ли шел, близко ли шел. Шел, шел и дошел до одного селения. Он подумал: ну, где здесь ночевать? Никто не знаком. Когда он так сидел и думал, к нему подошел один старик. "Ну, здравствуй, дорогой мерген: Откуда ты идешь? По какому делу ты сюда шагаешь?"

Пимэкэн на него пристально посмотрел. Тот старик был высокий, черноватый. Борода у него была до пупа. Ничего не успел сказать Пимэкэн. Тот старик тут же опять начал говорить: "Смотри, дорогое дитя, ты еще маленький. Становись моим сыном".

Пимэкэн от этого не отказался, согласился. Стал жить Пимэкэн с этим стариком.

Однажды старик сказал Пимэкэну: "Смотри, дорогой сын, ты ведь не маленький, понимаешь все слова людей. Смотри, не заходи за этот дом, там есть черт. Вечером он прилетает, как шаман. Ты не ходи туда".

Пимэкэн все понимает, все знает. Стало ему очень интересно. Все время стал он думать, что нужно было бы посмотреть на этого

черта. Однажды, когда уже наступили сумерки, он зашел за дом. Зашел и увидел: там никакого черта не было. Только была одна большая маньчжурская молепня в домике. Около того домика в корзине на столе были пампушки. Пимэкэн подумал: ну, это-то очень хорошая пища. Попробую-ка я одну. Он одну пампушку съел. Потом хотел взять вторую пампушку, но тут же потерял сознание. Где он, не понимает. Потом Пимэкэн увидел, что он сидит на черном коне. В руке у него был золотой волшебный меч. Они сражаются с какой-то красивой девицей, фехтуя мечами. Никто никого не рубит. Конь у женщины был белый. Иногда они, чтобы увернуться, оказывались во время сражения на хвосте у лошади, на голове, под животом.

Когда они сражались, пришел старик, который его воспитывает. "Ну, дети, поборолись, научились. Теперь вас никто не сможет победить".

Как только он сказал это, два бойца перестали сражаться. Затем старик позвал к себе двоих детей. "Смотрите, дорогие дети, сейчас на нас напали враги. Вы идите им навстречу, попробуйте укротить силу проворность этих врагов".

После этого Пимэкэн вместе с той девушкой, с которой он боролся, поскакали на конях. Скача, увидели толпами идущих навстречу людей: все равно что трава, густо. Пимэкэн вместе с девушкой вынули волшебные золотые мечи. Потом стали ими размахивать, рубят, как будто траву косят. Они вместе, рубя всех подряд, прошли сквозь строй атакующих. Меч с мечом как встретятся, то как будто гром загремит. Когда вверх поднимают мечи, кровь закапает, как будто дождь пойдет, от сверкания их мечей огонь искрами сыплется. Так сражались девушка и Пимэкэн. Скача от места сражения, доехали до ровного места. Видят: там два человека вроде них едут на конях. Женщина и мужчина навстречу им пустили своих коней вскачь. И наши на защиту стали, чтобы встретиться как богатырь с богатырем.

Так они сражались и день и ночь, оглашая окрестность разными звуками. Так сражались, никто никого не может убить, не могут зарубить друг друга, и с той и с другой стороны имеют одинаковую ловкость и проворство. Так сражаясь, противник у Пимэкэна спрашивает: "Вы откуда? Какой национальности?" Пимэкэн сказал: "Я маньчжур, мое имя Пимэкэн". Противник сказал: "А мы из рода Гаодан. Нас учил небесный бог".

С того места одни туда, другие сюда разъехались. Пимэкэн со своей девушкой и те вдвоем вместе уехали. Пимэкэн приехал домой, вернулся к хозяину этой молепни, к тому старому с бородой до пупа. Старик спросил: "Вы видели ли, встретили ли в сражении таких же, как вы, людей?" Пимэкэн сказал: "Мы видели двух человек: одну женщину и одного мужчину. Встретиться встретились, попробовать попробовали, но никто никого не свалил, не победил".

После этого Пимэкэн сказал, что нужно идти к его первому отцу.

Живущий здесь его отец дал ему нижнее селенье города. Он (Пимэкэн) женился на той девушке и поехал, переводя домой селе-

ные. Прибыл в город своего отца. После этого Пимэкэн начал бегать вверх и вниз по течению реки. Сделает большой шаг – большой дом появляется, делает маленький шаг – маленький дом появляется. Многодетные в больших домах стали жить. Малодетные люди вошли в маленькие дома. Пимэкэн, управляя этими двумя большими селениями, начал жить.

Люди, поднимающиеся вверх по реке, здесь веку ставят, чтобы знать, что здесь живет мерген. Люди, едущие вниз, все заезжают. Богато, зажиточно жил. Все остатки ужина бедным людям отдавал.

Это – маньчжурская сказка в нанайском переложении.

ТЭЛУНГУ (ПРЕДАНИЯ)

№ 38. Гасианкэ балзихачи

Гасиандо балана балзимари дэхи эб бичини. Чад са-маңгочи, дэи самэ. Мохангочи маңга мохэ. Зоримиами лахава очомэи китэкэли бичй. Зарисонгочи јажкэнзи ээнэку бичй. Н'орани масилами заридоани, сидуэнчи јажкэнгони дондагой бичй. Туэ эринду эктэны муэлүчнени голоңко дадоани ілірэ, заріни осини, эктэнэји талома муэлүвэ бојалији сараси бичй. Гарпактаңгони хэйхэ хэвэни дадоани вачака дөхамбани кічомол'е гарпй бичй.

Тыи гасіа на доани эмү мапа, эмү мама бичичи. Н'оранчи пиктэ-дэ аңа бичил. Туй бим'е, мапани туэ эринду братони, поктова пул-сими сиксэ эрй эугупи, сіарэ, апсиңгопи, толкичйни: эмү эктэ чу-ул йрйни, аонгалани. Гэ, мапа, сй пиктэгуји гэлй осіни, тургензи најиро, поктоси холдондоани бй. Тыи мапа чава толкичими хоймй, сэнэхэни. Сэнэрэ, хайомби баразигорэ, поктоји іліми дэрүхэни. Туй том'е, эмү тоава хуэйдүэни, тыи тоа дачандоани хай-ну, хай-ну зілгани. Хай-дэ морічан-дэ отолваси. Тыи мапа тыи тоа дачанчйани энйни. Эм амба поктони, эсй энүхэни. Тыи энүхэни пок-тони хамаси ичйни, чадэ жуэр амба пиктэвэни бахани. Тыи амба пиктэвэни жапагорэ, эвүхэни. Аонгалаји ісігорэ, тыи жуэри амба пиктэвэни мэнзији гесэ авамы, узими дэрүхэни. Поктоји іліачі-дэ хойхэни. Туй бим'е амба дэи очини. Улэнзи пулсй. Чадэ-мат аон-гаји эмэиэ калтазйалани коріва аңгорэ, тыи долани сэгзілэрэ, нэ-рйни. Туй пулсиг'е эугуйни нйчиэмбэ, гормахомба, пимуэ вэма-ри дэрүхэчи. Wапа́ри, амімбэри сэктепуни ојалани нэри. Амінчи ундыни: „Суэ эйи дэи бэјумбэ вайчасо! Мэпи корхізйори!“

Туй бим'е сімата-дэ хэм бојамы дэрүхэ. Эмү мода апсиңгопи толкичйни: „Амэ, сй эокчи энүхэн-дэ аја! Буэ эси мэнэ вэма́ри мутэпу, пимусэлбэ, гормахосалба варапу“. Аміни зја чіман'ава эрдэ-э гэрэ, гой-гой знектэңгуји пујучими дэрүхэни. Отокамба чалчйра, тыи дочйани хабомы нэхэни. Мэнэ сіагоји отокб солбогорэ, пулэ хуйгисэји пуригдуји хэм налагохани. Мапа энүйдүји пуригби кэкчэми дэрүхэни: „Суэ нэктэсэлбэ, мапасалба, тбсалба эйи вай-часу! Мэпэри корхізйасу. Гормохосал, пимусэл, андасал-тамача н'епултэвэ вайчанасу-тани. Дэи жакава эйи вайчасо! Тэң масіэн кэкчегурэ“. – Мапа та ванки энуми дэрүхэни.

Зогдулаји ісігопи, мамачији гусэрэухэни: „Гэ, мама, мй пик-тэгуји бакаји. Амба пиктэвэни бара, узихэмби“. Мамани ундыни: „Баса айцанива мй-дэ синзи гэсэ энүри, пиктэји ичэндэми!“

Тый зоганива бипэри, лавава ботами хоџипи, огасаңгоји холго-чани, тэвэw эри тэучирэ, хандагомари дэрүхэчи. Кэрдэңгу дава-ни ісічи. Хэзиз калта муңгэнду эм бочамба wара, муңгэ ојаџа-ни эwурэ, налагора, мэгэи поронџани тоқора, ілісімари ичэзичи. Амани н'оанџиачи бачігохани: „Гэ, ам пурил, бачігоапо-ну“. Тотара, мапа огдари хамари, мамани аоңгара аңгой, Малани бочамба пуји. Пуими хоџипи, хачохамба толгара, уликсэwэ пуји дэрүхэни. Хуру-чиэни хабогехани. „Гэ, мама, пуригби wахамбани амталаро!“ Ма-ма ундыни: „Мй оркиңкоји. Оркин-да саwаси“. Тотара, мапа эмучэ-кэ сіахэни. Долбо апсінгомй, толкічйни: боакіази зуэр наоңзока чу-ул йхэчи. „Ама, эн'эwэ хайми сіаwandасиси?“ Буэ энимпу-дэ эмуту. Оркиңкодоји хас гэсэ сіарији. Баи аумачији сіаохэ хай-да оркин-да ана. Таваңки тый мапа мамаји сіалогоwаңкини. Хай-да сорон-да ана.

Тый туэниwэ боатоппи, чіми тэричи. Тулиэду мапасал, нэктэсэл, бочасал бичй. Н'оанчи wара, тулиэчиэни мэнэ ірічи. Тый мапа н'оан-чи поктогочаи аңгойни. Тотара, ундыни: „Гэ, эй суэ поктосо“.

Н'оанчи дэңгурэwэри чіаханџачи муэдусэл, тугэсэл, сэнэсэл мэнэ зиди-мэт зи-дэ, гарпөричи бичй. Тый мапа бай буйкимбэ та-магой-мат тамагой бичй.

Тый бим'е нэңнэ эринду зокџари зйзучичи, тый мапа согдата-ва ботандапи, пунту буйкимбэни барйни. Муэдусэл буйкимбэчи ба-рини. Н'оани хаси-да энэхэн-дэ борты даи Зака будыwэни барйни. Хайзи-да синэзиемэри балзйчи.

Тый мапазй, мамазй тый бичй. Тый бим'е, мапани буйкини. Буды-ни, тый зуэри амба пиктэни зуэр, зогдолани чүл йрэ, бэсэрэ пэгиз-лэни кэлбэрэ бичй. Зичй гурсэл нэличи. Мама ундыни: „Эйи нэлэсу! Буэ пиктэпу“. Тый мапа мапаји бусулэгуэндбидуји ундыни: – Эй суэ обосо. Хайва-да нэрији хэм н'оамбачи ичүндыни. Тотапи-мат хумучи хумундэмэри тоwочіаџи, мама тэрини, тый зуэри амба пик-тэни эјэ, таја кірадоани кэлбэрэ тэсйчи. Най нэлэчиwэни мама ундыни: „Эйи нэлэсу! Мй пиктэји“. Хон-да таси.

Таваңки хумурэ, бим'е тый мапа мөwa мөлопй, муэдусэл, туг-зэсэл буйкимбэчи барй бичини. Поалдоани мөлопй, пунтусэл буйким-бэчи барй бичин. Уликсэзи, сіаориэи хали-да мохораси бичин.

Тый бим'е мапаји касатами дэрүхэни. Ітоамба най аңсими хо-зйни, тый зуэр амба пиктэни ітоа доџани йрэ, кэлбэрэ тэсимэри бичй. Найсал нэлэчи осіни, мама ундыни: „Эйи нэлэсу! Мй пиктэ-ји“. Тый мапа пан'ори эринду: эй суэ обосо, – унды бичин. Каса-тами хоџипи, толкічйни: „Эн'э, эйи эзигуји гэлэрэ! Буэ мэнэ узіэпу Тый мапа эзи-дэ ана бйни. Хайзи-да мохораси. Хайла энэхэн-дэ н'оани пунтусэл, муэдусэл, тугзэсэл буйкимбэчи барй бичй. Туэ-дэ эмуту, зог-да эмуту барй бичй. Тый бим'е, тый мапа бурбучиэни, таваңки бимэри найсал ичэзй бичил: Энимбэри, амјмбэри хумунчиэ-чи эугурэ, ојалани кэлбэрэ ин'э ээк-ээк аомари бил бичил. Тый та-марэ най ундыни: Гэ, тый мамана амба пиктэwэни узихэчи. Тый ам-ба гірмаксаји нантами эwэчйни, – унды бичин.

Эй гасіаңка балзйхачи эрдэни. Чава тай тэлуңгүхэни.

Гучи гасіандо тый бйны бичин самā. Тый самā нэуни эдэ бичин. Эм мода хасава боатрхачи. Тогбондо очичи. Чаду wайчамари пул-сйчи. Тый пулсим'е, эту мода сэнэ поктоани бара, хоџйни. Тый эдэ наји. Тый хоџам'е, эмү боала ихэни. Адолікамби тулэрэ, wай-чйни. Wапи, сэнэңгуји наладуји запарора, соктаји барони кэчэ-ригүйни. Соктани ојалани эм амба тэсими-и бйни. Н'оани бароани тэу орки насалзйји ичэзйни. Тый эдэ гаксіа наладуји сурэји запа-гора, энэхэни. Соктаји зіліңандоани запарэ, лор-лор тадорөхани. Тотара, соктаји тэтугурэ, хамаси ичэ-э, ичэ-э эугуји. Эугум'е, аоңгаји ісігойни. Аңни балана эугүхэни. Соктаји ачогора, дэсүду нэрэ, йгүхэни. Хазомби ачогопи, гусэрэгуйни: „Ага-а, мй эйниwэ сэнэwэ wайчами хоџип'е, соктачији ичүхэмби. Індадуй дай, сог-зонзи бйкоку, насални ихэрэ-мэт хатанзи ичэзэхэ мй баро, аwа“. Аңни ундыни: „Хамача ээлэчиктыси? Сй соктаји лор-лор тадораго-госи хали-да аоми бизси“. Тый эдэ ундыни: „Ага-а, тэзэ! Аңни агдасини“. Долбо апсінгопи толкічйни: эмү най чу-ул аоңгалачи йрини. „Анда-а, тый нэуси тэң эдэ бэјэни. Мй эйниwэ сэнэwэ wайчидо-ани таско энэхэмби бичин. Лаочанзйји эм мода наwа пачілахамби бичй. Н'оани хайва-да сараси. Тотара, соктани ојалани тэрэ, тээк-тыэк зйкэңкимби бичин. Тый нэуси гаксіа наладуји сурэји запарэ, зйми, соктаји зіліңандоани запарэ, лор-лор тадорагора, соктаји тэтугурэ, ичэ-э, ичэ-э эугүхэ. Найwa wари-да бодоаси. Тэң эдэ бэјэни“.

Тый эдэ таваңки бим'е, дай осипи, боло хандагоми энэхэни Ха-сава. Тый Хасадо бй аоңга гэрбуни – эксэ аоңгани. Чадо осіра, бими wайчйни. Хайва-да сіагой-да баwаси. Зэму маңга. Тулиэду бахани эм нэктэ зйліwани. Чава бара, йwугурэ, сэңкурэзи пунги-чйми дэрүхэни: „Чімана мй поктоји ілігойдујава покто холдон-доани ара, минчи хукчүхэри!“ Хоџйдуји чумчүэндүлэји кучэлэрэ, сэксэји тый нэктэ гојавани модоріхани. Н'оани хай-да хазон-да ана. Тэң эмү сігдата сугбэкэни бичини. Чава запарэ, чіми токоха-ни. Поктоји энум'е, эм боаду ичйни: нэктэ аоми бйни. Элкэ бэй-чйми энйни. Зізалэ осіни, чаңсоп тэми, н'оани бароани хукчүми дэ-рүхэни. Мэнчи ісідоани, сугбэкэңзи тоигөхани. Сугбэкэни оңги модандолани молбо энэхэни. Мэпи сэкпэндбидүэни, гојадорани за-парэ, соріми дэрүхэни. Нэктэңгуји куэктэ-куэктэ јадочіани-мат wа-хани. Тотара, чава сіами wайчами бичини. Таваңки найwa бапй, унды бичй: „Балзй пурил, нэктэ зйліwани пунгичирэ, сэксэзйји мо-доріопи, тэң орки. Нэктэ борты, борты найчи ајактали“. Н'оани тый тэлуңгуй бичини.

Тый бим'е, сагдаңгоп'е хас хасова тохани. Сиктэзи аоңгакамба аңсіра бйни эмучэкэ. Індаји аоңгаји малодоани учйни. Докіа калтапа. Эм сиксэ эугуји. Сіара, хоџихани. Тый тэсидүг'е, тулиэ-wэ амба пулсими дэрүхэни. Індани н'оани барони ичэрэ, сйчйни, тй мапача тамји запарэ, індаји нэлүчйни: „Сок, сок!“ Тый ты-доанā, аоңгани малолани маңаји дочи анами індаwани запамй, боачи татагойдоани, лаочани дочи арбікйни. Тый мапа тый амба лаочандоани запамй, тава ојавани ірічйми, нйэwүхэни. Тотара,

кэкчи пэгичиэни тугуйэни налахани. Индаји, амбамба камор на-
лахани. „Гэ, сјагоји вахамби осини, сјаго!“ – уркини. Мапа сик-
сэ апсигоми толкичйни: эмү най чу-ул ирини. Ими, мапачи н’охо-
рандйни: „Мапа, ээи оркисја! Ми вайчакоји майкпоан-да тахам-
би. Си индасја саж осин-да, хай туй тара! Аја! Индавасја ва-
хандулаји туйнго ја жомбовани таодамби“. Ты мапа эја чимани-
ва илгойни. Тэ-э багја гелиду чахани дэугуредуэни эм тугээ
гарп’охани. Хайлавадас даи тугээ! Туй мапа туй эринду закроинго
сэдуэ бичи бизэра.

Гасјаңка жарисонгоани н’бани јајканэи ээнеңку бичи. Јајка
морйвани амдами жарй бичини.

Түэ боатопи, н’бани бирангои пазіка бичи. Сэпэвэ вайчами
чиллап, бирангоји дэрэни бар’они кэчэригурэ, жарипи, гайты сэпэ-
вэ валогой бичин.

Эмү мода боатопи, сэпэвэ хоэара, долбог’ора, аонгами дэрүхэ-
ни. Наңга оңасами, толкичйни: Эм мама ундйни: „Гэ, эниэ, ичэру!
Симбиэвэ най ундэси-кэ жарисо, жарисоам. Эн’э-панго ми долэи-
гојава жариро!“ Ты жарисо сэнэмй, отаји апарэ, тава эмэ
калтач’ани налахани. „Гэ, эрунду ми н’н’мампогојава“. Тотара, мэ-
пи мэргэ о’одан-да, жарими дэрүхэни. Элэ инидуэни хоэихани. То-
тали наңга холб’о энеми толкич’ойни. Ты мама ундйни: „Эн’э-
панго, тэээ жарисо. Най жарисо уркини, – тэээ. Эяниэвэ эунгуйдуји
эси хоэами эичимби сэпэвэ ваз’ачи. Ты ојач’ани аонгаји исгоји
алдандоани эја сэпэвэ ваз’ачи“.

Н’бани ч’ими барајгорэ, эныни. Тэ-э тајалани сэпэңгуни йхэни.
Чава вах’ани. Аонгаји исгоји алдандоани эја сэпэвэ вах’ани.
Таваңки бими н’оамбани найсал даи ботандо жар’ог’ани гэлйчи би-
чи. Давава нар’ори эринду, эукэ хэј’ини эринду гэрэны эгэи ос-
п’ари, чадо-мат гэлй бичин. Най пэрүч’и и ч’ич’и сараси бичин,
досоэами хокпандйни. Гэ, гасјаңка жарисонгочи туй балэихани.
Ээнемби вапи, хам’алани гойдам-да аба, бурпугуји. Ээнемби н’ба-
ни мэне вах’ани, в’аридуји н’бани с’ам-да абани.

Перевод

№ 38. Жизнь гасианских

В прошлом на стойбище гасианские жили в сорока до-
мах. Был у них великий шаман. Был у них силач. Летом, когда ры-
бачил, он шелчком глушил сомов. Был певец. У него была певунья-
птичка. Как только запоет он, птичка прилетала и садилась на пе-
рила.¹ Если во время его пения женщины шли по воду, то остано-
вливались у дровяного сарая. Слушали песню и так забывались при
этом, что не замечали, как ломали берестяные ведра. Был в стой-
бище меткий стрелок. Увидя на берегу озера Хэйхэ цаплю, со стой-
бища пронзэл ее стрелой.

В этом стойбище жили старик со старухой. У них не было детей.
Однажды старик отправился на охоту. Ходил он по своим охотничьим

тропам. Однажды вечером он вернулся в свою охотничью избушку –
зимник, поужинал и лег спать. И видит сон: входит к нему одна
женщина. „Старец, если хочешь иметь детей, быстрее собирайся
за ними, – говорит она. – Они у твоей тропы“. Затем старик прос-
нулся, быстро оделся и пошел по своей тропе. Шел, шел, стал пе-
решагивать валежник, тут и услышал какие-то звуки: кто-то ску-
лит. Скулит из-под корней валежника. Подошел он к корню дерева,
видит: след только что ушедшего тигра. Стал он торопиться, пошел
в обратном направлении, видит: два тигренка. Забрал он тигрят и
вернулся к себе. Стал их воспитывать. На ночь укладывал их с со-
бой. Старик даже перестал ходить по своим тропам. Живут они так,
тигрята повзрослели, стали ловко ходить. Тогда старик к зимнику
пристроил сруб. Постелил в него сухой травы, пустил тигрят туда.
Стал старик ходить на охоту. Вернется к зимнику, видит: тигрята-
то какую-то птицу, то зайца, то рябчиков стали приносить. И все
это оставляют на постели старика. Старик наказывал им: никогда
не охотьтесь за крупным зверем, себя погубите.

Живут они так, вот и снег начал таять. Однажды старик видит
сон: Дети говорят ему: „Отец, ты можешь вернуться домой, мы
сами себя прокормим. Можем добывать рябчиков, зайцев“. Рано
утром старик проснулся и стал готовить еду из разных круп. Вы-
долбил корытца и стал перекладывать туда еду. Себе немного взял,
а всю остальную еду оставил тигрятам. Перед уходом домой нака-
зал детям: „На кабанов, медведей и лосей не охотьтесь!.. Себя по-
губите. Охотьтесь на зайцев, рябчиков, кабарожек. Вам только на
них и можно охотиться. На больших зверей вам еще охотиться
нельзя“. Он очень просил помнить об этом. Потом ушел домой.

Приходит домой и рассказывает своей старухе: „Ой, старуха,
я же детей имею. Нашел и воспитал детенышей тигра“. Старуха
говорит: „На следующий год и я пойду с тобой, чтобы увидеть
детей“.

Прошло лето. Наловили они кеты, засушили юкоды. Затем от-
правились на свои охотничьи места. Нагрузили в лодку вещи и по-
ехали. Доехали до устья реки Кэрдэнгу. На нижней сопочке тигры
изюбря задавили и приволокли его на пригорок, ожидают родите-
лей стоя. Отец поздоровался с ними: „Ну, милые мои, здравствуй-
те!“ Пристали к берегу. Старуха стала прибирать в зимнике, а
старик разделывать тушу изюбря. Закончил старик разделывать ту-
шу и стал варить мясо в котле. Когда сварилось, выловил мясо
и говорит: „Попробуй, старуха, мяса, добытого детьми“. Старуха
отвечает: „У меня плохое пришло (менструация), грех же“. Стари-
ку одному пришлось есть. Ночью видит сон. Входят двое парней
и говорят: „Отец, почему не накормил мать? Наша же мать и в
свой плохой период ела. Класть мясо в рот не грешно“. И старик
стал кормить старуху мясом. Ничего грешного.

В ту зиму встанут старики утром, а во дворе находят медведя,
изюбря, кабана. Их добывали дети и приносили прямо во двор. Ста-
рик проложил им тропу и говорит: „Вот вам тропа“.

Расставит старик самострелы и находит выдр, рысей, соболей, — словно сами они приходят и попадают в них. Старик собирал их словно подошедших.

Живут они так, живут, наступила весна. Старики вернулись домой. Бывало старик летом отправится на рыбалку, находит убитого рогача-изюбря или выдру. Куда он ни пойдет, всегда находит убитых крупных зверей. Живут старик со старухой, ни в чем не зная нужды. Жили так, потом умер старик. Как умер старик, дети-тигры сразу пришли. Войдя в дом, забрались на нары. И лежали там словно замороженные. Пришедшие на похороны люди стали их бояться. Но старуха успокаивает: „Не бойтесь! Они наши дети“. Стала старуха класть вещи для покойного старика и делить тиграм, показывая каждую вещь и говоря: это, мол, ваша доля. Затем старика похоронили. Старуха осталась сидеть у могилы, а по обе стороны ее сидят дети. Люди боятся. Старуха им опять говорит: „Не бойтесь! Они мои дети. Ничего плохого они никому не сделают“.

После похорон она стала жить одна. Пойдет по дрова, находит убитых выдр, рысей. Иногда она находила убитых рогачей-изюбрей. Никогда не было у нее недостатка в мясе.

Настало время делать большие поминки. Как только построили шалаш для поминок, дети вошли в шалаш. Сидят, растопырив уши. Старуха успокаивает людей: „Не бойтесь, они мои дети“. После сжигания еды и вещей (покойного) старуха раздавала людям оставшиеся вещи старика; раздавая, она поровну раздавала и тиграм, говоря: это, мол, ваша доля. После поминок старуха видит сон. „Мать, не выходи замуж, — говорят дети-тигры. — Мы сами прокормим тебя“.

Живет старуха без мужа. Куда бы она ни пошла, находила убитых изюбрей, выдр, рысей. И зимой, и летом находила. Когда старуха умерла, люди видели: тигры придут к могилам отца и матери и долго там лежат. Люди рассказывали: эти тигры вскормлены стариками, и они, почитая родную кость, приходили к их могилам.

И жизнь этих гасианских была загадочной. Об этом и рассказ людей.

Еще в Гасиане жил шаман. У него был брат — дурак.

Однажды они пошли на охоту в местность Хаса. Остановились в Тогбоне. И там стали промышлять зверей. Этот дурак нашел след соболя и пошел по нему. Идет он по следу и видит: соболь вошел в дупло. Расставил (дурак) соболиную сеточку и стал выгонять соболя. Загнал соболя в сеточку, поймал его и обернулся к лыжам. А там на лыжах лежит тигр. Смотрит на него. Дурак взял в руку топор и пошел на тигра. Схватил на головки лыжи и выдернул их. Надел лыжи и быстро побежал, оглядываясь назад. Добежал до зимника, Брат его уже там. Оставил под навесом лыжи и рассказывал: „Брат, сегодня я шел по следу соболя. Когда взял соболя, увидел на своих лыжах зверя — больше собаки, с желтой шерстью. Глаза огнем горят и смотрят на меня“. Брат говорит: „Чего врешь? Пока ты выдергивал из-под него лыжи, он оставался бы лежать“. Дурак говорит: „Истинная правда, брат!“ Брат не верит ему. Как только уснул, старший брат видит сон. Входит один человек. „Друг,

твой брат дурачок. Сегодня он ловил соболя. Тут я столкнулся с ним (с дурачком). Ударил хвостом раз о землю, он ничего не слышит. Тогда я залег на его лыжи. Он взял в одну руку топор и выдернул из-под меня лыжи. Надел их, оглядываясь назад, побежал к себе домой. Так он может и человека убить, настоящий дурачок“.

Живет дальше дурачок, стал совсем взрослым. Пошел на охоту в местность Хаса. Там был зимник его дяди по отцу. Остановился (дурак) в зимнике и стал промышлять зверя. Ничего не добывает. Стало ему голодно. И вот во дворе своем он находит голову кабана. Подобрал ее, занес в зимник. Зажег пучок багульника и начал им чадить. Чадит и приговаривает: „Завтра пойду по своей тропе, а ты залег у тропы и бросайся на меня“. После этого он ножом сделал надрез на пальце и кровью своей измазал клыки кабана. А у него не было никакого орудия охоты, кроме остроги для рыб. Взял он эту острогу и отправился в лес. Идет он по своей тропе и видит: лежит кабан. Стал он подкрадываться к нему. Когда он стал приближаться к кабану, тот вскочил на ноги и кинулся на него. Наседавшему на него зверю он подставил острогу. Острога обломилась у остова. Когда зверь разинул пасть, чтобы укусить охотника, тот схватил его за клыки. И стали они барахтаться. Когда кабан обессилел, тогда только он (дурак) смог убить его. Питаясь кабининой, стал охотиться.

С той поры говорил молодым: „Дети, найдя кабанию голову, если чадить дымом багульника и мазать ее своей кровью, будет беда. Кабан всегда будет кидаться на человека“.

Прожил он еще несколько лет и опять пошел на охоту в Хаса. Сделал зимник из лапника и стал жить в нем один. Собаку он держал на привязи напротив входа. Однажды пришел он вечером. Поужинал. Слышит: по двору ходит тигр. Собака, глядя на хозяина, стала скулить. А тот взял палку-кочергу и стал пугать: „Сук-сук!“ В это время тигр просунул лапу в том месте, где была собака. Схватил ее и стал тащить наружу, но хвост тигра просунулся в зимник. Старик схватил тигра за хвост, таща его по очагу, вытащил наружу. Вытащил и бросил его вместе с собакой под обрыв. „Убил, чтобы есть, так ешь!“ — сказал старик. Когда уснул, видит он сон: входит к нему человек. Войдя, встал на колени перед стариком. „Не сердись, старик, на меня. Удача покинула меня, потому так и поступил. Знал бы, что собака твоя, так не сделал бы. За собаку расплачусь, дам тебе в пять раз больше ее стоимости“. На следующее утро он отправился на охоту. На другом берегу реки был поставлен его самострел. В него попала большая рысь. В ту пору старику было что-то около восьмидесяти лет.

У гасианского певца была певунья-птичка. Он пел и подражал ей.

Зимой он уходил на охоту. У него всегда была своя речка, где он останавливался. Если соболи переставали попадаться в ловушку, то он оборачивался к своей речке и начинал петь. Спойет, и соболи вновь начинают попадаться в его ловушки.

Однажды он шел по следу соболя. Вечерело, и он решил ночевать в лесу. Лишь вздремнул и видит сон. Говорит старуха: „Ой, гляди-

те! Какая встреча! Про тебя говорят: певец из певцов. Дорогой, спой мне. Хочу послушать твое пение". Тот проснулся и бросил свою обувь через костер на его другую сторону. „Время настало сказки сказывать". Вообразив себя мергеном, он стал петь. К утру только закончил. Затем задремнул и видит сон. Та старушка говорит: „Дорогой, и вправду ты певец из певцов. Верно про тебя говорят. Соболя, которого сегодня ловил, возьмешь и еще, пока дойдешь до своего зимника, добудешь десять соболей".

Утром он проворно оделся, обулся и пошел по следу вчерашнего соболя. Недалеко ушел. Вошел зверь в нору, там его он и поймал. Пока дошел до своего зимника, десять соболей взял. С той поры его считали самым великим охотником. И когда неудача на охоте, приглашали его и просили спеть. Во время кетовой путины и весной, во время ледохода, когда собирался народ ловить сазанов, его обязательно звали. Слушая его, так заслушивались его пения, что не замечали, как мочились в штаны. Таким знали гасианского певца. Убил он свою птичку-певунью, после этого и сам прожил недолго. Убил-то, чтобы самому умереть. Певунью-птичку он убил в бессознательном состоянии.

¹ Так в тексте.

№ 39. Пурэ амбани пиктэни

Эм мапа, эм мама балзихачи. Туй тарā, боатуми энйини. Донгоји аргосира, вайчами дэрүхэни. Вайчами пулсими, эуэр пурэ амбани энйини буйкини. Пиктэвэни Запарā, узилуми дэрүхэни. Донга эмзиз калтадоани бйчи. Ллā айнан'ава уйхэни. Даи пурэ амбани очини. Тый мапачакā хэсэвэни хэм отолйчи. Хупидуэчи, эйи даичасу унэйни осіни, хэмэ хоіра, тэгүил. Поалдоани манга дайичи осіни, таваачи түрөсу, ээгдэсу, унэйни.

Ллā айнан'а ісіхā. Эси аминчи мапа унэйни: „Мй сумбиэвэ аңгазамбасу уйхэмби. Эси даи пурэн амбани очісу. Мй мэнэ эокчији энүэмби". Тый пурэ амбани хэсэ-дэ ана, сонгомари морамари дэрэзигүхэчи.

Эокчији зйзүхэ, ісігохā. Тотарā, мамангочији гисурүхэни. „Мй пурэ амбамбани уэйми ілā айнан'ава бичимби. Эси даи пурэ амбани очіни".

Тотарā, мапачакā эм модā долбо аоми толкичйни: пурэ амбани эуэр хусэ наји очохани. „Гэ, ама-а, буэ сунчи зйзүхэпу. Гэ, ама, симбиэвэ хайзи бэлэчури?"

Туй тарā мапа тэгүхэ. Тавааңки вайчами пулсйни. Зүлэлэни бэју-мбэ, н'эпултэвэ хэм вара, нэйчи. Хай-дā бэјусалбэни мэнэ ірайчи мапа бароани. Тый мапа сагдаңгорā, буйкини. Мамани хумунчйэни

пулсидүэни, хумундүэни эуэ пурэ амбани аорйни. Туй тарā хай-дā нэлэм-дэ абани. Мама толйчйни: эуэр хусэ наји очогохани. „Гэ, эси буэ энүэпу. Сй дэрэзинуэчи-мэ".

Перевод

№ 39. Дети тигра

Жили старик да старуха. Так жили, и однажды старик отправился на охоту. Устроил в лесу себе зимник и начал охотиться. Ходит он, ходит на охоту и встречается двух тигрят. Мать их издохла. Взял он тигрят и начал их кормить. Тигрята стали жить на второй половине зимника. Три года он кормил их. Стали они настоящими тиграми. Всю речь старика понимают. Начнут они воизиться, старик скажет: „Перестаньте", — они разом перестанут и присядут молча. Когда они сильно расшлятся, он говаривал: „Упадете в огонь".

Прошло три года. Старик говорит им: „Я вас, сирот, воспитал. Теперь вы стали настоящими тиграми. Я вернусь домой. У тигров нет речи. Они, воя и плача, остались там."

Вернулся старик к себе и рассказывает старухе: „Я подобрал двух тигрят и три года растил их. Теперь они стали настоящими тиграми".

Однажды старик видит сон: тигры обернулись молодыми парнями. Говорят ему: „Отец, мы к вам явились. Чем можем тебе помочь?"

Проснулся старик. С той поры он постоянно находил лосей и других зверей на своей тропе. Их убивали тигры. Разных зверей таскали они старику. Старик постарел и умер. Ходит старуха к могиле старика, а на могиле его лежат два тигра. Она не пугалась тигров.

Видит старуха сон: тигры обернулись двумя молодцами. „Мы уходим отсюда, — говорят они, — а ты оставайся здесь".

№ 40. Хайла Онйкā халани сэтэхэни

Балана най мапарісал, сагэи гурусэл туй тэлунгууй бичин, хайла-дā сэтэхэмбэни Онйкā халани. Тэлунгуду Онйкасалба най туй ундй бичин: тола сэтэхэчи. Эм даи това ілā нүчикэнзүэн Онйкасыл туй то күмбэни күчимэр'е урэхэчи. Тотами Онйкасалба найсал сагэйлэйар ундй бичин: тола сэтэхэчи. Ноачи халаңгочи — намукā, намокандола нйэхэчи. Самаргй онидоани балзихачи. Кэкэ-чэнзйэни сэтэхэчи.

Эм модā акпало āкчи уңкини: „Гэ, нэкуэнэ, дōлзōсу, ага хэсэwэни. Бүэ, эйду бичин-дэ, хама жэбэ! Энэгуэри, ичэндэгүэри нāгари, боагдари, будэргүэри”.

Эwэңки нōанчи иланзiари онiwa хэи хэjэңкичи. Туй хэjэңким-бэри поктодари, нōачи эм паталā эктэwэ бāхачи.

Тэй паталанзiи долй нэучи асiлахани. Чаду туй бимэри, балзi-мэри, долй нэучи асiни пиктэгуjи бāхани арчокамба. Туй арчока туй урэхэни, дāи очiни. Зоанзүэр сэwэ барчiани, туй ахондōнсал мурупсиңкичи. Аси пиктэwэ орiwa тэтүэмбуриwэ. Орiwa тэтүэңкичи. Ори зэс йхэни арчокаң монгончiани. Таwаңки нōачи ачогой-чамари мохохачи. Агэима нэучиjи уңкини: „Чiхани ачогдаси-дā аjа. Ичэ хотончини энэй, бүэ таду ачōри”.

Тадо-мāt тадуj улэмбэ тэтүэмбури. Туй ахондōсал зiа-зiари пакпаримэри дэрүхэчи, уj-дэ оркiмбани-дā эчиз барачи. Долй нэучи пиктэjи монгомбани чāлихани. Тотарā, оригōwāри ачогхачи. Туй мэнэ пиктэрэмбэри арчокамба wāхачи ори тургундулэни. Эwэңки нōачи хуэлихэчи Хоңгари онiчiани. Энэмэри, зуси-таоси марiа-мāчимари, нэуэимэ уңкини: „Пōрчи энэм аjа”.

Нэуwэри уңкимбэни эчиз дōлзiачи. Таwаңки энэмэри, нэучи чаду дэрэзихэни. Акпало, долинзiма āкчи ониwa хэи хэjэңкичи. Нōачи туй хэjэмэри Хоңгари дāчиани, Удурчи нiэхэчи. Таду аңнāчи монгоктоду совочаwа уйхэчи. Туй совоча-танй хэjэ пāчiлайдоани хэи адапсиңкини. Нэучи хамила агби хāппāчигоми туй совочаwа iсiхани. Тотарā, совочачи эрдэңгэсими ичэзэхэни. „Гэ, сайна, агāнā хэjи хэиэңкичи биээр”.

Таwаңки нōани Маңбоа хэjи хэjэңкини. Таwаңки-мāt очини Маңбоа хэjи Онiңкā халани. Аңнāни зуси зичини: Эморончи, Дулэлэчи, Хāңкичи.

Нōачи зуридуэчи нōанзiачи гэсэ бичини Онiңкā чū дāи самаjгочи, гэрбуни Кōнчи. Туй Кōнчи самā энулүхэни бичини. Таwаңки туй самā бурбучиэни, нōачи бэсэрэду корира, сусуду самаjгоари нāңгалагохачи.

Гучи эйду улэи най пакси Онiңкā халаңгōwани муэринй бичй. Эй пакси гэрбуни Кичукту. Кичукту Онiңкā халани хазонгōани туй баргiми дэрүхэни: гiдаwа, лэкэwэ, хōгдоwа, сугбэwэ, зогбоwа, чакпāсалба, гучи гой-гой хазонсалба.

Туй Саман будыдуjи уңкини бичй: мй хāзомбаjаwа, уңчухумбэjэ, jаңпāмбаjа минзi гэсэ дэрэмйусу. Онiңкасал нōани хэсэлэни хэм дэрэмйхэчи.

Эм модā Кичукту, Сусуэиэзи зiэупи, гiдаwа аңгогоjи зōмбо-хани. Нōани хэм модā хазонсалби агбимбогохани, зүгэjи гэлэгуми мохохани. Тотарā, зōнгохани. Сайнā, мй чаду Сусудуjи оңбохамби биээрэ. Таwаңки нōани, утуңгидуй тэгүрэ, гōаонзiи гōами энүхэни. Сусу тōилани iсiгохани. Хāкорā, эмэймэ гōаомби зāпарā, тунэпучими тōкохани. Тōкойдоjи нōани дōлзiхани саман уңчухундулэни, jаңпāндогани jасгiwани. Кōнчи самā jайwани дōлзiхани. Элкэ тōкорā, уйкэ дāдоани iлiсiхани. Таду-гани Кōнчи саман-танй нōанчиани нāпадоjи гiдако хукчүхэни. Кичукту эчиз тэргэндэни, нэлэм-дэ абани. Самā гiдалйчиjиwани нōани гōаонзiи пāчi-

ларā, зōкчи тутуми йгүхэни. Зүгэjи зāпагорā, пāwала лукту пāгзiалагохани.

Нōани, зōкчиjи зiэумй, энулүхэни. Таwаңки нāнгā бипз буйкини.

Чū маңгазi Онiңкā халани улэсихэни бичин Кичуктуwэ. Онiңкаңсал тэлүңгуду, заринду зāри, хiсāнгой тайчи мэнэ акполо мо-зāнгоwāри.

Эм модā Онiңкā халани Маңбоа пулсимэри мапа поктоwани чāлiхачи. Тотарā, туй мапawа wāхачи.

Туй мапawа боңгуду Тумэли халаңголани бий най бāхани бичй. Нōачи туй хасасимэри эчиз хāппāнчачи. Онiңкасал, чаwа дāчiрā, Тумэли зүлиэлэни wāхачи. Wāчiачи, пуjучиэчиз Тумэли iсiхани. Нōачи эйду хэсэwэ талохачи. Тумэли мапawа гэлэгүхэчи, калтāwани, зiлiwани зāпагōйчачачи.

Нāныи гiаңдоани туй бини: уj мапawа wāхан осини, зiли туй нийгiи оды. Онiңкā халани зiлiwa эчиз бүтүэни.

Тотарā, уңкичи: „Аjа, сүэ мэнэ сагзiлбāри зiwэндусу, сугзi-гуэри, нōхорāнгоари, гэсэ энулэгүэри сагзiлзiари”.

Эйwэ эчиз чiхалāчи Тумэли халаңгони. Нōачи бодохачи-Тумэли халани чū гэбуку хала эй Маңбо долани, бājа, хамача-дā хэм хазони бй. Туй мэпэри мактаjчи.

Эм модā чiми эрдэ Тумэли халаңгочи Онiңкā халачини хукчүхэчи. Нōачи хазончи-кā гэ улэ, бājа бичй. Сэлэзй манā тэтүэ-ку, āлōнчи-дā сэлэ бичй. Онiңкā халани паксiнгоwари аңгохани лэкэзiэри, гiдāзiари, хōгдозiари, сугбэзiэри мэнэ бiwwэри боаwāри кāнзондамāри iлiхачи бичй. Мапа зiлiзiани аңгōхā тэтүэwэ тэтүгүхэчи. Тази туй сорихачи.

Тумэли халани туй инэкты бичй, Маңбоа зуси даомāри: „Болōк-тома насалбāра ээи болзiиласу! Туңдэчи ээи түрэсу!”

Онiңкā халани мэнэ āнāзiари (намукā огдани гэрбуни – āнā) тайси чисахачи. Лэкэ дэгдэлүхэ, сiасй иңтурилүхэ. Онiңкасал му-рупсиңкичи: „Аjа, чū хатанзiи бачилиори нōанчи āнawачи. Нōачи тэтүэчи-сэлэ, буэңги нанта. Нанта бумбиэwэ нāчи халбогодара. Сэлэмэ тэтүэчи муэчи сэм йдэрэл. Гэ, аjа, барiанā, масiлаосу огдаwачи кум энэwэңгүэри. Зāпанāлиосу бэjэзiэри”.

Туй бāчiалихачи бичй Онiңкасал мэнэ байгōанзiари. Сэлэмэ тэтүэку Тумэлисел муэчи йхэчи. Поани чочалохā, эгэинй туңдэчи түхэни, болōктома насалбāри болзiолихачи. Туй нōачи аңмаwачи, нōачи хэсэзiэи-тул пачилагохачи.

Таwаңки-мāt Онiңкā халани Тумэлизи чū улэ очичи. Эмуту ага-нэку-мэт. Нōачи зуси-таоси зiдāзiари ториди, гiаматали касā-тын бичичи. Эси чū улэ, нōачи очичи. Туй балзiхачи тэлүңгуду Онiңкā халани Маңбо долани.

№ 40. Откуда размножился род Онинка

В прежнее время старые люди, старики, такое предание рассказывали о том, откуда размножился род Онинка. В предании про Онинков люди так говорили: от лося они размножились. У одной большой лосихи три мальчика Онинков вымя сосали и выросли. Поэтому про Онинков, узнав это от стариков, говорили: от лося они размножились. Их род Намука (удегейцы). Из Намуканов вышли. Жили на реке Самарге. Из Кэкэчэна распространились они по разным местам.

Однажды старший брат сказал: „Ну, младшие братья, слушайте слова старшего брата. Хотя мы здесь и жили, а какой толк! Пойдемте посмотреть для себя землю, места и невест“.

С этого места, со своей родины, они втроем поплыли вниз по реке. Плывя, на своем пути встретили одну девушку. На этой девушке женился средний брат и стал там жить. Так жили, жена среднего брата родила ребенка — девочку. Эта девочка росла, росла и стала большая. Когда ей стало двенадцать лет, братья стали думать, что надо на эту девочку надеть ори. Надели ори. Ори туго нашел на шею девочки. Потом они не смогли его снять. Старший брат сказал младшему: „Пускай, можно и не снимать. Поедем в город Ичэ,¹ там и снимем. Там еще лучше этого наденем“.

Те братья стали ссориться друг с другом, не находят, чья вина в этом деле. Средний брат перерезал шею своему ребенку. После этого сняли свое ори. Так из-за ори убили свою девочку-племянницу. С этого места они ушли, перевалили через хребет на реку Хунгари. Едут и спорят между собой. Младший брат говорит: „Поедем на Хор“.

То, что говорит их младший брат, старшие не слушают. Уйдя со старого места, младший там, на Хоре, остался. Старший и средний братья поплыли дальше вниз по реке. Так плывя, они вошли в устье Хунгари, дошли до реки Удур. В этом месте старшие братья к высохшему без коры тальнику прут — указатель направления привязали. А та метка от ударов текущей воды немного вниз наклонилась.

Младший брат, когда потом догонял своих старших братьев, доехал до этой метки. Стал смотреть на метку с удивлением. „Ну, наверное, старшие братья вниз по реке поплыли“.

От этого места он поплыл вниз по Амуру. Оттого-то и появился вниз по Амуру род Онинка, и еще здесь, у нас. Старшие братья его сюда пришли. К Эморону, к Дулэле доехали, чтобы там поселиться.

Когда они спускались вниз, вместе с ними был самый большой шаман Онинков, по имени Кончи. Этот шаман Кончи заболел. Потом, когда он умер, Онинки на столе, что среди дома, сделали сруб, там оставили своего шамана и бросили стрйбище.

Еще был в роде Онинков хороший человек, мастер на все руки. Он всех превосходил своим мастерством. Имя этого мастера было Кичукту. Кичукту стал делать для рода Онинков всякого рода вещи: двусторонние копы с двусторонними лезвиями, стрелы, односторонние копы с лезвием с одной стороны наконечника в виде ножа, остроги для ловли рыбы, остроги со съёмным наконечником, остроги с глухим наконечником и разные другие вещи.

Тот шаман, когда умирал, говорил: „Мои вещи, мой бубен, мой пояс с подвесками оставьте со мной“. Онинки все оставили, как он им говорил.

Однажды Кичукту, возвратившись из Сусу (Покинутого Стойбища), решил сделать копьё. Он достал весь свой столярный инструмент. Когда достал, не мог найти кузнечных клещей. Потом вспомнил: наверное, я там, в Сусу, забыл. Тогда он сел в свою оморочку и шестиками начал упираться. Подъехал к берегу Сусу, где пристал. Взял один шест и, опираясь на него, поднялся на берег. Когда поднимался, услышал шум от шаманского бубна и пояса, услышал шаманское пение шамана Кончи. Потихоньку поднявшись, встал в дверях. А шаман Кончи тут же бросился на него с копьем в руках. Кичукту не растерялся, не испугался. Шамана, пытавшегося его ударить копьем, он ударил своим шестом, забежал в свой дом, взял свои клещи и убежал через окошко, разорвав его.

Возвратившись домой, он заболел. После чего через некоторое время умер.

Род Онинков очень любил Кичукту. Онинки в преданиях и песнях говорят и поют о своём старейшем столяре и мастере.

Однажды люди из рода Онинков, ходя по Амуру, пересекли след медведя.² Медведя убили.

Этого медведя сначала выследили представители рода Тумали. Она гнались за ним, но не догнали. Онинки догнали медведя раньше, чем Тумали, и убили его. К тому времени, как убили и стали свежевать, пришли Тумали. Тут они начали говорить, что Онинки им должны отдать половину туши и медвежью голову.

Нанайский закон таков: кто убьёт медведя, тому человеку и отдается его голова. Поэтому род Онинков не отдал головы.

Онинки сказали: „Ладно, приводите своих стариков, чтобы вместе принести жертвы, поклониться богам и повеселиться вместе с ними“.

Люди из рода Тумали на это не согласились. Они считали, что род Тумали самый на Амуре почитаемый и богатый. Имеет всякое снаряжение. Так они хвалились.

Однажды рано утром люди рода Тумали напали на род Онинков. Их (боевое) снаряжение было очень хорошее и богатое. Все сплошь в железных одеждах, и шапки у них тоже были железные. Род Онинков со стрелами, сделанными их мастером, с двусторонними и односторонними копиями и дротиками поднялся защищать свои родные места и свою жизнь. Надели одежду, сделанную из головы медведя. С этим оружием и сражались.

Люди рода Тумали так над ними смеялись, переваливая на эту сторону Амура: „Свои травянистые глаза не вытаращивайте, в тальник не падайте!“

Род Онинков на своих лодках поплыли навстречу им на противоположную сторону Амура. Полетели стрелы, загремели выстрелы. Онинки подумали: „Ну, нужно крепко встретить их лодки. Одежда Тумали – железо, наша шкура. Шкура нас на землю вытянет, железная одежда – в воду, как тонет дырявый металл, на дно потянет. Ну, товарищи, поднатужтесь, чтобы перекувырнуть их лодки. Схватывайтесь врукопашную!“

Так встретились Онинки со своими врагами. Тумали в железных одеждах упали в воду. Некоторые убежали, многие люди упали в тальники, травянистые глаза свои вытаращили, с перепугу они у них чуть не выскочили совсем. Получилось наоборот, не так, как говорили Тумали.

После этого роды Онинка и Тумали очень подружились, стали все равно как братья. Они взаимно платили друг другу калым, справляли свадьбы, касу. Так жил, по преданиям, род Онинка на Амуре.

1 Другое название: Сан Синь (в КНР).

2 Т.е. отыскивали след и двинулись по нему, этим как бы отрезав один его конец от другого.

№ 41. Сэгээ муйки

Балана балзидуйи эмү ний ботора, вайчами хайва-да варабини. Тьи най н'анга баки бизэра.

Эм мода ини зисидби хэм энухэни хамилани аохани. Аоридуй толкичихани. „Сй ини хайва гэлэми аориси?“ Тьи най толкичим уикини: „Мй хайва-да варашиби. Сй эси торо. Энэми сэпэ покто-вани ичээчи-мэ. Тьи сэпэвэ вапи, хэмдэдүни бй жакава ээи налара“.

Тотара, тьи най сэнэгүхэни. Ичинни – сиун токонду бичини. „Мй-кэ энүри!“

Энэхэни, кэту горочи энэм-дэ абани. Сэпэ поктоани ичэхэни. Эм мо дачандолани ихэничаду адоликамба тулэхэни. Вайчами, вавани сэпэвэ. Хэмдэдүни эмуту пиктэку-мэт бй. Тй сэпэ хэмдэ-ни пуктэхэни, чаду сэгээ муйкивэ бахани. Аонгачи-и эвугурэ, бо-сойи хукурэ, үжкэндуйи нэхэни. Уйчи-дэ эчиэ гусэрэни. Тотати-мат тул-тул хайду дэвгүрэвэ чиха осини, хайду сэпэвэ вэри. Айчани таондоани сэпэвэ эгэиэ вэри. Туй-там'е най мэдэсини: „Сй эй зулиэлэни сэпэвэ эгэчи-мэт эчиэ вараби бизэси-кэ. Эси хайми туй эгэиэ вэриэ айчани таондоани?“ Н'бани аракиа ом'ира, найчи гусэрэхэни.

№ 41. Красная змея

Давно жил один человек. Отправится на охоту, охотится, но ничего не убивает. Тот человек, видимо, немножко ленивый был.

Однажды днем, после того как все товарищи ушли на охоту, он спал. Когда спал, увидел сон. „Ты чего хочешь, если спишь днем?“ Тот человек во сне отвечает: „Я ничего не убиваю“. – „Сейчас ты иди в тайгу. Будешь идти и увидишь след соболя. Убьешь того соболя, а то, что находится у него в животе, не бросай“.

Потом тот человек проснулся. Смотрит: солнце в зените. „Пойду-ка я!“

Пошел. Не очень далеко шел. Увидел след соболя. Соболя влез под корни одного дерева. Поставил (тот человек) на соболя сетку. Убил соболя. В животе у него как будто детеныш находится. Распорол (человек) у того соболя живот и нашел там красную змею. Принес ее в зимовье, завернул ее в матерку и положил в свою коробку. Никому ничего не рассказал. Только после этого, если где-нибудь поставит самострел, соболя убьет. Каждый год убивал много соболей. Поэтому люди стали спрашивать: „До сих пор ты соболей не убивал. Почему же теперь так много убиваешь каждый год?“ Он, выпив вина, рассказал им.

№ 42. Хони буэ нань найни мапа сиулиэмбэни бэрини

Тэлуугуду-дэ, туй биду-дэ хэм эмуту мапа сүвэни ба-гилйи ои-ка бэлэи. Хали-да сй барасиси мапавэ хэмдэдүни пик-тэкуйи. Пиктэкуйи вавэ осини, гэ, сй мапа сиулиэмбэни бахаси. Мапа хали-да найва пиктэкуйи мэпи вавандаси. Хони нүчи-дэ мэнэ пиктэ-и м'росими нэзугуй. Тотати-мат хадонз'азийи найчи хукчугуй. Мапа сиулиэмбэни бахэ осини, сй жапарэ, холгичира, мэндуйи нэучээчи. Бонгоду сэвэлкичеми сүгэиури. Таваңки уйчи-дэ гисурэвэси, мэнэ-рэгдэ саичаори. Най сахэ осини, сиулиэ хэм хангиси ман'а энуй. Мапа сиулиэмбэни бахэ гурусэлчи хали-да мапа хукчугуэси. Эмучэкэн-дэ мапавэ вэри. Хони масиэи ажа-к-талахан-да, сиулиэкуныи мапачи даи зилганэи ачапчи морагой осини, мапа хамаси хэмэ кэчэригуй.

Хони мапа сиулиэнчэни сүгэиури поктова ил'гой, мапавэ бан-дагорй, гэлэндэгуй? Сэңкурэвэ жапарэ, поңкичими сүгэиури туй: „Гэ, эси буэ хайва-да вавари-да абалу. Эм мапакамба-да хай-ва-да гэлэмэчиндэм-дэ ажа. Сүгэиэмби синчи, покто-ва ил'гоа-си. Ажа, эугупи, гучи синчи сүгэигуэиэмби“.

Туй сугэйпи, зйа чиман'а іліпи, хон' тахаң-дә хай'wa-дә ичэури. Мапава-дә тэң таду-тул бач'ори, wāори. Туй буэ сагэйлэйари эй сиулиэмбэ тэзэмэри бичэпу.

П е р е в о д

№ 42. Как наши нанайские люди находят медвежий талисман

И в преданиях, и в действительности все равно мало есть таких людей, которые должны найти медвежий талисман. Никогда ты не найдешь медведиц с медвежонком в животе. Если же убьешь с медвежонком в животе – ну, нашел медвежий талисман. Медведица никогда не даст убить себя человеку, если она с медвежонком. Какой бы ни был маленький зародыш, она, тужась, выбрасывает его из себя. Потом уж бросается на человека из берлоги. Если найдешь медвежий талисман, ты возьмешь его, высушишь и будешь хранить у себя. Сначала нужно сделать сэвэна и приносить ему жертвы. При этом нельзя никому рассказывать, только самому можно об этом знать. Если кто-нибудь узнает, талисман совсем уходит прочь от владельца. На людей, нашедших медвежий талисман, медведь никогда не нападает. И в одиночку он (человек) может убить медведя. Как бы сильно медведь ни рассердился, если человек с талисманом закричит на медведя громким голосом, медведь молча поворачивает обратно.

Как нужно приносить жертву медвежьему талисману, чтобы, став на след, найти медведя? Нужно набрать багульника, зажечь его, чтобы был дым, и надо говорить так: „Ну, сейчас мы ничего не убили. Нужно идти искать одного медвежонка или какого-нибудь зверя. Жертву приносим, чтобы ты наставил нас на путь. С удачей спустившись домой, опять принесем тебе жертву“.

Принеся жертву, вставали на следующий день и шли на охоту; как бы там ни было, а увидишь какого-нибудь зверя. Если медведя, то сразу найдешь, и убьешь. Веря в этот талисман, так мы со своими стариками и жили.

ГИСУРЭ (УСТНЫЕ РАССКАЗЫ)

№ 43. Онцк'а Хэлэ

Мй, Онцк'а Хэлэ, балэйхамби Найхиндо. Эси мй надыңго закло сэwэ б'ахамби. Мй зодн тойнга сэдуйи най'wa дах'ачими боатоачими пулсилухэмби. Аминэйи-к'а эчиэ пулсэйи, с'ами-д'а улэни-дэ с'арасимби. Н'одани мй тойнга сэдуйэwэ буйкини. Таваңки мй эн'эзи гэсэ эрулэми урэхэмби. Зоднада сэдуй-мэт эмүчэ-кэ токи'wa ир'чими пулсилухэмби, найсалэйи гэсэ боатоачими. Гэ, мй мэнэ урэхэндули, балэйхандули с'ами бичимби гисурэмби.

Эм мод'а энэхэпу боатондам'ари, сэпэwэ гэлэдэмэри. Јмандола энэмэри, боатоач'ори боа гэрбуни – Акаличи пулсихэпу. Та'а'а'эйи то'wорини-к'а з'идэ бичини. Эwэңки Буричиз токи'wa ир'чими энэури. Таваңки Буричизэйи чуг'уни поктолани чуг'унизи Јманчиа энэури. Туй эринду мй индэйи з'уэр бичй. М'ор'амэйи индэ гэрбуни – Солика. Ноани з'идани Куриэ. Буэ хэмтунй хопампу наданй бичини. Сагэймэйипу Гэйкэр Чока бичини. Чока сагэйи, улэни, үйдуй-дэ мэр-гэ бичини. Буэ туй т'уэwэ Акаличи іс'ихапу. Туй ай'а'а'а'а сэпэсэл кэту-дэ элгин-дэ эчиэ бирэ. Тотам-д'а бай н'а'а'а, н'а'а'а-к'а wакапу. Таваңки тэң буэ тэхэпу боа гэрбуни Наутухе. Гучи сэпэwэ w'аучахапу боа гэрбуни Паочиго. Эйсэл хэм онисал гэрбучи. Буэ наданй гэрбусэлпу бичини: Мй – Хэлэ, Чака, Сапачи, Билды Ингуэ-ну, О'ал Гаода, Онцк'а Чусэмбу, Диктунэ. Туй ай'а'а'а'а сэпэни кэту-дэ элгин-дэ бичй. Туй а'а'а'а'а с'иматани-дэ ма'а'а, эгэй бичини. Буэ наданй хэмтунй w'ахапу тэң надыңго закло сэпэwэ. Буэ балана пулсидупуwэ хайдуд'а хэм эгэй бэйунсэл бичини. Буэ эгэйwэ-кэ эчиэ w'арапу, бай ху'гэсэгүэри-рэгдэ w'ари бичэпу. Эм мод'а буэ хамаси з'изумэри, поктоду эм ма'а'а'а w'ахапу. Буэ поктодо'wа эй уликсэ хэм іс'ихани бичй. Эй зод'а'а з'одсом'ари з'огдоари бичэпу, да'а іс'iwани халач'имари. Эй болони'wa Ма'убоду да'а'а хэзи бичини.

Буэ мэндүэри н'а'а'а з'оңкамб'ари с'а'а'а'а'а холгичихапу бичй. Таваңки з'оңкандо'и баргичигора, гучи да'и они'wa солопсиңкипу. Туй солонм'ари солокапу да'и јамба. Солонм'ари энэхэпу да'и они'з'идэйи хуэлиури намоэйачи холл'ори Кэпиндулэ. Чаду-к'а эгэй сэпэ бичини. Буэ чаду пулсимэри хамач'а'а-д'а хэм ичэкэпу. Най балана буэ нучидупуwэ тэлунгүхэни Нэwэ умбури хурэмбэ-дэ ичэкэйи.

Гэ, эй-кэ гэ хурэ! Тыи гогдалани, тыи гуңкулини, поронни эмуту багба ээжэни-мэт ээжэсэлку. Балана най туй тэлунгуй бичй буэ саг-эйилпу: Эй Нэвэ хурэндүэни ода, инда гойдами wāчй осини, инда чаду-тул буды. Мй-дэ пэргэми тыи хурэ пэгиэлэни ода, элкэ хисаң-гохамби. Чаду-танй оралдыни эмуту арда эаракони-мат. Найсал, сагэйилпу, эй боава туй унды бичй: Нэвэңку, эндурку, ээңку. Буэ сагэйилэри пулсимэри тул-тул микорачй, кэсиз гэлй бичэпу мэнэ поктогари. Эйду кэсиwэ гэлэпи-мэт хайwa-да хэм нанга эатори, Кэсиз гэлэпи, сагэйилпу толкичй бичй хони-да пулсигилэи. Мй-дэ тыи эринду пулсими, тул-тул мэндуи сутэйчй, кэсиз гэлй бичэи. Кэсиз гэлэпи, мй толкимба бари бичэи хайwa-да эй ай-нанawa wагилэи. Таwаңки буэ эокчиари эутухэпу. Эй айнанawa-ка эгэи сэпэwэ wакапу. Зокчи эутухэпу элгинэи. Балана буэ нанй сагэйилэри туй балэйихапу: сэпэwэ wарй, сэкчигурэ, улэн-эй аори, тэри такапу. Чор эйзуй осини, эмуту чиндэ-мэт пулсиури бичй най таомбани.

Перевод

№ 43. Онинка Хэлэ

Я, Онинка Хэлэ, родился в Найхине. Сейчас мне 78 лет. Родился я на найхинской земле. Когда мне было 15 лет, я начал ходить на охоту, следуя за людьми. С отцом я не ходил и знать его, как следует, не знал. Он умер, когда мне было 5 лет. После этого я, бедствуя, с матерью рос. Семнадцати лет я в одиночку стал таскать нарту, охотясь вместе с людьми. Ну, как росли, как родились, зная это, я буду рассказывать о своей жизни.

Однажды мы пошли на охоту искать соболя. Шли до Имана до местности по названию Акали. Оттуда было близко подниматься на хребты. Оттуда было нужно идти, таша нарту до Хабаровска. От Хабаровска по железной дороге на поезде нужно было ехать до Имана. В то время у меня было две собаки. Передовая собака по имени Соликан (Лисичка). Еще ее товарищ Куртэ (Серая). Наша группа состояла всего из семи человек. Старшим у нас был Гейкер Чоко. Чоко старей, хороший человек был, больше, чем кто-либо, был мергеном. Мы в ту зиму приехали в Акали. В ту зиму соболя было не очень много. Поэтому мы немного убили. Оттуда мы пошли охотиться к местности по названию Наутэхэ. Еще мы охотились в местности Паочиго. Это все названия рек. Имена наших семи человек: я – Хэлэ, Чака, Сапачи, Билды Ингуэну, Одзел Гаода, Онинка Чисумбу, Диктунэ. В тот год соболя не очень много было. Год был очень снежный, много было снега. Мы семеро все вместе убили только 78 соболей. Когда мы раньше ходили, всяких зверей было много. Мы много не убивали, а только для питания себе. Однажды мы возвращались обратно домой и по дороге убили одного медведя. На нашу дорогу полностью хватило. Одно лето дома жили,

дожидаясь, когда придет кета. В эту осень на Амуре кеты было мало. Мы себе и немного своим семьям засушили кеты для питания. Потом, заготовив кету своим семьям, стали подниматься по Анюю. Так поднимаясь, дошли до самой широкой протоки на горной реке. Поднимаясь вверх, пошли на реку Копи, на которую можно выйти, перевалив хребты с Анюя, а можно и обойти с моря. Там было много соболя. Мы, ходя в этих местах, многое видели. Там-то было много соболя. Ходя там, все видели: гору, которую раньше, когда мы были маленькие, люди в преданиях называли Нэвэн. Ну, это и гора! И высокая, и красивая, и вершина ее в острьях, как остря пешни. Раньше люди так говорили: если собака долго лает, очутившись на этой горе Нэвэн, то собака тут же околеет. Я для пробы, став под этой горой, потихоньку сказал. Сразу же раздался звук, все равно как луговое эхо.

Люди, наши старики, про это место так говорили: оно с нэвэнами, с богом, с хозяевами места. Мы, ходя по тайге со своими стариками, постоянно кланялись, просили себе доброго пути. Здесь, попросив у духов счастья, что-нибудь, хоть немного, да убьешь. Помолвившись, наши старики видели во сне, как нужно идти. И я в то время, ходя по тайге, постоянно жертвы приносил и просил для себя счастья. Попросив счастья, я видел во сне, что именно в этом году я должен убить. Оттуда мы домой спустились. В этом-то году мы много соболя убили. Домой пришли богатыми.

Раньше мы, нанайцы, со своими стариками так жили: когда соболей убьем, сыто жили (букв.: дышали), хорошо спали и сидели. Если же вернемся с пустыми руками, все равно как птичка (синяя, с черной головкой), ходили по людям.

№ 44. Нанй ходасимэини

Балана нанй ихони Бурикэнду (Эси Бури хотонду) бичини. Онйкэ Wэлиңэ. Wэлиңэ сагэи, тул-тул энусй бичй. Wэлиңэ асйни Сизэкэ мама бичини. Сизэкэ мама ээйи энусйwэни этхими бичини. Ноачи пиктэчи эуэр бичин. Даизама пиктэчи Сурги, нэу-зимэ Пүгэ. Туй бимэрё, балэйимарё, Сургизэй, Пүгэи даи урэхэчи. Эм мода Сиксэ Пүгэ амйни Wэлиңэ энусйи мангаи дэрүгүрэ, буйкини. Таwаңки Сизэкэ мэнэ пурилэйи гэсэ бимэри дэрүхэчи. Туй бимэри, балэйимари, Сизэкэ эм мода эм нйканэйи улэнэйи очини. Тыи нйканэйи туй харламы, ээй-аси очичи. Тыи нйкэ гэрбуни Дыфэнтй. Дыфэнтй нйкэ гэрбуни гасанда бичини. Ноани Буризизэи Бикинчиз далачи бичй хайwa-да хэм. Эйду гэсэ бимэри, Пүгэ, Сурги даи урэхэчи. Даи опари, ноачи Дыфэнтй ходарйwани запагохачи. Таwаңки пулсй бичини онйwa хуэлимэри. Пүгэ онйwa уйсй пулсими, эм мода най асйwани чбларэ, Пёрду балэй намукаңду ходасихани.

Таванки зйзүчэни, Пүгэ энимбэни Дыфэнтэ наңгалагойчакхани. Пүгэ энини Сизэкэ эй зүлэлэни эм бобойва бахани бичй. Туй бобой нйэчэргги, нйэчэ барони оды бичй. Сизэкэ мама Дыфэнтэ наңгалагойвани-да, эчиз гасара. Н'оани бобойнговани-да Дыфэнтэ сарй бичй. Сизэкэ мама мэнэ бобойнгов мэндуи запагойчакхани. Дыфэнтэ чава кайрами Сизэкэ мамаша наңгалагойвани турүгүхэни. Таванки гэсэ билүтүмэри дэрүхэчи.

Пүгэ нань ходаримэилани чү аргаңку бичини. Бичхэвэ-дэ улэ отоли бичй. Ламу исколадовани Буриду дочангизи тачоохани.

Эм модэ Пүгэ ходариндагой энэгуй илэ эктэвэ маймандуи тэунихэни. Таванки энэми, тй экэсэлбэ кусунзи и пичоалайчакхани. Тй экэсэл чихаласидовани н'оани сисакози и гдами вахани, хэмту паталамсалба. Таванки энэми Пүгэ эм паталамба тэунихэчи. Тотопи, туй эктэвэ синзүми дабами дэрүхэни. Чаваша-да Пүгэ улэнэи эчиз чиндагора. Таванки хамаси мочгоми зокчи зйзүхэни. Пүгэ туй бичй. Гэрэ вайчай гурундулэ н'эпултэвэ запара, манзо хотончиани энэ бичй. Чаду туй н'эпултэзи хайва-да хэм зүэчикты бичй. Тажази зйзүпи, калтавани мэндуи запагой, калтавани найсалду обоголой. Туй аргаси бичхэвэ отолиаси нань гурумбэ. Пүгэ эм модэ зйзүпи, соктора, Сурги агби пиктэвэни вахани. Эй туй бичй. Сиксэ хэм най апсигохани. Пүгэ соктора, соңгоми мэпи мактами тэсихэни. Туй тэсидуэни, наонзока сэнэрэ, соңголохани. Н'оани чаду морапсинкини: „Хай соңгойси? Бай азэпсингани. Мй-дэ пиктэ-дэ анайи“. Туй пакпарими наонзокаңчи хукчухэни. Наонзока нэлэми бази масизи соңголохани. Н'оани наонзока эмуэвэни запамй, паланчи наңгалахани. Эмуэ паланчи туйдууи, наонзокамба зигдагохани. Туй вахани Пүгэ агби пиктэвэни.

Зйа чиманаша Пүгэвэ гэрэни запахани. Эси-тэни Пүгэвэ гэрэ сагэлсал зойамари дэрүхэчи. Буэ балана нань найни найва туй зойай бичй. Эгэини камур осгора, тэкпиэли хони-да таориша байтаку найва. Эй тэкпиэлиэнду. Пүгэвэ ваорэи зойагохачи, Сурги Пүгэвэ мэнэ нэлази-и-гул вагоани. Амоа дочиани йвурэ, чаду Сурги мэнэ нэвуи вахани. Амоа хаоси-да ачэси, мэнэ оркисини мэнэ мэндуи эмучэкэ бини. Пүгэвэ-дэ тойкамари амоанду. Вахачи, уйчи-дэ ачиси огодни.

Туй буйкини ходарй Пүгэ.

Перевод

№ 44. Нанайские торговцы

Давно в нанайском селении Бурикэн¹ жил Онинка Вэлине. Вэлине был старый и все время болел. Была у Вэлине жена, старуха Сидекэ. Старуха Сидекэ ухаживала за больным мужем. Было у них двое детей: старший сын Сурги, младший Пүгэ.

Так жили, жили, Сурги и Пүгэ выросли большими. Однажды Вэлине, отец Пүгэ, заболел еще сильнее и от болезни умер. После этого Сидекэ стала жить одна со своими детьми. Так жили, жили...

Сидекэ однажды подружилась с одним китайцем. С тем китайцем шумно погуляли, чтобы знали все люди, и стали мужем и женой. Имя того китайца Дыфэнтэ. У Дыфэнтэ был китайский чин гасанда.² Он управлял всем (народом, землями) от Хабаровска до Бикина. Так, вместе живя, Пүгэ и Сурги выросли большими. Став взрослыми они у Дыфэнтэ взяли в свои руки торговлю. Стали ездить, переваливая с речки на речку. Пүгэ однажды ехал вверх по реке, украл чужую жену и продал ее удэхейцам, живущим на Хору.

Когда Пүгэ с Хора вернулся, Дыфэнтэ хотел бросить его мать. Мать Пүгэ Сидекэ раньше этого нашла волшебную вещь. Эта волшебная вещь было что-то птичье, имела происхождение от птицы. Старуха Сидекэ, хоть Дыфэнтэ и собирался ее бросить, не печалилась. Дыфэнтэ знал про ее волшебную вещь. Дыфэнтэ, жалея эту вещь, отложил свой уход от старухи Сидекэ. Стали опять жить вместе.

Пүгэ из нанайских торговцев был самым большим обманщиком. Грамоту хорошо понимал. В церковной школе в Хабаровске по-русски выучился.

Однажды Пүгэ поехал торговать и посадил на свой баркас трех женщин. Ехал обратно оттуда и хотел изнасиловать этих женщин. Когда те женщины не согласились, он заколол их своим шилом для просверливания палок, убил их всех. Плывая дальше, Пүгэ посадил одну девушку. Потом с той девушкой стал чересчур баловаться. И ее Пүгэ добром не отпустил. Возвратился домой.

Пүгэ так поступал: взяв пушнину у всех охотников, ехал в маньчжурский город. Там на эту пушнину выменивал все, что ему надо. Возвратившись оттуда, половину всего брал себе, половину делил между людьми. Так обманывал неграмотных нанайцев.

Однажды, вернувшись из поездки, Пүгэ напился пьяным и убил ребенка своего старшего брата Сурги. Это было так. Вечером все люди легли спать. Пүгэ сидел пьяный, плача и хвастаясь. Когда он так сидел, мальчик проснулся и заплакал. Пүгэ закричал: „Чего плачешь? Просто это надоело! У меня детей нет“. Так ругаясь, бросился к мальчику. Мальчик от страха заплакал еще сильнее. Он (Пүгэ) взял люльку мальчика и бросил на пол. Люлька, падая на пол, задавила мальчика. Так Пүгэ убил ребенка своего старшего брата.

На следующий день люди схватили Пүгэ. Тут все старики стали судить Пүгэ. Раньше мы, нанайцы, так судили людей. Собирались вместе много народу и обсуждали, что сделать с преступником. На этом обсуждении решили убить Пүгэ. Чтобы Сурги своими же руками убил Пүгэ. Заведя в озерко, Сурги убил своего младшего брата. Озерко никуда не течет. Если озерко само плохое, само для себя одиноко живет. И Пүгэ потому на озерке убили, чтобы никому повадно не было.

Так умер торговец Пүгэ.

¹ Впоследствии – „Город Бури“, как нанайцы называют г. Хабаровск.

² Это означает: староста селения.

СЛОВАРЬ

Ая ми – самый значительный дух-помощник, дух – покровитель шамана, олицетворяемый в виде антропоморфной фигурки; аями мог принадлежать и простым людям (не шаманам), причем служил их духом-охранителем, заботившимся об их здоровье и благополучии.

Бортанчи – более злобный враг рода, нежели боигоон; месть по отношению к бортанчи передается из поколения в поколение.

Бун и – загробный мир, в котором „живут“ души умерших.

Бурхан – идол из дерева, железа или других материалов; согласно религиозным представлениям нанайцев был вместилищем более или менее могущественного духа, благодаря чему обладал сверхъестественными способностями.

Бучуэ – деревянный идол с ногами, крупнее, чем идол сэвэн (см.), длиной в полметра; у него остроконечная голова, руки лишь намечены; служил „посыльным и помощником“ у шаманов, мергенов и пуди.

Вешала – устройство из жердей или металлических трубок на открытом воздухе, где развешивают рыбу, чтобы провяливать или сушить.

Дадапу – слуга, обслуживающий мужчин и женщин, возит воду, рубит и носит дрова, работает на улице, является главой остальных слуг.

Дюлен – самый крепкий из идолов, высекался из камня, иногда изготовлялся из дерева; имел угловатую кубовидную форму, голову квадратную или пятиугольную.

Ибахан арин – дух антропоморфного вида, высокий, ходил по горам, крал, убивал и ел людей.

Иргэ чооха – селение военного отряда, а также воины, возглавляемые одним начальником.

Ичэ – название города Сансина, он же Илан Хала (букв. Три Рода) на р. Сунгари в КНР.

Кан (нахан) – нары, располагавшиеся по стенам старого нанайского жилища; на кане спали, занимались разными домашними делами, хранили личные вещи; под канами проходили трубы отопления.

Карамадин – самая красивая, любимая дочь, рукодельница, за которую жених должен был платить дорогой калым.

Каса – большие поминки, устраивавшиеся при „отправлении“ души умершего в загробный мир с помощью шамана: сложная мистерия сопровождалась пением, игровыми действиями, угощением участников; в публикуемых текстах мерген приходит в селенье в то время, когда там устраивают каса (см.).

Магл'ако – шаманская вышка, с которой на поминках каса шаман пускал вверх стрелу, затем спускался со второй стрелой; в это время его должны задержать палкой; это называется: сама магдани.

Кэрэн – склеп в виде большого дома с полной обстановкой, наполовину врыт в землю; по стенам настилы в виде полок, на которые ставятся гробы с покойниками; прежде такой склеп строили один на все селенье или на семью.

Мало – место в доме, расположенное против двери; почетное место.

Мохан – богатырь, силач; как правило, противник нанайского мергена.

Мугдэ – деревянная фигурка в виде человека, которую изготовляли во время обряда каса (см.); согласно религиозным представлениям нанайцев, душа усопшего во время обряда каса из фигурки паню (см.) „переходит“ в мугдэ; после завершения каса ее уничтожают.

Оморочка – берестяная лодка (у нанайцев).

Ори – металлические круги из сплава серебра, диаметром около 15 см; пришивались к разукрашенной орнаментом и лентами материи, в центре который вырез для шеи; один ори при этом спускался на грудь, другой на спину; ткань с ори составляла часть костюма невесты, его надевали в день свадьбы; помасть ори запрещалось, считалось грехом, поскольку это старинная вещь; ори также значит: калым, выкуп за невесту; из текста № 40 можно заключить, что в старину это было ожерелье в виде большого кольца и его надевали прямо на шею.

Орки – злой дух, подбивающий людей на убийство.

Паню (пан'а) – изображение усопшего, стоявшее в доме до поминок каса (см.); имел вид человекообразной фигурки, в которой „пребывает“ душа умершего; паню помещали на том месте нар, которое занимал покойный, перед ней ставили угощения; во время поминок каса ее уничтожали, так как душа покойного „уходит“ в загробный мир буни (см.).

Сайка – идол, крупнее, чем сэвэн (см.), но меньше идола дюлен (см.); его изготовляли с конскими волосами на голове из дерева или железа; круглой формы сайка мог быть духом – помощником шамана; самый вредный из злых духов, в него „превращаются“, после смерти, сожительствовавшие брат и сестра.

С и у л и э — талисман, эмбрион медведя; человек может получить себе этот талисман в виде мальчика или девочки, которые могут быть также от лисицы, от вороны и других животных, как бы посланные человеку; этот талисман помогает на охоте; спасти от смерти не может: другое его название: су.

С у г б э — острога в виде четырехгранного штыка длиной 15–20 см, на деревянной рукоятке длиной около метра; ею колют рыбу, когда она уже забита другой острогой; сугбэ служила также колющим оружием при военных столкновениях.

С э в э н (сэвэ) — маленький деревянный идол, его вырезали из круглой палки; служил духом-помощником; его могли иметь шаманы, а также простые люди (не шаманы), мужчины и женщины.

С у р у к у — слуга, который обспуживает женщин, может быть мужчиной или женщиной; стирает белье, подает трубку, плеватьницу, убирает дом, подметает пол, выполняет в доме всякую грязную работу.

Т а к с ѝ (фонетический вариант: таксан) — кушанье из вареной измельченной и толченой рыбы, похожее на паштет.

Т а л а — кушанье из сырой свежей рыбы, в виде наструганных кусочков; зимой готовится из замороженной рыбы; иногда его готовят с солью и пряностями.

Т а р е — выкрики человека, помогающего шаману в камлании; шаман бьет в бубен, а помощник при этом кричит.

Т о р о т о р а — шаманское дерево или столб, на котором шаман сидел и в виде птицы и отдыхал; на нем же он „убивал“ души своих жертв.

Т у й г э — шаманский столб, больше, чем торо (см.).

Х а л и к о — баркас, большая многовесельная лодка с тупым носом, для перевозки грузов на большие расстояния; прежде на ней ходили под парусом и на веслах, на каждой паре весел по два гребца, таких пар было несколько.

Х а л и м — сказочная прекрасная волшебная одежда.

Х а н — площадь в городе перед дворцом властителя („хозяина“) селения, на ней происходили различные состязания, собирався народ.

Х а н и — пространство в доме между дверью и углом за очагом; стена, противоположная мало (см.).

Х о р с о — мясо убитого крупного зверя, завернутое в шкуру, которое охотник тащит за собой волоком, возвращаясь с охоты.

Ч а к п а — острога с наглухо прикрепленным наконечником; который меньше, чем у чжогбо (см.), тоже трехзубый; два крайних зуба изготавливаются из одного напильника, его делят на две части; средний зуб, более длинный, изготавливают из второго напильника.

Ч ж о г б о — острога со съёмным наконечником, изготавливается из целого куска железа и укрепляется на древке шнурком.

Ю к о л а — сушеная и вяленая рыба; в прошлом постоянная пища нанайцев; для сушки рыбину пластают на три или пять полос, боковая часть идет на пищу людям, а средняя, состоящая из хребта и головы, на корм собакам.

Э ч ж е х э — охотничий талисман, может иметь различный вид, чаще это металлическая или деревянная фигурка, носимая на шее, ради удачной охоты; в тексте № 30 талисман находился в йкре одной ноги героини.

Ї а о т а н (в найхинском говоре: и-т-о-о-к) — шалаш площадью 25–30 кв.м из полотна, натянутого на изогнутые прутья; его ставят для поминок каса (см.); в нем сидят в течение 3–5 дней; вокруг ставятся торо (см.) в память всех, умерших в этом селенье.

СОДЕРЖАНИЕ

О фольклоре нанайцев (Е.П. Лебедева)	3
Фольклор гаринских нанайцев	24
№ 1. Эм мапа, эм мама балзихачи	24
№ 2. Эм наонзокка эткэмүлэ балзиха	28
№ 3. Эм пүзй балзиха	35
№ 4. Эм пүзй эткэмүлэ балзиха	38
№ 5. Эмү асозокка балзиха	39
№ 6. Эм хото балзиха	41
№ 7. Эм пүзй балзиха	45
№ 8. Эм наонзокка балзихани	50
№ 9. Илэ нэй балзиха	52
№ 10. Нэумулэ балзиха	53
№ 11. Эм сэгэи мапа иланэи пиктэку бичини	56
№ 12. Зуэ мэргэ балзихачи	63
Фольклор найхинских нанайцев	
Нингмэ (Нингманы)	65
№ 13. Гакиэй, муэдүэй	65
№ 14. Хоумо	66
№ 15. Хангоэй, гакиэй балзихачи	70
№ 16. Гакиэй, хангоэй	73
№ 17. Найсо	77
№ 18. Сийгэрэй, хэрэй	82
№ 19. Сийгэрэ, хэрээкэ	85
№ 20. Гаки	88
№ 21. Эм кинчэй, энчүэй балзихачи	89
№ 22. Чолчоміакка	91
№ 23. Зуэр эктэ балзихани	93
№ 24. Зуэ эйкэ, нэу балзиха	96
№ 25. Амбар эктэ	105
№ 26. Зуэ мэргэ балзихани	121
№ 27. Зуэ пүзй балзихани	135
№ 28. Дэхй нэй балзиха	142
№ 29. Гарилдәнэй, Гарбилдәнэй	153
№ 30. Соли	181
№ 31. Эм мэргэ	196
№ 32. Сэwэ уэихэни Сэнуэ мэргэ	198
№ 33. Тури	200

№ 34. Илаэй бэгэику гиу	204
№ 35. Уээй, Акээй балзихачи	209
№ 36. Палим Пало	212
№ 37. Пимэкэнэй, сийгэрэкэнэй	220
Тэлунгу (Предания)	229
№ 38. Гасэнка балзихачи	229
№ 39. Пурэ амбани пиктэни	236
№ 40. Хайла Оннүка халани сэтэхэни	237
№ 41. Сэгээ муйки	242
№ 42. Хони буэ нанй найни мапа сиулиэмбэни бэрини	243
Гисурэ (Устные рассказы)	245
№ 43. Онцка Хэлэ	245
№ 44. Нанй ходасимзини	247
Словарь	250

